

90-летие

Институт социального и производственного менеджмента
Кафедра философии, социологии, психологии
Научно-образовательный региональный центр
мониторинговых исследований

СОЦИАЛЬНЫЙ УРБАНИЗМ: ВРЕМЯ И ПРОСТРАНСТВО ГОРОДСКОЙ ЖИЗНИ

*Сборник научных трудов по итогам
Международной онлайн конференции 25-26 сентября 2020 г.,
посвященной 90-летию СГТУ имени Гагарина Ю.А.
и 85-летию Почетного работника СГТУ В.Н. Ярской-Смирновой
в дистанционном формате с применением
платформ ZOOM, BigBlueButton*

Редактор Л.А. Скворцова

Компьютерная верстка Т.В. Семёновой

9,5 Мб; 15.05.2020

410054, Россия, Саратов, ул. Политехническая, 77

Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.

Тел.: 8 (8452) 99-87-39

izdat@sstu.ru

<http://lib.sstu.ru>

ISBN 978-5-7433-3421-6

© Саратовский государственный
технический университет, 2021

УДК [159.9, 301, 304]

ББК6/8

Социальный урбанизм: время и пространство городской жизни: Сборник научных трудов по итогам Международной научно-практической онлайн конференции, 25-26 сентября 2020 года [Электронный ресурс]. – Саратов: Сарат. гос. техн. ун-т, 2021. – 388 с. – 1 CD-ROM. – Загл. с титул. экрана. – ISBN 978-5-7433-3421-6 – [Текст, изображение: электронные]

Сборник посвящен социологическому анализу проблем современного социально-урбанистического развития. В него вошли научно-исследовательские работы независимых исследователей, преподавателей вузов, бакалавров и магистрантов по актуальным направлениям исследований в русле социологии города, социологии нетипичности, социологии социальной инклюзии, социальной урбанистики. Развитие социальной ответственности архитектуры, достижение социальных эффектов конструирования города, удобного, безопасного, доступного для всех и побуждающего к инклюзии и сплоченности – новые задачи в мировой урбанистической традиции.

Издание рекомендуется специалистам в области социологии, психологии и философии, социальной урбанистики, социальной работы, студентам, обучающимся на социальных и гуманитарных специальностях, и всем, кому интересны социальные проблемы жизни человека в урбанизированном сообществе. Ввиду большого числа авторов для более удобного и быстрого к ним обращения статьи сборника расположены в алфавитном порядке.

Научный редактор
Ярская-Смирнова В.Н.,
Заслуженный деятель науки, профессор

Редакционная коллегия:
Зайцев Д.В., доктор социологических наук, профессор
Божок Н.С., кандидат социологических наук, доцент
Григорьева С.А., магистр социологии, социолог НОРЦМИ

Одобрено
редакционно-издательским советом
Саратовского государственного технического университета
Имени Гагарина Ю.А.

Научное электронное издание комплексного распространения

***Сборник научных трудов подготовлен в рамках научного проекта №18-18-00321-П,
реализуемого при поддержке РНФ***

ПК с процессором Intel Core i3 и более; 512 Мб; Microsoft Windows XP и выше; SVGA 800x600, 16 bit и более; CD/DVD-ROM дисковод; Internet Explorer, Adobe Acrobat Reader 8.0

Номер государственной регистрации

© Саратовский государственный
технический университет, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

Ярская-Смирнова Валентина Николаевна

Введение.

Социология современной России: институциональные вызовы..... 8

Аненкова Гульмира Байболатовна

Проблемы организации инклюзивной городской среды

для маломобильных групп населения 18

Байбулатов Роман Радикович

Современное состояние и перспективы мобильности трудовых ресурсов внутри региона 25

Байнова Мария Сергеевна

Соседские группы в социальных сетях как форма территориальной идентичности 29

Байша Наталья Сергеевна

К вопросу о способах разрешения межпоколенного

«конфликта интерпретаций» цифровизации повседневности 33

Барандова Татьяна Леонидовна, Тарусина Инесса Геннадьевна

«Социальный урбанизм» в «мегаполисной деревне»: акторы доминирования vs. переговоров на субмуниципальном уровне Санкт-Петербурга

и Ленинградской области 35

Бегина Ирина Александровна

Социальное неравенство в восприятии саратовской молодежи 39

Богомолова Татьяна Алексеевна

Институт добровольчества: социальное волонтерство как форма служения 45

Божок Николай Сергеевич

Культурно-историческая реконструкция средневекового города Укек:

кейс исторического парка Саратова 49

Борисова Владислава Романовна

Виртуализация городских общественных пространств как индикатор

изменившейся городской повседневности в условиях пандемии COVID-19..... 55

Боровицкая Юлия Витальевна

Иппотерапия как технология инклюзии детей с ограниченными возможностями

здоровья в активную социальную жизнь 58

Буланов Владислав Михайлович

Малые группы в криминогенных аспектах городского пространства..... 61

Быльева Дарья Сергеевна

Маска в символическом пространстве города в 2020..... 64

Веркеев Арсений Максимович

Различия в восприятии уличной безопасности в России 67

Галиндабаева Вера Валериевна

Изобретая традиции: формы коммеморации Екатерины II в Казани 72

Галкин Константин Александрович

Неравенства, страхи и переформатированность городского пространства

в представлениях пожилых людей в период пандемии COVID-19 75

Горбунова Евгения Павловна, Новикова Алена Романовна Положение о монетизации особо охраняемых природных территорий и его последствия для жителей Саратовской агломерации	79
Грачева Оксана Геннадиевна Социальное настроение жителей города как аспект деятельности власти.....	84
Григорьева Светлана Анатольевна Активное долголетие как образ жизни современного пенсионера в условиях города	88
Гришунов Евгений Леонидович Места памяти в новых городских образованиях: конфликт историчности места и конструируемых образов городской среды (на материале исследования в Коммунарке, Москва)	94
Домрачева Евгения Андреевна Двигательная активность как форма досуга в концепции городского пространства Саратова.....	98
Еременко Юлия Андреевна Всемирное культурное наследие и устойчивое развитие. Опыт Висмара и Штральзунда	103
Желнина Анна Александровна Поля стратегического действия и право на город: к вопросу о методологии исследования городских конфликтов.....	107
Зубкова Марина Олеговна Царскосельский вокзал как зеркало общественно-политической жизни Санкт-Петербурга в конце XIX – начале XX вв.	112
Ивченков Сергей Григорьевич Городское дворовое пространство в зеркале общественного мнения жителей Кировского района города Саратова	117
Ильин Владислав Олегович Визуальная социология киноиндустрии в контексте взаимовлияния с городской средой....	123
Калашикова Ксения Николаевна Познавательные возможности концепции аутентичности для изучения промышленного наследия городов	126
Карбаинов Николай Иванович Стратегии социокультурной адаптации сельских мигрантов в постсоветском Улан-Удэ: дискурсы и практики.....	129
Картузова Мария Владимировна Старший возраст и самозанятость посредством электронных платформ: связь и перспективы	132
Керими Кира Мухамедовна Качество туристских услуг в социальном пространстве города.....	136
Киенко Татьяна Сергеевна Пожилые горожане и их города: солидарность с пространством как фактор гармоничного старения.....	140
Кириллина Надежда Андреевна Дорожно-транспортный травматизм в Москве во время режима самоизоляции.....	143

Кононенко Ростислав Вадимович, Ярская-Смирнова Елена Ростиславовна Инклюзия посредством фольклора: реконструкция или изобретение традиции? (на материалах интервью с городскими ценителями русской культуры)	148
Константинова Елена Юрьевна Проблемы мобильности семей с грудными детьми в городском пространстве Саратовской агломерации.....	152
Константинова Лариса Владимировна Современный университет для города: время новой модели	158
Константинов Сергей Александрович Современные городские российские пространства в динамике	163
Красильников Пётр Андреевич Современные практики патриотического воспитания городской молодежи.....	165
Кук Линда Mitigating the Social and Economic Effects of COVID-19: The Russian Government's Anti-Crisis Program.....	168
Курохтина Софья Руслановна «Медийный город» и процессы детерриторизации.....	175
Лукьянова Алина Викторовна, Домбровски Елена Васильевна, Былинина Алёна Александровна Безопасная городская среда: гендерный аспект	178
Лысикова Наталия Павловна Особенности социокультурного проектирования комфортной среды провинциального города.....	183
Лысикова Ольга Валерьевна Социальный урбанизм: туризм в Саратовской агломерации.....	188
Мирзаева Елена Рудольфовна Социологический обзор современных тенденций в системе образования.....	191
Наберушкина Эльмира Кямаловна Результаты исследования урбанистического благополучия инвалидности	195
Неруш Татьяна Григорьевна, Неруш Антон Александрович, Бирюков Дмитрий Игоревич Тенденции формирования современного социального пространства в контексте инклюзивной культуры.....	199
Никитина Бэла Анатольевна, Корсун Мария Александровна Право на остановку: к вопросу о неформальной коммуникации в городском пространстве	204
Осипова Ольга Сергеевна Культурный ресурс для развития городов: концептуализация опыта сети креативных городов ЮНЕСКО	207
Парфенова Оксана Анатольевна, Хансен Светлана Петровна Пандемия COVID-19 в России глазами старшего поколения	212
Пироцкая Анастасия Владимировна Цифровое неравенство в России по доступу к интернету.....	216

Пискунова Александра Евгеньевна Темнота как часть городского опыта пространства (на примере Новокузнецка)	219
Потапкин Артём Сергеевич Проблема учета комплекса социальных интересов городских акторов при принятии и реализации смежных городских программ реновации и благоустройства Москвы.....	223
Прокин Пётр Андреевич Социальное неравенство, как основная причина отсутствия доступа к досуговым практикам среди допризывной молодежи.....	227
Прохода Владимир Анатольевич Отношение к мигрантам городского населения европейских стран	230
Пуныкина Полина Витальевна Студенты в городских сообществах Саратова: дискурс социального урбанизма.....	234
Раселл Майкл The lived experiences of mobility for wheelchair users in Russian cities	238
Романовская Евгения Васильевна Архитектура классицизма в Саратове.....	241
Родин Евгений Олегович Автомобилизм в городской среде: контекст социального урбанизма.....	246
Руденкин Дмитрий Васильевич Стрит-арт в восприятии городской молодежи: кейс Екатеринбурга	249
Семёнова Юлия Александровна Социальные проблемы города в период пандемии COVID-19	254
Селиванова Юлия Викторовна Специфика адаптационной готовности студентов с инвалидностью в условиях образовательной инклюзии: урбанистический контекст.....	261
Склярова Татьяна Валентиновна Социальное равенство и городская инклюзивная культура.....	268
Смирнова Татьяна Вячеславовна Трансформация функций городской цифровой среды в период пандемии.....	272
Соболева Елена Викторовна Трансформация социального обслуживания горожан старшего возраста в период пандемии (на примере Саратовской области)	280
Сорокина Наталья Викторовна Водители общественного транспорта в контексте города: дискурс печатных СМИ.....	285
Спиридонова Евгения Павловна Городская повседневность: реакция на вызовы современности.....	290
Суслова Ольга Сергеевна, Суслов Иван Владимирович Технократический и антропологический подходы к исследованию цифрового неравенства в контексте городской повседневности.....	295
Сухинина Елена Александровна Роль горожанина в проектировании архитектурно-градостроительной среды.....	300

Суркова Ирина Юрьевна, Зайцев Дмитрий Викторович Добровольчество как актор инклюзивной культуры и ресурс социальных перемен в городской среде.....	304
Тыканова Елена Валерьевна, Тенишева Ксения Алексеевна Социальные условия соседского активизма в новых окраинных жилищных комплексах....	310
Тихонова Наталья Евгеньевна, Слободенюк Екатерина Дмитриевна Доходные неравенства в среде российских профессионалов: основные проявления и причины	315
Тулузакова Марина Валентиновна Проблема сохранения культурного наследия и практики развития внутреннего туризма....	319
Тыканова Елена Валерьевна, Хохлова Анисья Михайловна Траектории развития городских локальных конфликтов в постсоветском городе: стратегическая интеракционная перспектива.....	322
Устимчева Анастасия Алексеевна, Байкова Екатерина Владимировна Среда и форма объекта, контексты взаимовлияния на примере мостов	327
Федотова Ольга Вячеславовна Конструирование социально-культурного ландшафта города: дискурс детство.....	330
Фоменко Наталья Леонидовна Культурная память города: рискогенный аспект.....	338
Чебан Аника Николаевна Применение современных технологий при восстановлении исторических зданий православных храмов.....	343
Чернецкая Анжела Альбертовна Доступность среды в рефлексии городских движений	347
Черняева Татьяна Ивановна Капитал здоровья в конфликтном поле российского здравоохранения	351
Чернобылов Лев Андреевич Создание доступной среды в медицинских организациях.....	356
Чиркова Виктория Сергеевна Урбанистическая культура сквозь призму мужских и женских образов.....	359
Шахматова Надежда Владимировна Саратовское городское пространство через призму общественного мнения горожан.....	362
Щебланова Вероника Вячеславовна, Логинова Лариса Викторовна Экологизация современного гражданского активизма	368
Шадрина Анна Александровна Проблема интеграции иностранных студентов: адаптация к образу и стилю жизни.....	373
Шугайло Ирина Васильевна Опыт путешествия в постсоветском пространстве: от глобального к локальному.....	377
Яковлева Анна Петровна Влияние цифровой среды на становление электронного судопроизводства	381
Ярская-Смирнова Валентина Николаевна, Ярская-Смирнова Елена Ростиславовна Темпоральность в нарративах о доступности городского пространства.....	385

ВВЕДЕНИЕ.
СОЦИОЛОГИЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ:
ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ¹

Ярская-Смирнова Валентина Николаевна

Вызов судьбы 1. Мировая социология возникла в городской культуре и развивается в русле культурно-исторических эпох и событий, сопровождаясь не только яркими взлетами, но и жуткими гонениями, порой кровавыми преследованиями.

Удивительно и научная школа повторяет судьбу мировой социологии, развиваясь в русле культурно-исторических эпох и событий, и тоже – яркими взлетами и преследованиями. Особенно, конечно, досталось ей, как и самому сообществу, в лоне нашего родного отечества и контексте отношений власти к этой науке.

Ведь даже в императорской России не случилось ровного и постоянно доброжелательного отношения, а сплошные зигзаги. Что за время это было? Известно, что Александр III благоволил благородным созидателям нового социального представления, но последние российские императоры уже не были так благосклонны к корифеям новой науки и за несовпадение их политических взглядов с собственными спокойно наказывали и ссылали.

После революции игра в прогресс научной мысли быстро закончилась известным трагическим *Философским пароходом*, независимо от увозившего из родных пенатов наземного или морского транспорта означавшим исход в приказном порядке для выдающихся интеллектуальной элиты, в том числе мыслителей в направлении философии и социологии – прежде всего Бердяев, П. Сорокин, С. Франк и другие. Принимающие страны, особенно Германия в 1920-х, обладали опытом большого трепета и уважения не только к философской науке, но и к ученым-социологам – речь о классической немецкой социологии – Вебер, Зиммель, Тённис.

¹ Чепуренко А. Социология в современной России: институциональные вызовы // Мир России. 2020. № 3.

В годы советской власти социологии *повезло* оказаться в компании генетики и кибернетики как буржуазных лженаук, хотя под различными обществоведческими псевдонимами ее продолжали иногда и кое-где преподавать. Несмотря на маскировку, власть подлавливала и подавляла: 30-е годы украшали разжалование, увольнение и даже расстрел (Г. Маннс в Саратове). Правда и то, что наша советская страна не была одинокой в репрессиях по отношению к социологам: Г. Зиммель, как известно, был изгнан из университета пришедшими к власти нацистами. Напротив, за океаном это время – бурный масштабный всплеск, счастливое существование социологии, яркое фонтанирование и практически полная поддержка властей. Яркий пример – знаменитая Чикагская школа.

В послевоенные советские годы наблюдались псевдоучастие в контактах и конференциях, затхлая атмосфера, джентльменский набор дисциплин и стагнация социальной жизни. В России лишь в послевоенные годы – псевдоучастие в контактах и конференциях. В 1960-е Хрущёвская оттепель сменилась временем середины 1970-1980-х, эпохой стагнации экономической, политической и социальной жизни советского общества. Атмосфера неважная, в регионах не было ни мяса, ни масла, ни сыра. В столичные командировки ездили со списком от коллег, кому что привезти, в семьях шутили: *пока продукты не будут перевозить в товарных вагонах, их будут везти в пассажирских*.

В то же время исчез страх репрессий, можно было легко улететь на самолете или уехать поездом в любую точку Союза. Был дешевый бензин, люди могли проводить досуг на Волге, катались на водных лыжах... И почти открытое возрождение – Ленинград, Новосибирск, промышленные и аграрные исследования. Это было время увлеченности нестандартной философией, мы рекрутировали будущих суперфилософов из среды физиков и лириков, философских факультетов в провинции тогда не было. Для меня это время объективного везения на организацию окружения, сподвижников, друзей и единомышленников.

Но в 1980-х появилось предчувствие перемен, уход от репрессивного режима, оттепель – промышленные исследования ленинградцев Ядова, Шкарата-

на, явление Заславской в Новосибирской школе, необходимость теоретической рефлексии новой реальности в идее о трансформации, новой структуры и экономики советского общества. Мой студент-физик съездил в Ленинград к Л.Н. Гумилёву, вернулся с экземпляром его докторской, которую не принимали к защите, мы устроили читку его работы *в ореоле таинственности*. Этот студент – теперь Николай Кононов, известный поэт, писатель, деятель культуры СПб, эксперт в сфере искусства.

Приведу эпизод: случай с объявлением о предстоящем заседании моего студенческого Теоретического философского семинара с докладом «*О противоречиях при социализме*». И меня, и докладчика (это была знаменитая философа Тамара Фокина) заведующий вызвал *на ковер*, топал ногами, возмущался: *какие могут быть противоречия при социализме?! Но потом добавил спокойным тоном: ну, пусть будет доклад, но зачем же объявление вешать?* Время данного инцидента было поначалу конфликтным и напряженным, на профессора давило осевое время тоталитаризма. Но затем успокоился: в его собственном времени, прямо сейчас, ему ничто не угрожало. В тоталитарной оси времени все события *окрашиваются* ее присутствием, бессознательной памятью, хотя индивидуальная память о них *другого цвета*: может опереться на память коллективную, подтвердить событие, случай, воспоминание.

Вместе со свободой академического общения и академических связей вертикаль власти отражалась и до сей поры отражается, особенно в университетской власти провинциальных вузов, в ректорских кланах (вместо команд). К примеру, атмосфера на кафедрах общественных наук университетов была затхлая, долгое время и даже после перестройки оставался неизменным джентльменский набор дисциплин – марксистская политэкономия, история КПСС, научный коммунизм. Философия тоже оставалась в рамках марксизма, хотя методологические проблемы науки составляли исключение. О социологии вспоминали нечасто. В конце 1970-х годов положение социологии оставалось неопределенным. Она рассматривалась не в качестве самостоятельной науки, а как приложение к офици-

ально значимым областям общественнознания. А.Г. Здравомыслов: «Социология в лучшем случае была допущена в качестве прикладной дисциплины».

Авторитаризм региональных вузов и кафедр сохраняется и тогда, и теперь. Известно, что именно в конце 1980-х увидели разрыв между экономической интерпретацией реформ и необходимостью теоретической рефлексии нового контекста культурно-исторической эволюции советской реальности, социальной жизни людей, ухода от репрессивного режима. Вскоре началась политика гласности, перестройка. На 1 съезде советских социологов открыто говорили о национальных конфликтах, социология была активирована. В Советской социологической ассоциации задавали тон Здравомыслов, Тощенко, Заславская, Шкаратан, Ядов, осуществлялось оформление уже витавших в околонуучной сфере идей о трансформации советского общества, его социальной структуры и экономики. К примеру, понимание времени долго оставалось физикалистским, и лишь специальные новые исследования могли показать его социокультурный диапазон.

В 1990-е происходит переход социологии на легальное положение, переводы, публикации, ознакомление с пропущенным этапом и даже развитие собственных идей. Многие замечается и отмечается: и поколения социологов, и вертикальная линейность социума, игнорирование гемайншафтов в пользу монистического взгляда. Социология и политология вполне мирно вытеснили теорию научного коммунизма из сферы преподавания в вузах.

В большинстве случаев кафедры переименовывались, это был период главенства гезельшафта и всей *попятной трансформации* (Чепуренко). Ощутилось тяжелейшее бремя наследия, к примеру, этноправового неравенства в республиках разных уровней – союзного, автономного и автономно-областного. Поддерживаемые государством этнонациональные анклавные – пороховые бочки, никак не приближающие гражданское нацистроительство и горизонтальности регионов. Новые технологии, рыночное сознание, отказ от плавильного котла и европейских ценностей и одновременно от погони за суверенитетами, новое стремление к гражданскому обществу и новый стиль жизни – лишь островки, дающие надежду.

Коллектив технического вуза в 1980-х годах оказался либерально ориентированным, мыслил гуманитарнее, парадокс: менее технократично, чем классический университет. А в начале 1990-х с открытием новых западных специальностей и участием сразу в нескольких международных программах проявилось требование времени: необходимость приблизиться к социологии, создать соответствующие структуры, подобрать кадры, овладеть новым инструментом анализа. Кадры рекрутировались из философии, психологии, физики и математики.

Вызов времени 2. Мы говорим: *всему свое время*, все приходит и уходит *вовремя*, остается в течение *отмеренного времени*, но не вымирает, а составляет память как результат инверсии времени. Жизнь, история, социальные процессы – это опровергает представления о физикалистской абстракции бытия. Настолько время разнообразно, насколько разные мы сами и насколько разнообразны наши многослойные жизненные пути.

Наблюдается возможность утраты критической функции по мере внимания власти, отказ от злободневных выступлений, вопросов в медиа по неравенству, образованию, ксенофобии, здравоохранения. Появляется много *экспертов и консалтингов*, нужны пропагандисты решений. Этические проблемы и риск-фактор, формирующий стиль плебисцитарной электоральной социологии, ее репутационные риски как науки и профессии, бесконечные пресс-релизы.

Обнаруживаются контртенденции: есть Открытое мнение, профессиональные ассоциации занимают позиции критической социологии по отношению к государству. Появляются качественные передовые опросные технологии. Краудфандинг, конференции и конгрессы, регулярные коммуникации с сообществом компаний прикладных исследований. В переосмыслении академической социологии наблюдается пестрая картина ценностей и интересов групп и слоев, составляющих общество.

Но не исчезла *железная пята бюрократии*, в 2016 г. по решению Ливанова и других федеральных чиновников с негативом к социологии произведена опти-

мизация научно-образовательной структуры СГТУ, варварское сокращение перспективных молодых ученых. Водораздел гуманитарной и технической интеллигенции создается искусственно как консервация неравенства, дискриминации одних и превосходства других. Мировое сообщество говорит о междисциплинарном знании, а мы сознательно отделяем техническое образование от социального – разрушение социологической школы для СГТУ и Саратова – фактор неблагоприятного влияния на развитие человеческого капитала. Именно этот фактор способствует миграции из региона талантливой молодежи, выпускников школ, ориентированных на получение социогуманитарного образования. Проблемы в этой сфере могут привести к нежелательным последствиям, эти тренды учитывает и стратегия развития СГТУ как опорного университета, культурное наполнение оживляет память. Помимо молодого времени оптимизма, мы попадаем в тревожную темпоральность пессимизма и нестабильности.

В 2015-2016 гг. по решению ведомства Ливанова, крепкой поддержке федерального чиновника, который откровенно высказывал негативное отношение к социологии на совещании ректоров саратовских вузов и последовавшего послушного решения ректора И. Плеве была резко произведена реорганизация научно-образовательной структуры социального направления, успешно развивавшегося на протяжении почти четверти века. Реорганизация означала переход от введенной еще А. Андрющенко гуманитаризации к узкой профилизации образования, закрытию аспирантуры и докторантуры, отмене или снижению бюджетного финансирования магистратуры по социальным и гуманитарным специальностям (социология, социальная работа, психология).

Позже к 2018-2019 гг. вследствие огромного числа ходатайств, направленных в правительственные и общественные структуры и организации, Минобрнауки частично вернул бюджет на социологию и социальную работу. На 2019-2020 гг. *милостиво разрешили* набрать бюджетный очный курс бакалавров по социологии, а на следующий год уже только по 7 бюджетных мест очной и заочной магистратуры.

Однако для восстановления бывшей мощной научной школы этого слишком мало. Следствием этой реорганизации стало чудовищное сокращение преподавательского состава, перспективных ученых, молодых кандидатов и докторов наук. Гонения на социально-гуманитарные науки, научные школы осуществлялись под предлогом их непрофильности после не совсем удачной формулировки сверху. Известно, что предпочтение прикладной подготовки в ущерб фундаментальной не создают ни конкурентоспособности новой страты в смысле профессионала, ни нравственного укрепления ее как интеллигенции. Магическая модернизация не предусматривает этого сочетания, более *разделяя* усилия гуманитариев и технарей, интеллигенцию и социальные процессы.

Разрушение базы социологической школы для СГТУ и в целом для Саратова – один из факторов, неблагоприятно влияющих на сохранность и развитие научного и человеческого капитала. Подобные процессы способствуют миграции из региона талантливой молодежи, выпускников школ, ориентированных на получение социогуманитарного образования, и высококвалифицированных научных кадров. Вместе с тем основная задача опорного университета – создать условия для удовлетворения образовательных потребностей, закрепления в регионе максимального количества выпускников школ.

Вызов направления 3. Может ли социология помочь нам понять, *куда* движемся, преобладает ли *мудрость толпы*? Необходимы блоги, сотрудничество с журналистами. Везде эксперты, но не встретишь социолога. Нужны альтернативные каналы, сотрудничество с журналистами и блогерами. Чтобы убрать фобии и предрассудки, нужно дополнительное образование для масс-медийных и коммуникационных агентов. Растет спрос на объяснение модели развития, социология СГТУ – не только бренд, это *отраслевые* исследования, анализ запроса, востребованности инноваций. Социокультурный диапазон гемайншафт уходит от монизма гезельшафта, этноцентризма, привлекая гражданское нациестроительство и горизонталь регионов. Однако подготовка научной смены ведется по передаче знаний, а не компетенций, преслову-

тая аккредитация – чудовищный массив документов, не дающий ни качество подготовки, ни трудоустройство, ни зарплаты, ни понимание, работает ли вуз на экономику страны.

Согласимся – социология охватывает все сферы человеческой жизни, носит прогностический характер, совершенствует будущую модель взаимоотношений, выполняет гуманистическую функцию, создавая моральные ценности, формируя социальные идеалы, научно-технические и социально-экономические программы, стимулируя развитие общества. Ведь возник спрос на специалистов, которые могут объяснить новые данные с качественным теоретическим обоснованием, спрогнозировать модель социального развития. Социология СГТУ – это не только бренд вуза, она занимается *отраслевыми* исследованиями, расширяя кругозор, обучая социологическому дискурсу, социологическому воображению. Социологическая наука нужна как исследовательская практика для анализа социального запроса, востребованности, готовности к техническим инновациям, возможности обеспечить различные производственные отрасли и направления развития региона профессиональными аналитиками, знакомыми с отраслевой и местной спецификой.

Вызов социологу 4. Социолог, изучи себя сам: внутринаучные процессы как вызовы. Институциональные изменения в науке и образовании – реальность внутрিরоссийских вузов – *железная пята бюрократии, оптимизация* бюджета по мере снижения темпов роста, огосударствления экономики. Либо работает ли вуз на экономику страны. Мировое сообщество говорит о междисциплинарном знании, а мы сознательно отделяем техническое образование от социального – это шаг назад даже от периода, когда осуществляли гуманитаризацию образования. Выпускники – будущие руководители, перед которыми встанет задача управленческой стратегии, применения социальных технологий, формирования гражданского общества.

Российская Федерация имеет потребности в кадрах соответствующего профиля: потребность в специалистах, руководителях, исследователях и экс-

пертах профессиональной квалификации определяется фактическим наличием сети социологических центров, лабораторий, выпускаемых бакалавров и магистров по социальным направлениям; потребность в специалистах по реформированию и модернизации, динамике развития области как субъекта федерации. Кроме того, сегодня все больше нужны мастера по обеспечению социологического сопровождения и мониторинга реальных процессов, актуализации присутствия соответствующих кадров не только в учреждениях образования, но и в сферах народного хозяйства ПФО.

Именно научная школа изменила статус политехнического института на *многопрофильный университет*, организовала гуманитаризацию технического образования, открытие специальностей социально-гуманитарного профиля, аспирантуру, докторантуру, социологический центр, Научный парк Федеральной службы занятости. Потеря социологической школы для СГТУ и в целом для Саратова – один из факторов, неблагоприятно влияющих на сохранность и развитие научного и человеческого капитала, способствующих миграции из региона и талантливой молодежи, выпускников школ, ориентированных на получение социогуманитарного образования.

Социология в СГТУ – условие фундаментальности профессионального образования, обеспечение готовности выпускников к эффективной трудовой деятельности в меняющихся условиях, достижение параметров опорного вуза, повышение рейтинговых показателей в России и за рубежом. Для опорного вуза наличие внутреннего социологического сообщества – вопрос престижа. Понятие профильная специальность используется в разном контексте и порой для поддержки и достижения нерыночных целей. Воспроизводство инженеров высокой культуры оказывается под вопросом, конструируется барьер выпускников, соответствующих и не соответствующих профилю специальности. Специалист подобен флюсу, полнота его односторонняя, гласит афоризм Козьмы Пруtkова. Водораздел гуманитарной и технической академической общественности, профильного и непрофильного образования создается искус-

ственно, как консервация неравенства, дискриминации одних и расистского превосходства других.

Профессия инженера является созидательной силой урбанизации, конструирования городов, удобных для жизни населения, включает понятие универсального дизайна как способа смягчения социального неравенства городского пространства и времени, создания безбарьерной среды. Это – воспроизводство культуры, инженеры становятся экспертами и агентами повышения уровня комфортности, привлекательности российских городов и их инфраструктуры благодаря социальной составляющей инженерного образования и специалистам в сфере инженерной и городской социологии, выпускникам социологической направленности в инженерном вузе.

В итоге научная школа социологии СГТУ испытала разрушение, но успела изменить статус политехнического института на *многопрофильный университет*. Для опорного вуза наличие социологического сообщества – вопрос престижа, а профессия инженера – созидание культуры, универсального дизайна, смягчения неравенства, не только *достижения*.

ПРОБЛЕМЫ ОРГАНИЗАЦИИ ИНКЛЮЗИВНОЙ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ ДЛЯ МАЛОМОБИЛЬНЫХ ГРУПП НАСЕЛЕНИЯ

Аненкова Гульмира Байболатовна
магистрант гр. мСОЦЛз31
кафедры «Философия, социология, психология»
Саратовского государственного технического университета
имени Гагарина Ю.А., Россия, Саратов
gulmira7408@mail.ru

PROBLEMS OF ORGANIZING AN INCLUSIVE URBAN ENVIRONMENT FOR PEOPLE WITH LIMITED MOBILITY

Gulmira Anenkova
master's degree in msoclz31, Department of
Philosophy, sociology, psychology» of Yuri Gagarin State Technical
University of Saratov, Russia, Saratov
gulmira7408@mail.ru

Аннотация

В данной статье рассматриваются социальные проблемы маломобильного населения в части организации доступной городской среды, барьеры в реализации государственной программы «Доступная среда», необходимость профессионального подхода в построении инклюзивного городского пространства.

Abstract

This article discusses the social problems of the low-mobility population in terms of the organization of an accessible urban environment, barriers in the implementation of the state program «Accessible environment», the need for a professional approach in building an inclusive urban space.

Ключевые слова: маломобильность; люди с ограниченными возможностями здоровья; инвалид-колясочник; инклюзивная среда; доступная среда; безбарьерная среда; образовательная среда; городское пространство; профессиональное проектирование

Keywords: low mobility; people with disabilities; wheelchair users; inclusive environment; accessible environment; barrier-free environment; educational environment; urban space; professional design

В России одной из актуальных социальных проблем маломобильной категории населения является проблема доступности городской среды объектов социальной сферы, медицины, учреждений культуры и образования. Поэтому внедрение Государственной программы «Доступная среда» на 2011-2025 годы [6] стала одним из важных направлений социальной политики.

«Доступная среда» представляет собой особое пространство, в котором маломобильные группы населения могут чувствовать себя без заметных ограничений. Однако, при ее создании на этапах проектирования или планирования необходимо учесть все особенности такого пространства. К категории маломобильных групп населения относятся не только инвалиды, которые передвигаются на креслах-колясках, но также и другие люди с ограниченными физическими возможностями: с нарушениями слуха, зрения, опорно-двигательного аппарата и умственного развития, а также люди пожилого возраста, мамы с колясками, и другие категории с различными ограничениями.

В настоящее время происходят глобальные социальные перемены в Российском государстве, которое придерживается социального подхода к инвалидам. Они становятся субъектами жизни, а общество начинает само приспосабливаться к их особенностям и приспосабливать под них окружающую среду. Возможность молодого человека с ограниченными возможностями овладеть определенной профессией имеет большую важность в контексте определения места такого человека в обществе, так как профессиональные умения и навыки рассматриваются не только как средство достижения материального благополучия, но и, прежде всего, как эффективный инструмент личностного самоопределения и социализации. Но в большинстве случаев инвалид-колясочник не может реализовать свои потребности в получении высшего и профессионально-

го образования, так как в этих учреждениях нет доступной среды и не развита система дистанционного обучения. У детей-инвалидов возможности в образовательной сфере больше, так как существуют специальные коррекционные учреждения, индивидуальное обучение на дому, а также в последнее время идет тенденция развития инклюзивного образования [2].

Для организации образовательной среды, прежде всего, необходимо обеспечить людям с особенностями в развитии безбарьерную доступность всех учреждений здравоохранения, образования и социальной сферы. Необходимо развивать систему условий, благодаря которым люди с инвалидностью смогли бы беспрепятственно передвигаться, получать знания, навыки и всю необходимую информацию, взаимодействовать с другими людьми, принимать участие в различных формах общественной жизнедеятельности, а также получать качественное профессиональное образование, позволяющее обеспечить востребованность и конкурентоспособность на рынке труда – все то, что включает доступная (безбарьерная), образовательная и инклюзивная среда.

На сегодняшний день имеется множество трактовок, определяющих комфортную среду для людей с различными нарушениями здоровья, таких как доступная, безбарьерная или же инклюзивная среда и т. д. Рассматривая каждый термин по отдельности, можно утверждать, что при упоминании их в различных законодательных актах РФ используются несколько толкований одного и того же понятия в разных источниках. Ярская-Смирнова Е.Р. [15, с. 37] характеризует доступную среду жизнедеятельности человека с инвалидностью как окружающую его материальную среду, с помощью которой этот человек получает возможность удовлетворить свои потребности и беспрепятственно достичь нужного места. Во многих источниках данный термин выступает как организация окружающего пространства, где человек с нарушениями в развитии обладает возможностью беспрепятственного доступа к любым объектам социальной, общественной, транспортной и иной инфраструктуры, может свободно передвигаться по любому выбранному маршруту. Понятие безбарьерная среда вы-

ступает синонимом понятия доступная среда, акцентируя при этом внимание на присутствии как физических, так и нефизических «барьеров». По мнению Е.И. Холостовой и Н.Ф. Дементьевой [11, с. 88], на пути создания доступности для людей с инвалидностью существует ряд барьеров, которые препятствуют формированию комфортной среды – это физические ограничения (изоляция), трудовая сегрегация, малообеспеченность, пространственно-средовая организация (жилая среда и транспорт), а также информационные, эмоциональные и коммуникативные ограничения.

Рассматривая более подробно проблемы организации инклюзивной городской среды, необходимо отметить, что вопрос непригодности объектов социальной сферы, здравоохранения, образования и культуры для нужд людей с инвалидностью является одним из наиболее острых, который значительно затрудняет возможность доступа данной категории к получению равных прав и свобод в рамках городского пространства. Решение данной проблемы – не просто предоставление права посещения объектов жизнедеятельности, это создание специальной адаптированной городской среды, учитывающей особые потребности людей, имеющих различные нарушения в развитии. Важно правильное проектирование доступной среды с учетом потребностей маломобильных групп населения.

За время реализации государственной программы «Доступная среда» соответствующими структурами города Саратова обустроены необходимым оборудованием объекты социальной, культурной, медицинской сферы, но еще не в полном объеме. В частности, учреждения образования еще далеки от настоящей доступности, в некоторых зданиях просто невозможно установить пандусы, лифты. Одним из препятствий в оснащении необходимым оборудованием является архитектурный вопрос. Многие здания, где располагаются школы, колледжи, университеты имеют историческое значение, с технической точки зрения в них невозможны реконструкция, перепланировка или они требуют больших финансовых вложений. Поэтому многие объекты так и остаются недо-

ступными, что препятствует социализации молодых людей с инвалидностью. Доступная городская среда подразумевает также доступность жилых помещений, обустройство прилегающей территории, дорог, съездов, тротуаров, установку специализированных звуковых светофоров, тактильных дорожек, а также наличие доступного общественного транспорта для свободного перемещения людей с различными нарушениями здоровья. Обустройство городской среды находится на стадии реализации, процессы реконструкции и перепланировки замедляются из-за ряда причин.

Стоит отметить наличие финансовых барьеров, так как все, что касается перестройки архитектурной среды, технического оснащения процесса жизнедеятельности для людей с ограниченными возможностями, квалификационных кадров для работы с данной категорией и многое другое, требует огромных финансовых средств. На сегодняшний день существуют трудности определения источников и реальных размеров финансирования при реализации государственной программы «Доступная среда», федеральные нормативные документы и методические рекомендации по обеспечению адаптированной городской среды не могут дать точных цифр. Также нынешняя внешнеполитическая и экономическая ситуация в нашей стране затрудняет возможность выделения достаточного дополнительного финансирования.

Таким образом, успех организации инклюзивного городского пространства зависит от решения ряда вопросов: профессионального проектирования, доступности дорог, транспорта, учреждений – реконструкции с учетом всех потребностей людей с ограниченными возможностями, методического оснащения и оснащения специальным оборудованием и средствами данных заведений. Государственные структуры, несмотря на определенные трудности, активно занимаются решением этих вопросов.

Список литературы

1. Волкова А.В., Тухватуллина М.А. Доступная городская среда для лиц с ограниченными возможностями // Социальная работа XI века: теория, практика,

перспективы: мат. конф. 28-29 августа 2016 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://son-net.info/zhurnal-sonnet/konferencii/konferenciya-28-29-avgusta-2016-goda> (дата обращения 14.08.2020).

2. Комлева Г.М. Интеграция, инклюзия; плюсы и минусы // Интернет-журнал «Отоскоп»-2019 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.otoskop.ru/rus/2009/12/integraciya-inklyuziya-plyusy-i-minusy/> (дата обращения 23.08.20).

3. Наберушкина Э.К. Инвалиды в большом городе: проблемы социального гражданства. М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2012. С. 118.

4. Наберушкина Э.К. Инвалидность и право на независимую жизнь // Вестник Московского университета. Сер. 18: Социология и политология. 2009. № 4. С. 128.

5. Подгорная А.С. Проблемы реализации программы «Доступная среда» для маломобильных групп граждан // Молодежный научный форум: II международная студенческая научно-практическая конференция № 1 (2). [Электронный ресурс]. Режим доступа: [https://nauchforum.ru/archive/MNF_interdisciplinarity/1\(2\).pdf](https://nauchforum.ru/archive/MNF_interdisciplinarity/1(2).pdf) Дата обращения: 20.08.2020.

6. Постановление Правительства РФ от 1.12.2015 № 1297 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации "Доступная среда" на 2011-2020 годы» // СЗ РФ. 2015. № 49 ст. 6987.

7. Романов П.В., Ярская-Смирнова Е.Р. Политика инвалидности: Социальное гражданство инвалидов в современной России. Саратов: Научная книга, 2006. 260 с.

8. СП 35-101-2001. Проектирование зданий и сооружений с учетом доступности для маломобильных групп населения [Утвержден приказом директора ГУП «Научно-проектный институт учебно-воспитательных, торгово-бытовых и досуговых зданий» (Институт общественных зданий) от 20 июня 2001 г. № 5а]. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/1200023318>(дата обращения 23.08.2020).

9. Федеральный закон от 24 ноября 1995 г. № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями) / Система ГАРАНТ. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ivo.garant.ru/#/document/10164504/entry/0:1> (дата обращения 24.08.2020).

10. Федеральный закон № 46-ФЗ «О ратификации Конвенции о правах инвалидов» // Российская газета. 5 мая 2012 г. № 100.

11. Холостова Е.И., Дементьева Н.Ф. Социальная реабилитация: учеб. пособие. 4-е изд. М.: Изд.-торг. корпорация «Дашков и К», 2006. 340 с.

12. Шарамыгина И.Е. Право инвалидов на доступную среду: опыт, проблемы и пути их решения / eLIBRARY ID: 29249270-2017 – С. 143-146: [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29249270> (дата обращения 14.08.2020).

13. Шебукова А.С. О проблеме создания доступной среды для детей с ограниченными возможностями здоровья на муниципальном уровне / eLIBRARY ID: 29249269 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29249269> (дата обращения 25.08.2020).

14. Ярская-Смирнова Е.Р., Наберушкина Э.К. Социальная работа с инвалидами. СПб., 2004. 316 с.

15. Ярская-Смирнова Е.Р. Социокультурный анализ нетипичности. Саратов: СГТУ, 2012. С. 60.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ МОБИЛЬНОСТИ ТРУДОВЫХ РЕСУРСОВ ВНУТРИ РЕГИОНА

Байбулатов Роман Радикович

*магистрант мзСоцл-31 кафедры «Философия, социология, психология»
Саратовского государственного технического университета
имени Гагарина Ю.А., Россия, Саратов
bay-r@mail.ru*

MODERN STATE AND PROSPECTS OF LABOR MIGRATION OF YOUTH IN RUSSIAN REGIONS

Roman Baybulatov

*master's student of the group mзSocl-31, Department of
«Philosophy, sociology, psychology»
Yuri Gagarin State Technical University of Saratov, Russia, Saratov
bay-r@mail.ru*

Аннотация

Актуальность исследования миграции людей в другие регионы страны стала одной из наиболее сложных и весьма противоречивых проблем нашего времени. В настоящее время в России остаются актуальными вопросы, связанные с внутренними перемещениями трудовых ресурсов, разработкой методов и инструментов их регулирования в соответствии с современными тенденциями территориальной подвижности населения и с реалиями структурной трансформации экономики. Внутренняя миграционная политика ориентирована на территориальное и межотраслевое перераспределение трудовых ресурсов с учетом их качественных и количественных параметров без механического изменения общей численности населения [5].

Abstract

The relevance of the study of migration to other regions of the country has become one of the most complex and controversial problems of our era. Labour migration, which has reached unprecedented proportions today, is not only a feature of the modern labour market, but also a certain feature of the world economy as a whole.

Labour migration has become part of international economic relations. Migration flows from one region to another. Generating certain problems, labor migration provides indisputable advantages to the countries receiving labour force and supplying it. Regional labour migration is the process of moving labour from one country to another for the purpose of employment on more favourable terms.

Ключевые слова: транспортная связка; маятниковая миграция; ресурсы; мобильность

Keywords: transport links; pendulum migration; resources; mobility

В настоящее время в России остаются актуальными вопросы, связанные с внутренними перемещениями трудовых ресурсов, разработкой методов и инструментов их регулирования в соответствии с современными тенденциями территориальной подвижности населения и с реалиями структурной трансформации экономики. Внутренняя миграционная политика ориентирована на территориальное и межотраслевое перераспределение трудовых ресурсов с учетом их качественных и количественных параметров без механического изменения общей численности населения [5].

Ожидаемая демографическая ситуация, проработка сценариев изменения внешних и внутренних условий экономического развития страны, прогнозирование динамики развития отраслей региональной экономики, а следовательно, и их будущей потребности в трудовых ресурсах, должны лечь в основу стратегической ориентации внутренней миграционной политики.

Миграция трудовых ресурсов, как и любое социально-экономическое явление, подвержена прямому и косвенному влиянию со стороны территориальных органов власти. Важность и оправданность использования прямых административно-правовых практик воздействия на процессы миграции трудовых ресурсов предопределяются необходимостью обеспечения порядка и безопасности территории. Применение косвенных методов позволяет учесть как интересы государства, региона, конкретного города или сельского поселения, так и интересы отдельных людей, не противопоставляя их друг другу.

Весьма важным инструментом регулирования миграции представляется перспективное территориальное планирование. Планирование территориального развития, включая размещение объектов капитального строительства (сети населенных пунктов, инженерно-транспортного и энергетического обеспечения территорий, других систем инженерных коммуникаций) позволяет поддерживать государственную целостность, экологическое равновесие, продовольственную безопасность, транспортно-коммуникационную связность.

В то же время география территориальной организации общественного производства и распределения трудовых ресурсов, динамика пространственного развития во многом формирует миграционные потоки, стимулирует их, гасит, придает местную специфику. Меры по управлению потенциально «токсичными» миграционными потоками, количественные и качественные характеристики которых несут явные или скрытые угрозы экономическому развитию, должны иметь превентивный и сдерживающий (в отдельных случаях – ограничительный) характер. Для потоков, параметры которых усиливают потенциал развития региональной экономики, мероприятия должны обладать поддерживающими и стимулирующими мобильность свойствами.

Понятие «трудовая миграция» являет собой совокупность территориальных перемещений людей, связанных с трудоустройством и занятостью. В качестве одного из типов трудовой миграции выделяют понятие маятниковой трудовой миграции, а также «работы на выезде», представляющей собой временный выезд с территории проживания в район трудовой занятости с регулярным или иррегулярным возвратом [4].

Маятниковая трудовая миграция для определенной части трудовых ресурсов является «пробой сил», первой ступенью к безвозвратной миграции за пределы области [3]. Тем не менее, создание рабочих мест, выравнивание относительного уровня оплаты труда смогут сдержать молодых экономически активных граждан и сохранить трудовые ресурсы как необходимое условие экономического роста региона. Среди внутренних миграций наиболее активно такое направление миграции, как переселение из деревни в город и наоборот, переселение из города в город, из села в село.

Таким образом, маятниковое перемещение трудовых ресурсов между городом и селом, внутри области или городской агломерации может носить регулярный, циклический характер.

Ориентация на такую стратегию мобильности трудовых ресурсов способствует развитию транспортных систем, инфраструктур временного размещения, не внося существенных изменений в половозрастную характеристику местного населения, не требуя крупных капитальных вложений в строительство жилья и формирование социальной инфраструктуры, то есть составляет перспективное направление территориального развития.

Список литературы

1. Балашова Т.Н. Миграция и демография как неотложные направления развития приоритетных национальных проектов // Миграционное право. 2017. № 1.

2. Зайончковская Ж.А. Трудовая миграция в СНГ с позиций общества, семьи и личности // Миграция населения. Вып. № 2: Трудовая миграция в России. Приложение к журналу «Миграция в России» / под общ. ред. О.Д. Воробьевой. М., 2017. С. 3-27.

3. Римащевская Н. Человеческий потенциал России и проблемы «сбережения населения» // Российский экономический журнал. 2016. № 9-10. С. 22.

4. Рыбаковский Л.Л. Миграционные процессы: понятие, формы, виды и стадии // Миграция населения. Вып. 1. Теория и практика исследования. Приложение к журналу «Миграция в России». М., 2017. С. 5-17.

5. Тимошенко М.В., Совершенствование регулирующих воздействий на миграционные процессы в республике Беларусь / Правовое регулирование миграционных процессов в Республике Беларусь в контексте устойчивого развития: сборник научных статей / редкол.: И.И. Эсмантович (гл. ред.) [и др.]; М-во образования Республики Беларусь, Гомельский гос. ун-т им. Ф. Скорины. Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2017. С. 253-258.

СОСЕДСКИЕ ГРУППЫ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ КАК ФОРМА ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Байнова Мария Сергеевна

*к.социол.н., доцент кафедры государственного
и муниципального управления, Университет «Синергия», г. Москва
mbainova@gmail.com*

NEIGHBORHOOD COMMUNITIES IN SOCIAL NETWORKS AS A FORM OF TERRITORIAL IDENTITY

Maria Baynova

*PhD of Sociology, associate professor,
Department of public and local administration,
University «Synergy», Moscow
mbainova@gmail.com*

Аннотация

Цель исследования — выявить примеры территориальной идентичности в районных группах в социальных сетях как новой формы соседских отношений. Методом контент-анализа исследованы группы трех районов Москвы. Сделаны выводы о территориальной идентичности, в том числе связанной с местом территории и с социальными связями. Через публикации выявляются ценности группы, в том числе транспортная доступность, зеленый район, возможность получения социальных услуг, любимые места отдыха.

Abstract

The purpose of the study is to identify examples of territorial identity in district groups in social networks as a new form of neighborly relations. The author conducted a content analysis of groups in the three districts of Moscow also made conclusions about territorial identity, including those related to the place of the territory and to social connections. The values of the group are revealed through publications, including transport accessibility, green area, the possibility of receiving social services, favorite places of rest.

Ключевые слова: социальная сеть, территориальная идентичность, соседи, Фейсбук, ВКонтакте, Яндекс-район, Москва

Keywords: social network, territorial identity, neighbors, Facebook, Vkontakte, Yandex-communities, Moscow

Изменение социальных связей в городах является отличительной чертой современной урбанизации и формой адаптации различных социальных групп и сообществ. Соседские группы стали создаваться сразу с распространением социальных медиа. Популярность соседских групп связана с необходимостью обмена информацией и поиском способов взаимодействия на территории совместного проживания.

Исторические социальные структуры создают типы коллективной идентичности, в том числе по территориальному признаку [1, с. 115]. Территориальная идентичность в условиях глобализации рассматривается как незаменимый инструмент полноценной социально-экономической жизни [7]. Города приобретают социально-экономическую и культурную идентичность, формируют социальные и территориальные правила [6].

На основе территориальной идентичности индивид чувствует свою причастность к конкретному месту, стране, городу, местности, или району [5, с. 96]. Примеры территориальной идентичности: местная или традиционная, сравнительная пространственная [2, с. 154].

Идентичность определяется как связь с наследием, порядок вещей, содержание территории [3, с. 58]. Территориальная идентичность – это сплочение, мобилизация, социальное действие, учет местных ценностей, солидарность по причине совместного проживания [4].

Для оценки территориальной идентичности в условиях информационного общества автор собрал информацию обо всех районных группах в разных социальных сетях трех районов Москвы: Кунцево, Можайский и Фили-Давыдково. На основании анализа содержания и дублирования контента были отобраны группы каждого района ВКонтакте, Фейсбуке и Яндекс-районе, где были проанализированы записи за 28 дней в 2019 году.

ВКонтакте записи на тему района составили 10-45 % контента, (3-8 из десяти самых комментируемых). В Фейсбуке на тему района 40-60 % записей, 9 из 10 са-

мых комментируемых во всех районах. В Яндекс-районе районная тематика 40-80 % контента. Наиболее популярные темы: фото района, в том числе фото природы, и ретро-фото, реновация, застройка, благоустройство, парковки, поиск и пристройство собак, находка ДОТа времен обороны Москвы, деятельность депутатов, дискуссия о посадке деревьев в Кунцево, строительство новой станции метро, занятия спортом, поиск специалистов, школы.

Общие интересы, связывающие участников соседских групп, связаны с сохранением привычного уклада и устранением проблем. В группах формируются связи на социально-бытовом уровне. Активисты объединяются для совместных действий. Заинтересованность жителей в своем районе может демонстрироваться через критику, которая также показывает привязанность к территории.

Соседские группы в социальных сетях в целом позволяют ощутить большую причастность к району своего проживания, идентифицировать себя с определенной территорией, с историческими, культурными и природными особенностями района, и таким образом могут считаться новой формой территориальной идентичности.

Список литературы

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 323 с.
2. Замятина Н.Ю. Территориальные идентичности и социальные структуры // Общественные науки и современность. 2012. № 5. С. 151-163.
3. Мусиездов А.А. Территориальная идентичность в современном обществе // Лабиринт. 2013. № 5. С. 51-59.
4. Смирнягин Л.В. О региональной идентичности // Вопросы экономической и политической географии зарубежных стран. Смоленск, 2007. С. 21-49.
5. Шматко Н.А., Качанов Ю.Л. Территориальная идентичность как объект социологического исследования // Социологические исследования. 1998. № 4. С. 94-101.
6. Amin A.A., Graham S.B. The ordinary city. Transactions of the Institute of British Geographers 1997. 22 [4]. P. 411-429.
7. Kibreab G. Revisiting the debate on people, place, identity and displacement. Journal of Refugee Studies. 1999. 12 [4]. P. 384-410.

**К ВОПРОСУ О СПОСОБАХ РАЗРЕШЕНИЯ
МЕЖПОКОЛЕННОГО «КОНФЛИКТА ИНТЕРПРЕТАЦИЙ»
ЦИФРОВИЗАЦИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ***

Байша Наталья Сергеевна

*студентка 2 курса магистратуры направления подготовки «Социология»
Волгоградского государственного университета, Россия, Волгоград
baishanatalia@mail.ru*

**TO THE QUESTION ABOUT THE WAYS TO RESOLVE THE
INTERGENERATIONAL «CONFLICT OF INTERPRETATIONS»
OF EVERYDAY LIFE DIGITALIZATION***

Natalia Baisha

*master's student in Sociology
Volgograd State University, Russia, Volgograd
baishanatalia@mail.ru*

Аннотация

В статье предпринята попытка рассмотреть цифровые технологии в качестве «вещей», которые вовлечены в сложившуюся самоизолированную ситуацию, формирующими пространство близости между людьми. Проведенный вторичный анализ данных позволил прийти к выводу о том, что самоизоляция позволила положительным образом повлиять на разрешение «конфликта интерпретаций», происходящего между людьми разных возрастов, по поводу роли и значения цифровых технологий в повседневности.

Abstract

The article attempts to consider digital technologies as things involved in the current self-isolated situation that form the privacy space between people. The conducted secondary analysis of the data allowed us to come to the conclusion that self-isolation made it possible to positively influence the resolution of the «conflict of interpretations» that occurs between people of different ages about the role and significance of digital technologies in everyday life.

Ключевые слова: цифровизация повседневности; цифровые технологии; межпоколенный «конфликт интерпретаций»; представители старшего возраста;

коронавирусная инфекция; самоизоляция; социология ситуаций; вторичный анализ данных

Keywords: everyday life digitalization; digital technologies; intergenerational «conflict of interpretations»; older people; coronavirus infection; self-isolation; sociology of the situations; secondary data analysis

** Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Администрации Волгоградской области в рамках научного проекта № 19-411-340005 «Социальная поддержка предпенсионеров на региональном рынке труда в условиях цифровой экономики».*

Разрушительное воздействие пандемии на многие сферы деятельности сопровождалось яркими открытиями в области цифровых технологий, ставших для их пользователей незаменимыми «вещами», вовлеченными в сложившуюся самоизолированную ситуацию, формирующими пространство близости между людьми.

Основываясь на представлениях французских социологов Л. Болтански и Л. Тевено о том, что есть ситуация и ее интерпретация, стоит обратить внимание на «конфликте интерпретаций» значения цифровых технологий, происходящем между представителями разных поколений. Цифровизация до сложившейся эпидемиологической ситуации была расценена людьми разных возрастных групп крайне неоднозначно. Однако, исходя из результатов вторичного анализа данных, собранных ВЦИОМ в период снятия многих ограничительных мер (в августе 2020 г.) [2], следует, что в условиях пандемии и самоизоляции, техника и технологии, позволяющие выйти в интернет-пространство и «встретиться» с близким кругом общения, стали для представителей старшего поколения (от 55 лет и старше) некой «вещью», в которую «встроена моральность» [1, с. 250] (то есть происходит использование вещи в режиме близости, активно вовлеченной в сложившиеся обстоятельства). Так, к примеру, в рейтинге наиболее удобных вещей XX века, которые самым кардинальным образом воздействовали на жизнь человека, интернет-технологии, по мнению 18 % респондентов старшего возраста, занимают второе место (после «телефонов /

мобильных телефонов» – 19,3 %). На последующих позициях стоят «компьютер» (10 %), «банковские пластиковые карты» (9,5 %) и «телевизор» (8,2 %). Важно обратить внимание на то, что самым главным удобством нынешнего столетия является смартфон (14,3 % опрошенных исследуемой возрастной группы отмечают это).

Подводя общую черту, выдвинем для дальнейших исследований предположение о том, что популяризация в период самоизоляции цифровых технологий как способа преодоления социального одиночества и цифрового разрыва между людьми стала действительно эффективным способом преодоления «конфликта интерпретаций» роли и значения цифровых технологий, возникшего между разными поколениями людей еще до пандемии и в самом начале ее развития.

Список литературы

1. Наумова Е. Социология «градов» Л. Болтански и Л. Тевено и «режимы вовлеченности» в капитализм // Социологическое обозрение. 2014. Т. 13. № 3. С. 246-251.
2. От интернета – к биопротезам, или главные изобретения нового века [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=10407> (дата обращения: 20.09.2020).

**«СОЦИАЛЬНЫЙ УРБАНИЗМ» В «МЕГАПОЛИСНОЙ ДЕРЕВНЕ»:
АКТОРЫ ДОМИНИРОВАНИЯ VS. ПЕРЕГОВОРОВ
НА СУБ/МУНИЦИПАЛЬНОМ УРОВНЕ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА
И ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ»**

Барандова Татьяна Леонидовна

*к.социол.н., доцент факультета ФМОПИ СЗИ РАНХиГС,
кафедра международных отношений: tbarandova@yandex.ru*

Тарусина Инесса Геннадьевна

*к.п.н., доцент факультета ФМОПИ СЗИ РАНХиГС,
зав. кафедрой сравнительной политологии*

**«SOCIAL URBANISM» IN THE «MEGAPOLIS VILLAGE»:
DOMINATION ACTORS VS. NEGOTIATIONS AT SUB / MUNICIPAL
LEVEL OF SAINT PETERSBURG AND LENINGRAD REGION**

Tatiana Barandova

PhD of sociology, Department of International Relations

Inessa Tarusina

PhD of sociology, head Department of Comparative Political Science

Интегрированный (синтетический) подход сочетает анализ акторов и факторов давления, связанных с изменениями в экономическом производстве и противодействующих интервенции управленческих правительственных структур и деятельности девелоперов/риэлторов. Его сторонники пытаются совместить человеческое измерение со структурным, желая знать, кто является *акторами изменений* и подчиняется ли деятельность людей, вовлеченных в процесс, правилам классового поведения или иным признакам, как пол, возраст, этнические интересы? Рост города не бесконфликтный продукт «смазанной машины», а результат сложного переговорного процесса разных сторон, и локальная среда является социальным конструктом, отражающим компромиссы, достигнутые группами интересов [2, с. 241]. Местные политики и органы власти/управления/самоуправления теоретически выступают участниками достижения компромисса [8], а участие различных агентов в росте потенциала

места/территории создают «сети роста», т.е. временные ассоциации людей (агентств), объединенные ради противодействия или поддержки противоположных или солидарных им целей.

Важным представляется понимание роли сообществ в городских процессах [6] в современных условиях, когда оппозиция «город – деревня» (т. е. городского общества и сельского сообщества) подвергается критике как абстракция, малопригодная для эмпирических исследований [5]. В современном мире трудно обнаружить «классические» сообщества с определенными пространственными границами, основанные на регулярном взаимодействии, поскольку не существует сельских сообществ, элементы которых нельзя обнаружить в городах и наоборот [3]. Эмпирическое исследование, проведенное нами в 2015-2017 годах на примере сравнения двух кейсов (МО г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области), отражает аспекты того, что форма поселения влияет на функционирование в нем социальных отношений и способов поведения, но сложность и многочисленность социальных миров поселений разных типов, уже не вмещается в дихотомию «города – деревни». Это связано и с динамикой распространения «городского образа жизни» в малых городах в качестве универсального опыта глобализированной повседневности [7], с новыми формами отношений между самими городами и сельской (пригородной) местностью, их слияния при процессах мегаполизации, вхождения в крупные городские агломерации, их гибридизацию и комплексный характер форм и функций [4]. В условиях современных преобразований границы городов «растягиваются», социокультурный состав населения становится разнородным, что затрудняет анализ гибридов «город-поселение» в качестве организма с внутренне непротиворечивыми процессами.

Анализ показывает, что в современных пространствах (при)городских территорий происходит формирование устойчивых во времени групп с возникающей территориальной идентичностью, для описания форм которых используется понятие «сообщество» в антропологическом понимании ассоциации с ме-

стом [11], социальной экологии города и культуры жителей малого города [9], хотя в литературе отмечается, что современные активистские сообщества не всегда выстраиваются по территориальному принципу, т. к. их члены имеют сильные связи вне мест проживания благодаря мобильности и информационным технологиям [10]. В ряде подходов «сообщество» рассматривается как группа людей с общими интересами, чувствами и поведением [3], но в ситуации изучения населения крупных (при)городских поселений, объектом становятся «воображаемые сообщества» [3].

Сравнение городского муниципального округа в мегаполисе и сельского поселения (пригородного) района позволяет проанализировать их состояние и репрезентации в пространстве властных отношений, социальных неравенств, структуры в повседневной городской/поселковой среде.

Список литературы

1. Иванов П. Сцилла и Харибда: между мифами о городских сообществах, 2014. Режим доступа: <http://urbanurban.ru/blog/reflection/509/Stsilla-i-Kharibda-mezhdu-mifami-o-gorodskikh-soobschestvakh> (дата обращения 12.12.2020).
2. Тыканова Е., Хохлова А. Городской политический режим в Санкт-Петербурге: роль реальных и воображаемых «машин роста» в борьбе за городское пространство // Журнал исследований социальной политики. № 2, 2015. С. 241-256.
3. Anderson B. Imagined Communities. London, New York: Verso, 2006.
4. Aguilar A.G. and Ward P.M. Globalization, Regional Development, and Mega-City Expansion in Latin America: Analyzing Mexico City's Peri-Urban Hinterland // Cities. 2003. Vol. 20. № 1 (February). Pp. 3-21.; McGee T.G. The Emergence of Desakota Regions in Asia: Expanding a Hypothesis // The Extended Metropolis: Settlement Transition in Asia / Ed. by Ginsburg N., Koppel B. and McGee T.G. Honolulu: University of Hawaii Press, 1991. Pp. 3-25.
5. Brunt L. Into the community // Handbook of Ethnography / Ed. by Atkinson P., Coffey A., Delamont S, Lofland J. London: Sage, 2001. P. 80.

6. Duncan O.D. Social Characteristics of Urban and Rural Communities. New York: Wiley Chapman, 1950.
7. Germani G. Migration and Acculturation / Handbook for Social Research in Urban Areas / Ed. by Hauser Ph.M. Ghent: UNESCO, 1964. P. 169.
8. Hunter F. Community power structure: A study of decision makers. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1953. Park R., Burgess E.W. and McKenzie R.D. The City. Chicago: University of Chicago Press, 1925.
9. Lynd R.S. and Lynd H.M. Middletown: A Study in Modern American Culture. New York: Harcourt, Brace, 1929.
10. Warner W. L. and Lunt P.S. The Social Life of a Modern Community. New Haven: Yale University Press, 1941.
11. Young M., Willmott P. Family and Kinship in East London. Harmondsworth: Penguin books, 1962.

СОЦИАЛЬНОЕ НЕРАВЕНСТВО В ВОСПРИЯТИИ САРАТОВСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Бегинина Ирина Александровна

*кандидат философских наук, профессор, заведующий кафедрой
социологии регионов социологического факультета Саратовского
национального исследовательского государственного университета
имени Н.Г. Чернышевского. Россия, Саратов,
begininaia@info.sgu.ru*

SOCIAL LOVE IN THE PERCEPTION OF THE SARATOV YOUTH

Irina Beginina

*Ph.D., Professor, Head of the Department of Sociology of regions
of the Sociological Faculty of the Saratov National Research State University
named after N.G. Chernyshevsky. Russia Saratov,
begininaia@info.sgu.ru*

Аннотация

В статье по результатам социологического исследования уточняется восприятие социального неравенства в молодежной среде города Саратова. Проявление этого молодежь чаще всего видит в манерах человека и его поведении в обществе, разных стартовых условиях, в обладании властью, владении собственностью, в доступности качественного образования, здравоохранения. Специфика восприятия социального неравенства молодежи в Саратове напрямую связана с гендерными и возрастными особенностями.

Abstract

The article on the results of the sociological study clarifies the perception of social inequality in the youth environment of the city of Saratov. The manifestation of this young people most often sees in the manners of the person and his behavior in society, different starting conditions, in the possession of power, ownership of property, in the accessibility of quality education, health care. The specifics of the perception of social inequality among young people in Saratov are directly related to gender and age.

Ключевые слова: молодежь, социальное неравенство, проявления и факторы социального неравенства

Keywords: youth, social inequality, manifestations and factors of social inequality

Проблема социального неравенства в настоящее время является предметом пристального внимания исследователей. В работах В.Н. Бобкова, Е.В. Одинцовой [1], А.В. Каравай [2], П.Е. Сушко [10], акцент делается на специфике социального неравенства в России. А.Н. Шерemet [12] показывает особенности его восприятия различными категориями россиян. С.В. Мареева [5] анализирует его проявления в трудовой сфере. П.И. Куконков [4] прослеживает межрегиональные неравенства. М.Ф. Черныш, Ю.Б. Епихина [6] выявляют влияние социального неравенства на социальную мобильность россиян. Особое значение это приобретает в контексте молодежной проблематики. Сегодня особое внимание уделяется социальному неравенству в молодежной среде как по линии образования [3], так и трудовой деятельности [7, 9, 11], выбора жизненного пути [8].

Эти работы показывают, что существующие противоречия в положении молодежи являются результатом развития всего общества, однако современная молодежная политика мало обращает внимание на причины неравенства. С одной стороны, сегодня существует представление о неограниченных возможностях для молодежи – где и как учиться, работать, отдыхать, путешествовать. Вместе с тем повышается и уровень неопределенности в жизненных перспективах. Нестабильность становится частью образа жизни молодых людей, объективно увеличивает период взросления, включая получение образования, поиск постоянной работы, создание семьи и т. д. Исходя из этого, в 2019 году было проведено социологическое исследование, в ходе которого методом анкетирования было опрошено 450 жителей города Саратова по квотно-территориальной выборке. В соответствии с программой исследования в опросе принимала участие молодежь в возрасте от 18 до 30 лет.

Выяснилось, что у 1,3 % молодежи денег не хватает даже на еду. Еще 2,0 % затрудняются даже в приобретении необходимой одежды. Среди юношей таких

в 2 раза больше, чем среди девушек. 34,0 % молодежи могут позволить себе купить еду и одежду, но товары длительного пользования приобрести для них затруднительно. 54,7 % молодых саратовцев (чаще – девушки) могут без труда приобретать вещи длительного пользования, но затруднительно приобретать действительно дорогие вещи (дорогие услуги, машина, отдых за границей, дача). 8,0 % могут позволить себе все, что пожелают.

53,3 % молодежи (особенно юноши – 65,2%) крайне редко, только эпизодически, сталкиваются с проявлением социального неравенства. 29,3 % встречаются с социальным неравенством достаточно регулярно. 17,3 % (особенно девушки – 27,4 %) считают, что сталкиваются с этим каждый день. Опираясь на результаты исследования, можно с уверенностью утверждать, что специфика восприятия социального неравенства молодежи в Саратове напрямую связана с гендерными и возрастными особенностями. Ежедневно девушки сталкиваются с этим чаще, чем юноши.

26,1 % молодых саратовца видят проявление социального неравенства в манерах человека и его поведении в обществе. Для 19,4 % оно отражается на разных стартовых условиях молодежи. 17 % обнаруживают неравенство в обладании властью. 15,9 % – во владении собственностью. 11,3 % – в доступности качественного образования. 9 % – в доступе к платным услугам здравоохранения.

Актуальным остается вопрос о том, чем главным, на взгляд молодежи, жизнь состоятельных людей отличается от жизни всех остальных. 26 % респондентов ответили, что главное отличие богатых – это возможность тратить много денег на досуг. 24 % – считают, что отличие заключается в возможности добиться для своих детей в жизни намного большего, чем все остальные. 21 % молодых людей отмечают, что отличие заключается в высоком качестве жилищных условий человека. По 9 % отметили такие отличия жизни состоятельных людей, как возможность получить качественное образование и уважительное отношение к ним со стороны окружающих. 7 % опрошенных считают, что отличие заключается в возможности проводить

отпуск за границей. И лишь 3 % опрошенных респондентов ответили, что главное различие богатых заключается в возможности иметь интересную работу. Таким образом, доминирующие различия в молодежной среде проявляются в ракурсе ресурсов и возможностей.

Анализ мотивационного ядра молодых людей показал, что наиболее сильным мотивом выбора профессии является желание заниматься тем, что нравится (16,7 %). Интересы считаются самым значимым мотивом выбора профессии, осознаваемым ранее и яснее всех других. Если рассматривать то, как происходил профессиональный выбор респондентов, то нужно заметить, что женщины чаще продолжают семейные традиции, прислушиваются к мнению окружающих, мужчины делают осознанный личный выбор в пользу той или иной профессии.

Самая молодая категория саратовцев считает, что различие стартовых условий не обуславливает их жизненный выбор, т. к. они полны энергии и мотивации для достижения поставленных целей. Более старшая категория молодежи менее мобильна и считает, что стартовые условия определяют их жизненный путь. 75,4 % опрошенных респондентов считают, что высшее образование молодежи необходимо для того, чтобы найти приличную работу и не стать квалифицированным специалистом. Чем старше индивид, тем больше желания получить высшее образование, чего нельзя сказать о представителях младшего возраста.

В процессе исследования также было выявлено, что молодые саратовцы, толерантны к людям иного социального круга (57,95 %). 27,2 % опрошенных респондентов относятся к ним доброжелательно. При этом возраст играет важную роль в определении отношения к людям социально неравным респондентам. Чем старше респондент, тем более подозрительно, неприязненно относится к таким людям. По мнению молодежи, низкий уровень дохода, проводимая социальная политика, слабый уровень культуры являются главными факторами увеличения социального неравенства молодежи в Саратове (соответственно 25, 14 и 13 % респондентов).

Обобщая полученные результаты, можно сказать, что положение молодых саратовцев усугубляется усиливающимся региональным различием, отсутствием равных и доступных возможностей на всей территории страны. Вопросы самореализации и решение проблем, стоящих перед каждым молодым человеком – получение качественного образования, сохранение здоровья, трудоустройство, создание семьи, достижение материального благополучия – должны соотноситься с общими целями развития общества.

Список литературы

1. Бобков В.Н., Одинцова Е.В. Социальное неравенство в России // Журнал Новой экономической ассоциации. 2020. № 3 (47). С. 179-184.
2. Каравай А.В. Неравные возможности в выборе стратегий адаптации как фактор углубления социальных неравенств в российском обществе // Будущее социологического знания и вызовы социальных трансформаций (к 90-летию со дня рождения В.А. Ядова). [Электронный ресурс]. Международная научная конференция (Москва, 28-30 ноября 2019 г.). Сборник материалов / отв. ред. М.К. Горшков; ФНИСЦ РАН. М.: ФНИСЦ РАН, 2019. С. 363-367.
3. Константиновский Д.Л. Образование и рынок труда: новая ситуация // Не расстанусь с молодежью, буду...: сб. науч. статей к 80-летию проф. Ю.Р. Вишневого / [под общ. ред. Ю.Р. Вишневого; отв. за вып. Д.Ю. Нархов]. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018. С. 268-274.
4. Куконков П.И. Межрегиональные неравенства в России: масштабы и следствия // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. Спецвып. 2019. № 1. С. 143-146.
5. Мареева С.В. Неравенство жизненных шансов россиян в сфере баланса жизни и труда // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 3. С. 324-344.
6. Многомерная социальная мобильность в современной России: монография / [Ю.Б. Епихина и др.]; отв. ред. М.Ф. Черныш, Ю.Б. Епихина. – Электрон.

текст. дан. (объем: 1,15 Мб). М.: Институт социологии ФНИСЦ РАН, 2018. С. 97-98. 1 электрон. опт. диск 12 см. (CD-ROM).

7. Молодежь: конструирование трудовой биографии [Электронное издание] // ИНАБ № 1. 2018 [М.К. Горшков и др.]; отв. ред. М.К. Горшков. Электрон. дан. (объем 1,6 Мб). – М.: Институт социологии ФНИСЦ РАН, 2018. С. 136-137. 1 электрон. опт. диск 12 см. (CD-ROM).

8. Прошкова З.В. В колледж после 9 класса: мотивы личного и семейного выбора // Проблемы и пути социально-экономического развития: город, регион, страна, мир: VIII Междунар. науч.-практ. конф.: сб. ст. / отв. ред. Н.М. Космачева. – СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2018. С. 110-117.

9. Социальная адаптация молодежи на рынке труда. Информационно-аналитический бюллетень (ИНАБ). 2019. № 4. 131 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.isras.ru/index.php?page_id=1198&id=7609.

10. Сушко П.Е. Социальные неравенства в контексте теории модернизации // Особенности модернизации социальной структуры российского общества: [монография]. [Электронный ресурс] / [З.Т. Голенкова и др.]. Электрон. текст. дан (объем 2,32 Мб). – М.: ФНИСЦ РАН, 2018. С. 19-25. Официальный портал ФНИСЦ РАН: (веб-сайт). [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.isras.ru/index.php?page_id=1198&id=6805.

11. Черныш М. Ф. Молодежь на рынке труда: проблема неравенства // Будущее сферы труда: глобальные вызовы и региональное развитие: сборник статей Международного форума Будущее сферы труда: достойный труд для всех (г. Уфа, 4-5 февраля 2019 г.) / под ред. Г.Р. Баймурзиной, Р.М. Валиахметова. Уфа: Мир Печати, 2019. С. 247-254.

12. Шеремет А.Н. Стратификация представлений о социальном неравенстве в российском обществе: «классы представлений» vs «классы социума» // Социология. 2020. № 3. С. 46-53.

**ИНСТИТУТ ДОБРОВОЛЬЧЕСТВА:
СОЦИАЛЬНОЕ ВОЛОНТЕРСТВО КАК ФОРМА СЛУЖЕНИЯ**

Богомолова Татьяна Алексеевна
*магистрант Саратовского государственного технического
университета имени Гагарина Ю.А., Россия, Саратов*
ta.bogomolova@mail.ru

**INSTITUTE OF VOLUNTEERISM:
SOCIAL VOLUNTEERING AS A FORM OF SERVICE**

Tatyana Bogomolova
*master's degree, Yuri Gagarin State Technical
University of Saratov, Russia, Saratov*
ta.bogomolova@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена проблемам добровольческой деятельности: даны определения ключевых понятий «доброволец» и «волонтер»; сделан небольшой экскурс в историю возникновения явления; выделены и охарактеризованы виды социального волонтерства. Автор утверждает, что добровольчество, ориентируясь на помощь незащищенных слоев населения, становится ресурсом для решения многих социальных проблем в современной России.

Abstract

The article is devoted to the problems of volunteer activity: definitions of the key concept «volunteer» is given; a short excursion into the history of the phenomenon is made; types of social volunteering are identified and characterized. The author argues that volunteering, focusing on helping vulnerable segments of the population, becomes a resource for solving many social problems in modern Russia.

Ключевые слова: добровольческая деятельность, доброволец, волонтер, социальное волонтерство

Keywords: voluntary activity, volunteer, volunteer, social volunteering

В настоящее время добровольчество является одним из актуальных и перспективных направлений, которое, взаимодействуя с государством, не только помогает решать многие практические задачи, но и выступает в качестве самостоятельного движения, реализующего собственные проекты. Наличие и развитие данного явления показывает активную жизненную позицию граждан, динамику развития взаимоотношений между человеком и государством, и как следствие этому становление демократического правового государства, в котором решение многочисленных социальных проблем и преодоление бедности напрямую зависит от вовлеченности граждан в общественно-полезную деятельность на добровольных началах [3, с. 7].

Сами определения понятий «доброволец» и «волонтер» в разных культурах имеют разные коннотации. Российские исследователи чаще всего используют термин «доброволец» в отличие от европейских стран и США, где чаще всего к человеку, занимающемуся безвозмездным трудом, применимо определение «волонтер». Зарубежные авторы вкладывают в это понятие широкий спектр определений. Не уточняя и не конкретизируя детали, они не выделяют четко объект деятельности, поскольку волонтерство распространено в разных областях. К тому же приоритетной ценностью для волонтерской деятельности является сам действующий субъект, который мотивирован духовным и личностным ростом, самореализацией, самовыражением, идентификацией себя с общностью и т. д.

Отечественная добровольческая практика больше ориентирована на социальное служение, что связано с историей возникновения этого явления на Руси. Зародившись в лоне монастырей, созидаась на основании христианского вероучения, добровольчество тесно связано с благотворительностью или милостыней, т. е. «деланьем добра» или «проявлением милости к ближнему», поэтому добровольцу свойственно придавать большую ценность всеобщему благу, отодвигая свои интересы на второй план [4, с. 1884].

Однако разница смысловых характеристик не влияет на ключевую идею добровольчества (волонтерства), под которой понимается участие людей независимо от возраста, расы, пола и вероисповеданий в мероприятиях, направленных

ных на решение социальных, культурных, экономических, экологических проблем в обществе, не связанных с извлечением прибыли [4, с. 1883].

Обращаясь к истории возникновения и развития добровольческого (волонтерского) движения, известно, что это явление формировалось под влиянием социальных проблем. Ориентация на помощь незащищенным слоям населения, стремление добровольцев (волонтеров) облегчить жизнь нуждающимся привели к появлению такого направления этой деятельности, как социальное волонтерство.

В последние годы данное движение появилось и в России. Оно компенсирует невыполненные государством и бизнесом социальные услуги, сплачивает и консолидирует различные группы населения. Социальное волонтерство представляет собой добровольческую деятельность, направленную на оказание помощи, на повышение качества жизни людей, попавшим в тяжелую жизненную ситуацию.

Согласно исследованиям, проводимым Общественным советом при Уполномоченном по правам ребенка при Президенте РФ в 2017 году, социальное волонтерство представлено несколькими направлениями:

- работа с детьми и подростками (помощь в социализации, социальной, психологической и интеллектуальной поддержке детей-сирот, реабилитации и социально-бытовой адаптации инвалидов);
- помощь медицинскому персоналу (уход за больными, выполнение технических функций в медицинских учреждениях);
- адресная помощь (непрофессиональная помощь по хозяйству, предоставление транспорта; уход за больным в домашних условиях, адресная вещевая помощь);
- просветительская деятельность (пропаганда здорового образа жизни, профилактика зависимостей, безнадзорности, бродяжничества, дезадаптации, асоциальных явлений и т. д.);
- досуговая, воспитательная деятельность (организация свободного времени взрослых и детей, проживающих в казенных учреждениях) [2, с. 5-7].

Ознакомившись с разными направлениями социального волонтерства, можно выделить основные характеристики добровольческого движения. Во-первых, нужно отметить его добровольный характер; в волонтерской деятель-

ности недопустимы приказы или принуждения. Во-вторых, его целью является принесение пользы и блага обществу. Еще одна особенность волонтерства – решение социально значимых и актуальных проблем отдельной группы или всего общества, а также отсутствие возрастных, религиозных, профессиональных и образовательных ограничений [1, с. 8]. Добровольная и безвозмездная помощь, стремление волонтера потратить свое время и ресурсы на благо нуждающихся, формирует в сознании людей определенную систему ценностей, базирующуюся на социальной эмпатии и альтруизме, принципах развития гражданского общества и социальной солидарности. Таким образом, социальное волонтерство становится не просто деятельностью, оно перерождается в новую форму, приобретает новый смысл. Добровольчество начинает рассматриваться как служение, где качественно меняются социальные роли и статусы.

Подводя итоги, важно отметить, что именно такая мировоззренческая установка позволяет гражданам государства не оставаться в стороне, а, объединившись, приложить усилия для решения возникающих социальных проблем. Конечно, институт добровольчества в России сегодня находится только на этапе своего становления, однако уже сейчас заметны качественные изменения, происходящие в обществе.

Список литературы

1. Аносов С.С. Философия волонтерского движения или новые формы социального служения // Гуманитарный вектор. 2018. № 2. 6-13.
2. Белановский Ю.С., Ширшова И.В. Мир социального волонтерства. М.: ГБУ города Москвы «Мосволонтер», 2018. 6 с.
3. Бодренкова Г.П. Системное развитие добровольчества в России: от теории к практике. М., 2013. 320 с.
4. Попова А.Ю., Утёмов В.В. Сущность и содержание понятия «добровольчество» // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2017. Т. 39. С. 1881-1885.

**КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ
СРЕДНЕВЕКОВОГО ГОРОДА УКЕК:
КЕЙС ИСТОРИЧЕСКОГО ПАРКА САРАТОВА**

Божок Николай Сергеевич

*к.социол.н., доцент кафедры философии, социологии, психологии
Саратовского государственного технического университета
имени Гагарина Ю.А., Россия, Саратов
nikolaybozhok@gmail.com*

**CULTURAL AND HISTORICAL REENACTMENT
OF THE MEDIEVAL CITY UKEK:
CASE OF THE HISTORICAL PARK SARATOV**

Nikolay Bozhok

*PhD of sociology, Associate Professor,
Department of «Philosophy, Sociology, Psychology»,
Yuri Gagarin State Technical University of Saratov, Russia, Saratov
nikolaybozhok@gmail.com*

Аннотация

Рассматриваются особенности организации и проведения фестиваля археологии и реконструкции «Укек» на территории исторического парка «Россия – Моя история» г. Саратова в период ограничений, связанных с пандемией COVID-19. Анализируются инклюзивные аспекты фестивального пространства в офлайн и онлайн среде. Делается вывод, что новый формат фестиваля создает иную атмосферность, предлагая современные стратегии медиарепрезентации культурно-исторической реконструкции в дискурсе постсобытийности и повышая его инклюзивность для участников и зрителей.

Abstract

The article considers the features of organizing and holding the festival of archeology and reenactment «Ukek» on the territory of the historical park «Russia – My History» in Saratov during the period of restrictions associated with the COVID-19 pandemic. The inclusive aspects of the festival space in the offline and online environment are analyzed. It is concluded that the new format of the festival creates a dif-

ferent atmosphere, offering modern media strategies for the presentation of cultural and historical reenactment in the post-event discourse and increasing its inclusiveness for participants and spectators.

Ключевые слова: культурно-историческая реконструкция; фестиваль; исторический парк; город; атмосфера; онлайн; офлайн; цифровизация

Keywords: cultural and historical reenactment; the festival; historical park; city; atmosphere; online; offline; digitalization

В условиях глобального информационного общества важным фактором трансформации фестивальных практик культурно-исторической реконструкции являются процессы, происходящие в цифровой среде и отражающие специфику цифровизации современной культуры. Пандемия коронавируса существенно усилила этот тренд, актуализировав создание новых онлайн продуктов, воплощенных в городских коммеморативных проектах. Изучение кейса IX фестиваля исторической реконструкции «Укек. Один день из жизни средневекового города», проведенного в сентябре-октябре 2020 года в Саратове, позволяет раскрыть значимые аспекты переформатирования городских коммемораций в условиях ограничений, вызванных пандемией.

В контексте сложившейся ситуации фестиваль «Укек», как и многие другие событийные мероприятия реконструкторов, претерпел существенные изменения, касающиеся его *пространственно-темпоральной организации и содержательного наполнения*. Анализируя произошедшие трансформации изучаемой городской коммеморации, сфокусируем внимание на показателях инклюзии – *территориальной и социальной доступности* локации, *пролонгации* и *цифровизации* фестивального пространства.

Традиционно (начиная с 2012 г.) фестиваль проходил на южной окраине Саратова – месте археологических раскопок золотоордынского города Укек, апеллирующем к городской истории и культуре и создающем атмосферу аутентичности. В 2020 г. *новой локацией* проведения культурно-исторического мероприятия стала территория исторического парка «Россия – Моя история», расположенного в центре города. Преимуществами данной локации в условиях пан-

демии явились ее пространственная доступность для потенциальных посетителей, возможность соблюдения мер безопасности и соответствие требованиям безбарьерной среды для людей с ограниченными возможностями: наличие пандусов и лифтов. *Социальная доступность* обеспечивалась бесплатным посещением мероприятий фестиваля¹. Кроме того, перемещение фестиваля на территорию исторического парка позволило существенно повысить его инклюзивный потенциал за счет *продлонгации* периода работы площадок в офлайн режиме с двух дней до трех недель (с 11 сентября 2020 года по 4 октября 2020 года). В онлайн пространстве фестиваль представлен и в настоящее время.

Содержательное наполнение городской коммеморации сформировала ее новая концепция, ключевая идея которой заключалась в расширении научно-просветительской составляющей проекта, популяризации и продвижении в цифровой среде результатов археологических исследований. В связи с этим проект получил новое название – фестиваль археологии и реконструкции «Укек» [3]. Его воплощению способствовала активизация сетевого взаимодействия широкого круга мнемонических акторов – реконструкторов, представителей профессиональных сообществ историков, музееведов, археологов, административных структур. Результатом этого сотрудничества стало создание интерактивного фестивального пространства, интегрирующего новейшие достижения в области применения цифровых и мультимедийных технологий, апробированных в историческом парке «Россия – Моя история», и репрезентации культурно-исторической реконструкции в реальной среде.

За время работы офлайн площадок фестиваля учеными-профессионалами и реконструкторами было проведено 420 лекций-практикумов по археозоологии, антропологии, археологии и керамике Укека, 580 мастер-классов по резьбе из дерева, штамповой набойке, плетению кольчуги, монгольской письменности, росписи миниатюр, плетению шнуров, изготовлению кукол, созданию стеклянных бус, ковке металлических изделий, гончарному ремеслу и другим ремеслам средневекового города. В этих мероприятиях приняли участие более 6000 зрителей и гостей фестиваля [1].

¹ Исторический парк «Россия – моя история» <https://myhistorypark.ru/about/>

Репрезентативные и инклюзивные возможности реконструкторского фестиваля существенно возросли в результате использования цифровых и мультимедийных технологий, способствующих разносторонней репрезентации исторических и культурных образов. Интенсивная цифровизация фестивального пространства культурно-исторической реконструкции началась в 2016 г. с проекта пространственно-темпоральной модели средневекового города Увек [6], разработанного сотрудниками Научно-внедренческого центра геоинформационных технологий и Института археологии и культурного наследия СНИГУ имени Н.Г. Чернышевского. Онлайн версия проекта позволяет совершить виртуальную «прогулку» по улицам города или пролететь над ним на высоте птичьего полета и оценить его размеры [7].

В 2020 г. границы фестивального пространства были расширены в рамках реализации проекта «Археологический детектив: увлекательное путешествие в прошлое», осуществленного при поддержке Фонда президентских грантов. Инновационные подходы к освоению цифровой среды нашли выражение в использовании смешанной реальности (mixed reality), геймификации, в сочетании офлайн и онлайн презентаций культурно-исторической реконструкции Укека.

Новизной проекта явилась разработка бесплатной мобильной игры с дополненной реальностью в виде интерактивного квеста, позволяющего посетить все площадки фестиваля, провести средневековое расследование и на основе научной информации, полученной через раскопки и историческую реконструкцию, восстановить жизнь одного или двух жителей Укека. По замыслу организаторов правильные ответы на вопросы дают возможность увидеть объекты в формате дополненной реальности и повысить интерес к изучению историко-культурного наследия региона [3].

Оптимальный баланс сочетания фестиваля в офлайн и онлайн пространстве в условиях ограничений демонстрирует стационарная выставка, действующая в период проведения и после завершения фестиваля в историческом парке «Россия – Моя история», созданная по результатам раскопок на Увекском городище. Выставка включает археологические находки, художественные ин-

сталляции и новую компьютерную игру – археологический квест. Весь материал выставки построен по принципу прохождения посетителем пути археолога и разгадывания исторических тайн, сокрытых в земле [3].

Важной составляющей проекта в цифровой среде стал виртуальный тур по площадкам фестиваля археологии и реконструкции «Укек», представленный на его сайте в настоящем времени [4]. Тур включает онлайн посещение оцифрованных площадок с экспонируемыми находками из раскопок в формате 360° минувшего фестиваля, видеоролики, игры и приложения для гаджетов [3]. Оценивая данный онлайн продукт, мы разделяем мнение экспертов, что «...экспозиция, выстроенная исключительно по принципам цифровой истории, имеет ряд неоспоримых достоинств, выражающихся в возможностях неограниченного расширения и совершенствования исторического контента, внедрения новых мультимедийных средств и дизайнерских приемов для его репрезентации...» [2, с. 57], однако при этом она остается репрезентацией истории в оцифрованном и сжатом виде, что не всегда способствует достижению аутентичности.

Завершая анализ представленного кейса, отметим наиболее значимые особенности трансформации фестивального пространства в условиях пандемии коронавируса. Новый формат проекта, реализованный в рамках сетевого взаимодействия мнемонических акторов, демонстрирует сопряжение реального и виртуального пространства культурно-исторической реконструкции, что позволяет реализовать широкий спектр культурных практик, связанных с использованием цифровых и мультимедийных технологий. Важными результатами его реализации являются: наращивание научно-просветительского потенциала культурно-исторической реконструкции, динамичное развитие виртуальной репрезентации фестивального пространства, повышение его инклюзивности. Вместе с тем, согласно нашим наблюдениям, проведение фестиваля вне аутентичного места и смена его формата отразились на иммерсивности как на одном из значимых показателей формирования атмосферы коммеморации в офлайн пространстве, связанном с интенцией реконструкторов к достижению аутентичности. В условиях пандемии программа культурно-исторической реконструкции была лишена проводимой в формате «живой истории» закрытой части

фестиваля с участием самих реконструкторов для реконструкторов, традиционно проводимой накануне коллективного посещения зрителями фестивальных площадок аутентичного места памяти – археологического памятника Увекского городища.

Список литературы

1. Абарсов А. Из-за коронавируса традиционный фестиваль «Укек» провели в другом месте // Общественное мнение. 10.10.2020 URL: <https://omsaratov.ru/culture/10-october-2020-i90870-iz-za-koronavirusa-tradicio> (дата обращения: 15.10.2020).
2. Андрейчева М.Ю. На гребне digital history: мультимедийные исторические парки «Россия – моя история» в контексте цифровой эпохи // Манускрипт. 2020. Т. 13. № 6. С. 53-59.
3. Археологический детектив: увлекательное путешествие в прошлое // URL: <https://президентскиегранты.рф/public/application/item?id=55455C56-33B2-480D-881A-A81206F19A62> (дата обращения: 17.10.2020).
4. Виртуальное путешествие по фестивалю археологии и реконструкции «Укек-2020». URL: <https://ukekfest.ru/festival/2020-arheologicheskij-detektiv/virtualnyj-tur-po-festivalyu/> (дата обращения: 15.10.2020).
5. Вязинкин А.Ю., Двухжилова И.В. Проблема виртуальных реконструкций «мест памяти» в свете пространственного культурного поворота // Урбанистика. 2020. № 3. С. 1-8. DOI: 10.7256/2310-8673.2020.3.32423 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=32423 (дата обращения: 17.10.2020).
6. В СГУ представили проект виртуальной прогулки по древнему Увеку // URL: <https://fn-volga.ru/news/view/id/49497> (дата обращения: 17.10.2020).
7. Модель средневекового города Увек. URL: <http://uvek.sgu.ru/index.php/prostranstvenno-vremennaya-model-srednevekovogo-goroda-uvek> (дата обращения: 21.10.2020).

* * *

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ
в рамках научного проекта №18-18-00321-П*

**ВИРТУАЛИЗАЦИЯ ГОРОДСКИХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ПРОСТРАНСТВ
КАК ИНДИКАТОР ИЗМЕНИВШЕЙСЯ ГОРОДСКОЙ
ПОВСЕДНЕВНОСТИ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ COVID-19**

Борисова Владислава Романовна
*студент-магистр 1 курса Факультета социальных наук
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики», Россия, Москва
borisova.vld@gmail.ru*

**VIRTUALIZATION OF URBAN PUBLIC SPACES AS AN INDICATOR
OF CHANGED URBAN EVERYDAY LIFE
IN THE CONTEXT OF THE COVID-19 PANDEMIC**

Vladislava Borisova
*1st year master's student, Faculty of Social sciences
National Research University Higher School of Economics, Russia, Moscow*

Аннотация

С целью исследования изменения городской повседневности в условиях мировой пандемии COVID-19 был рассмотрен процесс перехода городских общественных пространств в онлайн-формат с помощью авторской исследовательской методики «виртуальное кейс-стади». Результаты исследования позволяют сделать прогнозы о дальнейшем использовании виртуальных городских общественных пространств.

Abstract

In order to study the changes in urban everyday life in the context of the global COVID-19 pandemic, the process of transition of urban public spaces to an online format was considered using the author's research methodology «virtual case study». The results of the study allow us to make predictions about the future use of virtual urban public spaces.

Ключевые слова: виртуальные городские общественные пространства; городская повседневность; кейс-стади; пандемия COVID-19

Keywords: virtual urban public spaces; urban everyday life; case-study; COVID-19 pandemic

В условиях изменившейся из-за пандемии COVID-19 повседневности городские общественные пространства – это то, что в наибольшей степени стало не хватать горожанам. Однако площадки для привычных повседневных практик удалось сохранить благодаря переходу городских общественных пространств в онлайн-формат.

С целью получения эмпирической информации об этом процессе была разработана авторская методика «виртуальное кейс-стади», адаптированная под виртуальные городские общественные пространства. Главная идея использования метода «виртуальное кейс-стади» состоит в том, чтобы рассмотреть происходящий процесс с разных сторон. Для этого была разработана комбинация исследовательских методов, которая включила в себя полуструктурированное интервью с посетителем онлайн-пространства, включенное наблюдение в онлайн-пространстве и экспертное интервью с организатором онлайн-пространства.

Для исследования было отобрано восемь различных случаев, благодаря которым стало возможным рассмотрение разных типов городских общественных пространств в онлайн-формате – культурные (театр, музей), образовательные (анти-кафе, коворкинг), спортивные (парк) и досуговые (кафе, бар, музей, игровой клуб). На основе полученных результатов можно сделать следующие выводы.

Виртуальные городские общественные пространства переняли функции «реальных» пространств и предоставили людям возможность осуществлять прежние повседневные практики в онлайн-формате.

Образовательные, культурные и спортивные онлайн-пространства стали более доступными и предоставили выгодные условия участия, чем вызвали наибольший спрос среди молодежи. Однако такие онлайн-пространства как виртуальные «третьи места» – бары, кафе, в полной мере не смогли заменить реальные пространства, так как не восполняли потребности в «живом» обще-

нии, которому препятствовали отсутствие зрительной информации о посетителях и «потеря» культурной памяти о пространстве. Также онлайн-пространства приобрели событийный характер деятельности, в то время как реальные городские общественные пространства предоставляли доступ к участию на постоянной основе.

Основываясь на полученных данных, можно предположить, что в деятельности городских общественных пространств действительно будут больше использоваться элементы цифровизации, так как это позволит им быть доступными для жителей других городов и стран. Но так как потребность молодых людей в «живом» общении и посещении городских общественных пространств в условиях пандемии приобретает наивысшую ценность, «классические» пространства продолжают свое существование и будут наиболее востребованы среди молодежи, а виртуальные пространства станут компромиссом и дополнением к новой форме повседневности.

Виртуализация городских общественных пространств в условиях изменившейся повседневности свидетельствует о том, что в отсутствии доступа к городским общественным пространствам в оффлайн-формате молодые люди желают найти им замену в виртуальной среде. Но если же таких мест не существует в городской среде, то молодые люди будут стремиться найти такие пространства в другом городе, регионе или даже стране.

Список литературы

1. Веселкова Н.В., Вандышев М.Н., Прямикова Е.В. Пешеходное интервью: структура и жанры: // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 4.
2. Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь. М.: Strelka Press, 2018. 106 с.
3. Трубина Е.Г. Город в теории: опыты осмысления пространства. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 520 с.

**ИППОТЕРАПИЯ КАК ТЕХНОЛОГИЯ ИНКЛЮЗИИ ДЕТЕЙ
С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ
В АКТИВНУЮ СОЦИАЛЬНУЮ ЖИЗНЬ**

Боровицкая Юлия Витальевна

*к.п.н., магистрант Волгоградского государственного
социально-педагогического университета, Россия, Волгоград
heida@mail.ru*

**HIPPOTHERAPY AS A TECHNOLOGY FOR INCLUSION OF CHILDREN
WITH DISABILITIES IN ACTIVE SOCIAL LIFE**

Yulia Borovitskaya

*PhD, postgraduate student of
Volgograd state social-pedagogical university, Russia, Volgograd
heida@mail.ru*

Аннотация

В статье рассматривается методологический аспект развития иппотерапии, основные этапы становления данной реабилитационной методики. Кроме того, исследуются методические основы организации и проведения работы с элементами иппотерапии и лечебной верховой езды, а также опыт работы в интегрированных разновозрастных группах.

Abstract

The article discusses the methodological aspect of hippotherapy development, the main stages of the formation of this rehabilitation technique. In addition, the study examines the methodological basis for organizing and conducting work with elements of hippotherapy and therapeutic riding, as well as experience in integrated age groups.

Ключевые слова: иппотерапия, реабилитация, лечебная верховая езда, психолого-педагогическое сопровождение, инструктор, дети с ограниченными возможностями здоровья, интеграция, социализация

Keywords: hippotherapy, rehabilitation, therapeutic horse riding, psychological and pedagogical support, instructor, children with disabilities, integration, socialization

На настоящий момент проблема включения детей и подростков с ОВЗ в активную социальную жизнь находит множество решений – дети обучаются в общеобразовательных школах, благодаря проектам по организации доступной среды, повышают мобильность и уровень социальной активности. Однако, вопрос включения в городскую жизнь сельских детей с ОВЗ еще остается открытым. Попадая в условия города, дети и подростки, имеющие ограничения здоровья, не всегда могут справиться с городскими реалиями – объемом информации, типом людей, отличным от сельских жителей. Вследствие этого им достаточно сложно адаптироваться к городу, построить полноценное общение. Именно поэтому, необходима технология, позволяющая с одной стороны, сохранять специфику сельской привычной среды, с другой – включать элементы городского социума, постепенно формирующие у детей адаптивные навыки. В качестве такой технологии нами была определена иппотерапия, т. к., сохраняя привычные социокультурные элементы (занятия на лошадях в селе), постепенно включаются элементы городского социума – волонтеры, студенты и преподаватели вузов г. Волгограда.

По данным ряда практических исследований в качестве результатов взаимодействия ребенка и лошади можно отметить повышение способности самостоятельно контролировать свои действия, поступки, развитие умения находить решения в трудных ситуациях, повышение коммуникативной активности. Эти навыки являются основными, необходимыми для успешного обучения ребенка в школе (Л.И. Божович, Д.Б. Эльконин) [3, с. 34].

В 2020 году на базе НКО «Южный рубеж» Светлоярского района Волгоградской области начал реализацию проект интегрированной реабилитации детей с ОВЗ и ТЖС с элементами иппотерапии «Доброта в моем сердце». На настоящий момент на территории Светлоярского района проживают более 100 детей с ОВЗ. Семьи, имеющие нарушения в какой-либо сфере, не могут предоставить полноценный ресурс для развития детей. Интеграционный аспект заключается в организации занятий с различными группами детей – с ограни-

ченными возможностями здоровья, в трудной жизненной ситуации, а также волонтеров-детей, подростков и взрослых, которые не только ухаживают за пони и лошадьми, но также помогают при организации занятий. Взрослые, имеющие опыт работы с лошадьми, являются наставниками для детей, подростков и взрослых новичков. Взрослые, по различным причинам также приходящие в проект (желание помогать, психологические проблемы, особенности различного плана) получают бесценный опыт общения с лошадьми, детьми и подростками.

В реализации проекта участвуют студенты помогающих профессий и преподаватели ФГБОУ ВО ВГСПУ, инструктор, казаки общества «Южный рубеж», а также волонтеры. В качестве вывода необходимо отметить, что перспектива развития иппотерапии в сельской среде в качестве инклюзивной технологии, достаточно основательна и требует участия все большего количества социальных партнеров.

Список литературы

1. Вопросы и ответы: пособие по терапевтической верховой езде / Ф. Джосвик, М. Киттрейдж, Л. Макковен, К. Макпарлэнд, С. Вудз. М.: РБОО «МККИ», 2000. 75 с.
2. Цверава Д.М. Иппотерапия. Лечебная верховая езда. Киев: ООО ИД Украинский Медиа Холдинг, 2012. 152 с.
3. «Лошадь в психотерапии, иппотерапии и лечебной педагогике»: учеб. материалы и исследования Немецкого кураториума по терапевтической верховой езде (в двух частях). М.: РБОО «МККИ», 2003. 231 с.

МАЛЫЕ ГРУППЫ В КРИМИНОГЕННЫХ АСПЕКТАХ ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Буланов Владислав Михайлович

*студент кафедры «Философия, социология, психология»
Саратовского государственного технического университета
имени Гагарина Ю.А., Россия, Саратов
vladbul2@gmail.com*

SMALL GROUPS IN THE CRIMINAL ASPECTS OF URBAN SPACE

Vladislav Bulanov

*Student, Department of Philosophy, Sociology, Psychology
Yuri Gagarin State Technical University of Saratov, Russia, Saratov
vladbul2@gmail.com*

Аннотация

В статье рассматриваются подходы и мотивы криминогенных групп с точки зрения городского пространства. Какое влияние может оказывать застройка, микрорайон, ЖК, на духовно-эмоциональное состояние индивида. Социальная обстановка, демографическое и территориальное положение отдельных частей города, разделение особенностей социума каждого из районов на методе картографирования, на примере города Саратова.

Abstract

The article examines the approaches and motives of criminogenic groups from the point of view of urban space. What impact can the building, microdistrict, residential complex have on the spiritual and emotional state of an individual? Social situation, demographic and territorial position of individual parts of the city, separation of the characteristics of the society of each of the districts using the method of mapping, using the example of the city of Saratov.

Ключевые слова: криминогенные сообщества; застройка; влияние микрорайона на индивида; малые группы в криминальном аспекте; разделение социальных ориентиров различных групп граждан

Keywords: criminal communities; building; the impact of the neighborhood on the individual; small groups in the criminal aspect; separation of social orientations of various groups of citizens

В настоящее время в современном Саратове участились случаи насилия, криминала и формирования различных девиантных, делинквентных социальных групп. Все эти явления, так или иначе, имеют свои причины, и важно выяснить мотивацию их действий. Саратов – густонаселенный город Поволжья, его территориальное положение на карте проходит вдоль Правобережья Волги, глядя на карту, можно представить последовательное расположение районов города от севера к югу.

Будем рассматривать такие объекты, как: Комсомольский поселок, Пролетарка, СХИ, Агафоновка, Юбилейный. С каждым из этих районов жители хорошо знакомы не понаслышке. В 1990-е годы стремительно развивались криминальные действия, это стало *стартапом* для людей, чье благосостояние не соответствовало их потребностям.

Коренные жители этих районов часто рассказывают истории разбоя, грабежа, краж, создания внушительных опасных групп. По данной проблематике возможно провести исследование с использованием метода картографирования. Это поможет понять, в каких районах Саратова действительно наблюдается потенциально опасная социальная зона. Отметим, что застройка и микрорайон, в котором проживают индивиды, играет большую роль в социализации и эмоционально-духовном состоянии отдельных социальных и возрастных групп населения. Понятно, что в воспитании делинквентов семья играет не последнюю роль, ведь выходцы из семей, живущих в далеко не комфортных условиях, приспособиваясь к аномальному поведению за счет факторов социально-демографического положения и всей криминальной культуры микрорайона.

Теоретически описать данное явление вполне возможно, так как люди в процессе социализации с раннего возраста познают мир за счет *игры*. Так, детская игра *прятки* развивает навык выживания, когда человек нашел укромное место, спрятался, ощущает себя в безопасности, снижается тревожность. Так же зачастую компания молодых людей собирается в укромных местах, подальше от посторонних глаз.

Таковыми объектами выступают многочисленные застроенные дома, которые образуют микрорайоны с плохим видом обзора, что заставляет людей искать места, чтобы чувствовать себя защищенным: «когда мы говорим про архитектуру, модер-

нистское здание – серая коробка, высотка – автоматически воспринимается как что-то плохое. Есть даже исследователи, которые пытались показать, что размеры домов и их конфигурация в пространстве влияет на то, что там происходит с точки зрения социальных процессов» [1]. Подростки, юноши и девушки ощущая себя в данной среде, более расслаблены, пропадает чувство тревоги и опасения осуждения со стороны взрослых. Поколение, родившееся в 1970-х годах, сформировало данную структуру времяпровождения и способа социализации для таких объектов социального пространства. В конечном итоге люди, пристрастившись к такому образу жизни, допускают поведение вне зоны закона.

Актуальность проблемы четко выражена в повседневности социальной жизни подобных районов. Малые группы играют большую роль в системе общественных отношений. К тому же сама застройка добавляет значимость к процессам социума. «Россия – последняя страна в Европе, продолжающая возводить микрорайоны железобетонных многоэтажек. Виной тому устаревшие нормы строительства, а также нежелание властей и девелоперов что-то менять. Современные новостройки вызывают неприятное дежавю: это те же микрорайоны многоэтажек, что строили 40 лет назад. За полвека лишь чуть добавилось цвета да дома выросли с 17 до 24 этажей. В остальном – все те же многоэтажные однотипные здания посреди огромных дворов-пустырей: не среда жизни, а пространство выживания» [2].

Таким образом, устои, правила и принцип жизни любого отдельного района насыщен традиционным поведением людей, которые его населяют. Весь местный колорит представляет собой набор различных, присущих только данной группе граждан, особых поведенческих и эмоциональных признаков. В будущем мы намерены реализовать систему картографирования Саратова, опираясь на качественные исследования.

Список литературы

1. Интернет-ресурс: Вероника Обернихт // Что такое зомби-микрорайоны и чем современные многоэтажные дома отличаются от советских? // Портал «Бумага» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://paperpaper.ru/campus/chto-takoe-zombi-mikrorajony-i-kak-sovr/> (дата обращения 05.12.20).
2. Интернет-ресурс: expert.ru // Алексей Щукин // В ловушке микрорайона // [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.urbanawards.ru/news/v-lovushke-mikrorajjona> (дата обращения 05.12.20).

МАСКА В СИМВОЛИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ ГОРОДА В 2020

Быльева Дарья Сергеевна

*к. полит. н., доцент кафедры общественных наук
Санкт-Петербургского политехнического университета
Петра Великого, Россия, Санкт-Петербург
bylieva_ds@spbstu.ru*

MASK IN THE SYMBOLIC SPACE OF THE CITY IN 2020

Daria Bylieva

*PhD, Associate Professor of the Department of Social Science,
Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University (SPbPU)
Russia, St. Petersburg
bylieva_ds@spbstu.ru*

Аннотация

Маска стала одним из символов пандемии Covid-19. Тенденция надевания масок на скульптуры по всему миру демонстрирует постмодернистскую ироническую актуализацию прошлого в символическом городском пространстве. Даже в случае использования маски на памятнике как простого средства агитации за ее ношение, возможно возникновения многомерного дискурса.

Abstract

The mask has become one of the symbols of the Covid-19 pandemic. There is tendency of putting masks on sculptures around the world. It shows the postmodern ironic actualization of the past in a symbolic urban space. Even if a mask is used on a monument as a simple means of agitating for wearing it, a multidimensional discourse may arise.

Ключевые слова: пандемия, маска, город, символ

Keywords: pandemic, mask, city, symbol

Маска, закрывающая органы дыхания, стала одним из главных символов пандемии 2020 года. За исключением нескольких восточных стран использование ма-

сок до весны 2020 года было продиктовано специфическими ситуациями, связанными с посещением медицинских учреждений, детских мероприятий и т. п. В России неоднозначное отношение к пандемии и ее мерам распространилось и на маски. Несмотря на административные требования их ношения в пространстве больших городах, некоторые пренебрегают этим, другие носят, оставляя открытым нос, или на шее. Но даже для тех, кто не использует маски по прямому назначению, они стали постоянным спутником жизни: маска есть в сумочке, в кармане, висит на зеркале в машине или на крючке в прихожей, как напоминание об опасности или даже современный «оберег».

Маска появляется как символ прежде всего самой пандемии Covid-19 в виртуальном (например, в играх (GTA и др.), в соцсетях (стикеры, дополнения фотографий и т. п.), на фотографии онлайн консультантов и др.) и городском пространстве. Начиная с весны 2020 года, во многих городах мира маски стали одевать на скульптуры и памятники. Такое прибавление современного контекста к историческим объектам, безусловно, является ярким проявлением постмодернизма. Здесь проявляется такие важные черты постмодернизма как включение классических образов в новый контекст, ирония и деконструкция, (последнюю М.Ю. Чотчаева определяет как «расслаивание и декомпозиция всего, что выглядит целостным, внушительным и подлинным» [1, р. 179]). Нельзя сказать, что «актуализация» памятников современными аксессуарами – абсолютно новое явление (например, в 2016 году защитники окружающей среды одевали противогазы на статуи в Лондоне), однако общемировой тренд дополнения памятников новое явление.

Однако какое же значение придается маске на лице памятника? Понятно, что послание в данном случае не ограничивается сообщением о пандемии (хотя фотографии знаменитых памятников с масками могут стать визуальными символами пандемии 2020 без дополнительных коннотаций). Однако весной 2020 года те, кто дополняет памятники, хотели передать более конкретное послание людям. Важно отметить, что «дополнение» памятников в городах могло иметь разных инициаторов. Как отмечает И. Бен-Рафаэль с соавторами, объекты городского символического пространства могут быть либо «нисходящими», которые появляются по распоряжению государственных или местных органов власти и «восходящими», создающимися по инициативе индивидуальных социальных акторов [2, р. 14].

Огромные памятники, такие как статуи Свободы (Нью-Йорк), Христа-Искупителя (Рио-де-Жанейро), Будды недалеко от Бангкока (Таиланд) не могли

приобрести тканевый или световой аксессуар без участия или поддержки властей. В этом случае смыслом маски становится сообщение находящимся в городе – «одевайте средства индивидуальной защиты органов дыхания». Однако столь простое и доходчивое послание оказывается втянутым в постмодернистский дискурс. Свобода, ограниченная маской? Спаситель мира, вынужденный защищать органы дыхания? Будда, обеспокоенный болезнью? Данные статуи имеют настолько большое собственное символическое значение, что добавление маски рождает пересечение разнообразных смыслов, часть из которых входит в конфликт с вкладываемым значением.

Памятники и скульптуры, получающие средства индивидуальной защиты по воле рядовых граждан или частных организаций, могут нести как тот же смысл: «надевайте маску», так и прямо противоположный, протестный, иронический: «маска – это безумие». В любом случае скульптуры в масках привлекают внимание публики, которая стремится сфотографировать скульптуры в необычном состоянии. Поэтому организации подчас используют маски на скульптурах как способ привлечения внимания. При этом если маска, становясь со временем все более привычным аксессуаром, уже не смотрится столь забавно на памятниках людям, зато разнообразные животные и необычные скульптуры в масках продолжают смотреться иррационально.

Маски на памятниках – очень заметный способ построения символического дискурса города. Интересно, что значение символики неоднозначно. Безусловным является лишь постмодернистское связывание прошлого и настоящего, нарушение правил и ирония.

Список литературы

1. Чотчаева М.Ю. Постмодернизм в культуре и литературе современности // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 2: Филология и искусствоведение. 2017. (2). С. 177-182.
2. Ben-Rafael E., Shohamy E., Hasan Amara M., Trumper-Hecht N. Linguistic Landscape as Symbolic Construction of the Public Space: The Case of Israel // International Journal of Multilingualism. 2006. № 1 (3). С. 7-30. DOI:10.1080/14790710608668383.

РАЗЛИЧИЯ В ВОСПРИЯТИИ УЛИЧНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В РОССИИ

Веркеев Арсений Максимович

*магистр социологии, аспирант департамента социологии
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики», РФ, г. Санкт-Петербург
Email: averkeev@ya.ru*

DIFFERENCES IN PERCEPTIONS OF STREET SAFETY IN RUSSIA

Arseny Verkeev

*MA in Sociology, Doctoral Student, National Research University Higher
School of Economics, Russia, Saint Petersburg*

Аннотация

Автор обращается к проблеме социального неравенства в восприятии людьми пространства и ставит целью выявление связей между ощущением безопасности в районе проживания и социально-демографическими характеристиками жителей России. Регрессионный анализ данных двух репрезентативных опросов (четыре выборки за 2010 и 2016 гг.) позволил высветить существующие различия в восприятиях уличной безопасности. Чувствуют меньшую безопасность: жители больших городов в сравнении с жителями сельской местности; женщины; люди старшего возраста; люди с плохим здоровьем; сталкивавшиеся с преступностью.

Abstract

The author addresses the problem of social inequality in people's perception of space and aims to identify the links between the feeling of safety in the residential area and the socio-demographic characteristics of the Russian population. Regression analysis of data from two representative surveys (four samples from 2010 and 2016) highlighted the existing differences in perceptions of street safety. Those who feel less safe are: residents of large cities as compared with residents of rural areas; women; older people; people with poor health; people who reported victimization experience.

Ключевые слова: субъективная безопасность; уличная безопасность; социальное неравенство; триангуляция

Keywords: perceived safety; street safety; social inequality; triangulation

Представьте, что вы идете в одиночестве после наступления темноты в том районе, где вы живете. Насколько безопасно вы себя чувствуете в такой ситуации? Различия в ответах людей на подобные вопросы между социальными группами составляют предмет исследований субъективной безопасности.

К издержкам чувства небезопасности относятся эмоциональные затраты (беспокойство, тревога), трата времени (изменение маршрута или способа перемещения с целью избежать опасных мест), финансовые траты (оплата такси, средств самообороны), и другие. О присутствии таких издержек и их влиянии на жизненный опыт свидетельствуют качественные исследования, в том числе в крупных российских городах [1]. Распространенность чувства небезопасности и его неравное распределение между социальными группами фиксируют количественные исследования. Являясь одним из показателей качества жизни, субъективная безопасность получает большое внимание со стороны социальных ученых и практиков, однако в России это направление остается недостаточно развитым. Данные российских волн международных опросных проектов, таких как Европейское социальное исследование (European Social Survey, ESS), включаются в исследования не всегда, а если включаются, то результаты для России подробно не обсуждаются [3; 4]. Иные российские наборы данных, которые могли бы быть использованы для исследования субъективной безопасности, имеют ряд ограничений. Так, вопрос об опасениях по поводу нахождения в районе проживания респондента задавался в одном опросе в 2009 году [5], однако он не способен репрезентировать население страны, т. к. опирался на небольшую выборку населения Волгоградской области. Вопрос о безопасности нахождения ночью на улице использовался в 2017 году в опросе студентов трех российских городов [2], и эти данные также нерепрезентативны для всего населения страны.

Настоящая работа расширяет перспективу путем регрессионного анализа четырех репрезентативных для населения России выборок, полученных двумя опросными проектами в 2010 и 2016 гг.: Российским мониторингом экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS), а также ESS. Зависимая переменная в анализе – уровень чувства небезопасности. Вопрос в ESS и RLMS сформулирован идентично – о чувстве (не)безопасности в темное время суток в районе проживания. Варианты ответа: В полной безопасности; В относительной безопасности; Небезопасно; Совсем небезопасно. Независимые переменные: гендер и возраст респондента, наличие высшего образования, субъективная оценка собственного здоровья (совсем плохое; плохое; среднее; хорошее; очень хорошее), место жительства (большой город; город и ПГТ; село), виктимный опыт, то есть наличие опыта становления жертвой преступления у респондента или членов его семьи за последние 5 лет. Также в модели включен эффект взаимодействия между гендером и возрастом. Результаты представлены в таблице.

Линейная регрессия (МНК), предсказывающая уровень чувства небезопасности (1-4). Примечание: * $p < 0,1$; ** $p < 0,05$; * $p < 0,01$. Стандартные ошибки в скобках**

Независимые переменные	ESS, 2010	RLMS, 2010	ESS, 2016	RLMS, 2016
Гендер: женский	0,217*** (0,032)	0,487*** (0,015)	0,188*** (0,031)	0,352*** (0,017)
Возраст (лет)	0,119*** (0,028)	0,081*** (0,013)	0,009 (0,025)	0,034** (0,015)
Высшее образование: есть	0,089** (0,036)	-0,025 (0,018)	-0,009 (0,033)	-0,015 (0,019)
Оценка здоровья (1–5) <i>От плохого к хорошему</i>	-0,129*** (0,024)	-0,106*** (0,012)	-0,137*** (0,022)	-0,103*** (0,014)
Проживание: город и ПГТ	-0,041	0,0005	-0,202***	0,062***

Независимые переменные	ESS, 2010	RLMS, 2010	ESS, 2016	RLMS, 2016
<i>Опора: Большой город</i>	(0,036)	(0,018)	(0,035)	(0,020)
Проживание: село	-0,515***	-0,194***	-0,248***	-0,261***
<i>Опора: Большой город</i>	(0,041)	(0,019)	(0,040)	(0,021)
Виктимный опыт: да	0,352***	0,186***	0,419***	NA
	(0,044)	(0,028)	(0,048)	
Гендер: женский * Возраст	-0,117***	-0,052***	-0,060*	0,005
	(0,033)	(0,016)	(0,031)	(0,017)
Число наблюдений	2,499	13,686	2,352	10,000
R ²	0,139	0,107	0,090	0,085

Можно видеть, что, во-первых, женщины более склонны заявлять о чувстве небезопасности, чем мужчины. Этот эффект значим для всех четырех выборок. Во-вторых, уровень чувства небезопасности повышается вместе с возрастом – значимый положительный эффект есть применительно к трем выборкам, за исключением ESS 2016 года. В-третьих, наличие у респондента высшего образования было положительно связано с чувством небезопасности в 2010 году только по данным ESS, по данным RLMS эффект незначим. В-четвертых, те, кто заявляет о более плохом здоровье, также склонны говорить и о повышенном чувстве небезопасности. В-пятых, имеет значение место проживания: жители сельской местности чувствуют себя безопаснее, чем жители больших городов, однако по небольшим городам и ПГТ результаты смешанные. В-шестых, носители виктимного опыта говорят о повышенном чувстве небезопасности. Таким образом, в России существуют устойчивые различия в восприятии безопасности района проживания между разными социальными группами.

Список литературы

1. Багина Я.А. Страх и тревога как часть женских пространственных историй в городе // Интеракция. Интервью. Интерпретация, 2019. Т. 11. № 17. С. 46-60.

2. Гуринская А.Л. Цифровое управление в сфере обеспечения безопасности: восприятие молодыми гражданами новых стратегий полицейской деятельности в России // Государство и граждане в электронной среде: сборник научных трудов XXII Международной объединенной научной конференции «Интернет и современное общество», IMS-2019, Санкт-Петербург, 19-22 июня 2019 г. Вып. № 3. СПб.: Университет ИТМО, 2019. С. 116-131.

3. Barni D., Vieno A., Roccato M. & Russo S. Basic Personal Values, the Country's Crime Rate and the Fear of Crime // Social Indicators Research, 2016. Vol. 129. № 3. P. 1057-1074.

4. Vauclair C.M., Bratanova B. Income inequality and fear of crime across the European region // European Journal of Criminology, 2017. Vol. 14. № 2. P. 221-241.

5. Wheelock D., Semukhina O., Demidov N.N. Perceived Group Threat and Punitive Attitudes in Russia and The United States // British Journal of Criminology, 2011. Vol. 51. № 6. P. 937-959.

**ИЗОБРЕТАЯ ТРАДИЦИИ:
ФОРМЫ КОММЕМОРАЦИИ ЕКАТЕРИНЫ II В КАЗАНИ**

Галиндабаева Вера Валериевна
к.социол.н., с.н.с., Социологический институт РАН –
филиал ФНИСЦ РАН, Россия, Санкт-Петербург
vgalindabaeva@gmail.com

**INVENTED TRADITIONS: FORMS OF COMMEMORATION
OF CATHERINE II IN KAZAN**

Vera Galindabaeva
PhD in Sociology, Senior Research Fellow,
Sociological Institute of RAS – Branch of
the Federal Center of Theoretical and Applied
Sociology of the Russian Academy of Sciences, Russia, St. Petersburg
vgalindabaeva@gmail.com

Аннотация

Екатерина II – это единственный правитель Российской империи, чей образ наделен наиболее положительными чертами в публичном пространстве постсоветского Татарстана. В статье на основе анализа экспертных интервью и материалов СМИ мы рассматриваем эстетико-экспрессивные способы передачи истории правления Екатерины II, которые продвигает региональная элита.

Abstract

Catherine II is the only ruler of the Russian Empire, whose image is endowed with the most positive features in the public space of post-Soviet Tatarstan. In the article, based on the analysis of expert interviews and media materials, we consider the aesthetic-expressive main ways of conveying the history of the reign of Catherine II, which are promoted by the regional elite.

Ключевые слова: Казань; историческая память; национальная история

Keywords: Kazan; historical memory; national history

Сегодня история рассматривается как одна из форм коллективной памяти. Джеффри Олик рассматривает историю и историографию как часть ландшафта

воспоминаний, который составляют также фестивали, юбилеи, монументы, руины, фотографии и т. п. Он приводит классификацию Питера Райхеля, который выделяет 4 типа способов передачи памяти, аффективные способы (фестивали, юбилеи), эстетико-экспрессивные (места памяти, руины, мемориалы), инструментально-когнитивные способы передачи памяти (история, историография) и политически-моральные (амнистия, репарации) [3].

В данном исследовании мы рассматриваем эстетико-экспрессивные способы передачи истории правления Екатерины II, которые продвигает региональная элита. Екатерина II – это единственный правитель Российской империи, чей образ наделен наиболее положительными чертами в публичном пространстве города. Период ее правления рассматривается как «золотой век» татар в Российском государстве, потому что был издан указ о веротерпимости.

В то же время образ Екатерины в целом положителен, но не лишен противоречий. Ученые и публицисты недовольны тем, что Екатерина II использовала ислам в качестве инструмента управления и усмирения татар, то есть проводила политику в интересах своего государства, а не в интересах благоденствия этой этнической группы. Особенно ярко это противоречие в оценках деятельности императрицы видно в дискуссиях по вопросу установки памятного знака Екатерине II на противоположном от Старо-Татарской слободы берегу озера Кабан в Казани [1, 2].

Памятный знак императрице так и не установили, но в центре Казани уже есть посвященный ей артефакт. Бронзовая копия кареты Екатерины II украсила улицу Баумана в 2000 году. Деревянная карета, с которой снимали копию, находится в музее и является ценной частью экспозиции. Две эти кареты – деревянная и бронзовая – призваны увековечить в памяти населения города путешествие Екатерины в Казань и ее положительную роль в судьбе жителей губернии. Более 50 статей было посвящено этим каретам с 2000 по 2015 год.

Карета Екатерины II представляется нам идеальным примером того, что Э. Хобсбаум называл изобретением традиций [5]. Доподлинно известно, что

экипаж, изготовленный во Франции в 18 веке, архиепископ Павел передал летом 1889 года городской Думе. Тогда в 19 веке предположили, что эта карета могла принадлежать императрице. Однако документы, подтверждающие, что на этой карете Екатерине II передвигалась по Казани, до сих пор не найдены [4]. Тем не менее, никто не отказывается от этой изобретенной в 19 веке памяти, ведь формулировка «карета времен Екатерины II» лишает экспонат значимости и привлекательности в глазах агентов, конструирующих исторические дискурсы.

Список литературы

1. Бадретдин Г., Муртазин А., Мухаметрахимов А. Царская честь: поставят ли татары памятник Эби патше на Кабане? [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.business-gazeta.ru/article/308224> (дата обращения 04.09.2020).
2. Бустанов А. «Образ Екатерины II и идея с «возрождением» являются результатом какого-то закулисного компромисса» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://realnoevremya.ru/articles/29225> 20.04.2016 (дата обращения 04.09.2020).
3. Олик Дж. Фигурации памяти: процессо-реляционная методология, иллюстрируемая на примере Германии. Социологическое обозрение, 2012. № 11(1). С. 40-75.
4. Райхшат А. (2017, июнь 06) «1 день – 1 экспонат»: Екатерина II. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://kazanreporter.ru/post/2368_1_den_-_1_eksponat-_kareta_ekateriny_ii (дата обращения 04.09.2020).
5. Хобсбаум Э. Изобретение традиций // Вестник Евразии 2000. № 1. С. 47-62.

**НЕРАВЕНСТВА, СТРАХИ И ПЕРЕФОРМАТИРОВАННОСТЬ
ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ
ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ COVID- 19**

Галкин Константин Александрович

к.социол.н, старший научный сотрудник

*Социологического института РАН – филиал Федерального
научно-исследовательского социологического центра РАН,*

Россия, Санкт-Петербург, Kgalkin1989@mail.ru

**INEQUALITIES, FEARS AND REFORMATTING
OF URBAN SPACE IN THE PERCEPTIONS OF OLDER
PEOPLE DURING THE COVID-19 PANDEMIC**

Konstantin Galkin

PhD in Sociology, Senior Research

Fellow Sociological Institute of RAS,

*a Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the
Russian Academy of Sciences, Russia, St. Petersburg, Kgalkin1989@mail.ru*

Аннотация

Цель исследования проанализировать вопрос о том, какие особенности восприятия и использования городского пространства появляются у пожилых людей в период пандемии COVID-19. Метод исследования полуструктурированные интервью с пожилыми людьми, проживающими в Санкт-Петербурге и Петрозаводске. В исследовании показано, какие существуют неравенства и страхи, которые сформированы в рамках ситуации пандемии COVID-19 в двух городах.

Abstract

The aim of the study is to analyze the question of what features of perception and use of urban space appear in older people during the COVID-19 pandemic. Research method semi-structured interviews with elderly people living in Saint Petersburg and Petrozavodsk. The study shows what inequalities and fears exist that are formed in the context of the COVID-19 pandemic situation in two cities.

Ключевые слова: пожилые люди, пандемия COVID-19, неравенства пожилых людей в городах, страхи пожилых людей в период COVID-19

Keywords: older people, COVID-19 pandemic, inequality of older people in cities, fears of older people during COVID-19

Теоретической базой доклада выступают исследования, посвященные неравенству пожилых людей [4, 1]. В настоящем докладе неравенства понимаются, прежде всего, как ограничения, связанные с изоляцией и вынужденным одиночеством, а также чувством вычеркнутости, которое формируется в рамках изоляции и ограничивает агентность самих пожилых людей [5, 3].

В исследовании анализируется городское пространство, которое пересобирается пандемией и становится опасным для пожилых людей, что, в свою очередь, оказывает влияние на исключение таких людей из привычной жизни [2, с. 293].

Методология

В исследовании анализируются 20 полуструктурированных интервью с пожилыми людьми, которые были собраны в период пандемии (апрель–май) в Санкт-Петербурге и Петрозаводске.

Результаты

С началом пандемии в обоих городах городское пространство становится небезопасным и нечистым для пожилых людей. Одна из наиболее распространенных проблем – это возможность заразиться при посещении различных магазинов и торговых центров:

«Раньше все было удобно. После поликлиники можно было взять и зайти, к примеру, в торговый центр. А там мясной магазин очень хороший, всегда там колбасу покупала и, в общем-то, другими продуктами затаривалась. А теперь уже нет, теперь приходится все в соседнем магазине здесь закупать, а там и просрочка может быть, да и вообще вкус абсолютно не тот у продуктов» (ж., 83, Петрозаводск).

Другим страхом, который формируется в рамках восприятия города, выступает опасение за работу городских сервисов. Наибольшие опасения здесь связаны именно с тем, что медицинские сервисы начинают работать по-другому, и могут возникнуть сложности и при обращении к врачу, и во время вызова скорой медицинской помощи:

«Теперь у нас здесь, как в селе глухом. Даже если скорую вызовешь, то иди ее дождись! И когда вообще она приедет? Помимо того, что приехать может не вовремя, также еще и врачи всякую заразу, вполне возможно, могут привезти» (ж., 78, Петрозаводск).

С другой стороны, опасность и недоверие вызывают городские сервисы, которые присутствуют в городах. При этом наибольшие сложности с вызовом волонтеров или обращением в службы доставки продуктов испытывают пожилые люди, которые проживают в Петрозаводске, – ввиду отсутствия подобных сервисов или их крайне низкого качества.

Заключение

Одной из важных характеристик городского пространства для пожилых людей в период пандемии выступает его переформатированность, которая строится на основании двух факторов: опасности/безопасности мест (страхи, связанные с боязнью заразиться) и недоступности мест (страхи, которые связаны с различными ограничениями в использовании городских сервисов и медицинской помощи).

Различные города – в зависимости от их размера – способствуют появлению тех или иных неравенств, но ключевой особенностью неравенств пожилых людей в период пандемии как в Санкт-Петербурге, так и в Петрозаводске выступают неравенства, которые связаны с закрытием городского пространства и формированием недоверия в городском пространстве. Речь идет о том, что, когда город изолирует самих пожилых людей, закрытые городские пространства влияют на потерю пожилыми людьми агентности и автономности.

Список литературы

1. Григорьева И.А., Чернышова С.П. Новые подходы к профилактике социального исключения пожилых // Журнал социологии и социальной антропологии. 2009. Т. 12. № 2.
2. Blundell R. et al. COVID-19 and Inequalities // Fiscal Studies. 2020. Т. 41. № 2. С. 291-319.
3. Shankar A. et al. Social isolation and loneliness: Prospective associations with functional status in older adults // Health psychology. 2017. Т. 36. № 2. С. 179.
4. Thomése F., Buffel T., Phillipson C. Neighbourhood change, social inequalities and age-friendly communities // Age-friendly cities and communities: A global perspective. 2018. С. 33-49.
5. Valtorta N., Hanratty B. Loneliness, isolation and the health of older adults: do we need a new research agenda? // Journal of the Royal Society of Medicine. 2012. Т. 105. № 12. С. 518-522.

**ПОЛОЖЕНИЕ О МОНЕТИЗАЦИИ ОСОБО ОХРАНЯЕМЫХ
ПРИРОДНЫХ ТЕРРИТОРИЙ: ПОСЛЕДСТВИЯ
ДЛЯ ЖИТЕЛЕЙ САРАТОВСКОЙ АГЛОМЕРАЦИИ**

Горбунова Евгения Павловна

*студентка направления «Социология» кафедры
«Философия, социология, психология» Саратовского государственного
технического университета имени Гагарина Ю.А., Россия, Саратов
gorbunova.sstu@gmail.com*

Новикова Алена Романовна

*студентка направления «Социология» кафедры
«Философия, социология, психология» Саратовского государственного
технического университета имени Гагарина Ю.А., РФ, Саратов
al.novikova.r01@gmail.com*

**REGULATIONS ON THE MONETIZATION OF SPECIALLY
PROTECTED NATURAL AREAS: CONSEQUENCES
FOR THE CITIZENS OF THE SARATOV AGGLOMERATION**

Evgenia Gorbunova

*student of Sociology of the Department of «Philosophy, sociology, psychology»
of Yuri Gagarin State Technical University of Saratov, Russia, Saratov
gorbunova.sstu@gmail.com*

Alyona Novikova

*student of Sociology of the Department of «Philosophy, sociology, psychology»
of Yuri Gagarin State Technical University of Saratov, Russia, Saratov
al.novikova.r01@gmail.com*

Аннотация

Цель данной работы – исследовать, как принятие постановления о взимании платы за посещение ООПТ повлияет на повседневность граждан Саратовской агломерации и доступность городской среды. Рассмотренные в первой части теоретические аспекты принятия постановления и эмпирические данные, полученные методом контент-анализа во второй части, позволяют выявить возможные последствия вступления в силу изучаемого положения.

Abstract

The aim of the study was to analyze how the adoption of a decree on the charging of fees for visiting SPNA would affect on everyday life of citizens Saratov agglomeration and the accessibility of the urban environment. The theoretical aspects of the promulgating the regulations are considered in the first part and the empirical evidence obtained by the method of content analysis in the second part make it possible to identify the possible consequences of the entry into force of the studied provision.

Ключевые слова: доступность городской среды; активный отдых; особо охраняемые природные территории; налог

Keywords: accessibility of the urban environment; active leisure; specially protected natural areas; taxation

22 июля 2020 года вступило в силу постановление Правительства РФ от 13 июля 2020 года № 1039 «Об утверждении Правил определения платы для физических лиц, не проживающих в населенных пунктах, расположенных в границах особо охраняемых природных территорий, за посещение особо охраняемых природных территорий и установления случаев освобождения от взимания платы» [3], подписанное председателем Правительства РФ М. Мишустиним: владельцы территорий (Национальный парк Хвалынский, дендрарий НИИСХ Юго-Востока, Старичные озера реки Большой Иргиз и пр.) должны обнести их забором и установить плату за вход не ниже минимально допустимой суммы: для ООПТ федерального значения – 118 рублей, регионального – 59 рублей, местного – 30. «Учитывая социальную значимость документа, региональный проект будет разработан только после <...> консультаций с общественностью» [1], а значит, тема остается актуальной. Цель данной работы – рассмотреть, как принятие данного постановления повлияет на повседневность граждан Саратовской области и доступность городской среды.

Гражданам Саратовской области придется столкнуться с совершенно новыми условиями природопользования: как положительными, так и отрицательными. Один из главных плюсов – большой приток рабочих мест: понадобятся кассиры, охранники и прочие. Также улучшение зоны отдыха (озеленение, уборка и др.) в случае, если собранные налоги будут уходить владельцу территории. Однако в уже существующем положении не обговорены получатель налогов и их реализация.

Вступление постановления в силу понесет за собой значительный ряд минусов, усложняющих возможность заниматься активным отдыхом в ООПТ:

1. Необходимость платить за вход, стоять в очереди, ждать чек.
2. Необходимость носить с собой свидетельство о возможности льготного входа.
3. На территории множества ОПТ и так предусмотрены немалые денежные расходы. Например, местный лесхоз популярного места для кемпинга «Спиркин Маяк» берет за въезд 100 рублей с машины, а теперь необходимо будет заплатить еще и за проезд через ООПТ «Оползни».

Помимо отдыха непосредственно в самих ООПТ, их закрытие помешает также перемещаться по городу. Например, невозможность пройти бесплатно через городской парк культуры и отдыха им. А.М. Горького повлечет за собой необходимость делать большой круг около него, чтобы попасть на параллельную улицу. Людям, которым приходится добираться таким маршрутом на работу или в школу, придется делать это минимум дважды в день.

Во многих районах предложенные к закрытию ООПТ являются единственными «зелеными» зонами для прогулок. Их монетизация вынудит граждан преодолевать относительно большое расстояние, чтобы просто «подышать воздухом». Особенно этот пункт касается мам с детьми до 3 лет, которым жизненно необходимы ежедневные неоднократные прогулки на свежем воздухе.

Немаловажно отметить, что многие экологи и специалисты по работе с ООПТ не поддерживают новое постановление. Например, замначальника от-

дела правовой работы министерства природных ресурсов и экологии региона Дарья Степанова в интервью для ИА «Версия-Саратов» отметила, что на данный момент ситуация вызывает множество организационных вопросов [4]. Непонятно, как установить, организовать и контролировать приток денежных средств.

Данный документ не вызвал волнений среди населения, так как не предавался огласке в СМИ. Тем не менее одно из самых популярных сетевых изданий Саратовской области ИА «Версия – Саратов» [4] и группа «Саратов онлайн» [2] в социальной сети «ВКонтакте» выпустили статью и пост соответственно. Информация вызвала бурную реакцию: ярко выраженную негативную окраску, упоминание прочих «грехов» власти. Несмотря на преобладающее несогласие, некоторые все-таки высказали к постановлению положительное отношение, аргументированное более бережным отношением к территории и ее облагораживанием на собранные налоги (не указано в положении). Читатели увидели в таких переменах ущемление прав на пользование ресурсами страны, ограничение доступности среды, прозвали этот подзаконный акт «налогом на воздух» [2].

Приняв во внимание не только ярко-негативное отношение общественности к переменам, но и теоретически рассмотренные аспекты изменений повседневности граждан в условиях соглашения с принятым постановлением, можно сделать выводы: монетизация ООПТ значительно урежет доступность городской среды, уменьшит количество отдыхающих на «свежем воздухе», усложнит передвижения и свободное времяпрепровождение граждан.

Список литературы

1. В настоящее время плата за посещение региональных ООПТ не взимается // Официальный портал правительства Саратовской области – 02.09.20. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://clck.ru/QuKjr> (дата обращения: 16.09.2020).

2. «Новый «налог на природу»: тысячи российских парков закроют для бесплатного посещения – за вход в них придется заплатить минимум 59 рублей», группа «Саратов-онлайн» в социальной сети «ВКонтакте», 1.09.2020, Источник: nversia.ru [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://vk.com/wall-87292497_5695214 (дата обращения: 3.09.2020).

3. Постановление Правительства Российской Федерации от 13.07.2020 № 1039 «Об утверждении Правил определения платы для физических лиц, не проживающих в населенных пунктах, расположенных в границах особо охраняемых природных территорий, за посещение особо охраняемых природных территорий и установления случаев освобождения от взимания платы» // Официальный интернет-портал правовой информации. 14.07.2020. 0001202007140010. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://clck.ru/QuKgu> (дата обращения: 14.09.2020).

4. Тимофей Бутенко. Новый «налог на природу»: тысячи российских парков закроют для бесплатного посещения – за вход в них придется заплатить минимум 59 рублей // ИА «Версия-Саратов», Интернет журнал. 01.09.20. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://clck.ru/QuKma> (дата обращения: 15.09.2020).

СОЦИАЛЬНОЕ НАСТРОЕНИЕ ЖИТЕЛЕЙ ГОРОДА КАК АСПЕКТ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВЛАСТИ

Грачева Оксана Геннадиевна

*к.социол.н., доцент кафедры «Философия, социология, психология»
Саратовского государственного технического
университета имени Гагарина Ю.А.,
Россия, Саратов
ksangr@rambler.ru*

SOCIAL MOOD OF CITY RESIDENTS AS AN ASPECT OF THE POWER ACTIVITIES

Oxana Gracheva

*PhD in Sociology, Associate Professor of the Department of
Philosophy, sociology, psychology
Yuri Gagarin State Technical University of Saratov,
Russia, Saratov
ksangr@rambler.ru*

Аннотация

В статье рассматриваются особенности влияния социального настроения и социального самочувствия жителей города на деятельность и социальную политику местных властей, описывается сложность измерения данного феномена в целях совершенствования проводимых социальных проблем.

Abstract

The article examines the features of the influence of social mood and social well-being of city residents on the activities and social policy of local authorities, describes the complexity of measuring this phenomenon in order to improve ongoing social problems.

Ключевые слова: социальное настроение; социальное самочувствие, социальная реформа, общественное мнение

Keywords: social mood; social well-being, social reform, public opinion

Реформы, произошедшие в сегодняшнем обществе за последнее время, изменили российскую действительность, где возникшие социальные противоречия и динамичные процессы во власти привели к изменениям в социальном настроении людей и смене иерархии ценностных ориентаций жителей различных городов. Реформы характеризуются как отрицательными, так и положительными моментами, среди которых можно выделить достаточно высокую скорость смены характера общественной среды, изменения привычного образа жизни и его качества для народа. В таких реалиях перед властью встает вопрос повышения эффективности работы и выполнения своих обязательств, направленных на достижение определенных результатов, которые должны быть нацелены на повышение социального самочувствия людей, и в целом социального благополучия [1, с. 8].

Власть в городах говорит об увеличении сферы своей ответственности, поставив в центр своей деятельности социальный аспект политики в отношении отдельной территории. Это требует четкой, обоснованной политики как на местном уровне, так и на федеральном уровне. Чтобы политика приняла эффективный характер, необходимо иметь представление о характерных особенностях социального настроения конкретных групп населения. Однако в жизни руководители городов делают выводы о социальном самочувствии людей с точки зрения обыденных, умозрительных и абстрактных выводов и умозаключений. Для проведения эффективной региональной политики и решения возникающих социальных проблем необходимо исследование динамики развития общественного мнения, которое является индикатором удовлетворенности или неудовлетворенности работой властей в области решения социальных проблем. Информация о социальном настроении, которое преобладает в обществе, поможет местной администрации улучшить механизма формирования и последующей реализации социальной политики. На первый план в таких условиях выходит взаимодействие социологов, управленческого звена, психологов и самих горожан с целью совершенствования принятия решений в социальной сфере [3, с. 27].

Понятие «социальное настроение» или «социальное самочувствие» в современной науке используется достаточно широко в практических исследованиях, при этом на категориальном уровне анализ данного понятия недостаточно проведен, потому что не применяется системный подход к изучению данного феномена. Трудность его определения детерминирована сложностью нахождения адекватных методов стимулирования местной, и не только, власти и самого человека. Для разработки долговременной политики формирования социального настроения властям необходимо знать механизм построения взаимоотношений между властью и населением, чтобы повышать социальное настроение с разных сторон.

Но сложность данного процесса заключается в том, что социальное настроение формируется на основе субъективных оценок, которые плохо поддаются процессу измерения, фиксации и обобщения, что делает его изучение достаточно трудным. Для измерения социального самочувствия больших социальных групп используют интерпретативный подход. В социологии для изучения данного явления существует свой метод, который представляет собой единство социологического и социально-психологического подходов, где исследуется устойчивая эмоционально-психологическая реакция человека на те условия, в которых проходит жизнь личности или группы, при этом акцент делается на активность, самореализацию, включенность в социальные процессы самого субъекта. Интересным аспектом изучения социального настроения является выделение элементов, составляющих данный феномен, и представляющих собой различные социальные факторы, внешние по отношению к личности. Также необходимо рассматривать особенности отражения в социальном настроении характеристик успешности человека с точки зрения реализации его жизненных планов и стратегий [4, с. 19].

В рамках данного подхода требуется выявление социокультурных типов отношения населения к проводимым реформам, где должно выделяться понимание того, как в социальном самочувствии людей отражается соотношение между уровнем притязаний и ожиданий и удовлетворенностью потребностей

социального субъекта. Это позволит выяснить те социальные проблемы, которые вызывают самую сильную неудовлетворенность населения. Важно при этом определить те индикаторы социального настроения, которые показывают отношение субъектов к деятельности власти в регионе и в стране в целом. Особое внимание надо уделить так называемой «двойной оценке», которая заключается в том, что социальное настроение показывает оценку субъекта, но его направленность и характер с точки зрения власти и исследователей характеризуются как позитивные или негативные [2, с. 245]. У большого количества людей нет конкретных критериев и показателей, на основе которых формируется социальное самочувствие, скорее всего, оно строится с помощью некоторых стереотипов. Социальное настроение представляет собой показатель или детерминанту деятельности власти, поэтому его формирование и совершенствование является целью политики.

В данном феномене отражается весь спектр нерешенных социальных проблем, что должно побуждать власть к активной деятельности, принятию конкретных управленческих решений в области социальных реформ. С другой стороны, социальное самочувствие является индикатором реакции населения на проводимую социальную политику, способность властей к эффективному управлению, корректируя или изменяя направления политики, которые были выбраны властями в своей деятельности.

Список литературы

1. Абрамов Р.Н. Время и пространство ностальгии // Социологический журнал. 2012. № 4. С. 5-23.
2. Меренков А.В. Человек: взаимосвязь природного и социокультурного. Екатеринбург, 2007. 360 с.
3. Тощенко Ж.Т. Новые лики деятельности: имитация // Социологические исследования. 2012. № 12. С. 23-35.
4. Чугуенко В.М. Новые тенденции в исследовании социального самочувствия населения // Социологические исследования. 2013. № 1. С. 15-23.

**АКТИВНОЕ ДОЛГОЛЕТИЕ КАК ОБРАЗ ЖИЗНИ
СОВРЕМЕННОГО ПЕНСИОНЕРА В УСЛОВИЯХ ГОРОДА***

Григорьева Светлана Анатольевна
*магистр социологии, социолог НОРЦМИ
Саратовского государственного технического университета
имени Гагарина Ю.А., Россия, Саратов
grigoreyvasv@mail.ru*

**ACTIVE LONGEVITY AS A MODERN PENSIONER'S
LIFE STYLE IN CITY CONDITIONS**

Svetlana Grigorieva
*Master of Sociology, sociology SERCMR
of Yuri Gagarin State Technical University of Saratov, Russia, Saratov
grigoreyvasv@mail.ru*

Аннотация

В статье рассматривается активное долголетие в качестве фактора, влияющего на формирование образа жизни городского пенсионера на современном этапе. Автор анализирует понятие «правильного», «продуктивного старения», опираясь на геронтологические теории и современные исследования.

Abstract

The article examines active longevity as a factor influencing the formation of the urban pensioner's lifestyle at the present stage. The author analyzes the concept of «correct», «productive aging», relying on gerontological theories and modern research.

Ключевые слова: старение, продуктивное старение, успешное старение, городской образ жизни, пенсионеры

Keywords: aging, productive aging, aging successfully, urban lifestyle, retirees

На протяжении истории разные культуры по-разному транслировали свои представления о «правильном» старении и что такое «хорошая» старость. Одна из самых известных современных теорий, которая получила наименование успешного старения, разрабатывалась в начале 1960-х годов Робертом Хэвигхёрстом [7, с. 8]. Американским психологом и геронтологом было заложено в ее основу идеи двух социогеронтологических теорий – теории активности и теории разобщения, которые следовали функционализму Толкотта Парсонса. В теории активности предписывалось индивиду необходимость высокого уровня социальной активности (что и до выхода на пенсию). В теории разобщения усматривался «естественный» [7, с. 9] сценарий взаимоотношений между пожилым индивидом и обществом в их постепенном взаимном отчуждении. Хэвигхёрст отмечал, что успешность может быть у обеих моделей старения. Для этого они должны отражать собственный выбор того или иного индивида, который заключается в удовлетворенности своей жизнью, а по мере старения это «добавляет годы к жизни, но и жизнь к годам» [7, с. 9]. Далее различные авторы рассматривали старение с эпитетами «хорошего» старения. Подразумевалось под такой трактовкой именно старение «здоровое» (акцентировалось физическое здоровье), «активное» (важное значение приобретает длительная трудовая занятость и вовлеченность в жизнь социума), «продуктивное» (здесь рассматривалась длительная занятость для того, чтобы индивид дольше смог приносить пользу обществу), «позитивное» (процессы старения и старости воспринимаются как позитивные явления, полные положительных смыслов), «оптимальное». На рубеже 1980-1990-х годов американскими геронтологами Джон Роу и Роберт Кан теория успешного старения была переформулирована для нового поколения ученых и специалистов. Была сформулирована триединая модель успешного старения, которая включает в себя профилактику болезней. Модель включает в себя хорошее физическое и когнитивное здоровье, это позволяет быть максимально вовлеченным в жизнь общества [4, с. 8]. По мнению авторов модели, уровень активности индивида на протяжении жизни, влияет на

физическое и психическое самочувствие в пожилом возрасте. Так, американскими геронтологами возложена ответственность индивида за собственное успешное старение. Это позволило утверждать, что появилась новая геронтология, которая исходит из здоровья, а не болезни [2, с. 70].

На современном этапе развития представлений о том, как лучше стареть, у каждого ученого свой взгляд. Исследователями пополнено понятие успешного старения такими составляющими, как независимость и гармоничная жизнь, духовный рост и принятие смерти. Сейчас происходят изменения в качестве жизни пожилых людей с точки зрения биологических возможностей человека. Происходит развитие медицины, люди стали бережнее относиться к своему здоровью. Сейчас поколения не сталкиваются с серьезными общественными кризисами в жизни, требующими немалой физической нагрузки. Это создает предпосылку для ведения активного образа жизни, занятия спортом, творчеством, работой. Становится популярным новый тренд активной старости с множеством увлечений и хорошим уровнем жизни. Изменения в демографической структуре (позже создаются семьи, рождаются дети, появляются внуки) приводят к тому, что человек в 60-70 лет чувствует себя не обузой, а активным субъектом разных видов деятельности [3, с. 25]. Современные пенсионеры стали больше внимания уделять образовательной, общественной и волонтерской деятельности.

Вторичный анализ результатов исследования «Бауер Барометр», которое было инициировано ВЦИОМ совместно с международной фармацевтической компанией Baуer в 2018 году (1200 респондентов на территории РФ), показал, что пожилые люди в России выражают желание изучать что-то новое (74 %) [5]. По мнению 53 % россиян старше 60 лет ведение активного образа жизни в пожилом возрасте не представляет большой сложности. 80 % респондентов отметили, что они обращают повышенное внимание к своему здоровью [5].

В рамках исследования авторам удалось установить, что в наше время еще действуют стереотипы о пожилом возрасте. Образ типичного пожилого челове-

ка в настоящее время и такого, каким жители России хотели бы быть себя в старости, имеют существенные различия. Так, например, у значительной части респондентов в представлениях – пожилой человек, ведущий полноценную жизнь. Он обеспечен, профессионально реализовался, занимается спортом, много хобби интересов [1, с. 63]. Реальность показывает, что пожилые люди испытывают финансовые трудности, мало общаются с близкими: родственниками и друзьями, находится в зависимости от других членов семьи и имеют проблемы со здоровьем. Результаты собственного исследования доказывают, что уровень социальной активности во многом зависит от самой личности пожилого человека; информанты обращают внимание и на личный выбор пенсионеров быть включенными в современную жизнь: *«Те пожилые люди, которые меня окружают... У них сейчас сложность, пожалуй, в том, что не могут догнать темп жизни, успеть за ним. Им сложно, например, пользоваться карточками. Но опять же, когда они приходят в тот же «Сбербанк», там стоят служащие банка, которые помогают им. Им самим просто сложно. Не хочется отрываться от той классики, к которой они привыкли. Но есть и другие пожилые люди, которые в 70 и в 75 лет садятся за компьютер, изучают его. И все в порядке. Я, например, живу около оперного театра. У нас рядом какое-то социальное заведение. Я вижу там каждое утро – раньше были только женщины, сейчас есть и мужчины – они там занимаются, ходят с этими палочками для спортивной ходьбы. У них там еще проводятся какие-то занятия. То есть я вижу здесь социальную поддержку. Мне кажется, это все равно зависит от человека, хочет он этого или нет. Не хочет, значит сидит и плачется»* (Информант Татьяна, Астрахань). Преодоление негативного фона вокруг старости, отношения к пожилым как к «отработанному материалу» должно стать приоритетом общества, в том числе и демографической политики государства. Необходимо отказаться от понимания демографической политики только как стимулирования рождаемости, а равноценной ее частью считать и увеличение продолжительности активной, полноценной, осмысленной жизни.

Исследование «Bayer Барометр» показало, что активное долголетие подразумевает решение вопросов, которые связаны с поддержанием здоровья и уровнем доступности квалифицированной медицинской помощи. Рейтинг удовлетворенности аспектами качества жизни ставит, в первых рядах, фактор доступности медицинской помощи.

Одна из самых ожидаемых от государства мер продления активного долголетия является расширение доступа к современным медицинским технологиям – ее называл каждый второй россиянин (52 %). Помимо этого, 40 % назвали развитие программ профилактики заболеваний и здорового образа жизни, а чуть меньшая доля (39 %) – важность обеспечения социальной активности и досуга граждан [5].

Социальная политика современного этапа направлена на стимулирование активного долголетия, это одно из ключевых направлений, которые обозначены в прогнозном социально-экономическом развитии РФ до 2024 года. Успешное продвижение этих задач возможно при внедрении инновационных медицинских технологий, которые включают систему ранней диагностики, необходимо проводить мониторинг состояния общественного здоровья.

Исследователи отмечают, что не только здоровье оказывает на качество жизни. В фокусе внимания оказываются Статус, интересы, жизненный тонус, круг общения этой группы. Данная тема исследования оказывается интересной на пересечении социологии, психологии, экономики и даже педагогики.

Список литературы

1. Аникина Е.А., Иванкина Л.И. Отношение к старости как фактор благополучного старения // Векторы благополучия: экономика и социум. 2019. № 2 (33). С. 63-71.
2. Башкирева А.С. Богданова Д.Ю. Возможности управления качеством жизни в пожилом возрасте на основе концепций активного долголетия//Клиническая геронтология, 2019. № 25 (3-4). С. 70-79.

3. Глозман Ж.М., Наумова В.А. Жизненный опыт как потенциал успешного старения // Российский психологический журнал. 2018. С. 25-51.

4. Евсеева Я.В. Теория успешного старения: современные исследования: введение к тематическому разделу // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11. № 1. С. 6-14.

5. Качество жизни россиян: ключевые факторы//<https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9460> Обращение к ресурсу 13.10.2020.

6. The social side is as important as the physical side»: Older men's experiences of physical activity / Sims-Gould J., Ahn R., Li N., Ot-toni C.A., Mackey D.C., McKay H.A. // American j. of men's health. –Thousand Oaks (CA), 2018. Vol. 12. № 6. P. 2173-2182.

7. Havighurst R.J. Successful aging // The Gerontologist. Oxford, 1961. Vol. 1, № 1. P. 8-13.

* * *

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ
в рамках научного проекта №18-18-00321-П*

**МЕСТА ПАМЯТИ В НОВЫХ ГОРОДСКИХ ОБРАЗОВАНИЯХ:
КОНФЛИКТ ИСТОРИЧНОСТИ МЕСТА И КОНСТРУИРУЕМЫХ
ОБРАЗОВ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ (НА МАТЕРИАЛЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
В КОММУНАРКЕ, МОСКВА)**

*Гришунов Евгений Леонидович
магистр градостроительства
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики», Россия, Москва
elgrishunov@edu.hse.ru*

**MEMORY SPACES IN NEW URBAN AREAS: THE CONFLICT
OF PLACE HISTORICITY AND URBAN ENVIRONMENT IMAGE
FORMATION (BASED ON A STUDY IN KOMMUNARKA, MOSCOW)**

*Evgeny Grishunov
master in Urban Planning
National Research University Higher
School of Economics, Russia, Moscow
elgrishunov@edu.hse.ru*

Аннотация

Доклад основан на комплексном исследовании, совмещающем социокультурный и антропологический фокус с привязкой к пространственному развитию территорий. Главной целью исследования является способность установить, насколько возможно присутствие и сохранение истории места в системе восприятия вновь создаваемых городских образований.

В ходе исследования реконструирован культурный ландшафт местности (поселок Коммунарка в составе Москвы), определена агентность исторической памяти в отношении различных периодов развития, а также посредством качественных методов (глубинные интервью, go-along) отображена включенность тех или иных проявлений историчности места в системе образов места.

Abstract

The report is based on a comprehensive study that combines socio-cultural and anthropological focus with reference to the spatial development. The main purpose is

to determine is it possible to preserve the presence of the history of a place in the perception system of newly created urban entities.

The study reconstructed the cultural landscape of the area (the village of Kommunarka in Moscow), determined the agency of historical memory in relation to different periods of development, as well as using qualitative research methods (in-depth interviews, go-along), displayed the inclusion of certain manifestations of the historicity of a place in the system of images of a place.

Ключевые слова: историческая память; культурная память; память места; палимпсест; географический образ

Keywords: historical memory; cultural memory; memory space; palimpsest; geographical image

В качестве примера среды, где исторически сложившееся городское пространство активно трансформируется, приобретая черты новых географических образов, конфликтующих с «памятью места» рассмотрен поселок Коммунарка (Москва).

В 2012 году произошло расширение административных границ Москвы, вследствие чего в черту столицы было включено значительное количество территориальных единиц (городов, поселков и др.) с уже сформированной городской средой (т. н. «Новая Москва», «Большая Москва»). Такой единицей стал и поселок Коммунарка, более века накапливавший историко-культурный потенциал.

С изменением статуса поселения были привнесены и новые градостроительные установки: Коммунарка занимает лидирующие позиции по объемам вводимого жилья, строятся новые автомобильные дороги, прокладывается метро – поселок постулируется как «пространство нового городского образа жизни», в то время как долгий опыт развития места в качестве урбанизированных территорий остается в тени. Градостроительная политика сталкивается с уже имеющейся историей

мест, в силу чего могут возникать конфликт исторического опыта места и формируемой системы восприятия нового городского пространства.

Доклад основан на исследовании, проведенном в 2019-2020 гг. Ключевым исследовательским вопросом являлось то, как историческая память места отражается в системе восприятия нового городского пространства; какими агентами формулируется система восприятия и историческая память вокруг расположенных в нем объектов, вступают ли эти агенты в конфликт и какова его динамика.

Объект исследования – поселок Коммунарка и прилегающие к нему территории, объекты как единица в системе территориального образования Новой Москвы. Предмет исследования – существование в поселке неявного исторического контекста в системе восприятия вновь конструируемой современной городской среды.

В ходе изучения поселка определены и типологизированы сюжеты исторической памяти на территории Коммунарки и их агентность. Таких сюжетов стало три: усадебный сюжет (связанный с комплексами Фитарёво, Столбово, Бачурино), репрессивный сюжет (связанный с расстрельным полигоном НКВД) и совхозный сюжет (связанный с совхозом (племзаводом) «Коммунарка»). Все три сюжета в теории места как палимпсеста [Вервло, 1986; Митин, 2010] составляют культурный ландшафт Коммунарки, в отношении которого может формироваться историческая и культурная память [Ассман, 2004; Оуэн, Гард-Хассен, 2012 и др.] силами различных агентов (краеведы-любители, девелоперы, органы власти и др.).

Параллельно выявлены различные образные географические нарративы Коммунарки и их носители. Так, Коммунарка представляется как «город-стройка», «молодой город», «медвежий угол», «центр Новой Москвы», «каменные джунгли» и др. При этом образы у разных носителей (в исследовании это – новоселы и старожилы поселка) как имеют точки пересечения, так и кардинально разнятся.

Новые жители Коммунарки либо игнорируют историю места, либо находятся в стадии «знакомства» с поселком, в том числе через поиск исторических связей места и возможность самоидентификации с ними. Старожилы же занимают оборонительную позицию в отношении происходящих преобразований, отстаивая те или иные исторические сюжеты как объекты культурной памяти. В то же время такая избирательность диктуется и силами агентов (власть, сообщества, активисты и др.), подчеркивающих либо избегающих те или иные сюжеты.

Методологический аппарат исследования представлен такими методами, как: полуструктурированные глубинные интервью; ментальное картографирование; реконструкция исторического ландшафта посредством включенного полевого наблюдения в формате go-along; образно-географическое картографирование.

Список литературы

1. Jones, Owain, and Joanne Garde-Hansen. 2012. *Geography and Memory: Explorations in Identity, Place and Becoming*. Houndmills, UK: Palgrave Macmillan.
2. Mitin I. Palimpsest // *Encyclopedia of Geography* / Ed. by B. Warf. SAGE Publications, 2010.
3. Nora P. *Rethinking France. Les Lieux de mémoire*. V. 4. *Histories and Memories*. L., 2010.
4. Vervloet A. 1986: *Inleiding tot de historische geografie van de Nederlandse cultuurlandschappen*. Wageningen.
5. Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности, М.: Языки славянской культуры, 2004.
6. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // *Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа*. М., 2005.

ДВИГАТЕЛЬНАЯ АКТИВНОСТЬ КАК ФОРМА ДОСУГА В КОНЦЕПЦИИ ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА САРАТОВА

Домрачева Евгения Андреевна
студентка кафедры «Философия, социология, психология»
Саратовского государственного технического
университета имени Гагарина Ю. А.,
г. Саратов, Россия
domrchevaevgenia@yandex.ru

MOTOR ACTIVITY AS A FORM OF LEISURE IN THE CONCEPT OF URBAN SPACE OF SARATOV

Evgenia Domracheva
Student of the Department of Philosophy, sociology, psychology,
Yuri Gagarin State Technical University of Saratov, Russia, Saratov
domrchevaevgenia@yandex.ru

Аннотация

Цель исследования – выявить связь между благоустройством среды и досуговой деятельностью горожан на территории Саратовской агломерации. В тексте акцентируется внимание на создании и преобразовании спортивных площадок и пешеходных зон в контексте повседневной жизни граждан. Основным методом исследования является контент-анализ, в рамках которого были проанализированы интервью политических деятелей, имеющих непосредственное влияние на принятие управленческих решений по градостроительству, программные документы Правительства Саратовской области. В результате исследования было сформировано понимание роли, отводимой в концепции развития городской среды двигательной активности как форме досуга, популяризации спорта и пеших прогулок среди горожан, посредством реконструкции и расширения пешеходных зон, открытия новых и обновления действующих спортивных площадок.

Abstract

The purpose of the study is to identify the connection between environmental improvement and leisure activities of citizens on the territory of the Saratov agglomera-

tion. The text focuses on the creation and transformation of sports grounds and pedestrian zones in the context of everyday life of citizens. The main method of the study is content analysis, in the framework of which interviews of politicians who have a direct influence on the adoption of management decisions on the city organization, program documents of the Government of the Saratov region were analyzed. As a result of the study, an understanding of the role assigned to the concept of the development of the urban environment of motor activity as a form of leisure, popularization of sports and hiking among citizens was formed through the reconstruction and expansion of pedestrian zones, the opening of new and updating existing sports grounds.

Ключевые слова: город, городская среда, благоустройство, досуг, спорт, активный отдых, эстетика, управление

Keywords: city, urban environment, improvement, leisure, sports, active recreation, aesthetics, transformation

Саратов как развивающаяся городская агломерация сегодня становится центром социальных коммуникаций и культурной интеграции жителей большой территории. Это обстоятельство предъявляет новые требования к городскому благоустройству. Убедительными доводами в пользу эффективности преобразования городской среды, в частности создания дополнительных оборудованных спортивных зон и площадок, озеленения отдельных зон города, реконструкции наиболее посещаемых улиц и скверов, являются высокая посещаемость преобразованных районов и положительные отзывы жителей и туристов в социальных сетях и статистические данные [1].

В рамках исследования эстетического аспекта как фактора влияния на досуг горожан на примере Саратовской агломерации были изучены материалы ряда интервью председателя Госдумы РФ В.В. Володина и губернатора Саратовской области В.В. Радаева, а также отчеты о деятельности Правительства Саратовской области за 2018-2019 годы. Цель исследования – выявить связь

между благоустройством среды и досуговой деятельностью горожан на территории Саратовской агломерации.

Взаимодействие горожанина с городом опосредовано концептами, заложенными в наиболее активных из доступных ему информационных потоков [5, с. 387], в том числе визуальных. Рекламная информация, позиционирующая реципиента как потенциального счастливца-обладателя какой-то услуги или товара, экспонируется настолько активно, что горожанин на улице практически непрерывно пребывает в позиции потребителя, что навязывает ему восприятие самого города как пространства потребительской активности и себя как субъекта именно такой активности. Вне контекста восприятия, таким образом, оказывается эстетика монументальных форм и заложенные в ней культурно-исторические значения, возможности созидательной самореализации. При этом территориальная идентичность, сформированная в опоре на поверхностный слой городского инвайронмента, не укореняется в его действительности, утрачивает свое значение в формировании чувства гражданской ответственности и патриотизма, а город теряет ресурс своего жизнеобеспечения и развития в лице подрастающего поколения. «Но для того, чтобы удержать молодых специалистов в Саратове, необходимо не только создать условия для их профессиональной самореализации, но и предоставить им комфортную городскую среду – общественные пространства, где можно отдыхать и заниматься спортом» [2].

В рамках данного направления развития Саратова произошли реконструкции улицы Волжской, проспекта Кирова, пешеходной улицы им. Рахова и в данный момент происходит реконструкция Мирного переулка и прилегающей к нему территории. Благоустройство и объединение вышеупомянутых улиц с набережной Космонавтов, Городским парком и сквером Липки в единую пешеходную зону, повышает престиж города, своей эстетикой приближая его к эстетике пешеходных зон в столице [2]. Данные преобразования увеличивают заинтересованность жителей в пеших прогулках, так как «эстетическое созна-

ние человека, сформированное посредством не только искусства, творчества, но и многочисленными формами досуговой деятельности, как в античные времена, так и сегодня формирует стиль жизни» [3, с. 159].

В этом смысле обустройство спортивных площадок не только способствует пропаганде здорового образа жизни, но также реализации потребностей горожан в самовыражении, в активном отдыхе, возможности попробовать себя в новой деятельности.

В 2018 году в рамках программы «развития инфраструктуры спорта» были открыты две универсальные спортивные площадки, был установлен скейт-парк на Набережной Космонавтов. В результате предпринятого комплекса мер, доля населения области, систематически занимающегося физической культурой и спортом, увеличилась до 36 % в 2018 году (2017 год – 33,3 %) [4, с. 73]. Судя по открытым данным двухгодичной давности, данные преобразования имеют спрос и являются обоснованными и необходимыми, перспективными направлениями благоустройства среды.

Таким образом, благоустройство среды формирует разносторонний круг возможностей для досуговой деятельности горожан, что имеет множество положительных эффектов, в том числе комфортное самочувствие молодежи в городе и формирование более благосклонного отношения общества к внешнему виду города и деятельности муниципальных органов управления. Особое место в наших рассуждениях занимают формы досуга, предполагающие двигательную активность, спорт, поскольку именно они, связаны с «оживлением» городского пространства, с его принятием, то есть играют существенную роль в формировании территориальной идентичности горожанина.

Список литературы

1. Отчет о результатах деятельности Правительства Саратовской области за 2018 год. Режим доступа: https://srd.ru/documents/analytics/otchet_gubernatora_2018.pdf.

2. Радаев В.В. «Предвыборная программа В.В. Радаева «Только вперед!» – Стратегия развития Саратовской области на 2017-2022 гг.». Режим доступа: <https://saratov.gov.ru/governor/programma/strategia.php>.

3. Рыбакова Н.В. Формирование эстетического сознания в сфере досуга // Вестник ВолГУ. Сер. № 7. 2008. № 1. С. 159.

4. Сердюкова С.А. Эстетическое восприятие фасадов жилых зданий в урбанизированной ландшафтной среде // Социально-гуманитарное обозрение» 2008. № 3. С. 72-74.

5. Чернецкая Ан.А., Чернецкая Ал.А. Социокультурная интеграция горожанина как конструкция времени: визуальные ресурсы городской среды // Россия в системе современной социальной реальности: материалы выступлений участников V Всероссийского социологического конгресса (Москва, 14-15.11.2016): сб. / отв. ред. и сост. Д.К. Танатова, Т.Н. Юдина. М.: РГСУ, 2017. С. 386-388.

**ВСЕМИРНОЕ КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ И УСТОЙЧИВОЕ
РАЗВИТИЕ. ОПЫТ ВИСМАРА И ШТРАЛЬЗУНДА**

Еременко Юлия Андреевна

*младший научный сотрудник Социологического института РАН,
Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия
eremenko.iuliia@gmail.com*

**WORLD CULTURE HERITAGE IN SUSTAINABLE DEVELOPMENT:
THE CASE OF WISMAR AND STRALSUND**

Iuliia Eremenko

*Junior Researcher, Sociological Institute, Federal Center of Theoretical and
Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, St.Petersburg, Russia
eremenko.iuliia@gmail.com*

Аннотация

Постепенно осознавая последствия развития, связанного исключительно с экономическим ростом, современные города обращаются к воплощению в жизнь концепции устойчивого развития. На примере немецких городов Всемирного наследия Висмара и Штральзунда, в данном исследовании рассматривается, каким образом концепция устойчивого развития соотносится с обладанием статусом Всемирного культурного наследия.

Целью работы является выявить, как в схожих по структуре и историческому прошлому городах местная администрация принимает решения относительно реализации программ Всемирного культурного наследия или программ устойчивого развития. Материалом для исследования выступают собранные автором экспертные интервью с городской администрацией, местными активистами, сотрудниками музеев и туристических центров, представителями локального бизнеса. На основании полученных данных были выделены основные

причины того, почему городская администрация реализует программы Всемирного наследия и ограничивает реализацию программ устойчивого развития.

Abstract

Gradually, realizing the consequences of development-related solely to economic growth, modern cities are turning to the concept of sustainable development. Using the World Heritage Cities of Wismar and Stralsund as an example, this study examines how the concept of sustainable development relates to World Heritage status.

The innovation of this research lies in the fact that the article considers how local governments make decisions regarding the implementation of the World Culture heritage programs or sustainable development programs in cities similar in structure and historical past. The materials for the study are expert interviews with the author's city administration, local activists, employees of museums and tourist centers, representatives of local businesses. Based on the obtained data, the main directions were identified why the city administration implements the World Culture heritage and restricts the sustainable development programs.

Ключевые слова: устойчивое развитие; городская политика; Всемирное культурное наследие; культурное наследие; Германия

Keywords: sustainable development; urban policy; World Cultural heritage; cultural heritage; Germany

Концепция устойчивого городского развития предполагает развитие городской инфраструктуры, которое направлено на обеспечение комфортной жизни людей. В рамках устойчивого развития предполагается, что город рационально использует свою территорию и ресурсы, которыми обладает. В свою очередь, культурное наследие является неотъемлемой частью жизни общества и вовлечено в экономические, социальные и экологические процессы. В связи с этим возникает вопрос, какое место отводится Всемирному наследию в рамках концепции устойчивого развития.

В рамках работ, посвященных исследованию влияния культуры в рамках концепции устойчивого развития, оценка влияния Всемирного культурного наследия (ВКН) в основном происходит на основании показателей, относящихся к категориям «туризм», «недвижимость», «социальный капитал». Наиболее

частыми показателями, используемыми для анализа влияния статуса города Всемирного культурного наследия является число посетителей или туристов [1, 2, 3] и стоимости аренды жилья [4].

Это объясняется в первую очередь тем, что подобные данные являются более доступными, чем, например, информация о влиянии ВКН на местное сообщество, или защитой окружающей среды, что свидетельствует о низкой осведомленности о влиянии на данные области статуса ВКН как целого и статуса города ВКН как частного.

Именно расширение туристической сферы видится основным экономическим благом от обладания статусом ВКН. Однако мы не можем утверждать, что существующий рост числа туристов в Висмаре и Штральзунде связан исключительно со статусом ВКН, а не с увеличением глобальных туристических потоков. Сезонность туристических потоков в эти города остается стабильной, такой же какой она была и до получения статуса, если мы рассматриваем туризм с поправкой на рост глобального туризма в целом. В связи с этим мы можем говорить только о том, что статус городов сыграл свою роль в привлечении туристов, которые осуществляют свой выбор места для путешествий, основываясь на списке ВКН. Представитель администрации Висмара отметил, что есть отдельные группы туристов, которые путешествуют только по списку ЮНЕСКО.

Получение статуса ВКН в обоих городах не сделало решение конфликтов об использовании территории исторического центра проще. Представление о том, что ЮНЕСКО как организация выступит непредвзятой стороной и поможет оказать влияние на желающих изменить здания в историческом центре является неверным. Чем больше ЮНЕСКО расширяет список, тем сложнее для организации становится обеспечить охрану каждого из объектов Всемирного наследия.

В связи со статусом ВКН сегодня представителям городской администрации требуется дополнительно отчитываться о всех из них в своих отчетах перед ИКОМОС и федеральным центром. Два раза в год в оба города приезжают с проверкой экспертные группы, которые смотрят не только на отчеты, которые местная администрация им направляет, но и на месте оценивают изменения, которые произошли с городом с их последнего визита. Реализуемые в рамках про-

грамм устойчивого развития проекты по использованию альтернативных источников энергии идут в разрез с сохранением исторического облика города. Например, установка солнечных панелей в историческом центре представляется невозможной за редким исключением. Проект установки ветрогенератора в пригороде Штральзунда для получения более экологически чистой энергии для нужд города также был отклонен, так как полагается, что исторический вид города будет нарушен, что, в свою очередь, может повлечь лишение города статуса, а вместе с тем и потери доходов от туризма.

Проведенное исследование показало, что городская политика формируется в ситуации, когда статус Всемирного культурного наследия ограничивает реализацию стратегии устойчивого развития и выбор программы для реализации зависит от аргументации локальных властей. Концепция устойчивого развития и концепция городов Всемирного наследия обладают общей целью сохранения мира таким, которым обладаем мы для наших потомков. В этой перспективе статус Всемирного культурного наследия не противоречит реализации концепции устойчивого развития. На сегодняшний день городская администрация видит стратегию реализации программы Всемирного наследия более выигрышной во временной перспективе, а программы устойчивого развития реализует только с большими ограничениями.

Список литературы

1. Glasson J.A. heritage city under pressure: Visitors, impacts and management responses // *Tourism Management*. 1994. Vol. 15. P. 137-144.
2. Jansen-Verbeke M. The Territoriality Paradigm in Cultural Tourism // *Tourism*. 2009. Vol. 19. P. 25-31.
3. Yang C.H., Lin H.L., Han C.C. Analysis of international tourist arrivals in China: The role of World Heritage Sites // *Tourism management*. 2010. Vol. 31(6). P. 827-837.
4. Cuccia T. Is it Worth Being Inscribed in the World Heritage List?. The Baroque Cities in Val Di Noto' (Sicily) // *Rivista Italiana di Economia Demografia e Statistica*. 2012. Vol. 66(2). P. 169-186.

**ПОЛЯ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ДЕЙСТВИЯ И ПРАВО НА ГОРОД:
К ВОПРОСУ О МЕТОДОЛОГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ
ГОРОДСКИХ КОНФЛИКТОВ**

Желнина Анна Александровна

*к. социол.н., старший научный сотрудник
Социологического института Российской академии наук –
филиала Федерального научно-исследовательского
социологического центра Российской академии наук,
РФ, Санкт-Петербург
azhelnina@gmail.com*

**STRATEGIC ACTION FIELDS AND THE RIGHT TO THE CITY:
ON THE METHODOLOGY OF URBAN CONFLICT RESEARCH**

Anna Zhelnina

*PhD of sociology, Research Fellow, Sociological Institute
of the Russian Academy of Sciences – Federal Center of Theoretical
and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences
Russia, St. Petersburg
azhelnina@gmail.com*

Аннотация

Доминирующим подходом к изучению городских конфликтов является оптика «права на город»: права горожан участвовать в принятии решений о судьбе своей жилой среды. В данном тексте предлагается альтернатива этому подходу; на основе теорий стратегического интеракционизма, вводится понятие «поле городской политики». Предлагается подход к изучению результатов взаимодействия участников городских конфликтов, которые позволяет проследить связь между промежуточными потерями и достижениями в конкретных интерактивных ситуациях, итогами этих конфликтов, и более долгосрочными социальными трансформациями.

Abstract

The right to the city approach currently dominates the urban conflict scholarship and focuses on the urbanites' right to decide the fate of their cities. This paper sug-

gests an alternative approach, and, building on the theories of strategic interaction, introduces the concept of the urban political field. This allows us to study the outcomes of interactions regarding the contested territories by tracing the connection between the intermediary gains and losses in concrete interactive situations, the outcomes of the conflicts, and long-term social transformations.

Ключевые слова: стратегический интеракционизм; развитие территорий; гражданское участие

Keywords: strategic interactionism; urban development; civic participation

Проекты развития городских территорий нередко нарушают или уничтожают жилую среду горожан [1]. По всему миру, горожане отстаивают свое право на город, которое включает «гораздо больше, чем право индивида или группы пользоваться ресурсами, которые предоставляет им город: это право менять и изобретать город по велению своего сердца» [2, р. 4]. «Право на город» как аналитическая рамка доминирует в современных исследованиях городских конфликтов и попыток горожан принимать решения о судьбе собственной жилой среды.

Однако данный подход имеет ряд ограничений; в частности, он методологически «привязывает» исследователей к конкретному городу, затрудняя выявление связей между городскими политическими процессами и более широкими контекстами [3, р. 2548]. Теории стратегической интеракции, напротив, позволяют разработать более гибкий исследовательский инструментарий, с помощью которого можно избежать этой «местной» ловушки.

Флигстин и Макадам отмечают, что все коллективное действие структурировано в сложной сети «политических, социальных и экономических полей», которые связаны между собой, и события в одном поле влияют на состояния смежных полей [4, р. 8]. Сходным образом, Джаспер [5] говорит о связанных «аренах», на которых разворачивается политическое действие. Оба понятия призваны

объяснить принципы взаимодействия разных игроков, участников политического процесса, преследующих определенные стратегические цели. Я предлагаю применить методологию стратегического интеракционизма [6] для анализа взаимодействий в поле городской политики: пространства взаимодействия и конкуренции, где принимаются решения о судьбе городских территорий.

В рамках проекта «Механизмы согласования интересов в процессах развития городских территорий» наш исследовательский коллектив тестирует этот методологический подход для анализа результатов, которых могут добиться коллективные игроки: общественные движения граждан, предъявляющие требования по поводу конкретных проектов трансформации городских территорий. В частности, используя концептуальный аппарат «арен» и «полей», мы можем проследить как промежуточные успехи или поражения игроков на разных аренах, конкретных площадках взаимодействия (общественные слушания, судебные заседания и т. д.) могут аккумулироваться и приводить к отмене, модификации или реализации спорных проектов. Например, промежуточный успех в виде рекрутинга большого числа сторонников для участия в публичных слушаниях может не привести непосредственно к отмене оспариваемого проекта, поскольку решения слушаний носят только рекомендательный характер, но иметь важные последствия в долгосрочной перспективе: привести к созданию активистской группы, «заряженной» общими эмоциями и идентичностью, которая будет активно включаться во взаимодействие в смежных аренах.

Понятие «арен» взаимодействия позволяет нам увидеть, как принимаются конкретные решения и как создаются конкретные промежуточные результаты, которые могут иметь далеко идущие последствия. Мы можем говорить о том, что эти взаимодействия, аккумулируясь, могут изменить расстановку сил в поле городской политики – совокупности арен, в которых принимаются решения о судьбе города, и игроков, которые участвуют во взаимодействиях на этих аренах, преследуя свои цели. Изменение в конфигурации поля, например, возможно, если новые игроки – мобилизованные граждане – не покидают поле по-

сле окончания конкретного конфликта, но продолжают находиться там, например, в новом качестве. Яркий пример – участие активистов в муниципальных выборах или в выборах в городские представительные органы. Создание инфраструктур гражданского участия, как формальных, так и неформальных [7] также является одним из примеров трансформации поля городской политики в результате микровзаимодействий по поводу конкретного спорного проекта. Активные социальные движения по поводу городских проектов могут стать «шоком» [4] для поля городской политики и запустить важные трансформации в этом поле. Процессы реализации проектов трансформации городских территорий и сопротивление им осуществляются на микроуровне, на интерактивных аренах, таких как общественные слушания, собрания собственников жилья, уличные протесты. Эти арены «складываются» в поля городской политики конкретных городов, социальные порядки среднего уровня, которые, в свою очередь, формируют поля более высокого уровня (уровень финансовой, макроэкономической политики, например).

Таким образом, методология стратегического интеракционизма позволит исследователям городских конфликтов проследить важные изменения в поле городской политики и их источники в конкретных интеракциях на городских политических аренах.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект РНФ № 18-78-10054) «Механизмы согласования интересов в процессах развития городских территорий».

The research is supported by the Russian Science Foundation grant (RSF № 18-78-10054) «Mechanisms of interests coordination in the urban development processes».

Список литературы

1. Porteous D., Smith S.E. Domicide: The global destruction of home. McGill-Queen's Press-MQUP, 2001. 368 p.

2. Harvey D. Rebel cities: from the right to the city to the urban revolution. Verso Books, 2012. 208 p.

3. Uitermark J., Nicholls W., Loopmans M. Cities and Social Movements: Theorizing beyond the Right to the City // Environ Plan A. SAGE Publications Ltd, 2012. Vol. 44, № 11. P. 2546-2554.

4. Fligstein N., McAdam D. Toward a General Theory of Strategic Action Fields // Sociological Theory. SAGE Publications Inc., 2011. Vol. 29, № 1. P. 1-26.

5. Jasper J.M. Linking Arenas: structuring concepts in the study of politics and protest // Social Movement Studies. Routledge, 2019. Vol. 0, № 0. P. 1-15.

6. Players and Arenas / ed. Jasper J.M., Duyvendak J.W. Amsterdam University Press, 2015. 322 p.

7. Желнина А., Тыканова Е. Формальные и неформальные гражданские инфраструктуры: современные исследования городского локального активизма в России // Журнал социологии и социальной антропологии. 2019. Vol. 22/ № 1. P. 162-192.

**ЦАРСКОСЕЛЬСКИЙ ВОКЗАЛ КАК ЗЕРКАЛО
ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА
В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.**

Зубкова Марина Олеговна
магистр исторических наук, независимый исследователь
г. Санкт-Петербург
marina.o.zubkova@gmail.com

**TSARSKOSELKY RAILWAY STATION AS A MIRROR
OF PUBLIC AND POLITICAL LIFE IN ST PETERSBURG
AT THE TURN OF THE XIX – XX CENTURIES**

Marina Zubkova
MA in History, Independent Researcher
St. Petersburg
marina.o.zubkova@gmail.com

Аннотация

В статье рассматриваются особенности строительства и функционирования Царскосельского железнодорожного вокзала в Санкт-Петербурге как открытого общественного пространства. Для целей исследования ретроспективный анализ был совмещен с оптикой урбанистики и антропологии. До революции вокзал был важным местом взаимодействия разных социальных слоев благодаря близости императорского вокзала, с одной стороны, и современным пространством здания – с другой. В советское время вокзал постепенно становился маргинальным местом со следами былого комфорта. Сегодня интерес возрождается среди горожан благодаря памяти об имперском прошлом и архитектурных достоинствах здания.

Abstract

The article examines the features of the construction and functioning of the Tsarskoselsky railway station in St. Petersburg as an open public space. For the purposes of the study, retrospective analysis was combined with the optics of urbanism and anthropology. Before the revolution, the station was an important place for inter-

action between different social strata of society due to the proximity of the imperial station, on the one hand, and the modern space of the building, on the other. During the Soviet period, the station gradually became a marginal place with traces of its former comfort. Today, interest is reviving among the townspeople thanks to the building's historical past and architectural merits.

Ключевые слова: Царскосельский вокзал, Российские железные дороги, общественное пространство, городская модернность

Keywords: Tsarskoselsky railway station, Russian railways, public space, urban modernity

Станция Царскосельского вокзала в Санкт-Петербурге была построена инженером Францем Антоном фон Герстнером в 1837 году как отправной пункт экспериментальной Царскосельской железной дороги из Петербурга в Царское село и Павловск [6]. В Царском селе находилась резиденция Николая I, в Павловске было решено построить современный концертный зал, «свое Тиволи, свой воксал [3, с. 42]».

Обещание публике комфортной и быстрой поездки к загородным паркам и концертной площадке европейского уровня помогли Герстнеру продвинуть свою идею [3, с. 36-44] и изыскать частные средства [6]. Вокзал стал ассоциироваться с роскошью отходившего отсюда императорского поезда, путешествиями за город и другими практиками имперской столицы.

В конце XIX века Акционерное Общество Московско-Виндау-Рыбинской железной дороги перестраивает здание согласно современным тенденциям в архитектуре и градостроительстве [1, с. 15-31] и возводит рядом Императорский павильон [1, с. 38-39]. Пассажирская дорога обслуживалась частным акционерным обществом, а императорская принадлежала Его Императорскому Величеству. Два железнодорожных полотна были разделены системой навесов и деревянным забором, территория императорской дороги охранялась «Соб-

ственным Его Императорского Величества железнодорожным полком» (до 1909 г. – батальоном) [4, с. 511-523].

М.В.Р.Ж.Д. вела себя как пользователь территории, заинтересованный в ее развитии, что было прогрессивно для Петербурга начала XX в. За несколько лет до эпидемии холеры в 1908 г. М.В.Р.Ж.Д. предлагали засыпать Введенский канал, обнаружив там кишечную палочку [1, с. 2-3], но не смогли договориться с Городской Думой. В итоге Императорский павильон пришлось размещать на набережной канала в отдалении от Загородного проспекта. Еще одна логистически продуманная деталь: здание было построено с отходом от красной линии, чтобы выделить места для извозчиков [1, с. 3]. Такое планировочное решение и сегодня решает проблему с парковкой.

Вокзал был электрифицирован с самого открытия 1 августа 1904 г., тогда как по Загородному проспекту до 1907 г. курсировала конка. Было установлено паровое отопление и искусственная нагнетательная вентиляция, для чего были построены отдельные электрическая и насосная станции [1, с. 43-46]. Так как перрон был расположен на втором этаже (из-за особенностей местности), здание оборудовали 11 лифтами [1, с. 31-38]. Разграничение пассажиропотоков отвечало самым современным на тот момент потребностям общественных зданий [1, с. 15-31]. Но при этом пассажиры III класса достойного внешнего вида могли пользоваться залом ожидания и рестораном I-II классов, что было прописано в проекте [1, с. 5].

На позитивное восприятие станции у пассажиров работал и выбранный для строительства модный стиль «модерн», точнее его венское направление – «сецессион». Работы идеолога направления Отто Вагнера высоко оценивались прогрессивной частью архитектурного сообщества Петербурга [2, с. 195-196]. Авторы проекта Царскосельского вокзала вдохновлялись построенной в 1895-1900 гг. Венской городской железной дорогой [5, с. 182].

Таким образом, «пространственные границы ... были несколько более проницаемыми, чем социальные барьеры сословного порядка в империи в целом» [7, с. 224]. Несмотря на регламентацию, вокзал это круглосуточно откры-

тое место, где помещение и улица едины. Царскосельский вокзал, таким образом, это пространство для пребывания, для транзита, для социального взаимодействия, для развлечения, отдыха, потребления, для приобщения к ценностям горожанина и современного человека, для восприятия искусства через интерьер, даже для взаимодействия с властью.

За подобными практиками уже следующие поколения пассажиров продолжали приходить на вокзал (с 1935 г. Витебский) в советский период. Часть лифтов, поднимающих пассажиров на второй этаж к перрону, продолжала работать, но бóльшая часть механизмов была утрачена. Если до революции здание вокзала являлось общественным пространством, местом трансляции частной инициативы и власти одновременно, то советское время преобразовательный импульс частной железной дороги был утерян. Вокзал продолжал быть общественным пространством, теряя дореволюционный уровень технического оснащения и пассажиропоток. В 1990-е гг. импульс иссяк, вокзал стал криминальным местом и отчасти продолжает быть им до сих пор [По материалам бесед с жителями Санкт-Петербурга и работниками ОАО «РЖД» в 2016-2019 гг.].

Сегодня благодаря своей истории и внешнему облику вокзал популярен у блогеров, фотографов, любителей архитектуры, экскурсионных групп, кинопроизводств, музыкантов, художников. Однако в имперском прошлом вокзал был более функциональным и востребованным зданием, чем в 2020 г., когда мобильность населения и требования к комфорту на порядок выше. Возможно, в ближайшее время мы увидим, как это высоко современное на момент постройки здание ответит на вызовы сегодняшнего времени, когда общественные пространства становятся главной ценностью современного города.

Список литературы

1. Альбом гражданских сооружений Общества Московско-Виндаво-Рыбинской железной дороги. СПб., Типография Санкт-Петербургского Градоначальства, 1908.

2. Берар Е. Империя и город. Николай II // «Мир искусства» и городская дума в Санкт-Петербурге. 1894-1914. М., НЛО, 2016.

3. Герстнер Ф.А. фон. О выгодах построения железной дороги из Санкт-Петербурга в Царское село и Павловск, высочайше привилегированной его императорским величеством компаниею. СПб.: Печ. при Императорской Академии наук, 1836.

4. Зимин И.В. Царская работа. XIX – начало XX вв. Повседневная жизнь Российского Императорского Двора. М., Центрполиграф, 2011.

5. Кириков Б.М. Архитектура петербургского модерна. Общественные здания. СПб., КОЛО, 2011.

6. Царскосельская ж. д. Железная дорога от С.-Петербурга до Царского Села и Павловска. СПб., 1837.

7. Шенк Ф.Б. Поезд в современность: Мобильность и социальное пространство в России в век железных дорог. М., НЛО, 2017.

**ГОРОДСКОЕ ДВОРОВОЕ ПРОСТРАНСТВО В ЗЕРКАЛЕ
ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ ЖИТЕЛЕЙ
КИРОВСКОГО РАЙОНА ГОРОДА САРАТОВА**

Ивченков Сергей Григорьевич

*доктор социологических наук, профессор,
заведующий кафедрой социологии молодежи,
декан социологического факультета
Саратовского национального исследовательского
государственного университета имени Н.Г. Чернышевского
ivchenkovsg@mail.ru*

**URBAN COURTYARD SPACE IN THE MIRROR OF PUBLIC OPINION
OF RESIDENTS OF THE KIROV DISTRICT OF SARATOV)**

Sergey Ivchenkov

*Dr. Sci. (Sociology), Professor,
head of the Department of Youth Sociology,
dean of the Sociological Faculty
Saratov National Research State University
named after N.G. Chernyshevsky,
ivchenkovsg@mail.ru*

Аннотация

В статье выявляется социальная роль двора в городском пространстве промежуточной зоной между приватным и публичным пространством, по результатам социологического опроса методом анкетирования уточняется общественное мнение жителей Кировского района города Саратова о состоянии дворовой территории, проблемах ее благоустройства и готовности жителей участвовать в этом процессе.

Abstract

The article reveals the social role of the yard in the urban space of the intermediate zone between private and public space, according to the results of the sociological survey method of questionnaires clarifies the public opinion of residents of the Kirov district of Saratov about the state of the yard area, the problems of its improvement and the willingness of residents to participate in this process.

Ключевые слова: городское социальное пространство, городской двор, благоустройство двора, общественное мнение жителей

Keywords: urban social space, city yard, yard improvement, public opinion of residents

Современный город, каким является Саратов, – это не только совокупность зданий и предприятий, это – пространство социальных взаимодействий горожан, их взаимоотношений с внешней средой как в экономическом, технологическом, экологическом, культурном, гражданском плане [1, с. 111]. Важным элементом городского социального пространства выступает «двор» как территория, закрепленная за одним или несколькими расположенными по соседству домами, их жителями. Он выступает промежуточной зоной между частным и публичным пространством, связующим звеном и одновременно – барьером между частным пространством квартир и общественной городской средой [2]. Если центральные площади больших населенных пунктов демонстрируют величие города и проходивших в нем мероприятий, то дворы укромных уголков внутренних кварталов отражают прозрачную привычную повседневность социальной жизни различных слоев населения. Изолированность существования сочеталась здесь с использованием дворовой территории всеми жильцами коллективно [3]. Городской двор можно рассматривать как многофункциональный центр социальной жизни урбанистической среды, сконцентрированный сгусток человеческого переживания, которое облагорожено человеком [6].

В современном городе человек часто не нуждается в соседском общении, мало знает своих соседей в лицо. Сегодня появляется иные типы сосуществования: кварталы коттеджной или элитной застройки, и «мир-дом», то есть башни с полным набором услуг, которые удовлетворяют многие человеческие потребности. Современный двор порой становится не только бытовой средой дома и представляет собой парадный ансамбль: подъезды, тротуары,

разбитые газоны и цветники. Часто двор активно включается в структуру города, когда на первых этажах фасадов находятся магазины и конторские помещения. Такой двор – это уже не пространство жильцов, а часть городской улицы. Кроме того, существующая унифицированная субкультура телепотребления, компьютер, интернет и компьютерные игры способствовали фрагментации дворовой субкультуры, диффузии соседских внутриобщинных отношений. С повышением образовательного уровня, благосостояния жители стали больше тяготеть к общению по интересам, меньше зависящим от пространственного расположения.

Однако остались такие соседские общности, как родители с детьми, подростки, пенсионеры, автомобилисты, владельцы собак, для которых двор выполняет важную социальную роль в обеспечении комфортного проживания, логически продолжая жилое помещение. Для младшего поколения двор является своеобразной моделью взрослой, самостоятельной жизни.

Рост преступности в условиях послевоенной разрухи в лихие 1990-е годы придавал двору негативную окраску. Характеризуя современный двор как пространство социализации важно акцентировать его как место свободного общения, совместных действий, особых норм, правил, а также как общую среду жизнедеятельности разновозрастных групп жителей домов, образующих двор [4]. Для детей двор – это место, где ребенок встречается с разными детьми, обогащая свой жизненный опыт, приобретая навыки социального взаимодействия, самостоятельности и ответственности.

Однако на практике дворовое пространство зачастую охарактеризуется монофункциональностью, когда центральное место отводится детской площадке, устанавливающей строгие входные барьеры. Остальная зона трансформируется в транзитное, парковочное. В выгодном положении оказываются также группы, способные соседствовать с детьми, не нарушающие правил их пребывания, к которым относятся пожилые женщины. Для остальных жителей остается все меньше возможностей комфортно расположиться на территории двора,

реализовать свои потребности, и при этом не нарушить интересов окружающих. К ним относятся мужские компании, молодежь, а также люди, выгуливающие собак, которые часто не находят во дворе достаточных условий для реализации своих нужд. Этому способствует антисоциальное поведение некоторых категорий населения в дворовом пространстве.

Исходя из этого, в Кировском районе города Саратова было проведено социологическое исследование, позволяющее выявить общественное мнение жителей о своих дворах методом анкетирования по вероятностной бесповторной квотно-территориальной выборке. Кировский район был разбит на 7 микрорайонов (1-й Дачный, 1-й Пугачевский, 2-й Пугачевский, Завокзальный, Мирный, Семхоз, СХИ). В ходе исследования было опрошено 298 человек разных возрастов от 17 до 81 года. Было опрошено равное количество мужчин и женщин. Время проживания респондентов в Кировском районе варьируется от 1 года до 50 лет. 52 % опрошенных жителей района – работают. 23,5 % респондентов учатся. 10,2 % – на пенсии. Учатся и работают 9,2 %. Занимаются домашним хозяйством 4,1 %.

Кировский район является центральным районом Саратова, на его территории находятся железнодорожный вокзал, автовокзал, от которых начинается главная магистраль областного центра – Московская улица. Поэтому его можно лицом Саратова, но чистота и качество дорожного покрытия должны быть не только на центральных улицах, но и во дворах, на детских площадках, которых насчитывается более 30 общей площадью 57095 кв. м. [5].

Большинство респондентов (71,4 %), особенно женщин (79,6 %) знают о местонахождении ближайшей детской площадки, 28,6% оценивают ее состояние как хорошее, 19,4 % – как отличное, 17,3 % считают, что детская площадка в удовлетворительном состоянии, 13,3 % оценивают состояние детской площадки как очень плохое, 69,4 % жителей в той или иной степени устраивает освещение во дворе, 30,6 % респондентов ответили, что это их не устраивает в силу неравномерности, периодичности освещения или полного его отсут-

ствия, 19,4 % респондентов оценили состояние дворового пространства как отличное, 28,6 % считают, что дворовая территория находится в хорошем состоянии. Столько же 28,6 % считают, что дворовая территория находится в удовлетворительном состоянии, но плохо организована, 11,2 % дали оценку плохо, 12,2 % опрошенных ответили, что дворовая территория находится в очень плохом состоянии. Чем больше стаж проживания в Кировском районе, тем критичнее оценки жителей, 2 % респондентов самостоятельно занимаются обустройством дворового пространства, 31,6 % опрошенных в той или иной степени готовы этим заняться. Однако 66,4 % не готовы к этому, объясняя это дефицитом времени, скорым переездом и другими обстоятельствами.

Таким образом, 74 % жителей Кировского района, положительно отзываясь о состоянии двора, дома и прилегающей территории. Вместе с тем, чем дольше они проживают в данном районе, тем критичнее оценивают общее состояние двора, дома и прилегающей территории. Удалось выявить конкретные недовольства в благоустройстве своего двора такие как: недостаточная освещенность дискомфорт и перебои в работе электроприборов, плохая организация дворового пространства. Но сами жители не готовы заняться облагораживанием своего двора. Привлечение жителей к принятию решений о благоустройстве дворового пространства способно повысить их заинтересованность в данном процессе. Партисипация властных структур, ответственных за благоустройство дворовых территорий, с непосредственными пользователями может осуществляться с помощью социологов, урбанистов, что может стать залогом создания комфортных, интересных и оригинальных городских дворов.

Список литературы

1. Бурдые П. Социология социального пространства / пер. с фр.; отв. ред. перев. Н.А. Шматко. М.: Ин-т экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. С. 111.

2. Возьянов А.Г. «Коробка для звуков?»: о саундскейпе городского двора // Микроурбанизм. Город в деталях: сб. статей / под отв. ред. О. Бредниковой, О. Запорожец. М.: Новое литературное обозрение, 2014.

3. Жмурина К.В. Городской двор как источник гуманитарной энергии // Молодой ученый. 2015. № 5 (85). С. 607-610. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/85/15979/> (дата обращения: 19.08.2020).

4. Лебедева Н.А. Неравенство в пространстве городских // Молодой ученый. 2015. № 5 (85). С. 589-594. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/85/15963/> (дата обращения: 19.08.2020).

5. Официальный сайт администрации муниципального образования «Город Саратов» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.saratovmer.ru> (дата обращения 17.08.2020).

6. Фортунатов А.Н. Коммуникация и одиночество: опыт диалектического анализа // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2014. № 1-2. С. 464-467.

ВИЗУАЛЬНАЯ СОЦИОЛОГИЯ КИНОИНДУСТРИИ В КОНТЕКСТЕ ВЗАИМОВЛИЯНИЯ С ГОРОДСКОЙ СРЕДОЙ

Ильин Владислав Олегович

*студент Саратовского государственного технического университета
имени Гагарина Ю.А., Россия, г. Саратов
vladik.ilin.2014@mail.ru*

VISUAL SOCIOLOGY OF THE FILM INDUSTRY IN THE CONTEXT OF INTERACTION WITH THE URBAN ENVIRONMENT

Vladislav Ilin

*student of Yuri Gagarin State Technical
University of Saratov, Russia, Saratov
vladik.ilin.2014@mail.ru*

Аннотация

Целью было выяснить влияние городской среды на киноиндустрию, метод заключался в анализе информации, результатом стал сбор статистики и получение общего. Выводы – влияние городской среды на киноиндустрию начинает резко снижаться.

Abstract

Background – find out the impact of the urban environment on the film industry.

Methods – information analysis. Result – collecting statistics and obtaining general conclusions. Conclusion – the impact of the urban environment on the film industry begins to decline sharply.

В эпоху в медиализированного мира кино тесно связано с городской средой. Множество кинотеатров предоставляют места для досуга, а также создают рабочие места. Однако в связи с пандемией 2020 года, роль кинотеатров стали переосмысливать. Даже после окончания пандемии, идея о просмотре фильмов на онлайн-платформах не будет закрыта. Визуальная социология дает понять, что кино, как социальный институт, включает комплекс разнообразных социальных ролей. Но зависит ли это от места показа кинофильмов?

Кинотеатры, как сказано выше, дают места для работы (кассир, продавец еды, уборщик), поэтому полный переход просмотра фильмов на онлайн-площадки уберет данные роли, но с другой стороны роль зрителя останется всегда, а также появятся новые роли, такие как: администратор онлайн-площадки, работник техподдержки.

Исследования сайта Flixed в Америке провели опрос в 2019 году (в опросе приняло участие более 1000 человек). Итог – 65 % людей хотели бы смотреть фильмы (включая новинки) дома, 29 % за просмотр фильмов в кинотеатре, 6 % относятся нейтрально. Большой процент голосов дает понять, что в настоящее время роль физических кинотеатров падает, но это еще не все. В 2020 году, при условиях карантина компания Performance Research провела схожий опрос. В итоге, 70 % людей готовы смотреть все фильмы дома при условии, что цена будет равна цене билета в кинотеатре, 17 % людей не уверены и лишь 13 % хотели бы смотреть фильмы в кинотеатре.

Я связываю рост процентов с комфортностью просмотра фильмов дома, ведь человек не затрачивает время на дорогу, дорогую еду в кинотеатре, а также человек может контролировать просмотр (поставить на паузу, либо перемотать).

Комментарий 30-летнего респондента, участвовавшего в опросе сайта Flixed:

«Я предпочитаю смотреть фильмы в кинотеатрах, но это затруднительно. Это не может быть спонтанным, ведь дорога туда занимает 20 минут. Если у вас есть маленькие дети, то, возможно, придется уйти посреди просмотра. Вы не можете поставить на паузу, если нужно в уборную. А иногда фильма уже нет в кинотеатрах к моменту, когда появилась возможность посмотреть его».

Также многим людям не нравится находиться с незнакомцами в одном помещении, тем более роль социальной дистанции в 2020 году увеличилась в несколько раз, и не стоит забывать, что большинство людей в период карантина уже привыкли к комфортным домашним условиям.

Киноиндустрия в 2020 году потеряла много денег, поэтому многие кинокомпании стали соглашаться на онлайн-показы новых фильмов, что полезно

для продвижения сериалов, ведь большинство кинофильмов и мультфильмов будут доступны по онлайн подписке, с которой можно посмотреть множество различных сериалов.

Что касается статистики по сборам, то свежий фильм «Мулан» собрал четверть миллиарда долларов за первую неделю на онлайн-платформе Disney+. И это лишь один из первых экспериментов показа нового фильма на онлайн-платформе. В дальнейшем это число будет только расти.

Если брать город Саратов, то пандемия жестоко обошлась с кинотеатром «Победа», который вот-вот закроется. Конечно, это связано с карантином и большой потерей прибыли, однако в связи со статистикой, указанной выше, можно предположить, что прибыль кинотеатров как в Саратове, так и во всей России будет медленно, но уверенно падать из-за альтернативы в виде онлайн-платформ.

В итоге можно сказать, что роль городской среды начинает резко ослабевать, ведь большинство людей начинают переходить с просмотра фильмов в кинотеатрах на просмотр фильмов дома. Правда, есть способ поддерживать физические кинотеатры; один из опрашиваемых сайта Flixed предложил сделать кинотеатрам подписки на билеты. Я считаю, что таким образом люди будут ходить в кинотеатр чаще, ведь зрителям будут доступны бесплатные просмотры фильмов на определенный срок.

Список литературы

1. Ярская-Смирнова Е.Р. Гендер, власть и кинематограф: основные направления феминистской кинокритики. 102 с.

2. Опрос сайта Flixed [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://tk.media/analytics/poyti-v-kino-ili-posmotret-doma-issledovanie-v-tsifrah-2019-11-07>

3. Опрос компании Performance Research [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://itc.ua/blogs/opros-pri-uslovii-odnovremennoj-premery-i-ravenstva-stoimosti-70-amerikancev-predpochtut-posmotret-novyj-film-doma-a-ne-v-kinoteatre/>

4. Сборы фильмов [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.kinopoisk.ru/film/918722/box/>

ПОЗНАВАТЕЛЬНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ КОНЦЕПЦИИ АУТЕНТИЧНОСТИ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ПРОМЫШЛЕННОГО НАСЛЕДИЯ ГОРОДОВ

Калашникова Ксения Николаевна

ассистент кафедры общей социологии

Новосибирского государственного университета;

младший научный сотрудник и аспирант Института экономики

и организации промышленного производства СО РАН, Россия, Новосибирск

Kalashnikova345@mail.ru

COGNITIVE CAPABILITIES OF AUTHENTICITY CONCEPT FOR STUDYING THE INDUSTRIAL HERITAGE OF CITIES

Ksenia Kalashnikova

assistant at the Section of General Sociology,

Novosibirsk State University; junior researcher and graduate student,

the Institute of Economics and Industrial Engineering SB RAS,

Russia, Novosibirsk

Kalashnikova345@mail.ru

Аннотация

В статье предложен способ разграничения различных трактовок аутентичности: аутентичность как объективная характеристика, как конструкт, как чувство. Аутентичность, на взгляд автора, можно зафиксировать в каждом из этих значений, если обратиться к «пространственной триаде» А. Лефевра. Такая концептуальная рамка способна стать незаменимым инструментом изучения промышленного наследия городов.

Abstract

The article proposes a way to differentiate between different interpretations of authenticity: authenticity as an objective characteristic, as a construct, as a feeling. Authenticity, in the author's opinion, can be fixed in each of these meanings, if we turn to A. Lefebvre's «spatial triad». Such a conceptual framework can become an indispensable tool for studying the industrial heritage of cities.

Ключевые слова: аутентичность; промышленное наследие; «триада Лефевра»

Keywords: authenticity; industrial heritage; «Lefebvre triad»

Отправной точкой рассмотрения аутентичности стала для меня книга Ш. Зукин «Обнаженный город. Смерть и жизнь аутентичных городских пространств» [1].

В ней предложено неоднозначное понимание этого термина. Действительно, термин «аутентичность», крайне многозначен. Обобщить многочисленные его трактовки можно, применив «пространственную триаду» А. Лефевра [2], следующим образом:

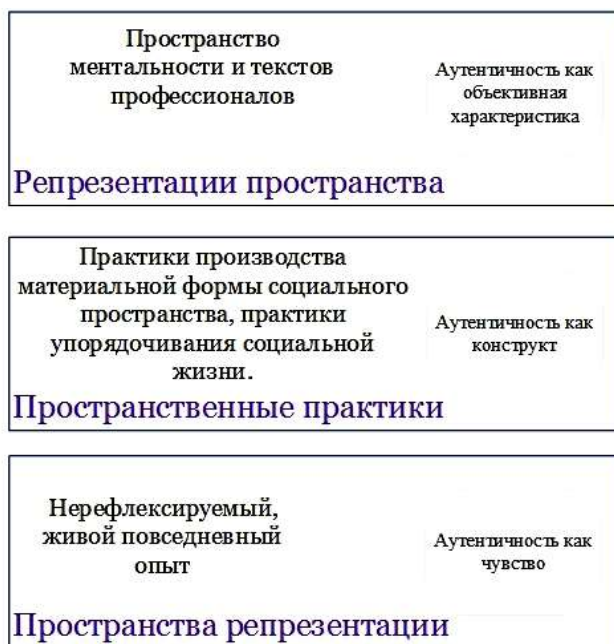
- Аутентичность как объективная характеристика основана на подтвержденном авторстве или отнесенности к времени, месту, технологии. Формальные показатели отнесения к наследию, которые основаны на критерии аутентичности как объективной характеристике, производятся профессионалами на уровне репрезентаций пространства.

- Аутентичность как чувство возникает в процессе индивидуальной и коллективной деятельности в пространстве и характеризуется как ощущение «укорененности», «настоящести» и полноценности опыта. Проявляется она на уровне пространств репрезентации.

- Аутентичность как конструкт, основана на восприятии образов места, его символов и статусов, и проявляется на уровне пространственных практик. Формальные и неформальные признаки наследия, его символы и статусы создают конструкцию, которая считывается, как аутентичная, маркируется соответствующим образом.

Объединить эти две мыслительные конструкции: представление о многоликости аутентичности и неоднородности социального пространства применительно к промышленному наследию, на мой взгляд, можно следующим образом (рисунок).

Исследователи указывают на связь связи категорий «аутентичность» и «наследие». «Аутентичность является одним из фундаментальных элементов наследия, свидетельствующим или предполагающим доказательство того, что наследие действительно является реальным, что оно может представлять «настоящее» прошлое, воплощать «реальные» факты и т. д.» [3, р. 1]. Однако в российских условиях аутентичность еще не стала востребованным аналитическим инструментом.

***Концепция аутентичности,
вписанная в «пространственную триаду» А. Лефевра***

К ней обращались в вопросах изучения коренных культур [4], или, например, подлинности сувениров [5]. Но в нашей стране остро стоит вопрос конфликтных ситуаций вокруг индустриального наследия и вытеснения жителей промышленных районов. «Кто получает выгоду от модернизации города? Есть ли у кого-то право на защиту от расселения? Эти и подобные вопросы, которые французский социальный теоретик Анри Лефевр называет «правом на город», показывают, насколько важно установление того, как создается аутентичность города, как она интерпретируется и развивается» [1, р. 15].

Список литературы

1. Зукин Ш. Обнаженный город. Смерть и жизнь аутентичных городских пространств: пер. с англ. М.: Изд-во Института Гайдара, 2019. 360 с.
2. Лефевр А. Производство пространства: пер. с фр. М.: Strelka Press, 2015. 432 с.
3. Kulevičius S. In Search for Cultural Heritage Authenticity Definition : History and Current Issues // Історико-культурні студії. Науковий журнал. 2014. Vol. 1, № 1. Р. 1-6.
4. Давыдов В.Н. Культурная аутентичность и коренные народы: институциональные процессы и политика идентичности // Журнал социологии и социальной антропологии. 2006. Т. 9. № 3. С. 93-109.
5. Крутеева О.В. Уральский сувенир: проблема аутентичности // Вестник культуры и искусств. 2019. Т. 1. № 57. С. 154-159.

**СТРАТЕГИИ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ АДАПТАЦИИ
СЕЛЬСКИХ МИГРАНТОВ В ПОСТСОВЕТСКОМ УЛАН-УДЭ:
ДИСКУРСЫ И ПРАКТИКИ**

Карбаинов Николай Иванович

*научный сотрудник Социологического института РАН –
филиала Федерального научно-исследовательского
социологического центра РАН, Россия, Санкт-Петербург
nkarbainov@gmail.com*

**STRATEGIES FOR SOCIOCULTURAL ADAPTATION
OF RURAL MIGRANTS IN POST-SOVIET ULAN-UDE:
DISCOURSES AND PRACTICES**

Nikolay Karbainov

*researcher, The Sociological Institute of the RAS – Branch of the Federal
Center of Theoretical and Applied Sociology,
Russian Academy of Sciences, Russia, St. Petersburg
nkarbainov@gmail.com*

Аннотация

Цель данного доклада – проанализировать стратегии социокультурной адаптации сельских мигрантов в постсоветском Улан-Удэ. В ходе исследования получены следующие результаты: 1) выявлен полный репертуар стратегий адаптации: ассимиляции, сепарации, маргинализации и интеграции; 2) обнаружены различные вариации переходов от одних стратегий к другим стратегиям адаптации; 3) исследованы декларируемые стратегии адаптации. Это те ситуации, когда информанты говорят об использовании одной стратегии адаптации, а в реальности используют другую стратегию адаптации.

Abstract

The purpose of this report is to analyze the strategies of social and cultural adaptation of rural migrants in the post-Soviet Ulan-Ude. In the course of the study, the following results were obtained: 1) a complete repertoire of adaptation strategies was revealed: assimilation, separation, marginalization and integration; 2) various variations of transitions from one strategy to another adaptation strategy were found; 3)

the declared adaptation strategies are investigated. These are situations when informants talk about using one adaptation strategy, but in reality they use a different adaptation strategy.

Ключевые слова: миграция; сельские мигранты; стратегии адаптации; стратегии аккультурации

Keywords: migration; rural migrants; adaptation strategies; acculturation strategies

Проблема адаптации и интеграции мигрантов в принимающих обществах является одной из ключевых тем в исследованиях миграции. Адаптация мигрантов происходит в различных измерениях: социально-экономическом, социокультурном, политико-правовом и т. д. В нашем докладе мы рассмотрим только одно из измерений – социокультурную адаптацию сельских мигрантов. Цель доклада – проанализировать стратегии социокультурной адаптации сельских мигрантов в постсоветском Улан-Удэ.

В качестве теоретического инструмента анализа мы использовали концепцию стратегий аккультурации Дж. Берри. Он выделяет четыре стратегии аккультурации мигрантов в принимающем обществе: 1) ассимиляция; 2) интеграция; 3) сепарация; 4) маргинализация [1; 2]. Слабой стороной данной концепции является то, что в ней учитывается в первую дискурсивный уровень (то, что люди говорят о своей идентификации), но мало уделяется внимания уровню практик (как в реальности люди взаимодействуют с обеими культурами). Даже в том случае, когда Дж. Берри признает важность учета «этнического поведения» (практик), то он выявляет их с помощью опросных методов, то есть, он пытается понять практики через дискурсы [3]. Поэтому мы в своей теоретической модели адаптировали концепцию Дж. Берри и ввели в нее еще и анализ уровня практик, которые мы исследуем не только с помощью опросного метода (интервью), но и посредством метода наблюдения за реальным поведением. Эмпирический материал был собран в ходе полевых исследований в Улан-Удэ

в период с 2004 по 2019 гг. Длительность данного проекта позволила нам провести лонгитюдное исследование. Таким образом, мы смогли увидеть, как изменяются или не изменяются стратегии адаптации с течением времени.

В ходе полевых исследований были получены следующие ключевые результаты: 1) был выявлен полный репертуар стратегий адаптации: ассимиляции, сепарации, маргинализации и интеграции; 2) проведение лонгитюдного исследования позволило нам также обнаружить различные вариации переходов от одних стратегий к другим стратегиям адаптации; 3) был исследован интересный феномен – декларируемые стратегии адаптации. Это те ситуации, когда информанты говорят об использовании одной стратегии адаптации, а в реальности используют другую стратегию адаптации. В данном случае это удалось выявить с помощью интервью с другими сельскими мигрантами и посредством метода наблюдения.

Список литературы

1. Berry J. W. Acculturation and adaptation in a new society // *International Migration*, 1992, Vol. 30. P. 69-85.
2. Berry J.W. Immigration, Acculturation, and Adaptation // *Applied Psychology: an International Review*, 1997, Vol. 46, № 1. P. 5-68.
3. Berry J.W., Sabatier C. Acculturation, discrimination, and adaptation among second generation immigrant youth in Montreal and Paris // *International Journal of Intercultural Relations* 2010, Vol. 34. P. 191-207.

СТАРШИЙ ВОЗРАСТ И САМОЗАНЯТОСТЬ ПОСРЕДСТВОМ ЭЛЕКТРОННЫХ ПЛАТФОРМ: СВЯЗЬ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Картузова Мария Владимировна

*аспирант Национального исследовательского
университета «Высшая школа экономики»,
Россия, Москва*

OLDER AGE AND SELF-EMPLOYMENT THROUGH ELECTRONIC PLATFORMS: COMMUNICATION AND PROSPECTS

Maria Kartuzova

*postgraduate student National Research University
High School of Economics, Russia, Moscow*

Платформенная экономика ускорила процесс индивидуализации трудовых отношений, а сами платформы подчеркивают, что имеют дело со «свободными профессионалами», а не работниками. На деле же происходит ввод третьего участника независимого контракта, который, оставляя за собой право, оценивать качество исполняемых работ, но не дает никаких гарантий для самих исполнителей [2]. Оценка платформами вырождается в соблюдение формальных требований, что предъявляются к специалисту без принятия во внимание отраслевых профессиональных стандартов, экспертной оценки, а часто и обратной связи оцениваемому. Это понижает шансы исполнителя улучшить свое репутационное, причем сторона, проявляющая такую информационную асимметрию [14], даже не является работодателем. Есть точка зрения [3], что безусловным плюсом таких формализованных требований к исполнителю и обезличивание оценки, является открытие ему глобального рынка труда. Выступая местом встречи заказчика и исполнителя услуги, в погоне монетизации, платформы подменяют проверку экспертного статуса своих независимых профессионалов на маркетинговое продвижение профиля исполнителя, повышая привлекательность для заказчика путем апгрейда профиля, позволяющего более часто появляться при поиске исполнителя на ту или иную услугу. Литература, посвященная самоза-

нятости, указывает на связь со старшим возрастом при ухудшении здоровья [5], возрастную дискриминацию на рынке труда [11] и скорый выход на пенсию [1]. Естественно, эти причины подкрепляются и финансовой мотивацией [12]. Указывается связь с желанием новизны в работе и потребностью сменить круг общения, путем расширения сети взаимодействий [7].

Однако существует и другой пласт работ, которые не связывают причины перехода к samozанятости со старшим возрастом и никак не затрагивают платформенную экономику. Среди таких могут быть отмечены предыдущий опыт samozанятости или работы на неполный день в штате компании [6]. Кроме того, потребность в гибком графике, приходит не только из-за совмещения социальных ролей, но и в результате переосмысления своей трудовой деятельности, когда люди готовы лишиться какой-то части дохода, но дополнительно получить свободное время [10]. Особняком стоят причины, затрагивающие религиозные убеждения, родовые традиции и память о прошедших преследованиях. Такие люди могут намеренно сокращать контакты с чужаками и становиться samozанятыми, чтобы вести экономическую деятельность, совместимую с принятыми традициями и верованиями [4]. Шеин с соавторами, обсуждая баланс жизни и работы у samozанятых-владельцев гостиниц, приходят к выводу, что постоянная включенность в процесс не дает переключиться и полноценно отдохнуть от избыточно проведенного времени на работе несмотря на то, что она любимая и мало отделена от дома [13]. И, наконец, наличие деловых связей для самостоятельной работы, также не связано тесно ни с возрастом, ни с электронными платформами [8]. Среди привлекательных свойств платформенной занятости исполнители отмечают автономность и гибкие условия работы. На деле автономность не тождественна независимости и свободе от контролирующих инстанций (заказчика и платформы), о которой говорят сами фрилансеры. А проявляется как способность к самоуправлению в жестких рамках, установленных платформами. Под гибкими условиями труда респонденты понимали место и время работы. Несмотря на то, что практически все из респондентов оценили

удобство начала и окончания рабочего дня в любое время, каждый из них работает больше, чем работал в офисе. Кроме того, они отмечали работу в ночное время и выходные, что негативно сказывалось на их самочувствии и балансе работа-жизнь. Работа из дома (место большинства респондентов) также однозначно не оценивалась респондентами удобной, особенно, если они проживали не одни или были стеснены в жилищных условиях.

Среди мотивов, которыми руководствуются люди старшего возраста при переходе к самозанятости, мы выделили два: монетизация хобби и деловых связей. Как оказалось, выбор хобби в качестве идеи для самозанятости – не гарантия финансовой успешности. Что же касается монетизации накопленных деловых связей, мы обнаружили здесь три подмотива: непосредственную монетизацию связей (через получение заказов с помощью «сарафанного радио»), получение эмоциональной поддержки от знающих фрилансеров для новичков, и наконец, третье – возможность укрепления собственного бренда и открытие новых возможностей для заработка.

Список литературы

1. Axelrad H., Tur-Sinai A. (2019) Switching to Self-Employed When Heading for Retirement // *Journal of Applied Gerontology*, C. 0733464819894542.
2. Cappelli P., Keller J. (2013) Classifying work in the new economy. *Academy of Management Review*, 38 (4): 575-596.
3. Evetts J. (2011) A new professionalism? Challenges and opportunities. // *Current sociology*, № 59 (4): 406-422.
4. Galbraith C.S., Dana L.P. (2007) A humility-based enterprising community: the Amish people in Lancaster County // *Journal of Enterprising Communities: People and Places in the Global Economy*.
5. Gouskova E. (2020) Why Self-Employment Rates Are Higher Among People With Work Limitations // *Journal of Disability Policy Studies*, 31(1):15-25.

6. Hsieh C. (2016) Do the Self-Employed More Likely Emerge from Sequential or Parallel Work Experience in Business-Related Functions? // *Entrepreneurship Theory and Practice*, 40(2): 307-334.
7. Khusainova L. (2019) Internet for student earnings: working place or communication space // *Revista San Gregorio Issue*, 36: 40-47.
8. Kwon S.W., Heflin C., Ruef M. (2013) Community social capital and entrepreneurship // *American Sociological Review*, 78(6): 980-1008.
9. Lee Y.H., Lin H. (2011) Gaming is my work': identity work in internet-hobbyist game workers // *Work, Employment and Society*, 25(3): 451-467.
10. Lindsay J., Lane R., Humphery K. (2020) Everyday life after downshifting: Consumption, thrift, and inequality // *Geographical Research*.
11. Meliou E., Mallett O., Rosenberg S. (2019) Being a self-employed older woman: From discrimination to activism // *Work, Employment and Society*, 33(3): 529-538.
12. Peticca-Harris A., deGama N., Ravishankar M.N. (2020) Postcapitalist precarious work and those in the 'drivers' seat: Exploring the motivations and lived experiences of Uber drivers in Canada // *Organization*, 27(1): 36-59.
13. Shen R. et al. (2018) Work or/and life? an exploratory study of respite experience of bed and breakfast innkeepers // *Journal of Hospitality & Tourism Research*, 42(1): 142-165.
14. Veen A., Barratt T., Goods C. (2019) Platform-capital's 'Appetite' for control: A labour process analysis of food delivery work in Australia // *Work, Employment and Society*, 095001701983691.

**КАЧЕСТВО ТУРИСТСКИХ УСЛУГ
В СОЦИАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ГОРОДА**

Керими Кира Мухамедовна,
к.социол.н., доцент кафедры
туризма и культурного наследия Института истории
и международных отношений
Саратовского национального исследовательского
государственного университета имени Н.Г. Чернышевского,
Россия, Саратов
kerimikira@yandex.ru

**THE QUALITY OF TOURIST SERVICES
IN THE SOCIAL SPACE OF THE CITY**

Kira Kerimi
Candidate of Sociological Sciences, Lecturer
Department of Tourism and Cultural Heritage
Institute of History and International Relations,
Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky
Russia, Saratov
kerimikira@yandex.ru

Аннотация

В статье рассмотрен перечень вопросов, затрагивающих аспекты категории качества услуг на предприятии сферы туризма, в частности, изучены теоретическое понятие и сущность качества услуг, проанализировано состояние развития внутреннего туризма в России как фактор качества туристских услуг в условиях социального пространства города.

Abstract

The article considers a list of issues affecting aspects of the category of quality of services at an enterprise in the tourism sector, in particular, the theoretical concept and essence of the quality of services is studied, the state of development of local tourism in Russia is analyzed as a factor in the quality of tourist services in the social space of the city.

Ключевые слова: сфера туризма, качество услуг, туристическое предприятие, социальное пространство города

Keywords: tourism, quality of services, social space of the city

События последнего времени – антироссийские санкции, миграция населения, нестабильная политическая обстановка в странах Азии и Африки, изменение жизненного уклада и в период пандемии, – оставили свой отпечаток на состоянии российского туризма. С начала XXI в. состояние отечественной сферы туризма претерпело многочисленные существенные трансформации в связи с изменением условий государственной политики, модификации поведения потребителей, неблагоприятных экономических ситуаций. Несмотря на это, в 2018 году за пределы своего региона выезжали более 43 млн россиян, что на 13 млн больше чем в 2017 году [1]. Ситуация на рынке внутреннего туризма характеризуется увеличением объема туристских услуг, оказанных населению, численности граждан России, отправленных в туры по России, числа коллективных средств размещения и количества размещенных в них граждан. По итогам 2017 г. число российских туристских фирм составило 13 580, что на 14 % больше по сравнению с показателями 2014 г. [2]. Таким образом, часть данных свидетельствует о положительной динамике развития российского турбизнеса. Согласно заявлению главы Ростуризма Олега Сафонова «доля туризма в ВВП России к 2026 году благодаря реализации ФЦП «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации на 2019-2025 годы» может вырасти до 5 % против нынешних 3,47 %» [2].

Наряду с благоприятной тенденцией, необходимо отметить сдерживающие ее факторы. Согласно данным Федеральной службе государственной статистики число въездных туристических потоков на конец 2017 г. составило 24 390 тысяч, количество выездных – 39 629 тысяч. Соответственно, количество граждан России, отправленных в зарубежные туры в 2017 году в более чем 1,5 раза превалирует над аналогичным числом граждан России, отправленных

в туры по России [2]. В Общественной палате РФ подвели итоги горячей линии и отметили, что 40 % позвонивших недовольны качеством услуг и их несоответствием обещанному [3]. Данный факт подтверждается информацией от Ассоциации туроператоров России: по итогам летнего сезона 2016 г. выяснилось, что ожидания туристов от отдыха в России не соответствовали действительности [4]. Согласно отзывам туристов, основная проблема в самой работе турагентств и несоответствии обещаний агентов ожиданиям туристов. Кроме того, отмечалось, что турагенты не имеют достаточного опыта для работы с внутренним турпродуктом, они не знают уровень услуг, который можно получить на российских объектах той или иной звездности.

Аналитической службой АТОР из проблем внутреннего туристического рынка было отмечено [5]:

- Неразвитая инфраструктура и низкий уровень сервиса;
- Несоответствие стоимости услуг их качеству;
- Слабый маркетинг. Российские граждане недостаточно информированы о туристических возможностях регионов;
- Высокая доля транспортной составляющей в бюджете поездки;
- Несоответствие принципов работы объектов размещения мировой практике в сфере туризма;
- Подготовка специалистов в сфере внутреннего туризма на всех уровнях;
- Отечественные места отдыха проигрывают заграничным по инфраструктуру, качеству питания и уровню пляжей.

Полнота, достоверность информации и профессионализм сотрудников влияет как на объективное качество предоставляемых тур услуг, так и на его субъективный аспект-восприятие качества. О заинтересованности данной темой общественности служит предложение общественного совета Ростуризма о создании проекта национального стандарта качества туристических услуг [6]. Качество туруслуг напрямую связано с качеством жизни населения. Повышение уровня предоставления туруслуг является одним из фактором детерминирую-

щим качество жизни населения, в частности, физическое и эмоциональное состояние человека, его работоспособность.

Список литературы

1. Информационный портал о туризме [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ekec.ru/statistika-vyiezda-grazhdan-rf-za-granitsu-v-2018-godu/> (дата обращения 12.04.2020).
2. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/enterprise/retail/# (дата обращения: 11.04.2020).
3. Официальный сайт Общественной палаты Российской Федерации [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://oprfr.ru/press/news/2016/newsitem/35729> (дата обращения 25.05.2020).
4. Ассоциация туроператоров» области [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.atorus.ru/news/press-centre/new/36892.html> (дата обращения 19.07.2020).
5. Итоговые (годовые) отчеты АТОР [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.atorus.ru/ratings/ator_analytics/article/3436.html (дата обращения 30.06.2020).
6. Информационная группа «ТУРПРОМ» // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.tourprom.ru/news/34021/> (дата обращения 01.06.2020).

ПОЖИЛЫЕ ГОРОЖАНЕ И ИХ ГОРОДА: СОЛИДАРНОСТЬ С ПРОСТРАНСТВОМ КАК ФАКТОР ГАРМОНИЧНОГО СТАРЕНИЯ

Киенко Татьяна Сергеевна

*к.социол.н., доцент кафедры социальных технологий
Южного федерального университета,
Россия, г. Ростов-на-Дону
tatyanakienko@mail.ru*

ELDERLY CITIZENS AND THEIR CITIES: SOLIDARITY WITH SPACE AS A FACTOR OF HARMONIOUS AGING

Tatyana Kienko

*PhD of Sociology, Associate Professor, Department
of Social Technologies, Southern Federal University,
Russia, Rostov-on-Don
tatyanakienko@mail.ru*

Аннотация

Солидарность пожилых горожан с пространством своих городов рассматривается как средство адаптации к старению и меняющемуся миру, инструмент социальной включенности и безопасности, фактор гармоничного старения. Роль солидарности с пространством как фактора гармоничного старения актуализирует задачу развития в российских городах благоприятной «возраст-дружественной» среды с опорой на парадигму социального урбанизма, мобильности, «права на город».

Abstract

The solidarity of older citizens with the space of their cities is considered as a means of adaptation to aging and a changing world, as a tool for social inclusion and security, as a factor of harmonious aging. The high importance of solidarity with space for harmonious aging actualizes the task of developing a favorable «age-friendly» environment in Russian cities based on the paradigm of social urbanism, mobility, and the «right to the city».

Ключевые слова: пожилые горожане, солидарность с пространством, гармоничное старение

Keywords: elderly citizens, solidarity with space, harmonious aging

Демографическое старение активизирует внимание к потребностям пожилых людей, вопросам их благополучия в окружающем пространстве, что отражено в задачах национальных проектов и программ. С одной стороны, этому способствует развитие «нового урбанизма», парадигм мобильности и социальной урбанистики в городских исследованиях, с другой – новые подходы к старению и эйджизму, который обнаруживается не только в экономических или социальных отношениях, но и в дизайне жилья, городского зонирования, работе транспорта, условиях проживания. Продуктивным становится изучение отношений пожилых людей с пространством в парадигме мобильного гражданства и концепта «права на город» [3] с опорой на альтернативные идеи «гармоничного старения» [4] вместо устаревающих концепций успешного (хорошего, здорового, активного) старения.

В ходе исследования «Развитие аудиовизуальной среды современного российского города в контексте сохранения и трансляции этических ценностей российской культуры» (проект РФФИ № 18-011-00841 под руководством проф. Л.А. Штомпель; стратифицированная выборка охватила 1371 жителя 29 южно-российских городов; 2018 г.) были выявлены особенности оценок городской среды пожилыми жителями южно-российских городов. Данные показали связь возраста горожан и солидарности с городскими пространствами: людям с возрастом все больше нравятся их города, они счастливее, внимательнее к вопросам благоустройства, сохранения культуры, истории, родного языка. Среди городских звуков представители старшего поколения чаще других слышат позитивные (пение птиц, грамотную речь, звон колоколов), и реже – негативные звуки (ненормативную лексику). Пожилым людям не хватает безопасности и тишины, музеев и выставок, предприятий бытового обслуживания, но они

редко говорят о дискриминации в городских пространствах (Киенко Т.С. [1, с. 66-73]).

Солидарность с пространством (понятие Александра Филиппова [2, с. 262]) в пожилом возрасте может выступать основой благополучного и гармоничного старения. Связь человека с пространством собственной жизни в социальном, психологическом и территориально-пространственном измерениях укрепляется в процессе жизни. Но в пожилом возрасте это не только результат практического освоения, расширения зон «знакомого» пространства, но и средство адаптации к старению, инструмент социальной включенности, причастности, способ защиты и безопасности в окружении знакомого пространства – фактор гармоничного старения. Роль солидарности с пространством как фактора гармоничного старения актуализирует задачу развития в российских городах «возраст-дружественной» («age-friendly») среды и исследований старения в парадигме социального урбанизма, мобильности и «права на город».

Список литературы

1. Киенко Т.С. Пожилые горожане и аудиовизуальная среда города: возраст как фактор солидарности с пространством // Журнал социологии и социальной антропологии. 2019. № 22 (4). С. 57-87. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://doi.org/10.31119/jssa.2019.22.4.3>.
2. Филиппов А.Ф. Социология пространства. СПб.: Владимир Даль, 2008, С. 262.
3. Ярская-Смирнова В.Н., Ярская-Смирнова Е.Р. Право на город в парадигме мобильности // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2018. № 45. С. 165-174. DOI: 10.17223/1998863X/45/17.
4. Liang J., Luo B. Toward a discourse shift in social gerontology: From successful aging to harmonious aging // J. of aging studies, 2012. Vol. 6, № 3. P. 327-334.

ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНЫЙ ТРАВМАТИЗМ В МОСКВЕ ВО ВРЕМЯ РЕЖИМА САМОИЗОЛЯЦИИ

Кириллина Надежда Андреевна

*аспирант аспирантской школы по социологическим наукам
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики», главный специалист 1 категории
Государственного казенного учреждения города Москвы –
Центра организации дорожного движения
Правительства Москвы, Россия Москва
kirilinan@gmail.com*

ROAD TRANSPORTATION INJURIES IN MOSCOW DURING SELF-INSULATION

Nadezhda Kirillina

*Postgraduate student at the Postgraduate School
in Sociological Sciences, National Research University
Higher School of Economics, Russia, Moscow
kirilinan@gmail.com*

30 марта 2020 года (понедельник) в Москве был введен режим самоизоляции, который продлился до 9 июня (вторник), то есть продолжался 10 полных недель. Для 2019 года сопоставимые даты – с 1 апреля (пн) по 11 июня (вт).

Снижение числа автомобилей на дорогах, числа пробок и одновременное повышение скоростей во время режима самоизоляции привели к тому, что число ДТП и раненных в ДТП в Москве снизилось, одновременно с этим выросло число погибших на дорогах и летальность.

По данным ГИБДД* в Москве в 2019 году произошло 9 296 ДТП, в которых погибло 443 человека, было ранено 10 723.

Летальность – количество погибших в ДТП относительно всех пострадавших – составила 4,0 % (рис. 1).

* Официальный сайт Госавтоинспекции. Показатели состояния безопасности дорожного движения. <http://stat.gibdd.ru>

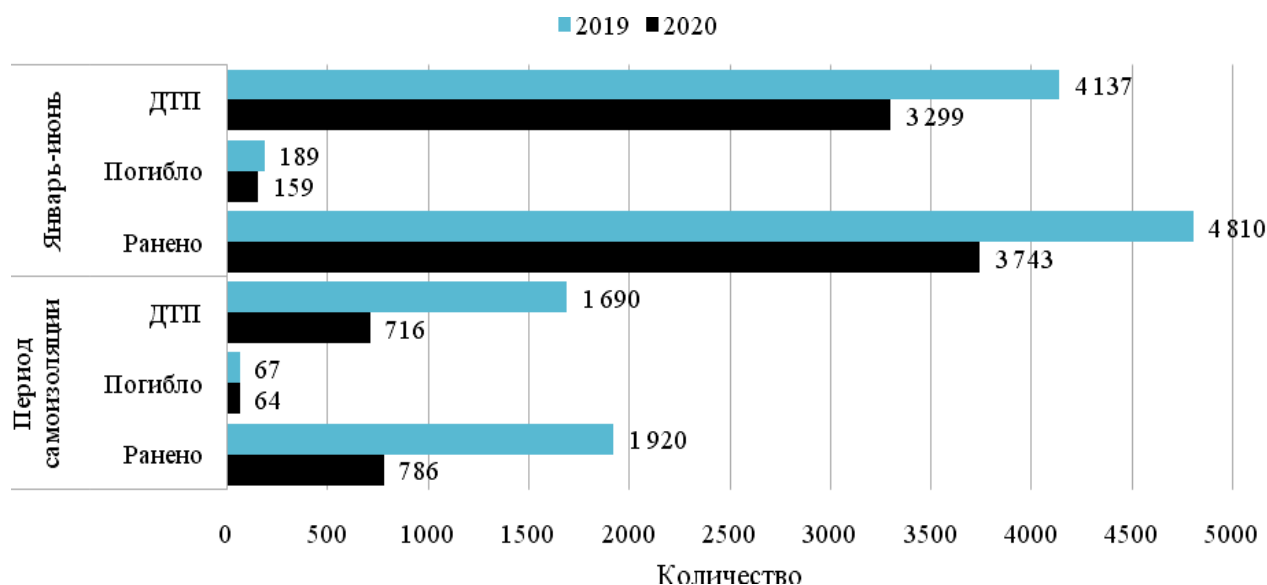

Рис. 1. Статистика дорожно-транспортных происшествий в Москве в 2019 и 2020 гг.

За период самоизоляции произошло на 974 ДТП меньше, чем за аналогичный период 2019 года, погибло на 3 человека меньше, а ранено на 1 134 человека меньше (рис. 2).

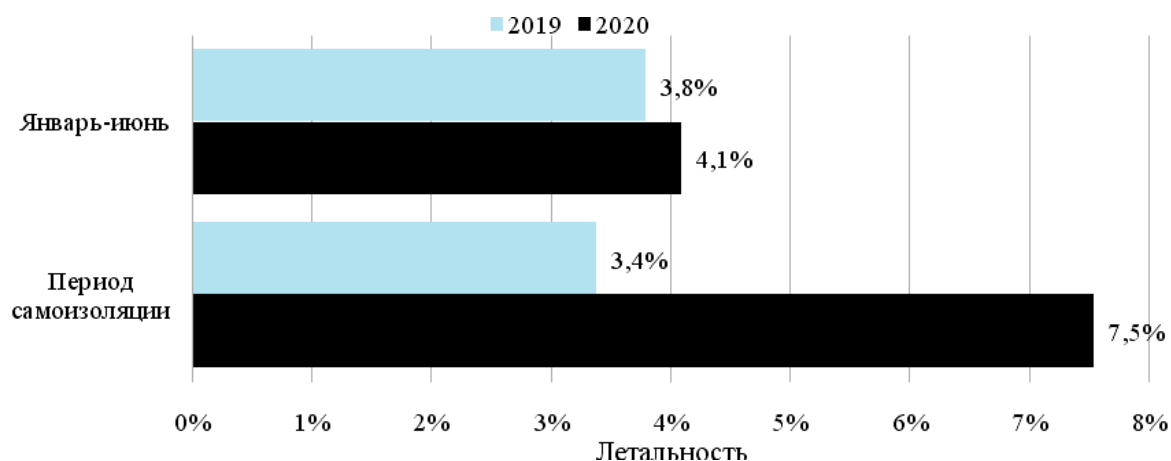

Рис. 2. Статистика летальности в Москве в 2019 и 2020 гг.

Одновременно с этим за период самоизоляции летальность возросла более, чем в 2 раза: с 3,4 до 7,5 %. Таким образом, во время пандемии тяжесть последствий ДТП в Москве выросла более, чем в два раза.

В январе 2020 года ДТП было на 23 % больше, чем в 2019 году. В феврале 2020 ДТП было больше на 15 %. С марта 2020 года количество ДТП оказалось ниже, чем годом ранее. Наиболее значительное падение зафиксировано с апреля по июнь.

В апреле снижение числа ДТП составило 64 %. В мае количество ДТП по сравнению с прошлым годом сократилось на 58 %. В июне 2020 года число ДТП уменьшилось на 29 %. Снижение числа ДТП обуславливается режимом самоизоляции, снижением числа автомобилей на дорогах (рис. 3).

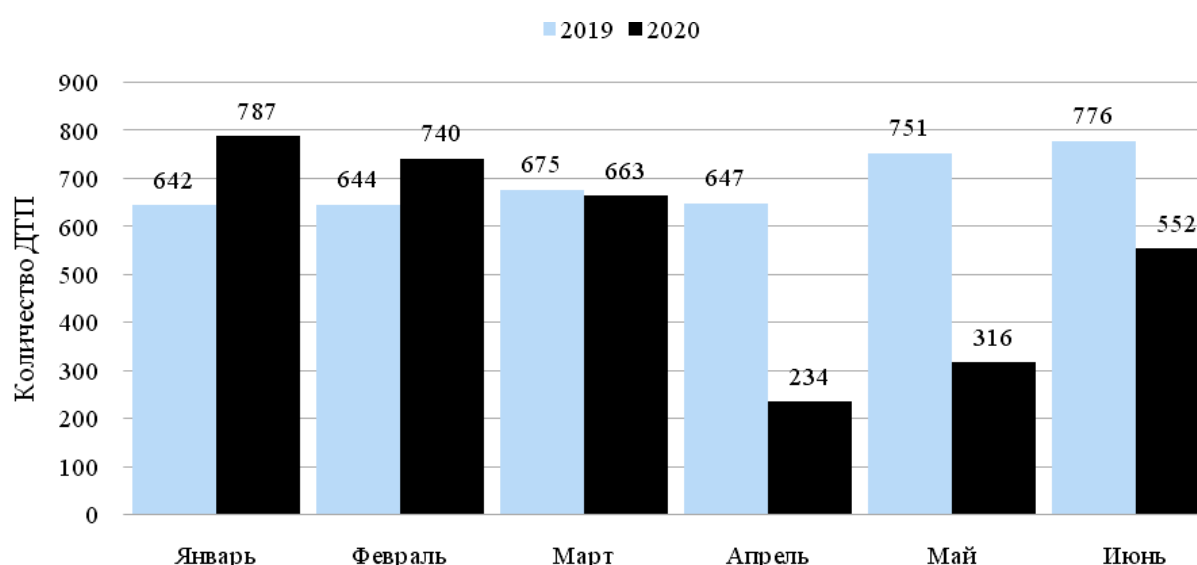

Рис. 3. Динамика числа ДТП по месяцам

В 2019 году мы видим постепенное увеличение числа ДТП с апреля по июнь. В 2020 году этот тренд сохраняется.

В январе 2020 года на дорогах Москвы погибло на 10 человек меньше, чем годом ранее. В феврале 2020 года число погибших практически не изменилось. В марте снижение числа погибших составило 31 (рис. 4).

Тренды изменения числа раненых сильно отличаются от трендов изменения числа ДТП. Если во время самоизоляции число ДТП радикально снизилось, то число погибших снизилось не так значительно, а в апреле 2020 года даже выросло.

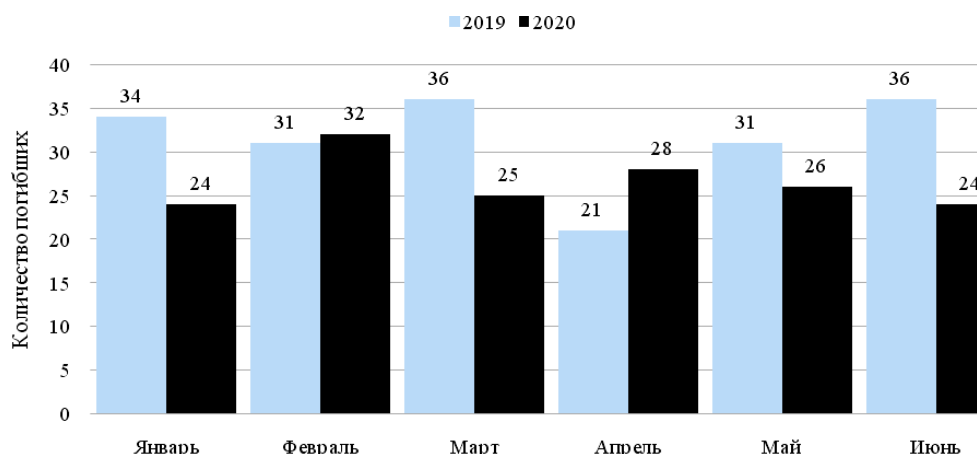

Рис. 4. Динамика числа погибших по месяцам

В апреле 2020 года автомобилей на дорогах Москвы было почти в два раза меньше, чем в 2019 году, в мае – на 26 % меньше. Среднее повышение скорости на дорогах в будние дни апреля составило 64 %¹. По данным индекса самоизоляции Яндекс с 29 марта до 12 мая 2020 года на улицах было значительно меньше людей, чем в феврале и марте того же года². Несмотря на это, на дорогах Москвы в апреле 2020 года погибло на 7 человек больше (33 %), чем годом ранее (21 погибший в 2019 году против 28 погибших в 2020 году). В мае снижение по сравнению с прошлым годом составило 16 %, погибло на 5 человек меньше, чем в 2019 году. В июне наблюдается рекордное снижение числа погибших на дорогах, снижение составило 33 %, на дорогах погибло на 12 человек меньше, чем в июне 2019.

Тренды изменения числа раненых совпадают с трендами изменения числа ДТП. В январе и феврале число погибших больше, чем годом ранее (на 25 % и 10 % соответственно). С марта начинается снижение числа раненых, на 6 % в марте. В апреле 2020 года было ранено на 66 % меньше людей, чем годом. В мае снижение составило 58 %. В июне 2020 года на дорогах Москвы было ранено на 35 % меньше людей, чем годом ранее (рис. 5).

¹ Государственное казенное учреждение города Москвы – Центр организации дорожного движения Правительства Москвы <http://www.gucodd.ru/>

² Яндекс. Индекс самоизоляции. <https://yandex.ru/company/researches/2020/podomam>

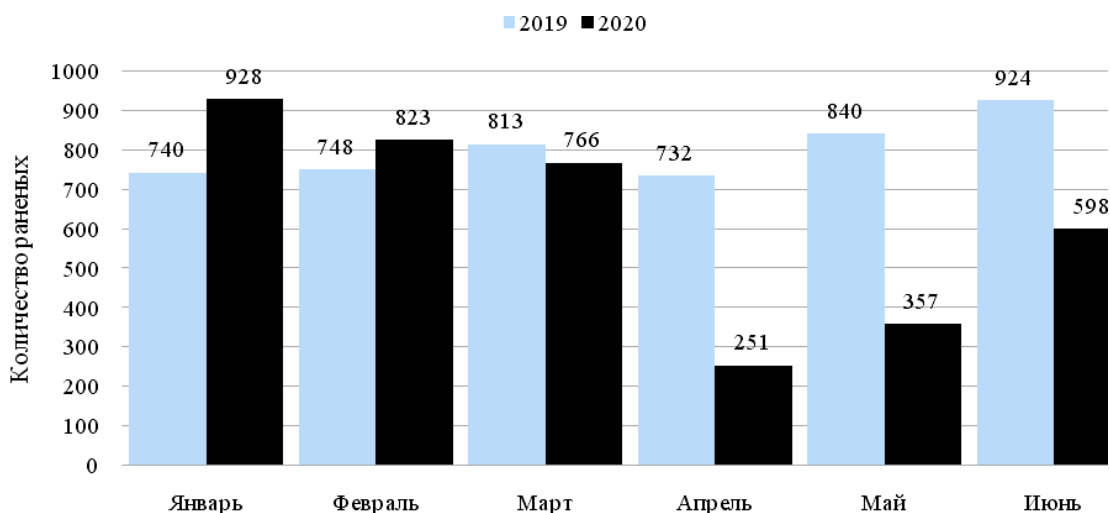

Рис. 5. Динамика числа раненых по месяцам

Как и в случае с числом ДТП в 2019 году мы видим постепенное увеличение числа раненых с апреля по июнь. В 2020 году этот тренд сохраняется.

Если с января по март летальность была ниже, чем в 2019 году (на 1,9 п.п. – в январе, на 0,3 п.п. – в феврале и на 1,0 п.п. – в марте), то с апреля начинается резкий рост летальности. В апреле 2020 года летальность составила 10 %, что на 7,2 п.п. выше, чем в 2019 году. В мае летальность выросла с 3,6 % в 2019 году до 6,8 % в 2020 году. В июне 2020 года летальность была на уровне 3,9 %, в 2019 году – 3,8 %. (рис. 6).

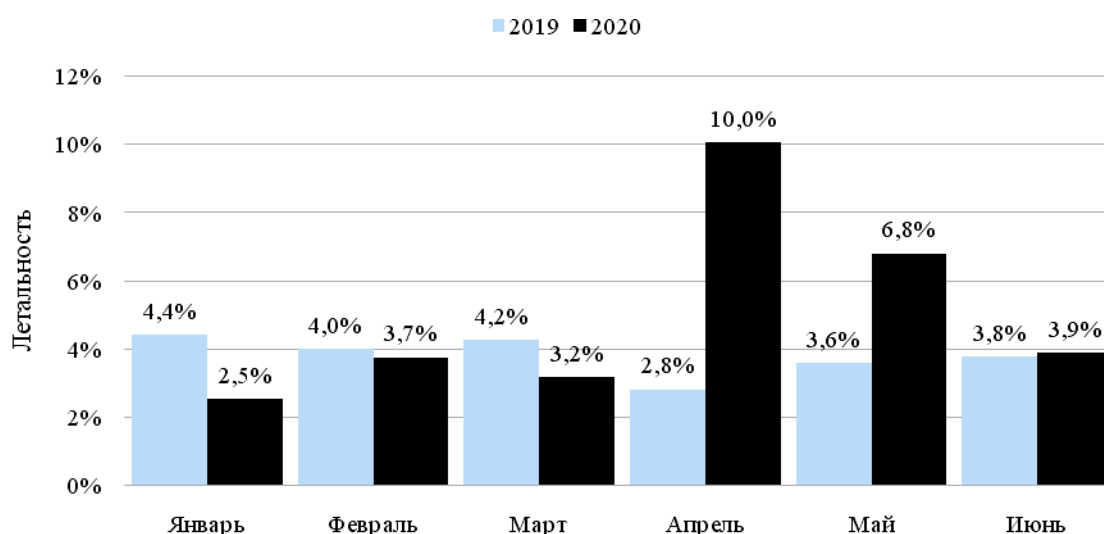

Рис. 6. Динамика летальности по месяцам

**ИНКЛЮЗИЯ ПОСРЕДСТВОМ ФОЛЬКЛОРА:
РЕКОНСТРУКЦИЯ ИЛИ ИЗОБРЕТЕНИЕ ТРАДИЦИИ?
(НА МАТЕРИАЛАХ ИНТЕРВЬЮ С ГОРОДСКИМИ
ЦЕНИТЕЛЯМИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ)**

Кононенко Ростислав Вадимович

*доцент кафедры социологии факультета социальных наук
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики», Россия, Москва*

Ярская-Смирнова Елена Ростиславовна

*ординарный профессор
кафедры социологии факультета социальных наук
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики», Россия, Москва*

**INCLUSION THROUGH FOLKLORE:
RECONSTRUCTION OR INVENTION OF TRADITION?
(ON THE MATERIALS OF INTERVIEWS WITH URBAN CONNECTORS
OF RUSSIAN CULTURE)**

Rostislav Kononenko

*Associate Professor Research
Department of Sociology, Faculty of Social Sciences
University Higher School of Economics, Russia, Moscow*

Elena Yarskaya-Smirnova

*tenured professor
Department of Sociology, Faculty of Social Sciences
Research University Higher School of Economics, Russia, Moscow*

Характерна ли инклюзия лишь для современной культуры или ее истоки можно найти в традиционных контекстах? Как фольклор может помочь сформировать инклюзивную культуру? Доклад построен на анализе интервью с руководителями городских студий и клубов традиционной культуры и анализе литературы.

Фольклорные тексты, исторические архивные данные, устные свидетельства, собранные нами в селах и у городских специалистов по фольклору – все эти источники указывают на противоречивые отношения сельского социума к людям с какими-либо недугами, дефектами, особенностями. Собиратели и исследователи фольклора [2] создали галерею типажей с различными дефектами, которые символизируют нарушение порядка, а потому вызывают страх или смех. Функция других – проявить подлинную сущность главного героя, способного на подвиг, или быть подтверждением существования божественной воли, сверхъестественных сил.

Наши городские информанты, выезжающие в экспедиции, накопили множество примеров о теплых отношениях между сельскими жителями и приезжающими из города за фольклором. Но звучали и рассказы о практиках исключения, игнорирования и изоляции, о нормативности конфликтов «свой-чужой». Историки приводят архивные свидетельства как о пренебрежительном и жестоким обращении со «слабоумными» и «помешанными», так и об актах сострадания и помощи «Божьим людям» и их включении в сельский социум [1].

И хотя в народной культуре много эксклюзии, фольклор со свойственными ему синкретизмом, равенством присутствующих, коллективностью общения, сменой ролей и функций, смеховой реальностью может выполнять инклюзивную роль [4]. В ряде интервью нам рассказали об участниках, которых старались обучить, насколько возможно, и вовлекали в мероприятия. Несколько информантов имеют более системный опыт включения в свой ансамбль детей или молодежи с особенностями, интервью раскрывают полную переживаний работу с коллективом, куда включены дети с различными формами нарушений и их родители. Этот опыт открывает для руководителей вариативность и сложность индивидуального подхода, высочайшую ценность занятий с детьми, их семьями.

При этом дает о себе знать проблема более широкого общественного контекста. Так, важным выводом становится идея де-сегрегации: тот концерт или фестиваль, где участвуют только лишь дети с особенностями, далек от инклю-

зии. Инклюзивным мероприятие становится в том случае, если там приветствуется и практикуется разнообразие.

Многие традиции лишь кажутся старыми; они, как указывает Э. Хобсбаум [5], часто имеют недавнее происхождение, изобретены. Некоторые новые практики не претендуют на то, чтобы казаться старыми традициями. Другие же внедряются так, чтобы их считали «укорененными в истории», «исконными» и «подлинными». В изменяющихся обществах возникает потребность создать традиции, которые бы проросли на существующей почве и смогли бы выступить необходимым культурным механизмом для распространения новых ценностей.

Четверо из девяти наших городских информантов активно занимаются включением детей с особенностями посредством фольклора. И как показывает их опыт, такое изобретение традиции очень даже возможно. И хотя реконструируется в их деятельности «период, когда у сообщества не было отчетливого позыва включить этих людей в социум [инклюзия] – это довольно недавнее открытие», вряд ли следует реифицировать границу между «истинно традиционным» и тем, что происходит в реальной жизни коллективов. Фольклор живет в их коммуникациях, мероприятиях, взаимодействиях с другими, в том числе и детьми или взрослыми с особенностями, для которых в фольклоре место обязательно найдется, причем не обязательно только в образе «слепых гуляров».

Народные легенды, притчи, сказки используются на занятиях, вечерах и выступлениях наряду с другими фольклорными жанрами, чтобы разрядить обстановку, настроить аудиторию и участников. Такие истории берут из собственной жизни, привозят из экспедиций, меняют что-то в притче, делают свою мудрую концепцию, чтобы учить добру, любви (И8).

Сегодня возникла и успешно развивается практика сторителлинга. В нашем случае особый интерес представляют такие рассказчики среди людей с инвалидностью, родителей особых детей, стендап-комики с инвалидностью, а также городские ценители фольклора, которые развивают инклюзивные формы культуры. В современных нарративных жанрах производятся и популяризируются

знания об инвалидности, болезни, травме [3: 190]. Они становятся фольклором, который бытует в среде объединенных общим опытом людей, передается из поколения в поколение, обновляется и живет новой жизнью. В этом поле, как представляется, содержится потенциал социальной инклюзии и эмпауэрмента.

Список литературы

1. Безгин В.Б. Русская деревня конца XIX – начала XX века: грани крестьянской девиантности (Часть 1) // Genesis: исторические исследования. 2012. № 1. С. 120-167.

2. Добровольская В.Е. Репрезентация болезней и уродств в русских волшебных сказках // Обратная сторона Луны, или что мы не знаем об инвалидности: теория, репрезентации, практики / отв. ред: А.С. Курленкова, Е.Э. Носенко-Штейн. М.: Изд-во МБА, 2018. С. 178-222.

3. Кононенко Р.В. Инклюзивный потенциал фольклора // Инклюзивная культура горожан (Нижнее Поволжье) / ред. В. Ярская-Смирнова и Д. Зайцев. М.: Вариант, 2019. С. 183-194.

4. Николаев В.В. Народная культура в процессе реабилитации детей-инвалидов // Гаудеамус. 2006. № 2 (10), С. 63-65.

5. Хобсбаум Э. Массовое производство традиций: Европа, 1870-1914 // Неприкосновенный запас. № 6. 2015. С. 107 – 127.

* * *

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ
в рамках научного проекта №18-18-00321-П*

**ПРОБЛЕМЫ МОБИЛЬНОСТИ СЕМЕЙ
С ГРУДНЫМИ ДЕТЬМИ В ГОРОДСКОМ
ПРОСТРАНСТВЕ САРАТОВСКОЙ АГЛОМЕРАЦИИ**

Константинова Елена Юрьевна

*магистрант кафедры «Философия, социология, психология»
Саратовского государственного технического университета
имени Гагарина Ю.А., Россия, Саратов
konstantinova.elena2019@mail.ru*

**PROBLEMS OF MOBILITY OF FAMILIES WITH BABIES
IN THE URBAN SPACE OF THE SARATOV AGGLOMERATION**

Elena Konstantinova

*master's student of the Department of
Philosophy, Sociology, Psychology,
Saratov of Yuri Gagarin State Technical
University of Saratov, Russia, Saratov
konstantinova.elena2019@mail.ru*

Аннотация

Статья посвящена анализу восприятия городского пространства семьями, имеющими в своем составе детей грудного возраста, проживающими в Саратовской агломерации. Город изображен, как область столкновения интересов семьи и местных властей, а также сфера борьбы за создание оптимальных режимов его использования. Ключевым вопросом является определение количественных и качественных показателей для пространств, пригодных для использования детских колясок и иного детского транспорта. Были подняты общие вопросы, касающиеся степени мобильности семьи в городском пространстве и доступности среды Саратовской агломерации для матерей, имеющих новорожденных детей. Также были обозначены основные принципы взаимодействия ребенка и среды. В результате были сделаны выводы о причинах оттока молодых семей из города и об основных требованиях данного класса граждан к городской инфраструктуре и к содержанию пространств детства в соответствии с современными реалиями.

Abstract

The article is devoted to the analysis of the perception of urban space by families with infants living in the Saratov agglomeration. The city is depicted as an area of collision of interests of the family and local authorities, as well as a sphere of struggle to create optimal modes of its use. The key issue is to define quantitative and qualitative indicators for spaces suitable for the use of prams and other child transport. General questions were raised regarding the degree of family mobility in urban space and the accessibility of the environment of the Saratov agglomeration for mothers with newborn children. The basic principles of interaction between the child and the environment were also identified. As a result, conclusions were drawn about the reasons for the outflow of young families from the city, and about the basic requirements of this class of citizens to the urban infrastructure and the content of childhood spaces, in accordance with modern realities.

Ключевые слова: дети; семья; детская коляска; детский транспорт; мобильность; взаимодействие ребенка и среды; город; городская инфраструктура; доступная среда

Keywords: children; baby carriage; children's transport; mobility; interaction between the child and the environment; urban infrastructure; accessible environment

На сегодняшний день вопросы мобильности семей с грудными детьми в городском пространстве рассматриваются в рамках теоретических и практических направлений социологии и психологии семьи и социальной урбанистики. В результате возрастающего с каждым годом показателя естественной убыли населения Саратова изучение данного явления становится более актуальным [14]. Особенно остро стоят вопросы, касающиеся оттока из города семей, имеющих в своем составе детей в возрасте от рождения до шести лет. Это особая категория граждан, так как они являются индикатором качества, безопасности и доступности пространства города [18].

Тема взаимодействия города и семьи с ребенком довольно часто поднимается в течение последнего десятилетия. Данными исследованиями занимались такие отечественные авторы как: Филипова А.Г., Лебедева Е.В., Магомедова З.М. Ракитина Н.Э. Савинская О.Б., а так же зарубежные исследователи Холлоуэй С., Валентайн Дж. и другие.

В данном исследовании была предпринята попытка анализа инфраструктурной и социокультурной проблематики городского пространства Саратовской агломерации. Годом ранее, в рамках выпускной квалификационной работы, посвященной созданию детской коляски, наиболее полно удовлетворяющей потребности жителей города Саратова и городов с аналогичными климатическими и инфраструктурными показателями, было проведено эмпирическое исследование целевой аудитории пользователей. Оно позволило сделать выводы, не только касающиеся конструктивных моментов изделия, но и вопросов, указывающих на низкое качество пешеходных зон, отсутствие парковочных мест в жилых домах, местах общего пользования и иных, наиболее часто посещаемых семьями, использующими детские коляски, объектов.

Целью статьи являлось исследование и анализ проблем мобильности семей с грудными детьми в условиях городского пространства Саратовской агломерации. Известно, что инфраструктура города (детские площадки, транспортная доступность городских объектов, наличие пандусов и съездов для колясок и т. п.) оказывает непосредственное влияние на возможности передвижения, и в целом на образ жизни взрослых жителей города и их детей [17]. Пространство города – это непосредственная область влияния и интересов городской и муниципальной политики [8]. Деятельность управленческих структур муниципалитета в большей степени должна ставить в приоритетные задачи благоустройство территорий, транспортной инфраструктуры, так как город является предметом ежедневной практической адаптации. В теоретическом плане статья опирается на основные идеи социологии города, аналитические работы, посвященные семейной политике, детской психологии и эргономике пространства города [3, 7, 9]. Исследование

информации официальных документов, помогло изучить специфику принципов и факторов, оказывающих влияние на формирование городской среды. Также был собран ряд инициатив местных властей и бизнеса в отношении повышения комфортности Саратовской агломерации для семей, использующих детские коляски. Кроме того в данной статье содержатся вопросы, касающиеся вклада муниципальных властей в пространственную инфраструктуру адаптированную для комфортной и безопасной мобильности семей с грудными детьми. Семьи, имеющие детей младенческого возраста, критически относятся к организации пространства Саратова, однако они видят в нем потенциал для увеличения своих жизненных возможностей, минимизации «издержек материнства» [4, 10]. Поэтому политика развития инфраструктуры дружественной семье позволила бы организовать публичные пространства с комфортом для посещения семей использующих детские коляски [13].

В работе были проанализированы и обобщены некоторые теоретические и практические вопросы, касающиеся организации современного социокультурного пространства Саратовской агломерации; взаимодействия Саратовского муниципалитета и семей с детьми младенческого возраста по вопросам организации доступной среды для перемещения детского транспорта [1, 2]. Кроме того, были рассмотрены последствия развития и отсутствия развития городской инфраструктуры Саратова для горожан-пользователей детских колясок. Также были выявлены плюсы и минусы проживания молодой семьи в данном населенном пункте и его психологическое восприятие обозначенной категорией граждан. По результатам исследования были сделаны выводы о влиянии городского пространства Саратовской агломерации на ежедневную мобильность семей, имеющих в своем составе детей младенческого возраста.

Список литературы

1. Аверин Ю.П. Качество жизни детей в городе // Социология. 2011. № 3. С. 129-144.

2. Аитов Н.А. Социальное развитие регионов. Москва: Мысль, 1985. 220 с.
3. Антропова Ю.Ю., Калинин И.А. Современный городской социум и пространство детства: проблемы сопряженного развития // Известия Саратовского университета. Новая серия. Социология. Екатеринбург, 2016. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennyy-gorodskoy-sotsium-i-prostranstvovdetstva-problemy-sopryazhennogo-razvitiya> (дата обращения: 14.09.2020).
4. Балакирева М. Изучение повседневной мобильности горожанок с детьми: опыт применения стратегии смешивания методов // INTER. 2015. № 10. С. 60-69. 3.
5. Бесчасная А.А. Урбанистическое детство: социологический анализ. СПб.: Астерион, 2016. 274 с.
6. Проектирование и моделирование промышленных изделий. [Текст] / Васин С.А., Талашук А.Ю., Бандорин В.Г., Грабовенко Ю.А., Морозова Л.А., Редько В.А. М.: Машиностроение-1, 2004. 692 с.
7. Магомедова З.М. Семья в городском и сельском социальном пространстве // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2016. № 4-5. С. 128-131.
8. Об утверждении Методики формирования индекса качества городской среды: распоряжение Правительства РФ от 23 марта 2019 г. № 510-р // Гарант: сайт информ.-правовой компании. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72104984/> (дата обращения: 18.09.2020).
9. Ритцер Дж. Современные социологические теории. 5-е изд. СПб.: Питер, 2002. 688 с. (Серия «Мастера психологии»)
10. «Жизнь на чемоданах»: мобильность семьи и социальное благополучие: сб. науч. ст. по итогам Всероссийского научно-практического семинара (Владивосток, 26-27 апреля 2018 г.) / отв. ред. И.Г. Кузина, А.В. Винокурова. Владивосток: Дальневост. федерал. ун-т, 2018. 198 с.

11. Ракитина Н.Э. Доброжелательность городской среды к детям: социологический анализ (на примере городов Дальнего Востока): дис. ... канд. социол. наук: 22.00.04 / Ракитина Наталия Эдуардовна; Тихоокеанский государственный университет; науч. рук. Филипова А.Г. Хабаровск, 2017. 184 с.
12. Филипова А.Г. Социальное пространство детства: принципы маркирования территорий // Журнал исследований социальной политики. 2012. Т. 10. № 1. С. 79-94.
13. Филипова А.Г., Лебедева Е.В. Дружественность городской среды к детям и молодёжи: от теоретических подходов к экспертным интерпретациям // Журнал Ойкумена // Регионоведческие исследования 2019. № 2. С. 101-112.
14. Федеральная служба государственной статистики / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Саратовской области / Естественное движение населения Саратовской области за 2019 год: Официальная статистика. Саратов 2020 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://srtv.gks.ru/folder/40817> (дата обращения 15.09.2020).
15. Холлоуэй С., Валентайн Дж. Пространство и детство: новые направления социальных исследований // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11. Социология: РЖ РАН. ИНИОН. 2002. № 3. С. 105-111.
16. Черняк Е.М. Социология семьи. М.: Изд.-торг. корпорация «Дашков и К°», 2004.
17. Шпаковская Л.Л. Городская инфраструктура заботы о детях: реальные и идеальные пространства // Журнал социологии и социальной антропологии. 2015. С. 111-125.
18. Шпаковская Л.Л., Чернова Ж.В. Город, дружелюбный семье: новое публичное пространство для детей и их родителей // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017 № 2. С. 160-177.

**СОВРЕМЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ДЛЯ ГОРОДА:
ВРЕМЯ НОВОЙ МОДЕЛИ**

Константинова Лариса Владимировна
д.социол.н., профессор,
директор НИИ развития образования
Российского экономического университета
имени Г.В. Плеханова, Россия, Москва
kostkas@yandex.ru

**A MODERN UNIVERSITY FOR THE CITY:
TIME FOR NEW MODEL**

Larisa Konstantinova
Dr. of Sociology, Professor
Director of the Research Institute of Education Development
Plekhanov Russian University of Economics, Russia, Moscow
kostkas@yandex.ru

Аннотация

В статье представлены результаты исследования трансформации университета в контексте развития современных урбанистических тенденций развития. Обосновывается приобретение университетом роли основного субъекта общественного развития, социальной ответственности и интеграции; формирование новой модели университета – университета для города, университета для общества.

Abstract

The article presents the results of a study of the transformation of the university in the context of the development of modern urban development trends. The acquisition by the university of the role of the main subject of social development, social responsibility and integration is substantiated; the formation of a new model of the university – a university for the city, a university for society.

Ключевые слова: город, университет для города, университет для общества, модель Университета 3.0

Keywords: city, university for city, university for society, University 3.0 model

Современный университет, находясь под влиянием множества факторов, активно трансформируется, что приводит к изменению его модели [1]. Он становится центральным звеном развития инновационной экономики и социальной сферы конкретного региона, города, страны, глобальных процессов [2]. Можно назвать несколько основных функциональных предназначений современного университета, где происходит его сущностная трансформация.

1. Образовательная деятельность. Проблемная зона, которая детерминирует существенные преобразования в данной сфере – необходимость соответствия современным быстро изменяющимся потребностям экономики конкретной территории и общества в целом. А они заставляют университеты серьезно трансформировать образовательную политику. При этом современный университет должен быть способен к опережающему обучению, к подготовке специалистов для профессий будущего, к конструированию профессионального ландшафта города и общества будущего. Отсюда запрос на гибкость, практикоориентированность и проектонасыщенность образовательных программ, на их междисциплинарность и транспрофессиональность, на индивидуализацию образовательных траекторий обучающихся. Развитие непрерывного образования в университетах в качестве базовой функции наряду с основным образованием, выведение образовательного процесса в онлайн-формат также свидетельствуют о данном переходе. В целом обновление модели университета связано с его большей ориентацией на перспективы территориального и общественного развития через воспроизводство человеческого потенциала, способного обеспечивать такое развитие на много лет вперед.

2. Научная и инновационная деятельность. Основным трендом, определяющим изменения современного университета в данной сфере, является его переход к модели Университета 3.0., при которой не только научно-исследовательская, но и инновационная деятельность, направленная на коммерциализацию знаний, оказывается приоритетной [3]. Поэтому в

экономике знаний университет становится инструментом экономического роста и выступает в тесной связи с бизнесом и властью. Во многих странах этому способствует встречная тенденция, идущая от высокотехнологичных компаний. В России же заинтересованность бизнеса в сотрудничестве с вузами в сфере инновационного развития только начинает формироваться. Несмотря на то, что, по оценкам экспертов, до 90 % российских предприятий нуждаются сегодня в новых технологиях для развития производства [4. С. 52], спрос с их стороны на научные разработки недостаточен. В отличие от многих стран основным источником финансирования науки является бюджет: в среднем порядка 60-70 % общих расходов на исследования и разработки обеспечивается за счет государственных средств [5, с. 2]. Среднее значение показателя «Доля средств в бюджете вуза от коммерциализации продуктов НИР/НИОКР и образовательных программ профессионального обучения для персонала организаций» в 2018 г. составило 11,2 % [6, с. 10]. Уровни вовлеченности университетов в развитие новых технологий в конкретных регионах и городах различны. Их организационные формы представляют собой как сотрудничество университетов, научных организаций, бизнеса и власти, так и межотраслевой и отраслевой уровни взаимодействия [7].

Однако роль университетов в инновационном развитии территорий может быть связана не только с коммерциализацией технологических разработок, но и с созданием и внедрением инноваций социального характера, обеспечивающих повышение социальной эффективности предприятий и организаций, органов власти, городских агломераций. И здесь важна роль гуманитарных вузов, гуманитарных факультетов университетов, которая пока недостаточно осмыслена в парадигме инновационной деятельности.

3. Еще одна важная миссия современного университета – социальная. В настоящее время университеты оказываются все более вовлеченными в решение социальных задач конкретной территории как опосредованно через исследования и подготовку кадров, так и непосредственно через широкий

спектр волонтерской, благотворительной, просветительской, социально-культурной деятельности, и в этом качестве во многих случаях выполняют роль градообразующих организаций, оказываясь в центре инфраструктуры, обеспечивающей устойчивое развитие отдельных регионов и городов.

Таким образом, трансформации подвергаются сегодня все основные направления деятельности университета, под влиянием чего существенно меняется его функциональное предназначение. Он становится центром инновационного экономического и социального развития территорий и государств, одновременно концентрируя вокруг себя необходимые ресурсы и воспроизводя их. Благодаря этому современный университет приобретает роль основного субъекта общественного развития, социальной ответственности и интеграции. Наступает время новой модели университета – университета для города, университета для общества. Возможности ее реализации в каждом конкретном университете обеспечивают его успех и конкурентоспособность. Способность же университетов воплотить такую модель и функционировать в ее рамках детерминирует успешность развития конкретного города, региона и страны в целом.

Список литературы

1. Строгеецкая Е.В. В поисках модели современного университета // Высшее образование сегодня. 2009. № 3. С. 15-17.
2. Фрумин И. Д., Лешуков О. В. Университеты как драйверы социально-экономического развития регионов: федеральный справочник // Образование в России Т. 12: Модернизация учебных заведений. Взаимодействие с бизнесом в регионах Российской Федерации. М.: АНО «Центр стратегических программ», 2017. С. 192-199.
3. Виссема Йохан Г. Университет третьего поколения: управление университетом в переходный период. М.: Олимп-Бизнес, 2016. 432 с.
4. Шереги Ф.Э., Ключарев Г.А. Социально-экономический эффект государственной поддержки кооперации вузовской науки и инновационного

производства // Образование и наука в России: состояние и потенциал развития: ежегодник научных статей /отв. ред. А.Л. Арефьев. Вып. 4. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2019. С. 14-177.

5. Отчет Счетной палаты о результатах экспертно-аналитического мероприятия «Определение основных причин, сдерживающих научное развитие в Российской Федерации: оценка научной инфраструктуры, достаточность мотивационных мер, обеспечение привлекательности работы ведущих ученых». 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://ach.gov.ru/upload/iblock/89d/89d7d756dab6d050a260ecc55d3d5869.pdf>

6. Коган Е. Я., Посталюк Н. Ю., Кутейницына Т.Г. Модели взаимодействия вузов с экономикой и социальной сферой региона // Высшее образование в России. 2019. № 7. С. 9-18.

7. Кудряшова Е.В., Сорокин О.Д., Бугаенко О.Д. Взаимодействие университетов со сферой производства как элемент реализации «третьей миссии» // Высшее образование в России. 2020. № 5. С. 9-21.

8. Наумов С.Ю., Константинова Л.В., Чепляев В.Л. Социальные инновации в кадровой политике: основные проблемы и направления реализации // Вестник поволжской академии государственной службы. 2009. № 1 (18). С. 131-138.

СОВРЕМЕННЫЕ ГОРОДСКИЕ РОССИЙСКИЕ ПРОСТРАНСТВА В ДИНАМИКЕ

Константинов Сергей Александрович
доктор социологических наук, доцент,
преподаватель Инженерного лицея, Россия, Саратов
trux@yandex.ru

MODERN URBAN RUSSIAN SPACES IN DYNAMICS

Sergey Constantinov
PhD of sociology, teacher of the
Engineering Lyceum, Russia, Saratov
trux@yandex.ru

Аннотация

Целью исследования является анализ современных российских городских пространств. Применен метод динамического сравнения. Выделены этапы развития городских пространств и приведены примеры. Проведен социологический анализ динамики развития современных российских городских пространств.

Abstract

The aim of the study is to analyze modern Russian urban spaces. Dynamic comparison method is applied. The stages of urban space development are highlighted and examples are given. A sociological analysis of the dynamics of the development of modern Russian urban spaces has been carried out.

Ключевые слова: социальное городское пространство, динамика, сравнение

Keywords: social urban space, dynamics, comparison

Новейшее российское время открыло свободное сравнительное пространство различных социальных феноменов. Применим этот принцип к рассмотрению социального пространства урбанизма современного российского города. В первоначальный период 1990-х годов социальные пространства характе-

ризовались отсутствием преобразований по причине отсутствия инвестиций в масштабное строительство.

Инфраструктура, созданная в советский период, постепенно ветшала и часто выступала в качестве «исторического парка советского времени». Например, как в Крыму сразу после российской весны в 2014 году. Так продолжалось достаточно долго, до наступления подъема в российской экономике начала 2000-х годов. Причем в этот же момент происходило осознание широкими массами населения и элитой того, что необходимо делать в настоящем и перспективной деятельности с городом. Заметим, что наблюдался интенсивный процесс огораживания различных объектов, что совпадало с доминирующей идеологией новой капиталистической власти. Так, в Саратове при губернаторе Д. Аяцкове произошло возведение забора вокруг дома Правительства области в 1996 году. Население при этом устанавливало железные двери в своих домах и общих подъездах домов. Значимым событием при этом стало возведение внутри города и вокруг него коттеджных городков, предназначенных для проживания семей высокооплачиваемых граждан предпринимательской и управляющей элиты. В начале 2000-х годов в ряде городов стало модно строить «национальные деревни» (Саратов, Оренбург), что подчеркивало дружбу между народами России, стран СНГ. Кроме этого, приметой городской среды стало возведение богатыми российскими монополиями своих больших офисов (Сбербанк, Газпром, Т+, РЖД).

В последнее время происходит следующий процесс. Власти при невозможности развивать экономику и при обветшалости советской инфраструктуры пытаются заменить ее проектами по благоустройству среды. Сначала дали преобразовывать духовную сферу и стали строить культовые учреждения (церкви, мечети), причем часто это делается сверх меры. В последнее время перед серией федеральных выборов 2021-2024 годов стали вкладываться в городскую среду для широких масс людей, причем перед этим проводятся масштабные социологические исследования потребностей горожан. Эти и другие социальные приметы современного российского урбанизма можно выделить в разрезе темпоральности.

СОВРЕМЕННЫЕ ПРАКТИКИ ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ ГОРОДСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Красильников Пётр Андреевич

*магистр социологии лаборант НОРЦМИ СГТУ имени Гагарина Ю.А.
методист ГБУ ДО «Региональный центр допризывной подготовки
молодежи к военной службе и патриотического воспитания»,
Россия, Саратов, mpk1985@list.ru*

MODERN PRACTICES OF PATRIOTIC EDUCATION OF URBAN YOUTH

Petr Krasilnikov

*Master of Sociology laboratory SERCMR Yuri Gagarin State Technical
University of Saratov, Methodist «Regional center for pre-conscription
training of youth for military service and patriotic education»,
Russia, Saratov, mpk1985@list.ru*

Аннотация

В тексте рассматривается система патриотического воспитания молодежи в контексте официального политического дискурса, анализируется артикуляция патриотизма образовательными, общественными и некоммерческими организациями. Рассмотрение стратегии реализации патриотического воспитания демонстрирует слабые и сильные стороны актуальных подходов работы с молодежью.

Abstract

The text examines the system of Patriotic education of young people in the context of official political discourse, analyzes the articulation of patriotism by educational, public and non-profit organizations. Consideration of the strategy for implementing Patriotic education demonstrates the weaknesses and strengths of current approaches to working with young people.

Ключевые слова: патриотическое воспитание, политический дискурс, образование, городская молодежь

Keywords: patriotic education, political discourse, education, urban youth

С каждым годом значимость патриотического воспитания в России обретает все больший масштаб, обеспечение лояльности молодежи к официальным нарративам власти становится важной государственной задачей.

Лейтмотив официальной патриотической работы, базируется на формировании комплекса знаний о культе и уникальности исторического наследия и цивилизационного пути нашей страны. Важным инструментом ретрансляции государственной версии патриотизма являются документы концептуального и стратегического характера, программные выступления руководства страны, в которой патриотизм интерпретируется в качестве составной части национальной идеи [1, с. 98]. Патриотически окрашенные идеи, как политических, так и гражданских активностей – это своего рода приметы сегодняшней России [2, с. 7], подчас определяют политическую повестку дня, красной нитью проходят через программы воспитательных работ образовательных организаций, общественных объединений, являются темой многих молодежных проектов.

Ключевыми агентами, обслуживающими государственный интерес в распространении культуры патриотизма, выступают официальные административные представители. Патриотическое воспитание в системе образования есть взаимодействие педагогов и учащихся направленно на артикуляцию знаний истории страны, служения Отечеству.

Популярность вступления молодежи в патриотические объединения обуславливается положительным имиджем и высоким общественным признанием характеризующегося позитивной риторикой современного патриотизма эмоционально тождественного большинству Россиян. Коллективные молодежные практики, выстраивающиеся вокруг официального патриотического дискурса, воплощенного во Всероссийских военно-патриотических движениях. Большую популярность набирают поисковые отряды, ежегодно пополняющиеся новобранцами, сегодня «Поисковое движение России» объединяет более 42 тыс. человек в составе 1428 отрядов, региональные отделения организации действуют в 82 субъектах России, юнармейское движение увеличилось за январь-февраль 2020 на 13,8 % [3, 4].

Интеграция в молодежное пространство обеспечена участием самой молодежи, способствуя выстраиванию солидарности между реперными точками ценностной системы. Признание общества, уважение сверстников, лояльность преподавателей, возможность получить материальное вознаграждение, участие в крупных общероссийских проектах, расширение коммуникативных границ оправдывает утверждение – быть патриотом стало «модно».

Список литературы

1. Божок Н.С. Культура патриотизма российского городского сообщества: дискурс культурно-исторической реконструкции // Вестник Поволжского института управления. 2018. Т. 18. № 6. С. 97-106.
2. Омельченко Е.Л., Пилкингтон Х. Российская молодежь в патриотическом лабиринте: С чего начинается Родина: молодежь в лабиринтах патриотизма. Ульяновск: Ульяновский государственный университет, 2012. С. 7 - 15.
3. ЮНАРМИЯ [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://patriot40.ru/wp-content/uploads/2020/03> / Журнал «ЮНАРМИЯ». 2020. № 1. С. 19 – 28.
4. Официальный сайт «Поисковое движение России» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://rf-poisk.ru/page/230>.

MITIGATING THE SOCIAL AND ECONOMIC EFFECTS OF COVID-19: THE RUSSIAN GOVERNMENT'S ANTI-CRISIS PROGRAM

Кук Линда

США, Университет Брауна, профессор

Linda J. Cook*

*Professor Emerita of Political Science
and Slavic Studies, Brown University; Academic Supervisor,
International Laboratory for Social Integration Research,
National Research University/ Higher School of Economics, Moscow*

*The text was prepared within the framework of the Basic Research Program of the National Research University/Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation

Abstract

Russia's first incidence of COVID-19 appeared in early March 2020. By early July the country had performed about 20 million coronavirus tests, formally recording about 650,000 positive cases resulting in over 9,500 deaths. As in China, the United States, and other countries, Russia's initial COVID-19 cases were primarily concentrated in large urban areas, and the burden of disease remained disproportionately in Moscow through the pandemic's early months. The caseload then spread rapidly across other parts of the country in mid – to late May. Russia's government responded by mandating isolation regimes to limit spread of the virus, and adopting an anti-crisis program that was designed to mitigate the social and economic impacts on the population and economy. Beginning in April, the government initiated a range of anti-crisis measures targeted to workers, households, small and medium enterprises (SME), and others. The paper assesses the effectiveness of Russia's anti-crisis measures in cushioning the population against the pandemic's social and economic impacts. It shows that these measures softened the effects for much of the population, especially those working in the formal economy, holding Russian citizenship, and living in urban areas. However, three societal groups – labor migrants, informal sector workers, and rural populations that lived far from medical facilities – were often excluded, benefitting little from mitigation efforts.

Introduction

Russia's first incidence of COVID-19 appeared in early March 2020. By early July the country had performed about 20 million coronavirus tests, formally recording about 650,000 positive cases resulting in over 9,500 deaths. Throughout most of April and May, Russia was second only to the United States in total number of reported cases, though Brazil pushed Russia to the number three spot in late June, and India to number four in early July. As in China, the United States, and other countries, Russia's initial COVID-19 cases were primarily concentrated in large urban areas, and the burden of disease remained disproportionately in Moscow through the pandemic's early months. The caseload then spread rapidly across other parts of the country in mid-to late May.

During the first week of May over half of all reported new infections were in Moscow, and well over 60 % were in the broader capital region; by the end of June, fewer than 10 % were in Moscow proper. Hot spots emerged in some poorer regions where health infrastructure was inadequate, and in an array of contexts – hospitals, work and construction sites, large social gatherings – where infection control measures fell short.

Russia's government responded by mandating isolation regimes to limit spread of the virus, and adopting an anti-crisis program that was designed to mitigate the social and economic impacts on the population and economy. The paper assesses the effectiveness of Russia's welfare state in cushioning these effects. It finds that these efforts softened the impact on much of the population, especially those working in the formal economy, holding Russian citizenship, and living in urban areas. However, three societal groups – labor migrants, informal sector workers, and rural populations that lived far from medical facilities – were often excluded, benefitting little from mitigation efforts.

Russia's Welfare State in 2020

As the COVID-19 pandemic emerged in Russia in March 2020, the welfare state presented a mixed picture. During 2000-2008, years of strong and steady economic

growth, social spending increased greatly and health and other social programs were revived and expanded. Despite a slowdown in economic growth after the 2008 recession, selected new health policies were funded, pensions were sustained, and child benefits were increased, but improvements were patchy and driven by the leadership's priorities. Beginning in 2014, an economic downturn fueled by declining oil prices and international sanctions produced stagnation. The positive trend in spending on health care from 2000 to 2013 reversed, and the poverty rate increased. Unemployment insurance was under-funded, with maximum payout below the subsistence minimum. The labor market approached full employment, but wages in most branches remained low while inter-regional inequality remained high.

On the positive side, in coping with the pandemic Russia's government had a National Wealth Fund of \$125 billion that the leadership could use to stabilize the economy, and very little debt. The administrative architecture for distributing unemployment, family, and pension benefits was in place. Indeed, most households were receiving social transfers from the state well before 2020. The largest and most populous cities, those that were initially hardest-hit by the coronavirus, are also the most prosperous. Beginning in April, the government initiated a range of anti-crisis measures targeted to workers, households, small and medium enterprises (SME), and others. These measures provided at least some relief for many in Russia's formal economy, but largely excluded the estimated 15 % of the labor force working in the informal economy as well as several million long-term and seasonal labor migrants on whom Russia's economy had come to depend.

Responding to COVID-19

In response to the first cases of the Covid-19 virus, Russia's federal government closed the country's borders on March 18 and stopped all non-essential economic activity on March 28. Air traffic was suspended and land travel routes were closed down. Schools and universities were closed and students and staff moved to «remote learning». President Putin announced a paid, non-working 'holiday' week and in-

structed citizens to quarantine. The period of quarantine was later extended to June 9 in Moscow and to varying lengths in other regions.

When the government introduced these measures to control the spread of COVID-19, incomes began to fall immediately. According to surveys conducted by the Higher School of Economics, in late May 13,5 % of respondents reported that they had completely lost their incomes, while nearly one-third reported a significant reduction. In total 61 % reported that their earnings were lower than before the coronavirus outbreak. 30-40 % of respondents continued to work between early April and late May, almost 10 % had lost their jobs and an additional 13 % went on unpaid leaves or did not know how their time in self-isolation would be paid. Unemployment increased to about 6 %. From the beginning of COVID-19 private consumption dropped sharply and the service sector suffered large revenue losses.

Russia's government moved quickly to put in place anti-crisis measures designed to support households and businesses. Initial anti-crisis measures included additional salary for medical staff and sick leave pay for those affected by the virus. The unemployment benefit was increased and extended, as were child benefits. Mortgage loans and household utility and rent payments were deferred. Small and medium enterprises were granted a range of tax and loan deferrals and holidays, loan restructuring, and halving of wage tax payments to pension and health funds as well as grants, subsidies, and forgivable loans to cover employees' minimum wages for several months (provided employers maintained 90 % of their workforce). Interest rates were reduced. Tariffs on some imported pharmaceuticals were eliminated, and other restrictions eased in an effort to improve the supply of medications for patients infected with COVID-19.

These measures mitigated the social and economic effects of COVID-19 on a population that was for the most part poorly prepared to cope with this economic shock. In spring 2020, as the effects of began to be felt, 13,5 % of Russia's population, almost 20 million people, were officially classified as poor, i.e., with incomes below the minimum subsistence level. Moreover, a majority of the non-poor had few

financial reserves. More than 50 % of those surveyed said that they could not afford to ‘cope with unexpected spending.’ Another survey commissioned by Rosgosstrakh Life and Otkritie Bank showed that 63,6 % of Russians had no savings. And while part of the population continues to live in apartments they acquired at nominal cost when the Soviet Union collapsed, all pay utilities and maintenance, and by.

Putin called on regional governments to preserve their populations’ jobs and incomes, putting much of the responsibility for dealing with the impacts of the crisis on governors. Regions’ economic capacity to supplement the federal anti-crisis measures varied greatly, re-enforcing inter-regional inequality. The anti-crisis measures were far from comprehensive, costing about 3 % of GDP by April. This percentage was low in comparison to relief packages in European states and the US, though comparable to those in states at similar levels of per capital GDP as Russia. Economists and business owners called for more comprehensive relief policies.

These measures provided some relief for the majority of Russian households. Significant groups were, however, excluded from some relief measures. First was the estimated 15 % of Russians who worked informally, off the books, unrecorded. Lacking employment protections or social security even in normal times, they were not eligible for anti-crisis benefits such as wage supports or unemployment payments. As Russian citizens, however, they were eligible for state-funded medical insurance and family and child benefits, which afforded some social protections. Labor migrants faced a more difficult situation. As the Central Asian scholar Aruuke Uran Kyzy observed, «In times like the COVID-19 crisis, the nation-state appears at the forefront, with ‘citizenship’ as the dividing line».

In Russia as elsewhere, migrant workers, both long-term and seasonal, were the most fully excluded. Russia is host to several million migrant workers annually. The largest group comes from Central Asia, smaller numbers from other countries including China. Some had regularized their status but the majority remained unregistered. Migrant workers were at elevated risk of exposure to the virus because they often lived in crowded housing and had limited access to public health care. Many lost their

jobs as construction sites and factories closed, and they were ineligible for the government's programs to ease economic and health effects. When transport in and out of Russia was suspended, hundreds were literally trapped at airports or closed borders, unable either to remain and work or to return home.

As to seasonal labor migrants, in late March, just as effects of the coronavirus began to be felt, hundreds of thousands of young people primarily in Central Asia were preparing to return to Russia for work in construction and agriculture, work on which they depended to support their families. Closed borders meant loss of crucial income for many vulnerable families, as well as critical shortages of labor needed to harvest crops in some sectors of Russian agriculture. Over the previous two decades some Central Asian states had become dependent on migrants' remittances for up to 30-50% of their GDPs. Russia's economic crisis reverberated through these states and their populations without economic relief or stabilization packages, resulting in extreme financial hardship.

Russia's government began easing quarantine restrictions in mid-May. By this time the number of new cases was declining but still substantial. Moscow, the epicenter of Russia's outbreak, completely cancelled restrictions on movement on June 9. The government prepared a RUB 5 trillion National Economic Recovery Plan – equal to 5 % of GDP-to navigate the economy through reopening and hoped-for return to growth in 2020-21.

However, some of the anti-crisis relief measures are likely to complicate recovery. Some measures directed to small and medium businesses deferred financial obligations, transferring them to the future but not cancelling them. According to Boris Titov, Russia's business ombudsman, speaking in an interview with the BBC, «How small businesses will deal with them (deferred financial obligations) later is still unknown». Reserves in pension and health insurance funds are declining because of the halving of employers' wage taxes, another relief measure for businesses. Payments to the pension, social and health insurance funds began to decline in March 2020. A study by experts at the Higher School of Economics Social Policy Institute predict-

ed further decline in payments to social funds because of expected cuts in salaries, rising unemployment, and falling real incomes of Russian citizens. Demands on these funds are likely to continue increasing.

Russia's response to the COVID-19 pandemic highlights both strengths and weaknesses of its health and welfare systems. The Soviet legacy of universal health care proved an asset in handling the pandemic, as did earlier successful public health efforts to slow the spread of tuberculosis. But efforts to control the coronavirus were undercut by unevenly distributed medical facilities and poorly implemented Putin-era reforms that exacerbated inequalities, leaving some populations virtually without access to healthcare. Russia's government responded to the economic effects of its isolation regime with a broad package of relief measures directed to households and businesses, the National Economic Recovery Plan. Moreover, two-thirds of Russia's population reports having very few financial reserves that could help it to absorb the economic shocks. The near-poverty of many Russian households is in turn a consequence of a dysfunctional economic system that keeps productivity low, maintains high levels of inequality, and is too dependent on energy markets that are seriously depressed by the global economic slowdown. Still, most of Russia's population has some degree of social protection. Only the most excluded groups – rural populations, informal sector workers, socially marginalized groups, labor migrants and the families and countries that rely on their remittances – face the pandemic without adequate health services or financial or other relief.

(N.B., the paper will be updated to reflect recent effects in advance of the Saratov Conference)

«МЕДИЙНЫЙ ГОРОД» И ПРОЦЕССЫ ДЕТЕРРИТОРИЗАЦИИ

Курохтина Софья Руслановна

*аспирант Саратовского национального
исследовательского государственного университета
имени Н.Г. Чернышевского, Россия, Саратов, sofic1994@mail.ru*

MEDIA CITY AND DETERRITORIZATION PROCESSES

Sofia Kurokhtina

*postgraduate student of Saratov National
Research State University named after N.G. Chernyshevsky
Russia, Saratov, sofic1994@mail.ru*

Аннотация

В исследовании рассматриваются процессы трансформации пространственного опыта человека под влиянием мультимедиа, цифровых технологий, которые предстают одними из организующих факторов общественного пространства. Уделяется внимание такому концепту как «медийный город», в контексте которого идея географической границы меняет свой смысл. Делается вывод о том, что утрачивается значимость физического местонахождения субъекта, важность приобретает его расположение в «узлах коммуникации».

Abstract

The study examines the processes of transformation of human spatial experience under the influence of multimedia, digital technologies, which appear to be one of the organizing factors of public space. Attention is paid to such a concept as a «media city», in the context of which the idea of a geographical border changes its meaning. The conclusion is made that the significance of the physical location of the subject is lost, its location in the «nodes of communication» becomes important.

Ключевые слова: городское пространство, медийный город, цифровой образ, медиапространство, детерриторизация

Keywords: urban space, media city, digital image, media space, deterritorialization

Процесс трансформации человеческого опыта ставит вопрос о медиальном устройстве окружающего пространства, в том числе и городского. Далее раскроем концепцию «медийный город», а также определим, какое место в обновленном понимании городского пространства занимает идея географической границы. На эту проблему обращали внимание такие авторы как М. Кастельс, С. Маккуайр, П. Вирильо, Р. Сеннет и другие.

С. Маккуайр вводит концепцию «медийный город» в городские исследования, тем самым свидетельствуя об изменении ритмов современных городов и об измененном понимании медиа как таковых. Все увеличивающаяся скорость распространения медийных средств коммуникации, а также их мобильность позволяют говорить о том, что городское пространство стало основой для определенного рода социальных практик и опыта. Маккуайр рассматривает медиа не в качестве только лишь посредника, который репрезентирует образы городской среды, он утверждает, что опыт нахождения в пространстве социальной жизни современного города сформирован в результате взаимосвязи архитектурных артефактов, городского ландшафта, различных социальных практик, а также медиа. Таким образом, можно сказать, что современное городское пространство – «это медийно-архитектурный комплекс, возникающий в результате распространения пространственных медийных платформ и создания гибридных пространственных ансамблей» [1, с. 4]. Такого рода определение города оказалось возможным лишь с распространением технических образов в середине XIX века: фотографических образов, чуть позже кинематографических, а с недавнего времени – цифровых и электронных образов. Влияние медиа на городское пространство неоспоримо, они становятся одними из организующих факторов общественного пространства, поскольку их присутствие можно заметить в каждом элементе городской инфраструктуры: начиная с газетных киосков, заканчивая большими уличными экранами.

Таким образом, следствием урбанизационных процессов, протекающих в последние пятьдесят лет явилось возникновение такой характеристики современного города как проницаемость границ. Современное городское пространство стало приобретать специфические черты, которые «лишены простран-

ственных измерений, но вписаны в единую темпоральность моментального распространения... Опосредованное компьютерными терминалами и видеомониторами различие между здесь и там теряет всякий смысл» [2, с. 13].

Первоначально городские стены требовали физического присутствия населения, однако с постепенным расширением общего медиапространства, статичные горожане превратились в субъектов, способных к быстрому перемещению и распространению. «Самость ... не изолирована, а встраивается в сложную и мобильную, как никогда, ткань отношений. Независимо от того молодой человек или старый, мужчина или женщина, богатый или бедный, он всегда оказывается расположенным на «узлах» линий коммуникаций, сколь бы малыми они ни были» [3, с. 45].

Кризис границ порождает вопросы относительно внешнего/внутреннего, частного/публичного, далекого/близкого. Современное понятие частного жилища в пространстве постиндустриального города преобразовано в концепцию дома-интерактивного узла, который пронизывают потоки информации. Сложности в определении границы между частным и публичным пространством оказывается затруднительным, следствием чего становится такой процесс как детерриторизация дома. Информация больше не перемещается вместе с ее материальными носителями, например, советский тип сознания может существовать и в США. Это ведет к образованию особого «разомкнутого пространства», в котором территория не воспринимается как географически очерченная.

Итак, современный «медийный город» является точкой соприкосновения многочисленных сетевых потоков, вследствие чего он размыкает пространство мест, дифференцируя город в социальном, культурном и функциональном отношениях. Город предстает тем местом, где преобразовывается «чужое», «неосвоенное» в «свое» путем формирования нелокализованного пространства сетевых потоков.

Список литературы

1. Маккуайр С. Медийный город: медиа, архитектура и городское пространство. М: Strelka Press, 2014. 392 с.
2. Virilio P. The Lost Dimension. New York: Semiotext(e), 1991. 145 p.
3. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. М.; СПб., 1998. 160 с.

**БЕЗОПАСНАЯ ГОРОДСКАЯ СРЕДА:
ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ**

Лукьянова Алина Викторовна
*студентка направления «Социология» кафедры
«Философия, социология, психология»
Саратовского государственного технического
университета имени Гагарина Ю.А., Россия, Саратов*
lukianova2001@inbox.ru

Домбровски Елена Васильевна
*студентка направления «Социология» кафедры
«Философия, социология, психология» Саратовского государственного
технического университета имени Гагарина Ю.А., Россия, Саратов*
dombrovskielena@gmail.com

Былинина Алёна Александровна
*студентка направления «Социология» кафедры
«Философия, социология, психология» Саратовского государственного
технического университета имени Гагарина Ю.А., Россия, Саратов*
bylinina.alena@mail.ru

URBAN SAFETY: GENDER ASPECT

Alina Lukyanova
*student of Sociology of the Department of «Philosophy, sociology, psychology»
of Yuri Gagarin State Technical University of Saratov, Russia, Saratov*
lukianova2001@inbox.ru

Elena Dombrovski
*student of Sociology of the Department of «Philosophy, sociology, psychology»
of Yuri Gagarin State Technical University of Saratov, Russia, Saratov*
dombrovskielena@gmail.com

Alena Bylinina
*student of Sociology of the Department of «Philosophy, sociology, psychology»
of Yuri Gagarin State Technical University of Saratov, Russia, Saratov*
bylinina.alena@mail.ru

Аннотация

Целью данной работы является изучение безопасной среды в городе для женщин и выявление возможных путей решения проблемы. В теоретической части работы рассмотрены существующие исследования города и безопасности, для эмпирической составляющей был проведен опрос среди женского пола, который подтвердил первоначально выдвинутую гипотезу и передал данные для дальнейшего анализа проблемы.

Abstract

The aim of this work is to study a safe environment for women in the city and identify possible solutions to the problem of insecurity. In the theoretical part of the work, the existing studies of the city and safety were looked at. For the empirical component, a survey was conducted among the female. The survey confirmed the initial hypothesis and gave us new information for analysis of the problem.

Ключевые слова: безопасность; виктимблейминг; гендер; городская среда; социальный барьер

Keywords: gender; safety; social barrier; urban environment; victim blaming

Безопасность – неотъемлемая потребность жизни человека. Для нее он создал социальные институты, которые охраняют его жизнь и поддерживают защищенность. С развитием человечества развивалась система безопасности, улучшались технологии охраны комфортного условия жизни. Однако, даже на сегодняшний день, люди, а в частности девушки, чувствуют себя в зоне угрозы. Именно девушки чаще всего становятся жертвами краж, избиений и изнасилований. На сегодняшний день данная тема исследования, несмотря ни на что, является актуальной. В связи с этим, в работе ставится вопрос: что именно влияет на причину отсутствия ощущения безопасности в городе у девушек. Цель этой работы выявить, что влияет на безопасность среды для девушек, и, путем эмпирического исследования, узнать, почему у девушек возникает такого рода социальный барьер, а также предположить способы по его снижению.

Как выделил У. Томас, безопасность для личности – одно из четырех основных желаний. В постиндустриальном обществе внимание смещается на городскую среду. Одними из первых социологов стали изучать город и его криминальные аспекты ученые Чикагской школы, в своих работах они рассматривали девиантное поведение (Парк и Бёрджесс: «Город»), этнические гетто (Вирт: «Гетто»), сборища людей, вызывающих беспорядки (Трэшер: «Шайки», Фэрис: «Секта и сектант»). Данные работы дали понять об особой среде, влияющей на безопасность, которую создает город. Наряду со многими моментами при рассмотрении безопасности встает гендерный вопрос. Анализ причин угроз безопасности проводился в ряде исследований, как приведено в статье Юдиной Т.Н. [2, с. 131]. Также у Юдиной было проведено исследование, в котором выяснилось: «... мужчины в собственной защищенности более уверены, чем женщины (60 и 55 % соответственно) ...» [2, с. 133]. Это исследование соответствует поставленной гипотезе. В эмпирической части работы был проведен опрос, направленный на женщин, чтобы выяснить подробности о том, при каких условиях им более комфортно находиться в городской среде и каковы причины их небезопасности.

Также существует виктимблэйминг – обвинение жертвы противоправных действий в провокации на эти действия. Мышление, направленное на обвинение жертвы, прививается с детства. Причину совершения противоправного поступка агрессора переносят на «неподобающий внешний вид», неосторожность, невнимательность. Неприкосновенность и личные границы людей – это неотъемлемое право, закрепленное законом [УК РФ, ст. 137], но созданная среда влияет на оценку противоправной ситуации и это приводит к тому, что данное явление проявляет ощущение небезопасности для женщин не только со стороны насильников, но и со стороны общества.

Нами был проведен опрос. Возрастная совокупность была широкой – меньше 18 лет, от 18 до 25, от 25 до 40 и свыше 40 лет, опрашиваемым было женское население в пределах города Саратова, где большинство приходи-

лось на возрастной период от 18 до 25 лет (70 %). На вопрос о комфортном нахождении на улице, большинство опрошенных девушек ответили, что им более безопасно передвигаться по городу утром и днем (86 %), а не вечером. По собранным данным всего 26,6 % девушек комфортно находится на улице в вечернее время суток. На вопрос: «Какие изменения в городе уменьшили бы риск угрозы девушкам, находящимся в ночное время суток?» были предложены три варианта ответа на выбор и строка с личным ответом, большинство девушек отметили вариант, в котором было предложено организовать дежурные полицейские машины. Следующим вопросом стало то, что девушки берут с собой на прогулку, зная, что будут возвращаться поздно вечером. Часто встречающимся ответом были ключи, чтобы утяжелить удар в случае нападения. Главным вопросом было то, почему именно женщины становятся жертвами насилия. Каждый высказался по-своему, обобщенный вариант звучит так: женщины слабы и не подразумевают агрессию, поэтому контролируют свои эмоции и действия, к тому же патриархальные устои России выливается в мизогинию, что выражается в почти полной безнаказанности насильников. Данная практика позволила нам подтвердить факт об отсутствии для девушек безопасности в городе.

Результаты опроса помогли в обнаружении возможных способов решения небезопасности для женщин: усиление охраны со стороны сферы закона. Также, у Тулузаковой было сказано: «... основной гарантией социальной безопасности женщин является повышение их самосознания и консолидация действий в защиту своих прав»[1, с. 2076]. Данная мысль наталкивает на идею создания видимости, чтобы женщины могли больше чувствовать сплоченность друг с другом, тем самым создавая более защищенную среду.

Угроза для жизни, угроза насилия, надругательства – часть проблем, которые могут настигнуть женщину на улице. Важно изучать подобные темы, предавать огласку событиям, принимать законы. Почему в изнасиловании виновата жертва? Почему насильника оправдывают? Эти вопросы еще не имеют ответа,

но то, что нужно их решать и бороться за право женщин жить в безопасности – это очевидная необходимость.

Список литературы

1. Тулузакова М.В. Социальная безопасность женщин как фактор развития социума [Электронный ресурс] // Культура, личность, общество в современном мире: Методология, опыт эмпирического исследования: XVIII Международная конференция памяти проф. Л.Н. Когана, г. Екатеринбург, 19-20 марта 2015 г. Екатеринбург: УрФУ, 2015. С. 2075-2084.
2. Безопасность личности и виктимные опасения / Юдина Т.В., Фролова Е.В., Танатова Д.К., Долгорукова И.В., Родимушкина О.В. // Журнал социологии и социальной и социальной антропологии. 2017. Т. XX. № 1 (89). С. 114-127.
3. Чикагская социология: сб. переводов / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. социологии и социальной психологии; сост. и пер. Николаев В.Г.; отв. ред. Ефременко Д.В. М., 2015. 430 с.
4. «Сама виновата»: почему жертв насилия принято обвинять и как с этим бороться // Афиша Daily, Интернет журнал. 09.01.17. Режим доступа: <https://daily.afisha.ru/relationship/4122-sama-vinovata-pochemu-zhertv-nasiliya-prinyato-obvinyat-i-kak-s-etim-borotsya/> (дата обращения: 17.09.2020).
5. Gregory Meyerson, Michael Joseph Roberto. Fascism and the Crisis of Pax Americana // Socialism and Democracy. 2008. Vol. 22. № 2. P. 157-191.
6. Thomas W.I. The Unadjusted Girl. Boston, 1923 and 1937. P. 1-40.

ОСОБЕННОСТИ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПРОЕКТИРОВАНИЯ КОМФОРТНОЙ СРЕДЫ ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ГОРОДА

Лысикова Наталья Павловна

*к. филос. н., доцент кафедры «Философия культуры
и культурологии» Саратовского национального
исследовательского государственного университета
имени Н.Г. Чернышевского, Россия, Саратов
450885@list.ru*

FEATURES OF SOCIO-CULTURAL DESIGN OF A COMFORTABLE ENVIRONMENT OF A PROVINCIAL CITY

Natalia Lysikova

*PhD, associate Professor of the Department «Philosophy of culture
and cultural studies», Saratov National Research State University
named after N.G. Chernyshevsky, Russia, Saratov
450885@list.ru*

Аннотация

Социокультурное проектирование представляет инновационную технологию, позволяющую быстро и качественно создать комфортную среду провинциальных городов. Рассмотрена ее реализация на примере обустройства культурно-исторических территорий пяти малых городов Саратовской области.

Abstract

Socio-cultural design is an innovative technology that allows you to quickly and efficiently create a comfortable environment in provincial cities. Its implementation is considered on the example of arrangement of cultural and historical territories of five small cities of the Saratov region.

Ключевые слова: социокультурное проектирование, инновационная технология, комфортная среда, типология малых городов, провинциальный город

Keywords: socio-cultural design, innovative technology, comfortable environment, typology of small towns, provincial city

Социокультурное проектирование представляет востребованную инновационную технологию, успешно используемую для выявления и анализа территориальных проблем, постановки целей и задач, требующих решения, позитивного изменения состояния конкретного социокультурного объекта или социокультурной сферы проектной деятельности, а также определения используемых методов и средств [1, с. 57-58].

В последнее время внимание привлекают малые провинциальные города, на территории которых существует множество социокультурных, экономических, экологических и иных проблем требующих комплексного решения с привлечения современных креативных технологий, в том числе технологии социокультурного проектирования, которая позволяет эффективно осуществлять аналитические, организационно-управленческие и консультационно-методические функции в социально-культурной сфере, обеспечивает востребованность и конкурентоспособность специалистов на рынке труда.

Сочетая нормативный и диагностический подходы, присущие планированию и программированию, данная технология особенно эффективна для разработки программ целенаправленного социокультурного изменения конкретного объекта или территории. Приоритетность позитивных будущих преобразований доминирует над их объективным существованием и реальной оценкой современного состояния, что, на первый взгляд, представляется весьма абстрактным и неустойчивым.

Однако детальное планирование и реализация предписываемых целей, задач, способов и результатов проектной деятельности не исключает использование инновационных элементов, которые могут возникнуть при создании образцов решения социально значимых проблем при условии адекватной оценки и оптимального решения сложной и неустойчивой ситуации. При этом «решения в каждом конкретном случае должны приниматься с учетом объективных законов развития территориальной организации общества и их влияния на механизмы выработки стратегических приоритетов» [2, с. 17].

В Европе малые города считаются весьма комфортными для проживания, и там не наблюдается оттока населения. В России чаще присутствуют моноцентричные агломерации с доминированием одного или двух активно развивающихся крупных городов, при этом малые города находятся в состоянии стагнации, и по многим показателям значительно отстают в своем развитии. Важно отметить, что 70% всех городов России относятся к малым городам, это, как правило, районные центры областного, краевого, республиканского подчинения, представляющие провинциальный город, реже поселок городского типа численностью населения до 50-ти тысяч человек. Выделяют два типа малых городов. К первому типу относят «города без истории», новообразования, возникшие в советский период, сохранившие или чаще утратившие промышленное или оборонное значение. Второй тип представлен городами, которые являются центрами духовно-образовательной культуры, в них имеются благоприятные условия, предпосылки и перспективы для развития культурно-образовательного комплекса, включающего музеи, библиотеки, постоянно действующие выставки, учреждения высшего, среднего, среднего специального образования, церкви, соборы, священные места, религиозные достопримечательности.

Саратовская область включает 44 городских населенных пунктов, в том числе 16 городов районного значения и 25 поселков городского типа. У всех малых городов существуют общие и специфические трудности. К общим трудностям, сдерживающим их развитие, относят слабое развитие городской инфраструктуры, низкое качество дорожного хозяйства, отсутствие перспективы трудоустройства, особенно для молодежи, уровень образования которой постоянно повышается, и, соответственно, предъявляются новые требования к работе, условиям труда, оплате. Без решения данных проблем возрастает миграция молодежи, наблюдается старение и частичная деградация населения. К специфическим проблемам относятся проблемы развития рынка информационных услуг, повышения качества услуг потребительского рынка, газификации, телекоммуникации, телефонизации, организации досуга.

На создание комфортной среды пяти малых городов Саратовской области – Калининска, Красноармейска, Маркса, Петровска, Балашова выделены из федерального бюджета 340 млн рублей, потому что представленные ими проекты стали победителями Всероссийского конкурса лучших проектов создания комфортной среды в малых городах и исторических поселениях [3].

В категории малые города с численностью населения от 50 до 100 тысяч человек победителем стал проект г. Балашова «Большой как солнце». Благоустройство территории парка им. Куйбышева». Основу архитектурной концепции реновации парка составляют три особенности города, определяющие его культурную уникальность:

- во-первых, легенда о сверкании на солнце куполов балашовских церквей начала прошлого века, воплощенная в знаменитой строчке из стихотворения Б. Пастернака «Большой как солнце»;

- во-вторых, город всегда был связан с авиацией, в нем располагалось крупнейшее авиационное училище, а летчики считались завидными женихами;

- в-третьих, легенда о драгоценном мореном дубе, покоящемся на дне реки Хопер.

В категории малые города с численностью населения от 20 до 50 тысяч человек победителями стали проекты г. Маркса «Хлебная пристань». Концепция благоустройства прибрежной территории», г. Петровска, «Стоит как чугунный мост», г. Красноармейска «Козий парк». Концепция благоустройства территории поймы реки Голый Карамыш».

Среди малых городов, где проживают, до 20 тысяч человек, победил проект г. Калининска «Центральный парк г. Калининска».

Список литературы

1. Голубь Н.А. Социокультурное проектирование в системе разработки и реализации региональной культурной политики // Вестник Приднестровского университета. Сер. Гуманитарные науки, 2015. № 1 (49). С. 57-62.

2. Кузьмина Л.Р. Сущность и роль малых и средних городов в системе территориально-отраслевой организации страны // Научные ведомости. Серия Экономика. Информатика, 2016. № 16 (237). Вып. № 39. С. 16-23.

3. Список победителей четвертого Всероссийского конкурса лучших проектов создания комфортной городской среды в малых городах и исторических поселениях [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://yandex.ru/turbo/yaruc.ru/s/spisok-pobeditelej-chetvertogo-vserossijskogo-konkursa-luchshih-proektov-sozdaniya-komfortnoj-gorodskoj-sredy> (дата обращения 14.09.2020).

**СОЦИАЛЬНЫЙ УРБАНИЗМ:
ТУРИЗМ В САРАТОВСКОЙ АГЛОМЕРАЦИИ**

Лысикова Ольга Валерьевна
*д.социол.н., профессор кафедры
«Экономика труда и производственных комплексов»,
профессор кафедры «Философия, социология, психология»
Саратовского государственного технического
университета имени Гагарина Ю.А., Россия, Саратов
olga.lysikova@inbox.ru*

SOCIAL URBANISM: TOURISM IN SARATOV AGGLOMERATION

Olga Lysikova
*Dr. Sc. of Sociology, Professor,
Department of Labor Economics and Industrial Complexes
Gagarin State Technical University of Saratov, Russia, Saratov
olga.lysikova@inbox.ru*

Аннотация

Анализируются перспективы туризма в Саратовской агломерации в контексте социального урбанизма. Благодаря форсайт-мышлению делаем вывод, что будущее – за индивидуальными формами организации путешествий, персонализацией выбора туруслуг, вовлеченностью туриста в цифровой контент.

Abstract

We analyze prospects of tourism in the Saratov agglomeration in the context of social urbanism. Thanks to foresight thinking, we conclude that the future lies with individual forms of travel organization, personalization of the choice of travel services, and tourist involvement in digital content.

Ключевые слова: туризм, туристы, цифровой контент, пространственная мобильность, дестинация, социальный урбанизм, Саратовская агломерация

Keywords: tourism, tourists, digital content, spatial mobility, destination, social urbanism, Saratov agglomeration

Мировой туризм весной 2020 года столкнулся с проблемами непреодолимой силы. Напрямую связанная с пространственной мобильностью отрасль оказалась полностью обесточенной. В истории с коронавирусом глобальное движение и локальный опыт развиваются в унисон, подтверждая уязвимость каждого человека перед критической опасностью жизни и здоровья для себя и близких. Хроника развития ситуации с угрозой эпидемии COVID-19 с февраля по сентябрь 2020 года занимает первое место в топе информационных новостей. По окончании пандемии первыми начинает восстанавливаться рынок внутреннего туризма. Продвигают турпродукты и обучают турагентов туроператоры в онлайн-формате посредством вебинаров. По прогнозам экспертов Всемирного совета по туризму и путешествиям (WTTC) последствия от коронавируса будут сказываться на мировой индустрии туризма и гостеприимства по меньшей мере полтора года. Пандемия COVID-19 имеет два глобальных последствия: во-первых, ограничивает человечество в пространственной мобильности, нанося колоссальный урон туристической индустрии; во-вторых, становится поводом массового перехода в дистанционный формат трудовой и образовательной деятельности с существенным увеличением количества удаленно работающих сотрудников.

В этой связи особую актуальность приобретает осмысление прекаризации труда и феномен «тревожного общества». Коронавирус в синтезе с другими объективными факторами активно меняет картину мира и социально-экономическую реальность. Индивидуальная поведенческая стратегия туриста соизмерима с общей жизненной траекторией, с одной стороны, тщательно планируемой, а с другой, – сложно предсказуемой.

Во второй редакции Атласа новых профессий с проекцией на ближайшие 20 лет представлен раздел профессий будущего в сфере туризма и гостеприимства: режиссер индивидуальных туров; бренд-менеджер пространств; дизайнер дополнительной реальности; консьерж робототехники; архитектор территорий; разработчик интеллектуальных туристических систем и тур-навигаторов [1, с. 242]. Приоритетными характеристиками этого профессионального пула

становятся клиентоориентированность, мультиязычность, программирование и искусственный интеллект, навыки художественного творчества, управление проектами – именно те компетенции, которые наиболее важны как для специалистов сферы туризма, так и социального урбанизма.

Туризм в Саратовской агломерации воспринимается в общественном сознании как объективная реальность. Внутреннему и въездному туризму в Саратовской агломерации способствуют актуальные турпродукты, экскурсии, социальные проекты: «Огни Саратова», «Немцы Поволжья», «Немецкий тракт», «Юрий Гагарин в Саратове: Земля и Космос», «Хлебосольный край Саратовский», «Саратов – город трудовой доблести», а также реализация модели туристской навигации. В культурную память города данные турпродукты и проекты вписываются естественным образом, что повышает как узнаваемость нашего региона в положительных коннотациях, так и качество жизни местных жителей. Повышению туристской attractiveness Саратова также способствует формирование 8-километрового «пешеходного кольца» в исторической части города. Начата разработка экскурсионного продукта с технологической картой экскурсии по маршруту «Немцы Поволжья в Саратове», подготовлен экскурсионный продукт по двум отрезкам экскурсионного маршрута – пешеходная городская экскурсия по улицам Немецкой (проспекту Кирова) и Волжской (Армянской). Наряду с богатым культурным, в том числе архитектурным, наследием в ходе экскурсии особое внимание уделяется выдающимся людям, внесшим заметный вклад в развитие Саратовской агломерации. Будущее дестинации конструируется через призму насыщенного и драматичного прошлого.

Список литературы

1. Атлас новых профессий. Агентство стратегических инициатив. М.: Сколково, 2015.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ОБЗОР СОВРЕМЕННЫХ ТЕНДЕНЦИЙ В СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ

Мирзаева Елена Рудольфовна
магистрант Института права и управления
(программа «Образовательное право»), Россия, Москва
panihella@bk

SOCIOLOGICAL OVERVIEW OF MODERN TRENDS IN THE EDUCATION SYSTEM

Elena Mirzaeva
master's student of Institute of Law
and Management (program «Educational Law»), Russia, Moscow
panihella@bk

Аннотация

В данной статье приводится обзор современных тенденций развития системы образования и обзор проблем инклюзивного обучения.

Abstract

Currently, the problems of education are actively studied. In this article ports review of modern trends in the development of the education system and review of the problems of inclusive education.

Ключевые слова: образование; инклюзия; социальный барьер; культура инклюзии

Keywords: education; inclusion; social barrier; culture of inclusion

В настоящее время проблемы образования достаточно активно исследуются во многих странах, где изучается роль образования в преодолении экономической и культурной отсталости. Мировые тенденции трансформации сферы образования связаны с влиянием современных технологий на образовательный процесс. Активно развивается онлайн-обучение. С развитием интернета и циф-

ровых технологий его следует понимать как разновидность дистанционного обучения. Онлайн-обучение – это получение знаний и навыков при помощи компьютера или другого гаджета, подключенного к интернету в режиме «здесь и сейчас», опосредованное соединением. Часто его приравнивают к «электронному обучению» (e-learning), что указывает на возможность учащегося получать знания в разных форматах [2].

В связи с этим наблюдается ряд следующих тенденций это: интеграция новых технологий в образовательный процесс (виртуальной и дополненной реальности); новые формы организации образовательного процесса с использованием открытых онлайн-курсов; индивидуальные образовательные траектории (персонализация образования); умное распределение образовательного контента; проекты, которые адаптируют любой образовательный контент в формат микро, а также новые технологии оценки и выявления потенциала (талантов) учащихся, которые активно внедряются в вузы.

Остро реагируя на запросы времени и современного рынка труда, молодежь, получив первичное профессиональное образование, также использует и различные формы дополнительного обучения [1, с. 548]. Это во многом связано с изменениями структуры занятости, с развитием рынка фриланса, с новыми запросами работодателей.

На современном этапе появился еще один глобальный тренд, который продиктован гуманизацией общества, мейнстримной международной политикой и законодательными инициативами нашего государства – это развитие системы инклюзивного образования.

Внедрение инклюзии на всех уровнях образования стало важным в последние годы. В отечественных научных работах формулируются [3, с. 133] различные установки относительно понимания инклюзии, например, такие как: идея равенства, толерантное отношение, уважение как равного себе, уважение прав и достоинства каждого человека, как и все окружающие, отсутствие дискриминации и т. п. Мы предлагаем собственное определение об-

разовательной инклюзивной культуры, под которой понимаем комплекс социально значимых качеств и норм поведения, базирующихся на этических постулатах равного отношения между участниками инклюзивного образовательного процесса, и проявляющихся в гуманном и дружественном взаимодействии.

В нашей стране активно поддерживаются государственные программы обеспечивающие «включенность» инвалидов в общество, подписываются нормативно-правовые акты, регулирующие предоставление инвалидам гарантий и равных возможностей, реализации собственных прав. Однако в российском социокультурном пространстве не достаточно интериоризирована культура инклюзии, сильны стереотипы, а дискриминирующие стили коммуникации встречаются довольно часто.

Проблема формирования культуры инклюзии сегодня становится актуальной в связи с государственным курсом на развитие инклюзивных форм образования, но слабая изученность данной тематики побуждает нас к дальнейшему анализу индикаторов и показателей культуры инклюзии. В рамках исследования мы ставим задачу выявить социокультурные практики взаимодействия, складывающиеся в рамках инклюзивного учебного процесса в высшей школе.

Нас интересуют формальные и неформальные практики взаимодействия получателей образовательных услуг, нормы и стратегии которые вырабатываются сотрудниками вуза в рамках инклюзивного образования для преодоления и превенции существующих барьеров. Предполагается изучить теоретико-методологические подходы к анализу рынка образования, рассмотреть динамику развития российского рынка образовательных услуг, изучить встроенность культуры инклюзии в практики взаимодействия между педагогами и учащимися в системе высшего образования. В целом же развитие культуры инклюзии позволит повысить градус доброжелательности, солидарности и уважения в обществе.

Список литературы

1. Константиновский Д.Л., Вознесенская Е.Д., Чередниченко Г.А. Молодежь России на рубеже XX–XXI веков: образование, труд, социальное самочувствие. М.: ЦСП и М, 2014. 548 с.
2. Чем отличается онлайн-обучение от дистанционного обучения. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://finacademy.net/> (Дата обращения 7.03.2020).
3. Ярская В.Н., Ярская-Смирнова Е.Р. Инклюзивная культура социальных сервисов // Социологические исследования. 2015. № 12. С. 133-140.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ УРБАНИСТИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ ИНВАЛИДНОСТИ

Наберушкина Эльмира Кямаловна

*д.социол.н., профессор кафедры социологии
и философии Московского государственного гуманитарно-
экономического университет, Россия, Москва
naberushkinaek@gmail.com*

RESULTS OF A STUDY OF URBANIST WELL-BEING WITH DISABILITY

Elmira Naberushkina

*Dr. Sc. of Sociology, Professor of the Department
of Sociology and Philosophy, Moscow State University for the
Humanities and Economics, Russia, Moscow
naberushkinaek@gmail.com*

Аннотация

В статье представлены эмпирические данные социологического исследования урбанистического благополучия инвалидности, социологически интерпретирована взаимосвязь архитектуры, городского образа жизни и проблем инвалидности. Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 18-011-00290 «Урбанистическое благополучие инвалидности»).

Abstract

The article presents empirical data from a sociological study of the urban well-being of disability, sociologically interprets the relationship between architecture, urban lifestyle and the problems of disability. The article was prepared with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research (project № 18-011-00290 «Urban well-being of disability»).

Ключевые слова: урбанизм, люди с инвалидностью, благополучие

Keywords: urbanism, people with disabilities, well-being

Эмпирическое исследование с целью измерения уровня урбанистического благополучия горожан с инвалидностью в сравнительном срезе столичного и провинциального городского пространства (Москва и Саратов), проведенное нами в 2019 году, позволило сформулировать ряд выводов относительно городского гражданства и благополучия людей с инвалидностью.

В квотную выборку анкетного опроса вошли две подвыборки в Москве и Саратове. Общий объем выборки составил 497 человек. Осуществлен социологический анализ полученных данных с использованием возможностей программы SPSS. Интерпретированы данные, полученные методом глубинного интервью с 96 людьми, имеющими видимые признаки инвалидности (56 информантов имеют нарушение опорно-двигательного аппарата, двадцать из них используют инвалидное кресло, десять человек имеют врожденные анатомические аномалии). В теоретико-методологической рамке модели урбанистического благополучия и городского гражданства, была произведена оценка того, в какой степени городская структура и ее организация определяют показатели социального благополучия, влияют на индекс человеческого потенциала и позволяют людям с ограниченными возможностями здоровья реализовывать свои гражданские права на труд, образование, независимую жизнь.

Данные социологического исследования показали, что общий уровень благополучия по индикатору «уровень жизни» у горожан с инвалидностью оказался средним (0,58). В общем 21,6 % опрошенных респондентов с инвалидностью недовольны уровнем жизни, 26,2 % – удовлетворены, 51,1 % – довольны; в Москве 6,6 % опрошенных недовольны уровнем жизни, 24,2 % – удовлетворены, 68,9 % – довольны; – в Саратове 44,6 % опрошенных недовольны уровнем жизни, 29,2 % – удовлетворены, 23,6 % – довольны. Общий индекс благополучия по группе индикаторов «возможности профессиональной самореализации» оказался в значении 0,47. Наиболее благополучная ситуация наблюдается в оценке уровня жизни, наименее благополучная в оценке уровня зарплат.

Результаты по группе индикаторов адаптированности городской пространственной среды показали, что общий индекс благополучия находится в значении 0,63 (выше среднего). Позитивно оцениваются большинство, предложенных инструментарием, индикаторов адаптированности городской пространственной среды: культурные учреждения; образовательные учреждения; парки, иные открытые зоны отдыха; территория проживания; – территория работы/учебы; объекты общественного питания; наземный транспорт; спортивные объекты; рабочее место; место проживания. Негативных оценок не было получено ни по одному из индикаторов. Наиболее благополучная ситуация наблюдается в оценке адаптированности места проживания, наименее благополучная в оценке доступности социального такси.

Применение качественной методологии исследования позволило нам углубиться в вопросы городского гражданства людей с инвалидностью. Фокус качественного анализа, был определен тремя научными категориями – благополучие, урбанизм, инвалидность (дополнительно вводился гендерный срез анализа). Анализ базировался на трех основных положениях:

1. Жизнь человека с инвалидностью в большом городе предоставляет много преимуществ, но также она сопряжена с целым спектром проблем, которые порождает урбанизм как образ жизни.
2. От того, какой окружающий мир создан в городской системе, зависит, какие когнитивные навыки развиваются у жителей.
3. Повседневный опыт людей с инвалидностью открывает параллельный город, становятся видны очертания зависимости места и благополучия.

Исследование показало, что основными факторами, обостряющими ощущение собственной нетипичности, являются страхи, вызванные недоступностью места, не поднадзорностью места или наполненностью места людьми с негативной идентичностью. В контексте городских знакомств девушки с инвалидностью типологизируют мужчин, ориентированных на: беззаботное дружеское общение; на серьезные отношения в связи с ощущением

тяжести собственной жизни и желанием найти не легкомысленную женщину, понимающую цену партнерства; отрицающих любую возможность взаимодействовать с женщинами с инвалидностью в силу внутренних страхов, стереотипов, самоощущения собственного статуса (как высокого, так и низкого). Существенных различий в восприятии степени дружелюбности городской среды и горожан женщинами и мужчинами с инвалидностью не обнаружено, однако различия фиксируются в том, что женщина, кодируемая в социокультурном поле как слабый пол, в большей степени располагает горожан к оказанию ей помощи (физической и материальной). Однако женщины с инвалидностью чаще, чем мужчины, сталкиваются с грубыми нарушениями личного пространства из-за нежелания вступать во взаимодействие, которое нередко подается под видом помощи.

В целом анализ практик городской повседневности людей с инвалидностью позволил получить не только новые социологические знания, но и материал для различных социальных группы вовлеченных в решение гендерных проблем и проблем инвалидности, который поможет расширить диапазон способов решения имеющихся городских проблем.

Полученные результаты позволили оценить состояние территорий российских городов (на примере столичного (Москва) и провинциального (Саратов) городов в фокусе городского гражданства людей с инвалидностью, а также применить фокус урбанфенизма для маркирования составляющих урбанистического благополучия различных групп городских инвалидов. Разработана и апробирована методология комплексного исследования проблемных локусов городского континуума.

Список литературы

1. Brown A., Kristiansen A. Urban Policies and the Right to the City Rights, responsibilities.

**ТЕНДЕНЦИИ ФОРМИРОВАНИЯ СОВРЕМЕННОГО
СОЦИАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА В КОНТЕКСТЕ
ИНКЛЮЗИВНОЙ КУЛЬТУРЫ**

Неруш Татьяна Григорьевна

*к.п.н., доцент кафедры государственного, муниципального управления
и управления персоналом Саратовского государственного технического
университета имени Гагарина Ю.А., Россия, Саратов
tgner@mail.ru*

Неруш Антон Александрович

*магистрант кафедры социологии и социальной работы
Саратовского национального исследовательского государственного
университета имени Н.Г. Чернышевского, Россия, Саратов
antonnertakagi@gmail.com*

Бирюков Дмитрий Игоревич

*магистрант кафедры социологии и социальной работы
Саратовского национального исследовательского государственного
университета имени Н.Г. Чернышевского, Россия, Саратов
dmitry.birukov1997@gmail.com*

**TRENDS IN THE FORMATION OF A MODERN SOCIAL
SPACE IN THE CONTEXT OF INCLUSIVE CULTURE**

Tatiana Nerush

*PhD of pedagogy, Associate Professor of the Department State, municipal
government and personnel management of Yuri Gagarin
State Technical University of Saratov, Russia, Saratov, tgner@mail.ru*

Anton Nerush

*master's student at the Department of Sociology
of Social Work of Saratov National Research State University
named after N.G. Chernyshevsky, Russia, Saratov, antonnertakagi@gmail.com*

Dmitry Biryukov

*master's student at the Department of Sociology
of Social Work of Saratov National Research State University
named after N.G. Chernyshevsky, Russia, Saratov, dmitry.birukov1997@gmail.com*

Аннотация

Цель – представить основные тенденции формирования современного социального пространства в контексте инклюзивной культуры. Для этого применялся метод теоретического анализа современных источников по исследуемой проблеме. В результате проведенного анализа определены перспективы изменения городского пространства для создания «города для всех». Делается вывод, что для создания инклюзивного города – «города для всех» пешеход должен господствовать в присвоенном ему пространстве.

Abstract

The main trends in the formation of modern social space in the context of inclusive culture are presented. For this, the method of theoretical analysis of modern sources on the problem under study was used. As a result of the analysis, the prospects for changing the urban space to create a «city for all» have been identified. It is concluded that in order to create an inclusive city – a «city for all», the pedestrian must dominate the space assigned to him.

Ключевые слова: социальное пространство; «город для всех»; безбарьерная среда

Keywords: social space; «City for all»; barrier-free environment

Социальное пространство является абстрактным пространством, конституированным ансамблем подпространств или полей (интеллектуальным полем, экономическим полем и др.), обязанных своей структурой неодинаковому распределению отдельных видов капитала; оно может быть воспринято в форме структуры распределения разнообразных видов капитала, которая функционирует одновременно как средство и как цель борьбы в различных полях. Социальное пространство, реализованное физически – это распределение в физическом пространстве многообразия видов благ и услуг, а также индивидуальных групп и агентов [1].

В контексте развития инклюзивной культуры в городском пространстве неприиспособленность городской среды и существующей инфраструктуры формирует проблему социальной эксклюзии людей с ограниченными возможностями мобильности и наносит значительный ущерб их психологическому благополучию. В отношении проблем мобильности, мы имеем виду не только людей с проблемами опорно-двигательного аппарата, а большое количество различных категорий граждан. Согласно законодательству РФ, маломобильными группами населения (МГН) являются не только инвалиды-колясочники. В такой группе может оказаться фактически любой человек. В соответствии с нормативными документами, к маломобильным группам населения относятся: инвалиды с поражением опорно-двигательного аппарата (включая инвалидов, использующих кресла-коляски); инвалиды с нарушением зрения; инвалиды с нарушением слуха; лица преклонного возраста (60 лет и старше); временно нетрудоспособные; беременные женщины; люди с детскими колясками; дети дошкольного возраста [4].

В организации городского пространства жизненно необходимым является учет данного фактора, но что необходимо изменить сегодня? Под классическим пониманием «доступной среды» имеется в виду комплекс, который включает в себя оборудование различных городских объектов изделиями, которые помогут людям с ограниченными возможностями намного лучше ориентироваться в пространстве, свободнее перемещаться по улице или внутри зданий и легче приспособливаться к независимой жизни. Реализация этого комплекса мер является дискуссионным вопросом, находящимся в зависимости от развития конкретного субъекта Российской Федерации (возвращаясь к положению в иерархии социального пространства центра (столицы) и провинции). Возвращаясь к изменениям городского пространства для создания «города для всех», остановимся на нескольких моментах.

1. Отказ от надземных и подземных переходов. Создание искусственных препятствий, теоретически служащих для безопасности, не способствует

формированию инклюзивного пространства. Установка одного пандуса и перил не решает проблему маломобильных граждан в преодолении подобного перехода, а в зимнее время он становится источником повышенной опасности.

2. Безбарьерная среда. В данном контексте мы говорим не о пандусах и прочих специальных средствах, а об отказе от турникетов. Например, во многих европейских городах отсутствуют турникеты для доступа в метро. Почему отказ от них необходим? Общаясь к социологии социального пространства, мы можем рассматривать снижение пропускной способности в метро как создание борьбы за временной ресурс во время прохода, в то время как созданное препятствие создает наибольшие неудобства именно людям с ограниченными возможностями [3].

3. Реальная безопасность на дорогах. Сегодня в России ограничение скорости в городе – 60 км в час, при этом есть «не штрафуемые» 20 км/ч. То есть максимальная скорость в городе – 80 км/ч, за исключением, мест, ограниченных знаками. Это позволяет водителям нарушать скоростной режим, что в итоге приводит к ДТП и смертям на дорогах [2].

Согласно выдержкам из брошюры Всемирной организации здравоохранения, скорость автомобиля влияет как на риск аварии, так и на тяжесть травм, полученных в результате ДТП. Чем выше скорость транспортного средства, тем меньше времени есть у водителя, чтобы остановиться и избежать аварии. Автомобилю, движущемуся со скоростью 50 км/ч, обычно требуется 13 метров, чтобы остановиться, тогда как машина, едущая со скоростью 40 км/ч, остановится менее чем за 8,5 метра [5].

Таким образом, для того чтобы создать безопасные условия на дорогах в городе необходимо уменьшить разрешенную скорость в городах до 50 км/ч. В данном аспекте для создания «города для всех» пешеход должен господствовать в присвоенном ему пространстве.

Список литературы

1. Бурдые П. Социология социального пространства / пер. с фр. Н.А. Шматко. СПб.: Алетейя, 2007. 288 с.

2. Зачем снижать скорость? // Конт [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cont.ws/@varlamov/1167950> Загл. с экрана. Яз. англ. (дата обращения 18.03.2020).

3. Почему в Европе нет турникетов в метро // LiveJournal [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://gre4ark.livejournal.com/731963.html>. Загл. с экрана. Яз. рус. (дата обращения 18.05.2020).

4. СНиП 35-01-2001 Доступность зданий и сооружений для маломобильных групп населения // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/1200022394>. Загл. с экрана. Яз. рус. (дата обращения 20.05.2020).

5. Road safety – Speed // World Health Organization [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.who.int/violence_injury_prevention/publications/road_traffic/world_report/speed_en.pdf. Загл. с экрана. Яз. англ. (дата обращения 18.03.2020).

ПРАВО НА ОСТАНОВКУ: К ВОПРОСУ О НЕФОРМАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ В ГОРОДСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Никитина Бэла Анатольевна

*к.социол.н., доцент кафедры социологии и психологии
Самарского государственного экономического университета,
Россия, Самара, belanik@yandex.ru*

Корсун Мария Александровна

*ст. преподаватель кафедры социологии и культурологии
Самарского национального исследовательского университета
им. академика С.П. Королева, Россия, Самара
forposts@bk.ru*

RIGHT TO STOP: TO THE QUESTION OF INFORMAL COMMUNICATION IN URBAN SPACE

Bela Nikitina

*PhD of Sociology, Associate Professor of the
Department of Sociology and Psychology, Samara State
Economic University, Russia, Samara, belanik@yandex.ru*

Maria Korsun

*senior Lecturer at the Department of Sociology and Cultural Studies
Samara National Research University, Russia, Samara, forposts@bk.ru*

Исследователи, начиная с Г. Зиммеля, отмечают, что устройство городского пространства определяет специфику социальных действий, реализуемых в нем [1].

Открытие данного факта создает заманчивую перспективу: оказывать влияние на жизнь горожан через формирование плана городской застройки или размещение объектов городской инфраструктуры. Первоочередным правом трансформации городской среды обладают муниципалитеты, городские администрации и пр. Справедливо ли это? А. Лефевр отвечает на этот вопрос отрицательно и провозглашает «право на город», согласно которому каждый горожанин обладает правом доступа к городским благам и правом на прямое участие в изменении городской среды [2]. Современные исследователи городской среды отмечают, что право горожан на город ежедневно нарушается муниципали-

тетом и частными корпорациями, а само пространство города отчуждается от его жителей. Это создает ситуацию социальной несправедливости и приводит к снижению эффективности проводимой властями города политики вследствие снижения инициативности горожан.

По мнению Е. Трубиной, доступность для горожан (особенно с низким уровнем доходов) системы общественного транспорта – важное проявление социальной справедливости. Физическая доступность – лишь один из аспектов вопроса, в то время как характер использования данного объекта – другой немаловажный аспект, который наглядно раскрывает процесс отчуждения населения от городской среды. Сами остановки из островка непосредственной и косвенной коммуникации горожан превращаются в коммерческий объект для торговли информационным пространством, бенефициаром которого становится муниципалитет [3].

Нами были проанализированы пространства остановок общественного транспорта и косвенных вариантов социального взаимодействия (надписи, граффити, объявления), реализуемых в нем. В качестве эмпирической базы исследования выступили фотографии остановок общественного транспорта в г. Самара и г. Новокуйбышевск.

Исследование показало, что современная конструкция остановки общественного транспорта ярко иллюстрирует процесс отчуждения городского пространства. Из объекта, объединяющего павильон и место для стихийного размещения объявлений, остановки «нового» типа из стекла и железных рам превратились в визуально «стерильные» конструкции, которые не предполагают осуществления неформальной коммуникации. Размещение же частных объявлений на остановке карается штрафом, о чем сообщают официальные баннеры. Так мы наблюдаем тенденцию вытеснения неформальной коммуникации горожан из реального городского пространства.

Однако нами были обнаружены знаки «социального присвоения» пространства. Так, судя по изученным нами фото, в большинстве случаев стерильность остановки нарушена следами примитивных граффити – «сигн» (от англ.

«signature» – подпись). Сигны могут быть написаны маркерами или выцарапаны на стене остановки, часто расположены поверх официальных афиш и баннеров. Основные функции размещения такого рода знаков – проявление себя, протест и маркирование/присвоение пространства.

Также на остановках присутствуют объявления о покупке/продаже/сдаче недвижимости в близлежащих районах, предложения услуг (грузчики, сантехники и др.) и информация о вакансиях. В этой связи возникает вопрос – почему, несмотря на доступность сети Интернет, где представлено огромное количество платформ для размещения информации, остановка остается востребованным местом коммуникации? Одним из ответов может быть поиск той целевой аудитории, которая по тем или иным причинам не может ознакомиться с ней в Сети. Другой – неспособность авторов объявлений воспользоваться сетевыми ресурсами. Однако нами были найдены случаи, когда размещение объявлений на остановке является более грамотным, нежели уход в Интернет. К такой категории относятся объявления о пропавших неподалеку домашних животных, вещах и людях, что делает остановку эффективным инструментом поиска, поскольку в силу места размещения такое объявление имеет большой охват аудитории, которая могла непосредственно контактировать с потерянным объектом.

Таким образом, проведенный анализ дает материал для понимания того, как в современном городском пространстве происходит борьба за пространство, в какой-то мере восстанавливающая справедливость там, где она систематически нарушается социальными акторами, обладающими более организованными и концентрированными ресурсами.

Список литературы

1. Зиммель Г. Венеция // Логос. 2002. № 3-4, С 19-32.
2. Лефевр А. Производство пространства / пер. с фр. М.: Strelka Press, 2015. 432 с.
3. Трубина Е.Г. Город в теории: опыты осмысления пространства. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 520 с.

**КУЛЬТУРНЫЙ РЕСУРС ДЛЯ РАЗВИТИЯ ГОРОДОВ:
КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ОПЫТА СЕТИ
КРЕАТИВНЫХ ГОРОДОВ ЮНЕСКО**

Осипова Ольга Сергеевна

*к.социол.н., доцент кафедры общего и стратегического менеджмента
Национального исследовательского университета «Высшая школа
экономики», Россия, Нижний Новгород, ochernyavskaya@hse.ru*

**CULTURAL RESOURCE FOR URBAN DEVELOPMENT:
CONCEPTUALIZATION OF UNESCO CREATIVE CITIES'S EXPERIENCE**

Olga Osipova

*PhD of Sociology, Associate Professor of the Department of general and
strategic management, National Research University Higher School of Economics,
Russia, Nizhny Novgorod, ochernyavskaya@hse.ru*

Аннотация

Культурные ресурсы территории могут стать неисчерпаемым источником для стратегии развития территории. Его сохранение, развитие и использование для городов обладает своими особенностями. В статье приводятся результаты анализа кейсов сети креативных городов Юнеско: принципы и составляющие развития городов через культурную и творческую составляющую.

Abstract

The cultural resources of the territory can become an inexhaustible source for the development strategy of the territory. Its preservation, development, and use for cities has its own characteristics. The article presents the results of the analysis of the cases of the network of creative cities of UNESCO: the principles and components of the development of cities through the cultural and creative component.

Ключевые слова: креативный город, культурная компонента, развитие территорий

Keywords: creative city, cultural component, development of territories

Концепция и стратегия города, его самоопределение, артикуляция идеи города (его прошлого, настоящего, будущего) является острым актуальным вопросом большинства населенных пунктов, для которых характерна проактивная позиция в вопросах развития территории.

Цель. В качестве основы для уникальной идентичности города, стратегического развития, устойчивого развития может быть выбрана культурная и творческая составляющая. Основное ее преимущество как ресурса – принципиальная неисчерпаемость. Неисчерпаемой она становится, когда не только обращается к культурной памяти, в прошлое, но является основой для развития в разнообразных перспективах. Целью исследования стало выявление принципов и механизмов, на которых базируется развитие городов через культурную и творческую компоненту.

Метод. В 2004 году была создана Сеть Творческих Городов ЮНЕСКО (UNESCO Creative Cities Network, UCCN). 246 городов, которые в настоящее время составляют эту сеть, работают вместе для достижения общей цели: развивать творческие и культурные отрасли как основу своих планов развития на местном уровне и активно сотрудничать на международном уровне. Число городов в сети стремительно растет. На основании анализа отчетов можно выделить принципы развития городов через культурную и творческую составляющую (рис. 1).

Результаты. Опыт городов, выбравших культуру и креативность в качестве главного стратегического ориентира, достаточно сформирован и демонстрирует общие модули работы (рис. 2) и общие тенденции:

1. Цели и задачи развития городов по модели «Креативный город» исходят из главного основополагающего приоритета – развитие территории и имеют соответствующие целевые показатели: экономический рост, развитие индустрии, развитие креативного класса. Такие показатели, как бренд города, туристическая привлекательность, инвестиционная привлекательность являются следствием развития города как среды, сформированной для жизни, творчества и развития.

Рис. 1. Принципы развития городов через культурную и творческую составляющие

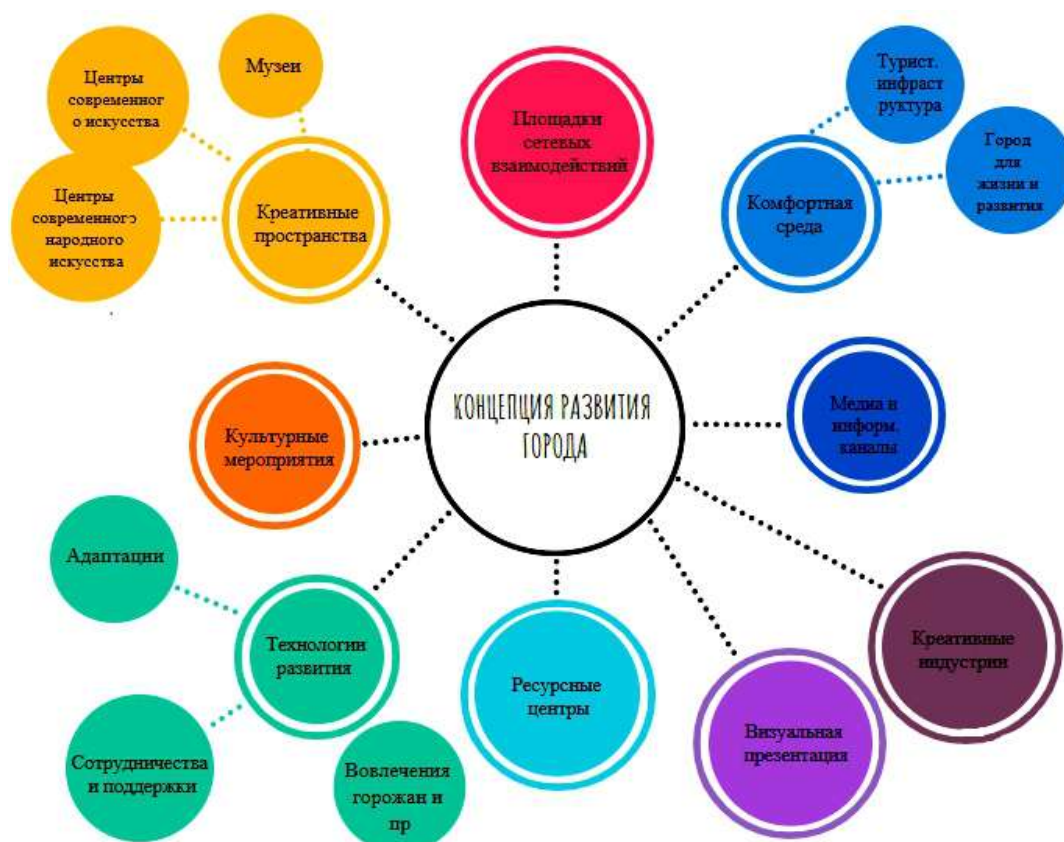

Рис. 2. Креативный город: модули

2. Как правило, город выбирают одно целевое направление креативной индустрии, даже если территория обладает разнообразным культурным наследием и творческим потенциалом. Это направление выступает приоритетным для идентичности территории, внутреннего и внешнего ее позиционирования, точкой приложения первичных инициатив.

3. Базируясь на исторической культурной основе, креативный город принимает ее как отправную точку, создающую потенциал широкого творческого развития в различных направлениях традиционной и современной культуры. Креативный город проявляет творчество во всем – создает креативную городскую среду, поддерживает различные творческие инициативы, предприятия, организует события на творческой основе. Делая это, город неизбежно выходит за рамки единственного очерченного базового основания культурного наследия.

4. Творческие города опираются на творческую энергию жителей. С одной стороны, они принимают политику привлечения в город креативного класса (создавая уникальные комфортные условия для творческого развития в креативных индустриях) и воспитания креативного класса в городе (на основе развития в контексте высокоплотной культурной среды и атмосферы инноваций и творчества, а также при наличии возможности получения образования и профессиональной реализации в креативных индустриях). Вовлечение более широкой аудитории (креативного класса, предпринимателей и крупного бизнеса, образовательных организаций, активных горожан) в развитие города подкрепляет творческий потенциал, создает синергетический эффект, формирует жизнеспособную сбалансированную творческую экосистему, требующую все меньшего формирующего воздействия и позволяющую сосредоточиться на поисках оптимальных поддерживающих механизмов со стороны администрации города.

5. Среди инструментов административной поддержки выделяются: курирование развития территории по модели «Креативный город», инициации образовательных программ, программ развития территорий, программ поддержки ремесленников, в том числе малого бизнеса, курирование конкурсов и движе-

ния в направлении создания комфортной и творческой городской среды, обеспечение креативных проектов организационными и финансовыми ресурсами.

6. Наиболее частая форма событийной программы креативных городов – фестивали, акцентирующие главные искусства и ремесла территории. Оптимальный формат событийной программы представляет культурное богатство территории в различных аспектах, но в единой концептуальной рамке – творческого начала.

7. Творческая составляющая наращивается повышением разнообразия (профессий, сфер, направлений, проектов) и активным обменом опытом как на уровне представителей креативного класса и творческих объединений, так и на уровне взаимодействия с другими городами, в основе развития которых лежит решение о стратегии развития через культурную компоненту территории.

Список литературы

1. UNESCO Creative Cities Network [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://en.unesco.org/creative-cities/creative-cities-map> (Дата обращения 15.09.2020).

2. Лэндри Ч. Креативный город: пер. с англ. М.: Изд. дом «Классика-XXI», 2006. 399 с.

3. Денис Визгалов: пусть города живут / сост. Михаил Губергриц, Надежда Замятина, Михаил Ледовский. Москва: Сектор, 2015. 272 с.

ПАНДЕМИЯ COVID-19 В РОССИИ ГЛАЗАМИ СТАРШЕГО ПОКОЛЕНИЯ

Парфенова Оксана Анатольевна

старший научный сотрудник

Социологического института РАН –

филиала ФНИСЦ РАН, Россия, Санкт-Петербург

oparfenova@socinst.ru

Хансен Светлана Петровна

руководитель благотворительной общественной организации

гражданского просвещения «Дом проектов», Россия, Санкт-Петербург,

sveta.hansen@mail.ru

PANDEMIC COVID-19 IN RUSSIA: OLD GENERATION LOOK

Oksana Parfenova

senior Researcher

Sociological Institute Russian Academy of Sciences, Russia, St.Petersburg

oparfenova@socinst.ru

Svetlana Hansen

head of the charitable public organization for civil education

«House of Projects, Russia, St.Petersburg

sveta.hansen@mail.ru

Глобальная пандемия Covid-19 затронула все группы населения, но одной из самых уязвимых оказались пожилые люди, поскольку тяжесть заболевания и уровень смертности у них оказались наиболее высокими. В разных странах действовали (и продолжают действовать) разные ограничительные и карантинные меры. Социальные геронтологи еще на заре пандемии – в марте 2020 года сформулировали ключевые потенциальные риски, связанные с мерами в отношении пожилых. Среди рисков были названы отсутствие у старшего поколения доступа к качественной информации и ограничение их круга общения, восприятия полисимэйкерами пожилых как гомогенной и проблемной группы, приоритет в интенсивном лечении более молодым (Walsh, 2020). В своем исследовании мы фокусируемся на положении пожилых во время пандемии в России (в частности, Санкт-

Санкт-Петербурге Ленинградской области). В Санкт-Петербурге начиная с 30 марта законодательно было запрещено покидать дома людям старше 65 лет, за нарушение грозил солидный штраф. Поддерживать связь с родственниками было рекомендовано дистанционно. Естественно возник большой запрос на доставку продуктов и медикаментов. Немаловажно, что многие пожилые не умеют пользоваться онлайн-сервисами доставки. В крупных российских городах для помощи одиноким пожилым активизировались волонтерские движения. Но о них были информированы далеко не все, и кроме того, удовлетворить потребность в общении и информировании они не могли. В своем исследовании мы постарались выяснить – как переживали пандемию люди старшего возраста в Санкт-Петербурге и Ленинградской области. В марте-сентябре 2020 года волонтерами старшего возраста (60+) общественной организации «Дом проектов» (Санкт-Петербург) в ходе проводимой кампании «Возраст требует действий в пандемию» под эгидой международной сети «Помощь пожилым» (Help Age) были собраны 26 интервью (письменные и аудио). Информантами выступили 4 мужчины и 22 женщины в возрасте от 63 до 87 лет. Гайд включал вопросы, связанные с условиями, в которых пожилой человек проводил карантин, изменениями в практиках посещения общественных мест и общения, оценками предпринимаемых властями мер и последствий пандемии etc. Что касается внешних условий в которых происходило карантин – они были довольно жесткие, по крайней мере формально. Результаты предварительного анализа мы сгруппировали по нескольким тематическим блокам, выделенным на основе гайда и полученных ответов. Агентами помощи чаще всего выступали близкие родственники, соседи и социальные службы. Услугами онлайн доставки или помощью волонтеров не пользовался никто из наших информантов.

Изменения в практиках посещения общественных мест и общения

Информанты отмечают, что было страшно выйти на улицу. Общение сократилось и свелось к онлайн формату. В случае с одинокими проживающими социальный работник и родственники оставляли продукты за дверью.

Доступ к медицинским сервисам и испытываемые ограничения

Многие отметили, что не обращались или старались не обращаться за медицинской помощью в этот период. Некоторые столкнулись с невозможностью получения рецептов на очки, лекарства, стоматологической помощи. Плановые визиты приходилось отменять. В качестве ограничений отмечался недостаток информированности, в том числе о волонтерском движении и социальной помощи. Наиболее значимым ограничением оказался запрет на прогулки и закрытие парков и скверов, запертость в четырех стенах. Некоторые отметили ухудшение физического состояния из-за невозможности поддерживать уровень физической активности и режим прогулок. О негативном эффекте такого режима самоизоляции высказались уже и геронтологи, прогнозирующие серьезные последствия для здоровья после нескольких месяцев заточения и критикующие подобные меры (Анисимов, 2020).

Оценка действий властей и последствий пандемии

Оценки принимаемых городскими властями мер в основном были критичными. Действия воспринимались как «растерянные» и неадекватные ситуации. Одна из характерных цитат: «Ощущение, что никто не знал, что нужно делать, не готовность медицины, не было индивидуальных средств защиты и др. Поэтому могу поставить неудовлетворительно. В регионе ждали указаний свыше, не всегда понятна статистика, не было контроля за исполнением указов, принимаемых на местах и до настоящего времени нет понимания полной картины происходящего» (Интервью 3, Виктория, 63 года). Отсутствие финансовой помощи также отмечалось многими информантами.

Заключение

Более полный и подробный анализ нам еще предстоит после завершения сбора материалов. Однако уже сейчас можно сделать выводы о том, что режим карантина в Санкт-Петербурге негативным образом сказался на физическом и психологическом состоянии пожилых людей. Недостаток адекватной информации, жесткие ограничения на выход из дома и запугивание «из телевизора»

не соотносятся с понятием ответственной заботы государства по отношению к старшему поколению.

Список литературы

1. Walsh Kieran (2020) Combatting exclusions and ageism for older people during the COVID-19 Pandemic: Four Key Messages [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://rosenetcost.com/combating-exclusions-and-ageism-for-older-people-during-the-covid-19-pandemic>).

2. «Почему наши старики превратились в отверженных? Интервью с Владимиром Анисимовым. Росбалт, 10 июня, 2020 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.rosbalt.ru/russia/2020/06/10/1848278.html>).

ЦИФРОВОЕ НЕРАВЕНСТВО В РОССИИ ПО ДОСТУПУ К ИНТЕРНЕТУ

Пироцкая Анастасия Владимировна

*ассистент кафедры общей социологии экономического факультета
Новосибирского национального исследовательского государственного
университета, Россия, Новосибирск
a.pirotskaya@mail.ru*

THE DIGITAL DIVIDE IN RUSSIA BY THE INTERNET ACCESS

Anastasiya Pirotskaya

*Associate Professor of the Sociology Department of the Economics Faculty,
Novosibirsk State University, Russia, Novosibirsk
a.pirotskaya@mail.ru*

Аннотация

Цель данного исследования состоит в выявлении степени цифрового разрыва в России по доступу к интернету. С помощью анализа базы данных «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ (RLMS-HSE)» было выявлено, что цифровой разрыв в России сохраняется на достаточно высоком уровне.

Abstract

The aim of this study is to identify the degree of digital divide in Russia in terms of the access to the Internet. By analyzing the database «RLMS-HSE», it was revealed that the digital divide in Russia remains at a fairly high level.

Ключевые слова: социальное неравенство; цифровое неравенство

Keywords: social inequality; digital divide

В современном мире с развитием информационного общества и цифровой экономики помимо привычных измерений социального неравенства появляется новое измерение – «цифровое неравенство» или «цифровой разрыв».

В работе исследователей Д.Е. Добринской и Т.С. Мартыненко отмечается, что первый уровень цифрового разрыва определяется наличием или отсутствием доступа к интернету, а также количеством времени, проведенного онлайн. Данные критерии непосредственно связаны с техническим обеспечением процесса выхода в интернет: наличием специального устройства (смартфона, компьютера, ноутбука, планшета) и наличием канала связи – интернет-провайдера [1, с. 109].

Рассмотрим степень цифрового неравенства в России по уровню доступа к интернету. На данный момент в России существует программа по устранению цифрового неравенства между жителями городского и сельского населения, которая предполагает создание как минимум одной точки доступа к интернету в населенных пунктах численностью от 250 до 500 человек. Оператором универсальных услуг связи на всей территории страны назначена компания «Ростелеком», на сайте которой указано, что всего в России 13 598 таких населенных пунктов, из них доступом к интернету уже обладают 12 тысяч [2].

Согласно данным «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ (RLMS-HSE)» за 2019 год по репрезентативной выборке, лишь 36,8 % домохозяйств обладают стационарным компьютером, а переносным компьютером (ноутбуком) – 47,9 % домохозяйств. Имеют доступ к высокоскоростному интернету 55,9 % домохозяйств, при этом 12,2 % имеют доступ лишь к низкоскоростному интернету – соединение через модем, телефонную линию [3].

По данным обследования мониторинга по индивидам за 2018 год было выявлено, что обладатели смартфонов составляют 45 % опрошенных, владеют ноутбуком в личном или совместном пользовании 55,2 %, планшетом в личном или совместном пользовании – 16 % респондентов, а пользовались компьютером за последний год 62,6 % опрошенных [3].

Несмотря на достаточно высокий показатель по количеству подключенных к интернету небольших населенных пунктов, представленные данные свидетельствуют о том, что в настоящий момент существует значительный цифровой

разрыв между слоями населения по показателю наличия доступа в интернет. Лишь у трети домохозяйств есть стационарный компьютер, меньше половины домохозяйств обладают ноутбуком.

Добавив к этому период самоизоляции весной 2020 года, вызванный пандемией вируса COVID-19 и вынудивший многих граждан России перейти на удаленную форму работы или дистанционное обучение, что практически невозможно без использования компьютерной техники, следует предположить, что этот показатель, который и до пандемии был достаточно низким, теперь является маркером существенного цифрового разрыва между категориями населения.

Также следует обратить внимание и на проникновение смартфонов – ими обладает чуть менее половины респондентов. В рамках опроса под смартфоном не подразумевались новейшие современные гаджеты, лишь устройства с возможностью выхода в интернет.

Учитывая, что в настоящий момент цена на самые простые смартфоны начинается от двух тысяч рублей, соответственно, мы можем сделать вывод о том, что отсутствие этой техники у более, чем половины индивидов говорит еще и о существенной дифференциации населения по доходу.

Список литературы

1. Добринская Д.Е., Мартыненко Т.С. Перспективы российского информационного общества: уровни цифрового разрыва // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2019. Т. 19. № 1. С. 108-120.

2. Сайт «Ростелеком», страница «Универсальные услуги связи и проект устранения цифрового неравенства» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.company.rt.ru/projects/uus/> (дата обращения: 16.09.2020).

3. Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ (RLMS-HSE[Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.hse.ru/rlms/spss> (дата обращения: 16.09.2020).

**ТЕМНОТА КАК ЧАСТЬ ГОРОДСКОГО
ОПЫТА ПРОСТРАНСТВА (НА ПРИМЕРЕ НОВОКУЗНЕЦКА)**

Пискунова Александра Евгеньевна

*магистрант Томского государственного университета, Россия, Томск
alexpiskunova@mail.ru*

**DARKNESS AS PART OF THE URBAN SPACE
EXPERIENCE (CASE OF NOVOKUZNETSK)**

Alexandra Piskunova

*master student, Tomsk state University, Russia, Tomsk
alexpiskunova@mail.ru*

Аннотация

Цель данной работы – дать антропологическое описание темного городского пространства, избегая дуалистического эссенциализма в понимании освещения и темноты. На материале интервью с жителями Новокузнецка и анализе медийного поля показано, что городская темнота глубоко амбивалентна и воспринимается горожанами не только как ужасающая, способствующая отклонению и беспорядку, но и как предлагающая возможности для новых субъективных опытов. Встреча с городской темнотой бросает вызов многим повседневным аффективным и чувственным предрасположенностям.

Abstract

The purpose of this paper is to provide an anthropological description of dark urban space that avoids dualistic essentialisms in the understanding of light and darkness. Based on interviews with Novokuznetsk's citizens and a media analysis, it is shown that urban darkness is profoundly ambivalent and has not merely been construed as terrifying, fostering deviance and disorder, but also as offering opportunities for new subjective experience. The encounter with urban darkness challenges many everyday effective and sensual predispositions.

Ключевые слова: темнота, город, городское пространство, Новокузнецк, страх

Keywords: darkness, city; urban space, Novokuznetsk, fear

В данной работе изучаются сложные образы и смыслы, которые окружают городскую темноту в контексте дефицита социогуманитарных описаний освещенного и темного пространства. Освещение современных городов трансформировало ночной опыт, создав городские пейзажи регулирования, иерархической избирательности, потребления, фантазии и воображения.

Свет и тьма обуславливают восприятие друг друга, а ландшафты и места часто овеществляются конвенциями научной классификации, туристского взгляда и эстетической оценки, которые во многом и формируют наше видение и опыт [3]. В связи с этим в исследованиях подчеркивается, что постижение темноты зависит от преобладающих культурных ценностей, страхов и желаний.

В эпоху, когда широкое распространение электрического освещения сделало переживание темноты редким в западном мире, тьма продолжает концептуализироваться в значительной степени негативно. Против символических призывов света как метафоры истины, чистоты, откровения и знания господствующие представления о тьме, часто обоснованные репрезентациями в фотографии, кино и литературе, связаны с примитивным, злым и опасным [1]. Важно, однако, то, что страхи, связанные с темнотой, никогда не были универсальными в культурном и историческом плане, но были по-разному дополнены экономическими и практическими императивами, альтернативными стремлениями, которые интерпретируют темноту более позитивно, как хронотоп сопротивления, трансгрессии, эстетики и мистических практик [2].

В настоящем исследовании на материале 13 интервью с жителями г. Новокузнецка и анализе медийного поля мы попытаемся понять, как воспринимается темнота в современном городском пространстве. Именно динамическая игра тени и света составляет неотъемлемую часть повседневной аффективной и сенсорной со-настроенности с ландшафтом, где мифологические образы согласуются с нашим феноменологическим опытом места.

Гражданский бустеризм и маркетинг все чаще используют методы освещения как часть неолиберальной коммерческой интенсификации во времени и пространстве. Географическое неравенство в распределении городского освещения создает при этом новые центры власти и новые границы отчуждения. Контрастирующая темнота городской периферии воспринимается как признак и причина морального, интеллектуального и физического отставания и разрушения.

Ключевым измерением субъективного опыта темных городских мест является способность тьмы перестраивать и бросать вызов способам восприятия даже привычных пространств, предлагая усиленные и изменчивые сенсорные и социальные переживания. Тонкий набор локально присутствующих и знакомых звуков и меняющиеся текстуры под ногами позволяют идентифицировать пространственные конфигурации в темном городе. Смутные и едва уловимые образы восприятия в темноте порождают непрерывные догадки, посредством которых устанавливается связь с пространством.

Страх и воображаемые опасности организуют невидимую эмоциональную инфраструктуру города. При этом преимущественно женский городской опыт может быть рассмотрен как история ограничений пространственных практик и связанных с этим травматических опытов. Активно разрабатываемая в рамках англо-американской феминистской географии проблема женской безопасности во многом определяется укорененностью гендерного неравенства не только в социальных отношениях и культурных практиках, но и в материальности жизни, когда дизайн конкретных мест в городе, в частности, недостаточное освещение, есть проявление нечувствительности к специфическим опасностям, которые подстерегают женщин [4].

В темноте Новокузнецка передвижение женщины в компании другого человека становится примером стратегии совладания со страхом и тревогой, который позволяет ощущать эмоциональный комфорт просто от присутствия другого человека.

Недостаточность смысловой окрашенности города находит выражение в особом рода эстетических, исследовательских, телесных и игровых практиках взаимодействия пустыми и заброшенными пространствами. В локальном опыте участников подобных «экспедиций» темнота становится атрибутом места, потенциально изобилующего острыми ощущениями и приключениями.

Мифологизация городского пространства формирует восприятие темноты как онейрического царства нематериальных и неопределенных форм и может привить чувство тайны, глубины и спекуляции, порождая незнание, непрошенные мысли и ощущения. В таком случае городская темнота содержит наши подавленные страхи и запреты, символизирует параллельный призрачный мир.

Таким образом, постижение городской темноты формируется в историко-культурном, пространственном, физическом и чувственном столкновении с меняющимися формами и вариантами темного пространства.

Список литературы

1. Dunnett O. Contested landscapes: the moral geographies of light pollution in Britain // *Cultural Geographies*, 2015. № 22 (4). P. 619-636.
2. Edensor T. Reconnecting with Darkness: experiencing landscapes and sites of gloom // *Social and Cultural Geography*, 2013. № 14 (4). P. 446-465.
3. Edensor T. The gloomy city: Rethinking the relationship between light and dark // *Urban Studies*, 2013. № 52 (3). P. 422-438.
4. Valentine G. The Geography of Women's Fear // *Area*, 1989. № 4. P. 385-390.

**ПРОБЛЕМА УЧЕТА КОМПЛЕКСА СОЦИАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ
ГОРОДСКИХ АКТОРОВ ПРИ ПРИНЯТИИ И РЕАЛИЗАЦИИ
СМЕЖНЫХ ГОРОДСКИХ ПРОГРАММ РЕНОВАЦИИ И
БЛАГОУСТРОЙСТВА МОСКВЫ**

Потапкин Артём Сергеевич
студент МГИМО МИД России, Россия, Москва

**THE PROBLEM OF TAKING INTO ACCOUNT THE COMPLEX
OF SOCIAL INTERESTS OF URBAN ACTORS ADOPTING
AND IMPLEMENTING ADJACENT CITY RENOVATION
AND IMPROVEMENT PROGRAMS OF MOSCOW**

Artyom Potapkin
student Moscow State Institute of International Relations, Russia, Moscow

В данном докладе рассматривается реализация программы реновации жилищного фонда г. Москвы.

Проект реновации жилья в Москве – самый масштабный проект обновления жилого фонда за всю историю России и один из самых масштабных проектов в мире: предстоит расселить более 350 тысяч квартир в 5174 домах, утвержден список из 464 стартовых площадок с общим потенциалом строительства более 7 млн квадратных метров недвижимости. Предлагается обновить около 10 % жилого фонда.

Реализация проекта потребовала изменений законодательства. Например, на момент анонса программы дома, не попадающие в категорию аварийного жилья, по закону можно было снести только после выкупа по рыночной стоимости всех квартир в доме. Соответственно требовалось принятие федеральных и региональных НПА, позволяющих снизить бюджетные издержки.

По замыслу властей, реновация должна была стать народным проектом, однако после объявления о начале реализации начали появляться существенные проблемы, на митинги против программы в 2017 году, по разным оценкам, вышло до 30 тыс. человек.

Стартовые дома, в которые планируют переселить участников программы могут быть удалены от городской инфраструктуры, которая была доступна в старых домах.

Для выхода на окупаемость программы реновации необходимо уплотнять застройку и увеличивать количество этажей, что повысит нагрузку на инфраструктуру города, прежде всего, улично-дорожную сеть и паркинг, учреждения социальной сферы и др.

При ускорении темпов строительства есть вероятность использования типовой застройки жилого фонда, невыполнением сроков сдачи объектов, а также дополнительной нагрузки на городские объекты инфраструктуры в связи с большим объемом строительства.

Согласно данным, собранным с сайта госзакупок, озеленение территорий, в основном, будет производиться за счет кустарников: на декабрь 2018 года планируется вырубить в 6 раз больше деревьев, чем посадить.

Проект выгоден прежде всего девелоперам, участвующим в программе: более 70 % контрактов Московского фонда реновации жилой застройки приходится на 5 компаний-застройщиков. Более того, застройщики могут реализовать новые квартиры на рынке недвижимости, построенные за счет Фонда реновации.

У реновации есть экономические причины: из-за сокращения доходов населения снижается спрос на жилую недвижимость, в то время как девелоперы вводят в эксплуатацию новые объекты. Реновация, с одной стороны, позволяет обеспечить фирмы заказами, с другой – из-за отсутствия мест для стартовых площадок власти могли бы выкупить новостройки у застройщиков.

Программа не публикует ежегодной сводной отчетности в доступной форме для непрофессионалов с информацией об объектах, вводимых в эксплуатацию, затраченных средствах, компаниях-застройщиках, примерах проектов районов и дальнейших планах развития жилого фонда. Данная

информация повысила бы прозрачность программы, реализуемой за счет бюджетных средств.

Также в России слабо развиты общественных слушаний, в рамках которого жители могут высказать свое мнение, выразить свои интересы и реально повлиять на итоговую версию проекта строительства.

Список литературы

1. Акаёмова Н.В., Чейшвили М.З. Пробелы правового регулирования реновации в г. Москве // Проблемы экономики и юридической практики. 2018. № 4. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/probely-pravovogo-regulirovaniya-reno-vatsii-v-g-moskve> (дата обращения: 11.09.2020).

2. Алексенко Ф. Кто больше всех зарабатывает на закупках Фонда реновации: топ-10 // РБК Pro. 12 июня 2020 года. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://pro.rbc.ru/news/5c17e2479a79475e050a1e0c>.

3. Захаров И.В. К вопросу о существовании публичных слушаний и общественных обсуждений // Муниципалитет: экономика и управление. 2019. № 2 (27). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-suschestve-publichnyh-slushaniy-i-obschestvennyh-obsuzhdeniy> (дата обращения: 11.09.2020).

4. Ларионов А.Н. Современные методы и формы организации жилищного строительства в Москве // Недвижимость: экономика, управление. 2019. № 4.

5. Официальный сайт Фонда реновации. Реновация в Москве. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://fr.mos.ru>.

6. Щукин А. Пятиэтажкам объявлена война без правил // «Эксперт» № 10 (1020). 6 марта 2017 года. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://expert.ru/expert/2017/10/pyatietazhkam-ob_yavlenu-vojna-bez-pravil/media/preview/ (дата обращения: 09.09.2020).

7. Эриашвили Н.Д., Журило П.И. О реновации недвижимого имущества в городе Москве // Вестник экономической безопасности. 2020. № 2 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-renovatsii-nedvizhimogo-imuschestva-v-gorode-moskve> (дата обращения: 11.09.2020).

8. Коржова Д., Оверченко М. Митинг против сноса пятиэтажек в Москве собрал в разы больше людей, чем было заявлено // Коммерсант. 14 мая 2017 года. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/realty/articles/2017/05/14/689731-miting-pro-tiv-snosa> (дата обращения: 14.09.2020).

9. Барановский Д. Проекты планировки кварталов реновации Москвы. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://renovation.help/> (дата обращения 14.09.2020).

10. Тихомиров А. Участники процесса реновации [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://docs.google.com/spreadsheets/d/XtshNV0vH7YO23BoAb6jIkb4dYNOJ1YESgtJ7wk8-pk/edit#gid=1537429329> (дата обращения 14.09.2020).

**СОЦИАЛЬНОЕ НЕРАВЕНСТВО КАК ОСНОВНАЯ ПРИЧИНА
ОТСУТСТВИЯ ДОСТУПА К ДОСУГОВЫМ ПРАКТИКАМ
СРЕДИ ДОПРИЗЫВНОЙ МОЛОДЕЖИ**

Прокин Пётр Андреевич

*магистрант Саратовского государственного технического
университета имени Гагарина Ю.А., Россия, Саратов
pierrot0517@gmail.com*

**SOCIAL INEQUALITY AS THE MAIN REASON FOR THE LACK
OF ACCESS TO LEISURE PRACTICES AMONG PROSPECTING YOUTH**

Pyotr Prokin

*master's student of the of Yuri Gagarin
State Technical University of Saratov, Russia, Saratov
pierrot0517@gmail.com*

Аннотация

Проблема организации досуга для молодежи – одна из самых острых в Саратове. Она проявляется во многих районах. В тезисах была проанализирована данная проблема. Одной из причин было выявлено социальное неравенство. Были отмечены разные виды неравенства с их описанием. Также были обозначены пути решения данной проблемы.

Abstract

The problem of organizing leisure time for young people is one of the most acute in Saratov. It manifests itself in many areas. This problem was analyzed in the theses. Social inequality was identified as one of the reasons. Different types of inequalities were noted with their description. Ways to solve this problem were also identified.

Ключевые слова: подростки, неравенство, досуг

Keywords: teenagers, inequality, leisure

Проблема организации досуга для молодежи стоит достаточно остро в Саратове. Это относится и к динамично развивающимся районам Саратова (Солнечный-1 и Солнечный-2), и к районам с уже сформировавшимся обликом. Как правило, многие объекты для проведения полезного досуга не являются до-

ступными широкому слою населения. И дело здесь не столько в том, что объекты расположены на территории города в недостаточном количестве, сколько в том, что не все слои населения имеют к ним равные возможности доступа.

Это оказывает пагубное влияние на молодежь в будущем. Лишенные возможности проводить полезный досуг они склоняются к более пагубному времяпровождению – алкоголь, курение, преступная деятельность и асоциальное поведение. Естественно, это ведет к разложению общества в долгосрочной перспективе.

Социальное неравенство – явление характерное для любого общества, будь то развитая европейская цивилизация или одно из племен в джунглях Южной Америки. Эмиль Дюркгейм считал, что неравенство – это естественное последствие необходимости поощрять лучших. С точки же зрения теории конфликта причина возникновения неравенства социальных групп кроется в защите привилегий власти. Оно – это результат махинаций влиятельных групп населения, желающих сохранять свой статус. Однако все это нельзя считать полностью справедливым для неравенства по состоянию здоровья, ибо бывают врожденные заболевания, которые нельзя излечить, несмотря на статус и финансовые возможности. Одно можно сказать точно – социальное неравенство проникает во все сферы социальной жизни и оказывает на них очень заметное влияние.

Естественно любой из видов социального неравенства оказывает сильное влияние на сферу организации полезного досуга.

Неравенство по состоянию здоровья – слой населения с ограниченными возможностями является одним из самых незащищенных не только в Саратове, но и во всем мире. Банальное отсутствие доступной среды для инвалидов, а именно пандусов и звонков для вызова помощи делают доступ к некоторым досуговым объектам не просто затруднительным, а практически невозможным.

Неравенство по территориальному признаку – вид неравенства, который можно приравнять к неравенству по уровню дохода. Однако в конкретной проблеме оно имеет немного другое значение. Молодежь, живущая в периферийной части города ограничена в доступе к досуговым объектам, в отличие от молодежи,

живущей ближе к центру, по причине того, что большая часть досуговых объектов города располагается именно в центральной части города Саратова.

Неравенство по уровню дохода – наиболее ярко проявляющийся и максимально заметный обывателю вид неравенства. Очень многие досуговые объекты не являются бесплатными. Речь идет не только о каких-то творческих студиях и спортивных секциях, но и о кинотеатрах, театрах, концертных залах и т. д. Как показывает личный опыт общения с молодежью, большая часть из них имеет стремления к той или иной досуговой деятельности, но ограничена в этом по причине отсутствия финансовых возможностей на ее реализацию у них самих или родителей.

Подводя итог, хочется сказать, что данная проблема не является чем-то новым. Она известна уже давно и работы над ее решением ведутся уже достаточно продолжительный срок. В данный момент любое заведение обязано быть оборудовано звонком для инвалидов и специальными пандусами.

Вопрос с доступностью также решается, хоть и менее активно. Во многих районах сейчас постепенно открываются новые досуговые объекты. Также многие уже открытые объекты сделали свои цены чуть более демократичными, что не может не быть полезным для менее обеспеченных слоев города. Их все еще недостаточно всем желающим, но уже гораздо больше, чем пять лет назад.

Данное исследование осуществлялось в рамках подготовки к международной научно-практической конференции «Социальный урбанизм: время и пространство городской жизни» к юбилею Заслуженного деятеля науки России В.Н. Ярской-Смирновой.

Список литературы

1. Шкаратан О.И. Социология неравенства. Теория и реальность. Москва: НИУ «ВШЭ», 2012.
2. Селиванова З.К. Ценностный мир российских подростков: формирование, динамика, управление (социологический аспект): монография. М.: Изд-во МЭИ, 2013.
3. Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Молодежь России: социологический портрет. М.: ЦСПиМ, 2010.

ОТНОШЕНИЕ К МИГРАНТАМ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЕВРОПЕЙСКИХ СТРАН

Прохода Владимир Анатольевич

*к.социол.н. старший научный сотрудник кафедры
философии образования Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва
prohoda@bk.ru*

ATTITUDE TOWARDS MIGRANTS OF THE EUROPEAN COUNTRIES URBAN POPULATION

Vladimir Prokhoda

*PhD of Sociology, Senior Research Fellow at the Chair of Philosophy
of Education Lomonosov Moscow State University, Russia, Moscow
prohoda@bk.ru*

Аннотация

Анализируются результаты межстранового социологического исследования. Выявлено отношение к мигрантам городского населения европейских стран. Отмечается, что позитивнее остальных европейцев относятся к мигрантам городские жители Ирландии, Норвегии, Швейцарии, Великобритании, Нидерландов, Финляндии. Констатируется, что в России городское население демонстрирует негативное по европейским меркам отношение к мигрантам.

Abstract

The results of intercountry sociological research are analyzed. The attitude towards migrants of the European countries urban population is revealed. It is noted that urban residents of Ireland, Norway, Switzerland, Great Britain, the Netherlands, and Finland have a more positive attitude towards migrants than other Europeans. It is stated that in Russia the urban population demonstrates a negative attitude towards migrants by European standards.

Ключевые слова: социальное пространство города; миграция; мигранты; отношение к мигрантам

Keywords: social space of the city; migration; migrants; attitude towards migrants

Сложность и многоаспектность социокультурного пространства города детерминирует многочисленные подходы к его изучению. В рамках социологического подхода особое внимание уделяется системе человеческих отношений и коммуникаций [2]. Городское социальное пространство характеризуется активизацией и интенсификацией социального взаимодействия. Исследователи отмечают, что город является средой высоких рисков развития межэтнических и межконфессиональных конфликтов [1], констатируют, что социальная стабильность в условиях урбанизированного пространства определяется уровнем толерантного мышления и поведения горожан [3]. В таком контексте представляется целесообразным обратиться к результатам авторитетного междисциплинарного исследования, затрагивающего рассматриваемую проблематику.

Публикация базируется на некоторых материалах проведенного в 2018 г. «Европейского социального исследования» (European Social Survey, ESS). Россия участвует в «ESS» с 2006 г. Метод сбора первичной социологической информации – личное интервью (face-to-face) на дому у респондентов. Опрос проводился среди населения в возрасте 15 лет и старше.

В каждой стране опрашивали респондентов по национальной репрезентативной случайной выборке. Российское социальное исследование по программе ESS проведено ЦЕССИ (Институт сравнительных социальных исследований) в ноябре 2018 – феврале 2019 г., размер выборки составил 2416 респондентов. Методология исследования описана в технической документации проекта на сайте www.europeansocialsurvey.org. Анализируются данные по 20 странам. Для обеспечения возможности сравнения стран использованы весовые коэффициенты.

На основе ответов на вопрос о месте проживания респонденты были разделены на две группы: «городское население» и «сельское население». К городскому населению отнесены опрошенные, идентифицировавшие себя как жителей большого города, пригорода или окраины города, небольшого города или поселка городского типа (от $n = 536$ в Республике Кипр до $n = 1901$ в России). Сельское население включает в себя жителей деревни/ села, фермы или отдельного дома в сельской местности/ хутора (от $n = 245$ в Республике Кипр до $n = 1285$ в Италии; в России $n = 515$).

Для выявления отношения населения к мигрантам респондентам задавался следующий вопрос: *«Как Вы считаете, с притоком людей из других стран наша страна как место для жизни становится лучше или хуже?»*. Предусматривался выбор ответа по шкале от «0» баллов – *«становится хуже»* до «10» баллов – *«становится лучше»*. Оценки городского населения европейских стран представлены на рис. 1.

Позитивнее остальных европейцев относятся к мигрантам городские жители Ирландии (средний балл – 6,62; SD = 2,24), Норвегии (6,18; SD = 2,01), Швейцарии (5,98; SD = 1,93), Великобритании (5,87; SD = 2,49), Нидерландов (5,79; SD = 1,73), Финляндии (5,77; SD = 2,06). При этом в половине стран-участниц проекта средний балл оказался ниже середины шкалы (5 баллов).

Россия (средний балл – 4,01; SD = 2,44), к сожалению, оказалась в числе стран, где городское население демонстрирует негативное по европейским меркам отношение к мигрантам. Хуже оценивают влияние мигрантов на жизнь в стране только городские жители Чехии (3,77; SD = 2,24) и Болгарии (3,83; SD = 2,44). В целом сопоставима с Россией оценка в Венгрии (4,08; SD = 1,97). Лишь немного лучше относятся к мигрантам горожане в Италии (4,29; SD = 2,44), Республике Кипр (4,43; SD = 2,33), Эстонии (4,54; SD = 2,17), Австрии (4,58; SD = 2,41).

Таким образом, исследование показало, что установки городского населения европейских стран по отношению к мигрантам существенно различается.

В России жители городов относятся к мигрантам хуже, чем городское население большинства стран-участниц проекта.

Список литературы

1. Бедрик А.В., Сериков А.В. Крупный южно-российский город как среда межэтнического взаимодействия (на примере г. Ростова-на-Дону) // Социально-гуманитарные знания. 2016. № 11. С. 123-131.

2. Ковалева Т.Н. Основные концептуальные подходы к исследованию городского пространства // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2014. № 1 (23). С. 97-99.

3. Черняк М.В. Условия формирования толерантности в пространстве современной городской культуры // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2011. № 15. С. 97-101.

**СТУДЕНТЫ В ГОРОДСКИХ СООБЩЕСТВАХ САРАТОВА:
ДИСКУРС СОЦИАЛЬНОГО УРБАНИЗМА**

Пупыкина Полина Витальевна

*магистрант кафедры «Философия, социология, психология»
Саратовского государственного технического университета
имени Гагарина Ю.А., Россия, Саратов
polina-pupykina@mail.ru*

**STUDENTS IN URBAN COMMUNITIES OF SARATOV:
DISCOURSE OF SOCIAL URBANISM**

Polina Pupykina

*graduate student of the Department of
Philosophy, sociology, psychology of Yuri Gagarin State Technical
University of Saratov, Russia, Saratov polina-pupykina@mail.ru*

Аннотация

В исследовании поднимается вопрос о городских сообществах, в которых студенты проводят свободное от учебы время. Обсуждаются актуальные проблемы доступности мест городских сообществ, которые формируют интерес студентов. Рассматриваются проблемы мобильности студентов, живущих вдали от учреждений спортивного, творческого или общественного вида деятельности.

Abstract

The study raises the question of urban communities where students spend their free time. Topical issues of accessibility of places in urban communities that form the interest of students are discussed. The problems of mobility of students who live far from institutions of sports, creative or social activities are considered.

Ключевые слова: студенты, свободное время, городские сообщества

Keywords: students, free time, urban communities

Каждый студент в современном мире тратит большую часть своего времени на обучение, посещение дополнительных курсов, необходимых для пополнения

знаний. Но для каждого студента важным является и свободное время, которое остается после посещения учебных занятий. Для студентов, нуждающихся в проведении свободного времени, в качестве городских сообществ можно выделить кружки и секции, основанные на базе учебного заведения, которое они посещают. В каждом учебном заведении есть студенческий клуб, который направлен на выявление и развитие творческого потенциала студентов. На базе учебных заведений существуют спортивные секции: волейбол, футбол, баскетбол. Для студентов, которым важна деятельность, направленная на социальную поддержку и решение социально-бытовых вопросов, существуют различные общественные организации внутри учебного заведения, к примеру, профком студентов.

В студенческие годы расширяются основы личности, проявляются лидерские качества, формируется интерес к различным мероприятиям и проектам. Таким образом, студенты принимают на себя новые социальные роли и виды деятельности. Считается, что внеурочная деятельность тесно связана с различными проектами. Метод проектов, который изначально называли методом проблем, был разработан американским философом-прагматиком, психологом и педагогом Дж. Дьюи, а также его учеником У.Х. Килпатриком [4]. В качестве городских сообществ выступают такие общественные организации как студенческие отряды Саратовской области, Молодая Гвардия Саратовской области, объединяющие в себе молодежь, основная деятельность которой направлена на общественную жизнь.

Инна Вершинина, анализируя работы А. Лефевра, утверждает, что для студентов и молодежи город является частью повседневной жизни. Молодое поколение актуализирует различные практики освоения, потребления и производства пространства города [1]. Правильное сочетание умственной и физической нагрузки способствует повышению уровня работоспособности студентов [3]. Установлено, что студент, занимающийся физической активностью, значительно лучше переносит различные перегрузки во время учебы, а также проявляет устойчивость к вирусным инфекциям. Физические упражнения, являясь сред-

ством физического совершенствования, вызывают чувство бодрости и радости на длительный период [2]. Занятие спортом, предполагающее наличие стадиона, будут выбирать студенты, прежде всего, проживающие вблизи спортивных площадок. Саратов постепенно становится благоустроенным городом с множеством пешеходных зон и площадок для занятий спортом. Однако, по нашим наблюдениям, стадионы Саратова не всегда доступны для студентов, которые не состоят в спортивных секциях учреждения, к которому принадлежит стадион. Проблема доступности определяет и мотив студентов к занятию определенным видом деятельности.

Каждая организация предполагает наличие строгого расписания, по которому осуществляется работа спортивных, творческих или общественных объединений. Студенты, проживающие вдали от творческих и спортивных объединений, не всегда могут позволить себе посещать данные секции. Причиной этого может стать вопрос о времени, которое необходимо затратить на дорогу и о расстоянии, которое нужно преодолеть. Так как студенты, в основном, передвигаются на общественном транспорте, то для многих возникает проблема материальных затрат на поездки, а также доступности городского общественного транспорта в зависимости от времени суток.

Подводя итоги, можно подчеркнуть, что социальная среда и студенческие объединения формируют интерес студентов и влияют на выбор вида деятельности, который будет активен в свободное от учебы время. К тому же актуальной, на сегодняшний день, остается проблема доступности мест, которая во многом определяет мотив студентов к занятию определенными видами деятельности. Актуальной является и проблема мобильности, в частности, расстояние, которое необходимо преодолеть студентам.

Список литературы

1. Антонова Н.Л. Право на город: повседневные практики молодежи и партисипация в производстве городского пространства / Н.Л. Антонова,

С.Б. Абрамова, В.В. Полякова // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3. С. 443-462.

2. Гаврилов Д.А. Физическая культура и туризм как средство формирования основ здорового образа жизни в студенческой среде / Д.А. Гаврилов // Совершенствование физической, огневой и тактико-специальной подготовки сотрудников правоохранительных органов // Физическая подготовка и спорт: сб. статей. Орёл, 2015. С. 28-30.

3. Пузанова Ж.В. Особенности образа жизни и отношения к здоровью российских студентов (на примере МГУ и РУДН) / Ж.В. Пузанова, А.Г. Тертышникова // Социологические исследования. 2017. № 8. С. 88-94.

4. Шабанов А.Г. Теоретические аспекты формирования лидерских качеств молодежи во внеурочной деятельности вуза / А.Г. Шабанов // ЦИТИСЭ. 2019. № 4 (21). С. 509-517.

**THE LIVED EXPERIENCES OF MOBILITY
FOR WHEELCHAIR USERS IN RUSSIAN CITIES**

Раселл Майкл

*Профессор Университета Линкольна, Англия
mrasell@lincoln.ac.uk*

Rasell Michael

*Dr. Sc., University of Lincoln, UK
mrasell@lincoln.ac.uk*

This paper explores wheelchair users' lived experiences of mobility in large Russian cities by analysing semi-structured interviews and ethnographic data from 2007-16. By studying the factors shaping opportunities to move within and between various home and public spaces, it illuminates processes of independent living, inclusion/exclusion and inequality in Russia.

Conceptually, this study is framed by the «mobilities paradigm» emerging in the social sciences that studies the «wide array of economic, social and political practices, infrastructures and ideologies that all involve, entail or curtail various kinds of movement of people, or ideas, or information or objects» (Urry 2007: 18). Mobility has particular salience for disabled people in contemporary Russia, where recent reforms around the ratification of the United Nations Convention of the Rights of Persons with Disabilities (UNCPRD) and the promotion of accessibility (*dostupnaya sreda*) seek to challenge Soviet and post-Soviet legacies of a highly inaccessible built environment, transport system, state policies and public attitudes that historically excluded disabled people from independent living and being part of community life.

The research analysis suggests that mobility is best conceptualised as a chain of interlinked stages and interactions over time and across space. Experiences of each link in the «mobility chain» may vary greatly, but they all combine to shape mobility both as an outcome and as a process. A break in any stage can complicate or even block all future stages. For example, many recently built shopping centres and leisure

facilities in Russia are relatively barrier-free, but it can be complicated to reach them by transport or on a wheelchair. Importantly, mobility as a concept implies a high degree of flexibility and spontaneity over routes and destinations. This is rarely possible for wheelchair users in Russia, who instead need to plan mentally and practically for their mobility. The connection between mobility and freedom means that attempts in many Russian cities to introduce «special» transport (e.g. taxi services booked in advance) or make certain public spaces accessible are only a partial solution because they regard mobility for people with disabilities as a ‘special’ need and often one that should be attached to specific goals and tasks known in advance, thus undermining the independence and flexibility inherent in moving around. Programmes that focus on making many individual adjustments (e.g. adding ramps on particular streets) will boost potential mobility, but need to be considered in relation to other parts of the chain, especially being able to smoothly enter or leave private housing, which can be complicated for many wheelchair users in Russia.

Social relations are another important factor enabling or constraining mobility. This can take the form of support to overcome physical barriers from other people, mostly friends and relatives, for example to move floors, navigate obstacles on streets, ascend steep ramps and access public transport. Yet, people can also block access or make mobility uncomfortable through their actions and negative attitudes. This relational nature of mobility means that policy attention cannot just focus on the physical environment, but also needs to ensure that attitudes are supportive of mobility. Attitudinal change can partly be achieved through strong regulation and their enforcement, but more positively requires societal understanding of why independence and equal opportunities are important for all people, including those with disabilities. Accessibility should therefore not be understood solely as the technical task of adjusting physical barriers or something that can be denied because disabled people are not seen as «belonging» or part of a diverse urban landscape.

Against this backdrop of strong immobilising factors, many research participants worked hard to challenge the physical and attitudinal barriers to their mobility. The

range of examples of individual agency included building informal ramps in apartment buildings, driving wheelchairs along roads meant for cars in order to avoid otherwise impassable obstacles and developing in-depth knowledge of bus schedules and pavements in order to ease the process of navigation. Campaigns to highlight barriers and the problem of inaccessibility by people with disabilities and their supporters in various Russian cities represented collective forms of agency to promote mobility. These actions articulated a vision of mobility that differed considerably from daily reality in terms of who can use space (cf. Richardson and Jensen 2008). Yet, exercising the various forms of agency was not an easy process, requiring constant mobilisations of physical and emotional labour as well as time and financial resources. In line with the relational nature of agency, these pressures extended to friends or relatives. These mechanisms for overcoming barriers to mobility were often not sustainable in the longer-term, compelling people with disabilities to accept outcomes that were not preferred, for example giving up paid work in an office setting and moving to home-based employment.

Official and societal recognition of the importance of accessibility and mobility for people with disabilities has undoubtedly increased in Russia since the mid-2000s. However, achieving concrete change that affects everyday life is complex. Indeed, whilst changes to public spaces in many Russian cities connected to the recent World Cup championship were often accessible, they were rarely in areas that would be traversed on a frequent basis and then only part of people's «mobility chain». The experiences of wheelchair users highlight how «unequal mobilities are, then, at least partly a consequence of unequal power relations» (Richardson and Jensen 2008: 219), which is an important lesson for understanding urban life.

References

1. Richardson, T. and O. Jensen (2008) «How Mobility Systems Produce Inequality: Making Mobile Subject types on the Bangkok Sky Train». *Built Environment*, 34:2, 218-231.
2. Urry, J. (2007) *Mobilities*. Oxford: Polity Press.

АРХИТЕКТУРА КЛАССИЦИЗМА В САРАТОВЕ

Романовская Евгения Васильевна

*доктор философских наук, профессор кафедры теоретической
и социальной философии философского факультета
Саратовского национального исследовательского государственного
университета имени Н.Г. Чернышевского,
Россия, Саратов, evromanovskaya@mail.ru*

ARCHITECTURE OF CLASSICISM IN SARATOV

Evgeniya Romanovskaya

*Dr. Sc. of Philosophy, Professor of the Department of Theoretical and
social philosophy of the Faculty of Philosophy
Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky,
Russia, Saratov, evromanovskaya@mail.ru*

Аннотация

Архитектура классицизма была обращена к формам античных построек. В 19 веке в духе классицизма были выстроены первые каменные здания в Саратове. Особняки и присутственные места, храмы и семинарии, частные здания и гимназии – это те замечательные здания, которые украшают современный Саратов. В статье также отмечаются саратовские архитекторы – Суранов В.И., Колодин И.Ф., Каллистратов, а также знаменитые люди, связанные с этими культурными памятниками (Н.Г. Чернышевский, М.Ю. Лермонтов).

Abstract

The architecture of classicism was drawn to the forms of ancient buildings. In the 19th century, the first stone buildings were built in the spirit of classicism in Saratov. Mansions and public places, temples and seminaries, private buildings and gymnasiums – these are the wonderful buildings that adorn modern Saratov. The article also mentions the such Saratov architects as V.I. Suranov, I.F. Kolodin, Kallistratov, as well as famous people associated with these cultural monuments (N.G. Chernyshevsky, M.Yu. Lermontov).

Ключевые слова: архитектура, классицизм, стиль

Keywords: architecture, classicism, style

Если мы говорим об архитектуре, то можно обратиться к словарям, чтобы яснее представлять, что это за вид деятельности, науки или искусства. Одни словари обозначают архитектуру как искусство и науку строить, проектировать здания и сооружения, а также создавать пространственную среду для жизни и деятельности человека. Другие понимают архитектуру шире – как «искусство проектировать и строить, поднимающееся до уровня художественного обобщения идей и выражающее в художественно-образной форме представления человека о мире, пространстве, времени, вечности, прочности или изменчивости и движении, радости и торжестве или, напротив, грусти и одиночества» [1, с. 25].

Стиль классицизма появился в Европе в XVII веке. В России он появился в эпоху Екатерины II в конце XVIII – начале XIX века. В результате крупного градостроительства на рубеже XVIII – XIX веков возникли городские ансамбли центра Петербурга (А.Н. Воронихин, А.Д. Захаров, К.И. Росси) и Москвы (Д.И. Жилярди, О.И. Бове, А.Г. Григорьев), застраиваемой после пожара 1812 года. К этому же стилю относятся ансамбли городских центров Костромы, Твери, Ярославля.

Главной чертой архитектуры классицизма было обращение к формам античных построек – эталону гармонии, простоты, строгости, логической ясности и монументальности. Архитекторы стремились в своих зданиях следовать канонам античности и воплотить благородную простоту и спокойное величие античного искусства в современное строительное искусство.

Общеизвестно, что основными приметами и важнейшим средством и основой композиции классического стиля в архитектуре становится ордер (стоечно-балочная система, главный атрибут – колонна). Им присуща приятная цветовая гамма: оштукатуренные поверхности стен красили в желтый, охристый, оранжевый, синий, зеленый, красный.

В этом стиле строили дворцы, усадьбы, казенные, административные и общественные здания. Вообще важное достоинство архитектуры классицизма – ее демократичность. Строились также колокольни, соборы, торговые и гостиные дворы, мосты, театры, больницы и т. д. Кроме Москвы и Петербурга классицизм появляется и в провинции – Твери, Костроме и Ярославле, Астрахани. В Саратов классицизм пришел немного позже, в начале 19 века. В 1762 году по специальному указу была образована «Комиссия о каменном строении С.-Петербурга и Москвы» для урегулирования застройки двух столичных городов. Но скоро она расширилась на всю Российскую империю. Комиссия составила генеральные планы русских городов (400).

К началу XIX века большинство русских городов получило новые генеральные планы. Застройку предписывалось вести при помощи «образцовых чертежей планирования кварталов». Получили планы Саратов, Царицын, Камышин, Хвалынский, Петровск и другие уездные города.

В духе классицизма было построено первое частное каменное здание на тогдашней главной городской площади – Классы духовной семинарии – Челюскинцев, 12. Здесь позже были и гимназия, и реальное училище, и жилой дом – особняк Филиппа Катенёва. Сейчас здесь располагается Русская православная классическая гимназия им. преподобного Сергия Радонежского. Здание хорошо сохранилось до настоящего времени, и является чистым образцом русского классицизма. Выстроил его архитектор Суранов В.И., который получил хорошее образование, работал в Царском Селе, рядом Чарльзом Камероном. Сурановский классицизм соответствует этому этапу раннего классицизма. Он его хорошо знал. Строгая, простая пластика аркад организовала Соборную площадь. В 1842-1846 годах в этом здании учился Николай Гаврилович Чернышевский. Суранову принадлежат еще два здания в классическом стиле, но уже на новой городской площади ныне пл. Чернышевского – это Присутственные места (Радищева, 22) и здание Государственного банка (Советская, 2). Здесь же на территории старого города, на Музейной площади, здание, знакомое всем саратовцам, – краеведческий музей

(ул. Лермонтова, 34), петербургского архитектора И.Ф. Колодина. Считается, что здание – «хрестоматийный пример» архитектуры классицизма в провинции. В его истории много легендарного. Саратовцы любят говорить, что, по преданию, когда еще дом принадлежал купцу Устинову, сюда приезжал на свадьбу своей родственницы М.Ю. Лермонтов.

Выше от Музейной площади – (угол Московской и Чернышевской, здание Московская, 17) дом известный под названием «Дом Корнилова». Построен по проекту архитектора Г. Петрова, ученика В. Суранова. Дом поставлен на углу двух больших улиц, и закругленный угол – не только эффектный, но и эффективный прием. Здесь никогда не бывает толчеи. Но самое примечательное в этом доме ротонда, которая венчает здание.

На углу улиц Царицынской (ныне ул. Первомайская) и Соборной в 1916 году, по проекту архитектора С.А.Каллистратова, было построено здание женской гимназии А.Д. Куфельд, (потом 2-й женской министерской гимназии). В настоящее время в здании размещается филиал художественного музея им. А.Н. Радищева. Здание выдержано в духе неоклассицизма. Стиль постройки не классика, а неоклассика.

Неоклассика не была для С.А. Каллистратова единственным стилевым жанром. Прошедший учебу в Швейцарии, он уверенно думал и говорил на разных «архитектурных диалектах» консерватория, «Волга», бывшая «Астория»). В оформлении здания гимназии видно увлечение архитектора творчеством итальянского зодчего XVI века Андреа Палладио. Центральный ризалит украшают шесть хорошо прорисованных колонн коринфского ордера, установленных на высоком первом этаже и поднимающихся на высоту двух верхних этажей, составляющие портик, завершенный треугольным фронтоном. Остальная плоскость фасада отделана полуколоннами ионического ордера. Умелое применение декоративных элементов, особенно венков и провисающих гирлянд, тонкие барельефы отделки и оригинальные панели, высокие окна оживляют фасад здания.

Нужно обязательно вспомнить прекрасный образец чистого классицизма на бывшей улице Константиновской, ныне Советской (ул. Советская 2) – бывший особняк Аносова. Выстроенное в начале 19 века – это пример раннего русского классицизма.

Присутственные места – это двухэтажное размещалось необычно: на улицу выходил второстепенный фасад. Главный фасад был обращен к Александро-Невскому собору (теперь здесь стадион «Динамо»). Возведенное во второй половине XIX века на западной стороне Соборной площади (ныне пл. Чернышевского), это здание прекрасно сохранилось. Сейчас здесь располагается Саратовское училище искусств. Можно сказать, что классицизм проявил себя в архитектуре ярко и всесторонне.

От старого центра на Соборной площади город продвигался к новому центру, к середине века торговля перешла на Верхний базар, а многие купцы переселились на Немецкую улицу. И здания в классицистском стиле своеобразным пунктиром освещают путь развития Саратова в XIX веке.

Список литературы

1. Власов В.Г. Иллюстрированный художественный словарь. СПб.: АО «ИКАР», 1993.
2. Терёхин С.О. Века и камни: (Памятники архитектуры Саратовской области). Саратов: Приволж. кн. изд-во, 1990. 152 с.
3. Памятники Отечества: альманах. 1998. № 1/2 (39).

**АВТОМОБИЛИЗМ В ГОРОДСКОЙ СРЕДЕ:
КОНТЕКСТ СОЦИАЛЬНОГО УРБАНИЗМА**

Родин Евгений Олегович

*студент Саратовского государственного технического университета
имени Гагарина Ю.А., Россия, Саратов*

**MOTORING IN THE URBAN ENVIRONMENT:
THE CONTEXT SOCIAL URBANISM**

Evgeniy Rodin

*student Yuri Gagarin State Technical
University of Saratov, Russia, Saratov*

В последние годы автомобилизация в мировом масштабе достигла небывалых оборотов. По данным независимого агентства «Автостат» за 8 месяцев 2020 года на территории России было реализовано 880198 автомобилей, что является ниже на 16,9 % в сравнении с аналогичным периодом 2019 года. На это серьезное влияние оказала мировая ситуация, вызванная пандемией коронавируса. Несмотря на это, автомобили стали не просто привычными средствами передвижения, а фактически частью городов.

В нашем понимании, автомобилизм – это совокупность знаний, норм, традиций и ежедневных практик, которые применяет автолюбитель ежедневно в отношении транспортного средства. Особую роль автотранспорт приобретает сейчас, в век высоких скоростей и гетерогенности пространств. Без автомобиля в современных реалиях не обойтись как жителям городов, так и населенных пунктов за его пределами. Автомобиль дарит свободу, мобильность и множество возможностей своему владельцу. Вместе со всеми их недостатками и достоинствами, транспортные средства плотно вошли в жизнь современного города.

В рамках данной статьи рассматриваются концепты Дж. Урри, который смотрел на авто с точки зрения автомобильной культуры. С одной стороны, автомобиль – это объект потребления, появление которого ознаменовало целую промышленную индустрию по производству автомобилей. С другой стороны, появление автомобиля привело к появлению и развитию целых комплексов смежных индустрий продукции, выпускаемые для обслуживания автомобилей. В городах стали развиваться автосалоны, где можно купить автомобиль, АЗС, чтобы их заправить, ремонтные мастерские для их обслуживания, моечные комплексы и т. д. Автор отмечает значение автомобиля, состоящее «в том, что он преобразует гражданское общество, включая различные формы проживания, путешествия и социализации в автомобилизированном пространстве-времени и благодаря ему» [4].

Развивая свою идею, говорит о социальности гражданского общества, которые поддерживаются технологиями движения, связывающие людей друг с другом. Эти множественные социальности сообщества вытекают из двух взаимосвязанных черт автомобильности: способности к приспособлению и способности к принуждению, способствуя реализации социальной жизни индивидов и сообществ.

Автомобиль выполняет ряд функций: он несет пользу своему владельцу, должен иметь определенные характеристики, например, иметь определенный объем салона или грузового отделения, тип кузова, тип двигателя, тип трансмиссии, цвет, материал отделки салона и так далее благодаря которым он приобретает способность удовлетворять потребности своего владельца. Шюц отмечает, что каждый человек подвержен стигматизации. Индивид оценивает все то, что видит вокруг себя для упрощения ориентации в окружающем пространстве.

Например, мы двигаемся по улицам города на транспортном средстве, видим другие авто и на основе личного опыта, внешних признаков можем определить примерный достаток его обладателя. На наше восприятие могут

отказывать влияние такие показатели как: бренд авто, его внешний вид, размеры, наличие (отсутствие) дополнительного оборудования, цвет кузова, цифры номерного знака, как он движется по проезжей части, и наконец, внешний вид человека, управляющего этим авто. Один и тот же автомобиль может ярко выглядеть в сельской местности, но быть незамеченным в городе; может вызывать интерес в городе, и быть совершенно незаметным и бесполезным за его пределами.

Е. Трубина [3, с. 120] рассматривает взаимосвязь пространства города и автомобиля. Трансформация пространства городских улиц из места социальных контактов в стоянки. Растущая численность транспорта накладывает свой рационалистический отпечаток на облик городов. Автомобилизация представляет угрозу для парков и зеленых насаждений в городе, т. к. рациональнее использовать пространство не для зеленых зон, а для мест парковки автомобилей.

Автомобиль – многогранный феномен мировой человеческой культуры, который может иметь различные смысловые нагрузки и различное функциональное значение. Автомобиль – это верный спутник человека XXI века, «имидж», способ самовыражения, источник удовольствия и вдохновения, свобода и открытие чего-то нового, друг семьи и даже бизнес.

Список литературы

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / пер. Е. Руткевич. М.: Медиум, 1995. 323 с.
2. Ноговицын О.Н. Феноменология повседневности: Теория социального конструирования реальности: текст лекции / ГУАП. СПб.: 2006. 40 с.
3. Трубина Е.Г. Город в теории: опыты осмысления пространства. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 520 с.
4. Урри Дж. Социология за пределами обществ: виды мобильности для XXI столетия / пер. с англ. Д. Кралечкина. М.: ИД НИУ ВШЭ, 2012. 336 с.

СТРИТ-АРТ В ВОСПРИЯТИИ ГОРОДСКОЙ МОЛОДЕЖИ: КЕЙС ЕКАТЕРИНБУРГА

Руденкин Дмитрий Васильевич

*к.соиол.н., аналитик лаборатории перспективных социосредовых исследований Уральского государственного педагогического университета
Россия, Екатеринбург
d-rudenkin@yandex.ru*

STREET ART IN THE OPINION OF URBAN YOUTH: CASE OF YEKATERINBURG

Dmitry Rudenkin

*candidate of Social Sciences, Analyst of Laboratory for Advanced Socio-Environmental Research, Ural State Pedagogical University
Russia, Yekaterinburg, d-rudenkin@yandex.ru*

Аннотация

Работа посвящена описанию результатов социологического исследования, целью которого являлась эмпирическая диагностика доминант общественного мнения городской молодежи о явлении стрит-арта. Исследование было выполнено в форме анкетного опроса молодежи г. Екатеринбурга. Анализ собранных данных позволил установить, что стрит-арт представляется молодежной аудитории полноценным и важным элементом городской культуры. Несмотря на то, что опыт создания объектов в этом жанре имеют лишь немногие, интерес к таким объектам – массовый, а запрос на их запрет выражен слабо.

Abstract

The paper is devoted to the description of the results of a sociological research, which was conducted for empirical diagnostics of the dominant public opinion of urban youth about the phenomenon of street art. The research was carried out in the form of a questionnaire survey among young people in Yekaterinburg. The analysis of the collected data made it possible to establish that youth tends to perceive street art as a full-fledged and important element of urban culture. Even though only a few

have experience in creating objects in this genre, interest in such objects is common, and the request for their prohibition is weak.

Ключевые слова: социологическое исследование, стрит-арт, вандализм, городская молодежь

Keywords: sociological research, street art, vandalism, urban youth

Ключевая цель данной работы – разобраться в доминантах общественного мнения о стрит-арте, свойственного представителям молодежи современного российского города. Актуальность такого исследовательского ракурса связана с неясностью вокруг влияния, которое мог оказать на молодежную культуру рост популярности стрит-арта в российских городах. Стрит-арт, под которым в научной литературе чаще всего понимают особую форму искусства, предполагающего создание художественных образов на основе городской инфраструктуры [2], существенно изменил свой статус в российском обществе. Если в прежние годы этот жанр искусства являлся скорее маргинальным или контркультурным [5], то в последнее время он превратился в один из неотъемлемых атрибутов городской культуры. Опросы показывают, что развитие стрит-арта как явления слабо сказалось на отношении к нему со стороны российского общества: многие россияне (особенно представители старших поколений) продолжают относиться к нему консервативно и видят в нем в первую очередь вандализм [1]. Однако распространяется ли такой консерватизм на настроения молодежи?

Наша гипотеза заключается в том, что ответ на этот вопрос отрицательный. Мы предполагаем, что отношение к стрит-арту со стороны российской городской молодежи является более лояльным, чем отношение российского общества в целом. И основания для выдвижения такой гипотезы нам дает не только популярное в литературе убеждение в повышенной открытости молодежи к любым новым явлениям [3]. Годы взросления нынешних представителей рос-

сийской городской молодежи пришлось на период растущей популярности стрит-арта. В отличие от представителей прежних поколений, они изначально вступали в жизнь в условиях, когда объекты уличного искусства регулярно становились частью общественной повестки, а во многих городах регулярно проходили фестивали уличных художников. То есть потенциально они могут воспринимать стрит-арт как привычное явление чаще, чем представители иных поколений. Кроме того, в своих прежних исследованиях мы уже сталкивались с косвенным подтверждением верности такой точки зрения: нам удалось обнаружить, что молодежь лояльнее других поколений смотрит как минимум на один феномен стрит-арта – граффити [4]. Поэтому мы и предположили, что отношение российской городской молодежи к стрит-арту является лояльным и заинтересованным.

Мы проверили свою гипотезу в ходе собственного научного проекта. Наше исследование было выполнено летом 2020-го г. на базе Уральского государственного педагогического университета в г. Екатеринбурге. В ходе исследования были опрошены 212 представителей молодежи города в возрасте от 14 до 29 лет, отобранных на основе квотной модели выборки по району проживания, возрасту и полу.

Собранные данные позволили сделать ряд выводов.

Первый вывод. Само понятие «Стрит-арт» привычно и понятно молодежи. Тех, кто с ним незнаком, очень мало – во всей выборке их оказалось только 2 %.

Второй вывод. Оценочное отношение опрошенных к стрит-арту – лояльное. Анализ показал, что далеко не каждый объект стрит-арта воспринимается как искусство, но явного пренебрежения к таким объектам нет: против их создания высказывается только 1 % опрошенных. А 44 % опрошенных уверены в том, что произведения стрит-арта всегда украшают город.

Третий вывод. Отношение к стрит-арту как к вандализму распространено мало. Близкими или очень близкими эти понятия готовы считать лишь немногим более 6 % опрошенных (см. рис. 1).

Рисунок 1. Насколько близкими Вам кажутся понятия «стрит-арт» и «вандализм»? (% от числа ответивших)

Четвертый вывод. От власти молодежь чаще ожидает не запрета на стрит-арт, а создания условий для его развития (См. рис. 2).

Рисунок 2. Какой подход городской власти кажется Вам более правильным? (% от числа ответивших)

В целом проведенный анализ показывает, что исходная гипотеза верна. Стрит-арт воспринимается городской молодежью как естественный и важный атрибут городской жизни.

Негативное отношение к стрит-арту, которое прослеживается у других поколений, ей практически несвойственно.

Список литературы

1. Граффити: искусство или вандализм? Пресс-релиз ВЦИОМ // Официальный сайт ВЦИОМ. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9482> (дата обращения: 18.09.2020).

2. Кирсанова Е.А. Социально-философский анализ концепций стрит-арта: генезис и подходы к определению феномена // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2017. № 38. С. 121-129.

3. Немировская А.В., Любавина С.В. Молодежь как субъект инноваций и устойчивого развития регионов // Siberian Socium. 2019. Т. 3. № 4. С. 87-92.

4. Руденкин Д.В., Оболенская А.Г. Детерминанты отношения российской молодежи к граффити: опыт вторичного анализа данных ВЦИОМ // Бюллетень науки и практики. 2019. Т. 5. № 11. С. 333-342.

5. Чистякова М.Г. Стрит-арт в контексте вызовов современности // Известия алтайского государственного университета. 2011. № 2-1. С. 210-213.

*Исследование выполнено за счет гранта
Российского научного фонда (проект № 17-18-01278).*

**СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГОРОДА
В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ COVID-19**

Семёнова Юлия Александровна

*кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии молодежи
Саратовского национального исследовательского
государственного университета
имени Н.Г. Чернышевского» Россия, Саратов
semenofa@gmail.com*

**SOCIAL PROBLEMS OF THE CITY
DURING THE PERIOD PANDEMIC COVID-19**

Yulia Semenova

*Associate Professor sociology, associate Professor at the Department of Youth
Sociology Saratov National Research State
University of N.G. Chernyshevsky, Russia, Saratov
semenofa@gmail.com*

Аннотация

В статье рассмотрены проблемы управления социально-трудовыми отношениями на рынке труда города в период пандемии. Социально-трудовые отношения оказывают влияние на специфику всей городской жизни, рынок труда и особенности социального самочувствия населения, тем более в период пандемии COVID-19.

Abstract

The article deals with the problems of managing social and labor relations in the city labor market during a pandemic. Social and labor relations have an impact on the specifics of all urban life, the labor market and the characteristics of the social well-being of the population, especially during the COVID-19 pandemic.

Ключевые слова: социальные проблемы; социально-трудовые отношения; рынок труда; город; пандемия

Keywords: social problems; social and labor relations; labor market; city; pandemic

Город, являющийся одним из наиболее важных элементов современного общества, в широком смысле представляет собой место жительства, работы, отдыха и развития для людей. Естественным образом возникает потребность в сооружении всех необходимых институтов, в том числе и здравоохранения. Также город с географической точки зрения является биокосным телом, урбо-ландшафтом, несущим на себе все градообразующие функции, как естественно-го характера, так и в большей степени антропогенного. Город не только важный элемент современного общества, но и один из узлов большой матрицы какой-либо отдельно взятой территории.

Вопросы и ситуации, вызванные коронавирусом SARS-CoV-2 – это те проблемы, с которыми сталкиваются человек и общество в городской среде. Социальные проблемы, возникающие по причине распространения коронавируса, являются многоуровневыми, то есть предполагают вовлеченность большего числа социальных институтов. Возникновение социальных проблем часто связано с тем, что в социальных системах происходит сбой. Первоначально это явление может не вызывать особой обеспокоенности или дискомфорта, но при обнаружении оценивается полная степень поражения, что требует специальной диагностики и поиска решений проблем, чтобы обеспечить безопасное существование человека в различных социальных взаимодействиях. Что касается масштабов простираения вируса – оно глобально. Закрыты границы между странами, запрещены выезды/въезды в города, людей отправили на самоизоляцию.

Какие социальные проблемы повлекла за собой самоизоляция именно в городе длиннее месяца? Человек – существо биосоциальное, биологические потребности, такие как питание, отдых, удовлетворяются в режиме самоизоляции. Некоторые люди остались дома одни на данный период, а исключение индивида из общества всегда считалось одним из самых суровых наказаний. Тем более в этом числе есть доля пожилых людей и лиц с ограниченными возможностями, и меры, предпринимаемые по сдерживанию распространения заболевания, не всегда могут соблюдаться теми, кто зависит

от посторонней помощи при выполнении таких повседневных действий, как прием пищи, одевание и умывание.

Немаловажную роль природа играет в жизни человека. Несмотря на индустриализацию, урбанизацию, отчуждения от природы не наблюдается. Хотя и природа выступает для человека как ресурсная база, но всегда он будет ее восхищаться, восторгаться, вдохновляется. Наедине с природой человек приводит в порядок себя и свои мысли, перезагружается, черпает новые силы, отдыхает душой. А в связи с принятыми мерами, человек лишился этой возможности, теперь можно созерцать на благоустроенные участки зеленых насаждений и то с балкона. Думается, что после самоизоляции приобретение земельного участка или туризм станут главными желаниями у населения, на которые, к сожалению, денежных средств у него может не хватить.

Причиной этого является ухудшение экономической ситуации во всем мире, не только в России. По данным ООН, меры, принятые для сдерживания распространения инфекции, приводят к сокращению рабочего времени на 6,7 %, что эквивалентно 195 млн рабочих мест. Наибольшую обеспокоенность вызывает положение неформальных работников, которые составляют большинство в мире, 61 % от общей численности рабочей силы или около 2 млрд. Эти люди не имеют социальной защиты, доступной для официально занятых. Согласно докладу МОТ, больше всего пострадали в глобальном масштабе от пандемии четыре сектора экономики: проживание и питание, производство, розничные и бизнес-услуги, административная деятельность.

Несколько благотворительных организаций обратили внимание на то, что потеря дохода от запретов на работу приведет к росту бедности и мирового голода, поэтому на международном уровне люди будут страдать от недоедания или недоедания в долгосрочной перспективе. Во всем мире около 820 миллионов человек страдают от голода и не имеют резервов из-за засухи или аналогичных катастроф. По прогнозам, от 35 до 65 миллионов человек будут затронуты последствиями пандемии, что приведет к обострению глобальной ситуации голода.

Поддержка безработных граждан является одним из направлений социальной политики Российской Федерации. Благополучие граждан является индикатором благополучия государства в целом. На государственном уровне разработан пакет мер социальной помощи и поддержки граждан, потерявших работу. Однако в марте 2020 года Россия, как и многие другие страны мира, столкнулась с опасностью распространения среди населения новой коронавирусной инфекции COVID-19. Всемирная организация здравоохранения объявила вспышку новой инфекции чрезвычайной мировой ситуацией. С целью предотвращения быстрого распространения инфекции среди населения Российской Федерации был введен режим самоизоляции, и период с 28.03.2020 г. по 05.04.2020 г. был объявлен нерабочими днями. В дальнейшем данный период был продлен до 11.05.2020 г. Предпринятые меры позволили не допустить всплеска распространения инфекции и увеличить количество койко-мест в медицинских учреждениях для инфицированных граждан. При этом обострилась другие проблемы – снижение реальных доходов населения, безработица.

На сайте Министерства труда и социальной защиты населения Российской Федерации 28 мая 2020 г. был опубликован доклад министра Антона Котякова о ситуации с безработицей в России. В докладе отмечается, что «в качестве безработных зарегистрировались 1,917 миллиона человек» [1].

В «Независимой газете» от 20 мая 2020 года приводятся прогнозы Правительства Российской Федерации, из которых следует, что на конец года данный показатель не будет так прогрессивно расти и достигнет 2,5 миллиона человек [2].

Рассмотрим более подробно меры государственной социальной поддержки безработных, разработанные Правительством Российской Федерации в период пандемии коронавирусной инфекции в 2020 году. Постановлением Правительства Российской Федерации от 8 апреля 2020 года № 460 утверждены временные правила регистрации граждан в качестве безработных. Данным документом вместе с тем установлен порядок назначения социальных выплат гражда-

нам, признанными безработными. Согласно утвержденным правилам был упрощен порядок подачи заявления граждан для признания в качестве безработных, назначения и выплаты соответствующих пособий.

На время пандемии заявление подается в дистанционном режиме на платформе интернет-портала «Работа в России» или через личный кабинет «Единого портала государственных и муниципальных услуг (функций)» [3]. Таким образом, новый формат подачи заявления упрощает порядок действий заявителя, так как теперь исключается необходимость предоставления копии трудовой книжки, приказа об увольнении и справки о среднемесячном заработке от предыдущего работодателя. Всю информацию о трудовой деятельности заявителя по последнему месту работы уточняют специалисты центров занятости. Это стало возможным благодаря межведомственному взаимодействию с Пенсионным фондом России и работодателями.

Решение о признании гражданина безработным и назначении и выплаты пособия по безработице принимается центром занятости населения по месту жительства в течение 11 дней со дня подачи заявления. О чем заявителю сообщается в электронной форме через личный кабинет на портале «Работа в России» или «Единого портала государственных и муниципальных услуг (функций)». Там же сообщается о размере и сроке выплаты пособия.

Существенной мерой государственной поддержки безработных граждан стало увеличение максимального размера пособия по безработице в 1,5 раза. Так, Постановлением Правительства Российской Федерации от 12 апреля 2020 года № 485, утвержден размер пособия для безработных граждан, признанных таковыми с 1 марта 2020 года, составляет 12 130 рублей [4]. Максимальный размер пособия назначается гражданам, уволенным и признанным безработными с 1 марта 2020 года вне зависимости от стажа и уровня зарплаты на последнем месте работы. Исключение составляют граждане, уволенные за нарушение трудовой дисциплины или другие виновные действия. Индивидуальным предпринимателям, закрывшим свое дело из-за пандемии, также назна-

чается максимальное пособие по безработице. Как отмечает министр труда и социальной защиты населения Российской Федерации Антон Котяков максимальное пособие по состоянию на 28 мая 2020 года «получают уже свыше 400 тысяч наших граждан» [1].

Вместе с тем безработные граждане, имеющие детей, получили право на выплату пособия в размере 3 000 рублей на каждого ребенка. Данное пособие выплачивается одному из родителей. Министр труда и социальной защиты населения Российской Федерации Антон Котяков в своем докладе от 28 мая 2020 г. отметил, «что сегодня более 140 тысяч безработных получают эту доплату почти на 230 тысяч детей» [1].

Для безработных граждан стали доступными иные меры социальной поддержки. В частности, в период пандемии при оценке нуждаемости семьи не учитывается прежний заработок гражданина, потерявшего работу. Такой подход отражает реальное финансовое положение семьи и позволяет в случае малой обеспеченности заключать социальный контракт, получать субсидию на оплату жилищно-коммунальных услуг и другие виды, и формы социальной помощи, в том числе такие меры поддержки, как ежемесячные выплаты на детей от трех до семи лет [1].

На платформе портала «Работа в России» вместе с подачей заявления о признании гражданина безработным, гражданин заполняет резюме. При появлении вакансий, соответствующих квалификации гражданина, ему поступает сообщение в личном кабинете заявителя. Там же соискатель сможет откликнуться на заинтересовавшее его предложение, а работодатель в свою очередь – ознакомиться с резюме, пригласить на работу или на собеседование. Собеседование проводится в онлайн-формате.

Подводя итог вышесказанного, отметим, что в период пандемии увеличилось число безработных граждан в Российской Федерации. Правительством Российской Федерации предпринят ряд мер для максимального упрощения порядка получения гражданином статуса безработного. Постановлением Прави-

тельства Российской Федерации был увеличен размер максимального пособия для граждан, лишившихся работы в период пандемии.

Но есть и хорошие новости – некоторые сервисы решили помочь тем, кто переживает пандемию в карантине, и открыли доступ к своим библиотекам и курсам. **Онлайн-кинотеатр Premier, more.tv, онлайн-кинотеатр ivi, сеть Okko, «КиноПоиск»** и т. п. сервисы.

Список литературы

1. Доклад Министра труда и социальной защиты Антона Котякова на совещании о ситуации на рынке труда [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rosmintrud.ru/employment/59> (дата обращения: 20.06.2020).

2. Сергеев М.С. Россию ждет рекордная безработица // Независимая газета. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://yandex.ru/turbo/h/ng.ru/economics/2020-05-20/1_7865_unemployment.html (дата обращения: 20.05.2020).

3. Об утверждении Временных правил регистрации граждан в целях поиска подходящей работы и в качестве безработных, а также осуществления социальных выплат гражданам, признанным в установленном порядке безработными : постановление Правительства РФ от 08.04.2020 года № 460 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://static.government.ru/media/files/jdAizn7IEdf2azqBqAyD8t1jlxSWWBAZ.pdf> (дата обращения: 20.04.2020).

4. О внесении изменения в постановление Правительства Российской Федерации от 27 марта 2020 г. № 346 и приостановлении действия отдельных положений Временных правил регистрации граждан в целях поиска подходящей работы и в качестве безработных, а также осуществления социальных выплат гражданам, признанным в установленном порядке безработными: Постановление Правительства РФ от 12.04.2020 года № 485 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://static.government.ru/media/files/XxrABQivsKa7BrDx6czFiE7nSoAYHATm.pdf> (дата обращения: 20.04.2020).

**СПЕЦИФИКА АДАПТАЦИОННОЙ ГОТОВНОСТИ СТУДЕНТОВ
С ИНВАЛИДНОСТЬЮ В УСЛОВИЯХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ
ИНКЛЮЗИИ: УРБАНИСТИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ**

Селиванова Юлия Викторовна

*д.социол.н., профессор, зав. кафедрой коррекционной педагогики Саратовского
национального исследовательского государственного университета
имени Н.Г. Чернышевского, Россия, Саратов
juliaselivanova@mail.ru*

**SPECIFICITY OF ADAPTIVE READINESS OF STUDENTS
WITH DISABILITIES IN THE CONDITIONS OF EDUCATIONAL
INCLUSION: THE URBANISTIC CONTEXT**

Yulia Selivanova

*Dr. Sc. of Sociology, Professor, Head of the Department of Correctional
Pedagogy, Saratov National Research State University named after
N.G. Chernyshevsky, Russia, Saratov
juliaselivanova@mail.ru*

Аннотация

В статье представлены результаты социально-психологического анализа проблемы адаптационной готовности человека с инвалидностью к обучению в вузе. С позиций разных научных подходов рассматривается феномен адаптационной готовности как системное свойство личности, специфика инклюзивного образования как процесса и условия интеракционирования студента с инвалидностью в высшей школе. Представлены результаты авторских исследований динамики степени инклюзивности образовательного пространства, инклюзивной компетентности работников среднего общего и высшего профессионального образования. Определены меры повышения уровня адаптационной готовности студента с инвалидностью к получению высшего образования в урбанистическом контексте.

Abstract

The article presents the results of a socio-psychological analysis of the problem of adaptive readiness of a person with a disability to study at a university. From the

standpoint of different scientific approaches, the phenomenon of adaptive readiness is considered as a systemic property of the personality, the specificity of inclusive education as a process and conditions for the interaction of a student with a disability in higher education. The results of the author's studies of the dynamics of the degree of inclusiveness of the educational space, inclusive competence of workers of secondary general and higher professional education are presented. The measures to increase the level of adaptive readiness of a student with a disability to receive higher education in an urban context have been determined.

Ключевые слова: студент, инвалидность, ограниченные возможности здоровья, адаптационная готовность, инклюзивное высшее образование, урбанистический контекст образования

Keywords: student, disability, disabilities, adaptive readiness, inclusive higher education, urban context of education

Современная информационно насыщенная и конкурентная повседневность предъявляет относительно высокие требования к личностным особенностям каждого человека независимо от его психофизического или социального статусов.

В зависимости от специфики направленности личности, контекста ее жизнедеятельности, важной является совокупность имеющихся ресурсов, позволяющих человеку успешно адаптироваться к условиям окружающего мира. Соответственно, актуальна так называемая адаптационная готовность, содержательно дифференцирующаяся с учетом действующих социокультурных, экономических, психолого-педагогических и иных факторов.

Адаптационная готовность как системное свойство трактуется в науке чаще всего как определенная совокупность личностных образований, черт, свойств, качеств в рамках установки на динамические характеристики окружающего пространства, оптимальное интеракционирование с ним [1-4].

Адаптационная готовность рассматривается в психолого-педагогических исследованиях, чаще всего с позиций двух подходов. Первый предполагает, что это уровень подготовленности личности к определенным действиям в новых условиях и, соответственно, человек должен обладать совокупность необходимых знаний, умений, навыков; второй – новообразования личности в ответ на новые условия жизнедеятельности, характеризующиеся полиморфизмом, полифункциональностью, спецификой реализации в разных (в том числе, рискованных) пространствах и времени [2, 5-9].

Инклюзивное образование, когда студент с инвалидностью обучается совместно с обычными студентами, выступает значимым фактором изменений в личности, так как «создает» новые условия деятельности и социокультурной среды [10, 14]. Это, с одной стороны, генерирует стресс, психоэмоциональное напряжение, с другой – мобилизует человека, запускает копинг-стратегии, потенциально способствующие эффективной адаптации.

В целом, применяя теорию Л.Е. Тарасовой о трех блоках факторов, влияющих на адаптацию к обучению, конкретизируем их применительно к высшему образованию. Соответственно, речь идет о социологических факторах (возраст, культура, социальное и этническое происхождение); педагогических – квалификационный уровень преподавательского состава, организационные характеристики дидактической среды высшего образования, учебная материально-техническая база вуза и др.); психологических факторах – индивидуально-психологические и социально-психологические особенности (направленность, личностный адаптационный потенциал студента, его статус в студенческой группе, наличие референтных групп, групп поддержки, деловые и поведенческие качества, аксиологические ряды и ориентации, академическая активность и т. п.) [3].

Отсюда, структура адаптационной готовности личности может подразделяться по двум основаниям (по мнению О.В. Хмельковой [4]): субъективной (внутренней) и объективной (внешней). Кроме этого, существуют условно надструктурные компоненты. Субъективные компоненты представлены лич-

ностным адаптационным потенциалом, психофизиологическим (соматическим) компонентом, индивидуально-личностным, мотивационно-ценностным и эмоционально-волевым компонентами. К объективным компонентам относятся: когнитивный компонент, поведенческий (межличностный) и коммуникативный компоненты. Надструктурные компоненты включают: предметно-пространственный (средовой) компонент, дидактический компонент, семейный компонент и, на наш взгляд, – темпоральный компонент.

В целом инклюзивная компетентность преподавателей современных городских вузов (вне города функционируют обычно филиалы с тем же штатным составом) является относительно низкой, как и аналогичная компетентность многих педагогических работников средних общеобразовательных городских учреждений, которые стали учреждениями инклюзивного типа (подтверждением является комплекс исследований, например, Т.А. Федоровой [11]). Преподаватели вузов, несмотря на то, что систематически проходят курсы повышения квалификации (часто дистанционные), участвуют в семинарах, конференциях по проблемам и перспективам инклюзии фактически в 90 % имеют смутное представление о специфике инклюзивного образования (что подтверждается нашими исследованиями в Саратовском регионе (2018–2021, N = 60)) [10, 12, 13]).

Соответственно, адаптационная готовность студента с инвалидностью может гипотетически успешно формироваться благодаря усилиям семьи (но откуда у родителей высокий уровень инклюзивной компетентности?) или социально-реабилитационных учреждений, специалисты которых до настоящего времени так и не освоили принципы социальной инклюзии (что также подтверждается нашими многолетними наблюдениями и исследованиями (2010-2021)) [10, 12].

В итоге, проблемы адаптационной готовности человека с инвалидностью – это его проблемы. Именно от него, от его познавательной активности, уровня коммуникабельности, целеустремленности и т. п. будет зависеть успех в профессиональном образовании и будущем трудоустройстве. На первом месте здесь – социально-психологический вид адаптации, как приспособление (по-

средством интеграционных процессов, а далее и инклюзивных) к социальному пространству вуза, особенностям преподавания и обучения, межличностных отношений, графику занятий.

В условиях современного крупного города вузовское пространство может быть представлено как одним кампусом, так и серией, когда локации образовательного учреждения распределены по разным точкам города. Это создает ряд неудобств (физических и темпоральных) для участников образовательного процесса как с сохранным психофизическим статусом, так и, тем более с инвалидностью. Соответственно, к первому виду адаптации (социально-психологической) добавляется второй – биофизиологический. Адаптация данного вида предполагает, что студент с инвалидностью обладает определенными физическими способностями для преодоления физических барьеров, с которыми он фактически сразу сталкивается, выходя из дома (бордюры, лестницы, тротуары, отсутствие лифтов, распашные тяжелые двери и т. п.). Часто такими барьерами в изобилии «снабжены» здания (корпуса) вузов. Ряд барьеров студент не может преодолеть самостоятельно, что обуславливает необходимость организации комплексного сопровождения инклюзивного образования, которое, прежде всего, ориентировано на активизацию добровольческих (волонтерских) практик со стороны обычных студентов самого вуза [10, 12].

Таким образом, адаптационная готовность к инклюзивному образованию, представляя собой совокупность ресурсов студента с инвалидностью, в своей «реализации» предполагает в обязательном порядке комплекс поддерживающих мер. К ним, в частности, относится создание администрацией, преподавателями и вспомогательным персоналом организации инклюзивной образовательной среды в рамках вузовского кампуса, внутри корпусов вуза, формирование инклюзивного отношения к людям с инвалидностью в обществе. Именно от такого «включающего» участия зависит трансформация дискриминационных, эксклюзивных практик, затрудняющих (а в ряде случаев – не позволяющих) формироваться адаптационной готовности к высшему образованию у людей с инвалидностью.

Список литературы

1. Арендачук И.В. Адаптационная готовность личности к учебно-профессиональной деятельности: системно-диахронический подход // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2013. №10 (30) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/adaptatsionnaya-gotovnost-lichnosti-k-uchebnoprofessionalnoy-deyatelnosti-sistemno-diahronicheskiy-podhod>(дата обращения 23.09.2020).
2. Григорьева М.В. Роль адаптационных способностей, учащихся в процессе взаимодействия с образовательной средой // Известия Саратовского университета. Новая серия. Акмеология образования. Психология развития. 2012. Т. 1. № 3. С. 11-15.
3. Тарасова Л.Е. Психолого-педагогические условия формирования адаптационной готовности в вузе // Современные проблемы науки и образования. 2016. № 4 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=24999> (дата обращения 20.09.2020).
4. Хмелькова О.В. Структурные компоненты адаптационной готовности и психолого-педагогические условия ее формирования: динамический аспект // Интернет-журнал «Мир науки» 2017. Т. 5. № 5 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://mir-nauki.com/PDF/25PSMN517.pdf> (дата обращения 22.09.2020).
5. Бергис Т.А. Готовность личности к переменам и толерантность к неопределенности на этапе ранней взрослости // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Педагогика, психология. 2015. № 4 (23). С. 38-42.
6. Леонов И.Н. Влияние толерантности к неопределенности на стратегии совладающего поведения // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер. Акмеология образования. Психология развития. 2015. Т. 4. Вып. № 3. С. 259-261.

7. Пушкина А.В. Соотношение перфекционизма и толерантности к неопределенности // Психология обучения. 2016. № 1. С. 95-101.

8. Сараева Е.В., Николаев С.Г. Связь толерантности к неопределенности и мотивации достижения // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2014. № 7. С. 129-134.

9. Шамионов Р.М. Адаптационная готовность личности – субъекта социального взаимодействия // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2015. Т. 15. Вып. № 4. С. 106-112.

10. Зайцев Д.В., Селиванова Ю.В. Организационно-методические аспекты сопровождения студентов с ОВЗ в условиях профессионального образования // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 1. С. 97-103.

11. Федорова Т.А. Отношение учителей начальной школы к инклюзивному образованию детей с ограниченными возможностями здоровья // Инновации в науке. 2013. № 27. С. 156-162.

12. Селиванова Ю.В., Зайцев Д.В. Инклюзивная парадигма современного образования в России: региональная специфика реализации // Гуманитарные науки. 2018. № 2. С. 71-78.

13. Щетинина Е.Б., Селиванова Ю.В. Готовность преподавателей к обучению студентов с инвалидностью и ограниченными возможностями здоровья // Сибирский педагогический журнал. 2017. № 2. С. 65-70.

14. Складорова Т.В., Селиванова Ю.В. Личностное самоопределение студентов с инвалидностью: социально-психологический анализ факторов и механизмов // Вестник Мининского университета. 2020. Т. 8, № 2. С. 8-12.

* * *

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта №20-013-00534 «Личностное самоопределение и адаптационная готовность студентов с ограниченными возможностями здоровья в условиях инклюзивного образования»

**ГОРОДСКАЯ ИНКЛЮЗИВНАЯ КУЛЬТУРА
И СОЦИАЛЬНОЕ РАВЕНСТВО
(НА ПРИМЕРЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОЦИАЛЬНЫХ СЛУЖБ)**

Склярова Татьяна Валентиновна
*к.социол.н., доцент кафедры «Философия, социология, психология»,
начальник отдела по социальной работе УВР
Саратовского государственного технического университета
имени Гагарина Ю.А., Россия, Саратов
skliarovatv@gmail.com*

**URBAN INCLUSIVE CULTURE AND SOCIAL EQUALITY
(IN THE CASE OF THE ACTIVITY SOCIAL SERVICES)**

Tatiana Skliarova
*PhD of Sociology, Associate Professor of the Department of
Philosophy, sociology, psychology, Head of Social Work Department
of Yuri Gagarin State Technical University of Saratov, Russia, Saratov
skliarovatv@gmail.com*

Аннотация

В рамках статьи представлен критический анализ отечественной социальной политики в отношении людей с инвалидностью, направленный на изучение современных проблем преодоления социального неравенства и развития инклюзивной культуры. В качестве основного метода были использованы количественные и качественные исследования (анкетный опрос, интервью, контент-анализ, кейс-стади). Это позволило выявить особенности городской инклюзивной культуры социальных служб в процессе их деятельности. По результатам исследования предлагается рассматривать развитие информационного ресурса социальных служб как механизма повышения эффективности работы.

Abstract

The article presents a critical analysis of the national social policy towards people with disabilities, aimed at studying the current problems of overcoming social in-

equality and the development of an inclusive culture. The main method was used quantitative and qualitative research (profile survey, interview, content analysis, case-stage). This has made it possible to identify the characteristics of the urban inclusive culture of social services in the course of their activities. According to the results of the study, it is proposed to consider the development of the information resource of social services as a mechanism to improve efficiency.

Ключевые слова: инклюзивная культура, социальные учреждения, эффективность работы, инклюзивные практики

Keywords: inclusive culture, social institutions, efficiency, inclusive practices

Отношение общества к людям с нарушениями развития исторически было различным. При этом смысл понятия инвалидности менялся в зависимости от культурных традиций и социальных условий. Отечественная история социальной политики в отношении людей с инвалидностью имела разные формы, характеризующие эпоху того или иного времени. Однако, несмотря на произошедшие прогрессивные изменения и переход от патерналистских форм помощи к реабилитации и интеграции инвалидов в общество, до сих пор актуальными остаются проблемы поддержания идей социального равенства.

Критический анализ особенностей российского законодательства в области инклюзии детей-инвалидов с привлечением информационных ресурсов федерального, регионального и местного уровней позволил выявить несоответствие декларируемых в официальных документах обязательств по сопровождению детей-инвалидов (до 18 летнего возраста) и реальной ситуацией, а также сформировать ряд направлений процесса инклюзии, нацеленных на повышение эффективности деятельности как социальных служб города, так и внедрения инклюзивной культуры.

Изучение и анализ эффективности работы социальных служб в контексте инклюзии детей-инвалидов показал потребность разработки новой модели

оценки деятельности. То есть необходимо по-новому интерпретировать само понятие оценки качества оказания услуг организациями социального обслуживания. Традиционно, при оценке эффективности социальных служб, доминирующее значение имеет физическая доступность (территориальная локация, наличие путей доступа, специализированного транспорта, а также наличие штата сотрудников, узких специалистов). В то время как принятие и понимание инклюзивной культуры должно трактоваться в более широком контексте: готовность к пониманию, созданию и использованию инклюзивной культуры, безбарьерного пространства, методического материала, оказание консультативной помощи, взаимодействие по комплексной поддержке родителей.

Сегодня становится очевидным, что эффективность социального обслуживания, направленного на инклюзию клиентов затрагивает тему доступности услуг и социальных сервисов. Доступность социальных услуг для потенциальных клиентов изучалось в аспекте информационной и средовой доступности. Информированность потенциальных клиентов, семей, воспитывающих детей-инвалидов, о возможности получения бесплатной социальной, юридической, психологической, педагогической помощи является первым шагом на пути к инклюзии, что, в конечном итоге, приводит к практическому применению накопленного опыта и имеющихся ресурсов: повышению степени вовлеченности и активности детей-инвалидов в социокультурное пространство, созданию социального равенства и развитию инклюзивной культуры.

Список литературы

1. Бурдые П. Социология социального пространства / пер. с фр. Н.А. Шматко. М.: Алетейя, Институт экспериментальной социологии, 2007. 288 с. (Серия: Gallicinium)
2. Межкультурные компетенции в социальных службах. Формирование инклюзивной организационной культуры: методологическое руководство / пер. с англ. под общ. ред. Е. Ярской-Смирновой. Совет Европы, 2017. С. 142. Режим

доступа: <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/folder/41kx8fa0zk/direct/204746712.pdf> (дата обращения к ресурсу 03.09.2020).

3. Маяцкая И.Н. Эффективность и качество предоставляемых услуг в учреждениях социального обслуживания населения // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. № 2/2012. С. 231-234.

4. ГОСТ Р 52142-2013. Национальный стандарт Российской Федерации «Социальное обслуживание населения», прописывающий требования к качеству социальных услуг и общие положения. Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/1200107236> (дата обращения к ресурсу 05.09.2020).

* * *

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ

в рамках научного проекта № 19-011-00542-а

ТРАНСФОРМАЦИЯ ФУНКЦИЙ ГОРОДСКОЙ ЦИФРОВОЙ СРЕДЫ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ

Смирнова Татьяна Вячеславовна
*д.социол.н., профессор кафедры организационного развития
Российского государственного гуманитарного
университета. Россия, Москва
smirnovasar@mail.ru*

TRANSFORMATION OF THE FUNCTIONS OF DIGITAL ENVIRONMENT IN THE CITY DURING A PANDEMIC

Tatiana Smirnova
*Dr. Sc. of sociology, Professor of the Department of
Organizational development» of Russian State University
for the Humanities, Russia, Moscow smirnovasar@mail.ru*

Аннотация

Цель статьи – раскрыть некоторые особенности изменений функций цифровой среды в городе в период пандемии. В статье представлены результаты исследования, проведенного методом анкетного опроса среди студенческой молодежи г. Москвы, задачей которого было изучение возможностей и способов передачи эмоций в социальных сетях и изменений этих параметров в период пандемии. Показано, что в период пандемии возросла вовлеченность цифровой среды не только в профессионально-деловой, образовательной и потребительской областях, но и усилилась значимость передачи эмоций в цифровом поле, в том числе, посредством социальных сетей.

Abstract

The purpose of the article is to reveal some of the features of changes in the functions of the digital environment in the city during a pandemic. The article presents the results of a study conducted by the method of a questionnaire survey among student youth in Moscow, the task of which was to study the possibilities and methods of transmitting emotions in social networks and changes in these parameters dur-

ing a pandemic. It is shown that during the pandemic, the involvement of the digital environment has increased not only in the professional, business, educational and consumer areas, but also the importance of transmitting emotions in the digital field, including through social networks, has increased.

Ключевые слова: город; цифровая среда; пандемия; эмоции; символы

Keywords: city; digital environment; pandemic; emotions; symbols

В период пандемии, когда мобильность жителей городов была минимизирована, значение цифрового пространства возросло, так как оно приняло на себя компенсаторные функции. Выросло число заказов товаров и услуг через сеть Интернет, образовательная среда повсеместно фактически перешла на дистанционный режим. Естественно, рынок откликнулся на новые изменения потребительского поведения, расширив ассортимент предложений онлайн.

Этого не произошло бы так быстро, не будь современное общество отчасти подготовлено к такого рода вызовам. М. Кастельс отмечает, что если прежде доминирующую роль в организации сообществ играла привязанность человека к географическому месту жительства и работы, то в цифровом обществе можно видеть ослабление этой роли в пользу роста значимости более слабых экстерриториальных социальных связей. Так называемое сетевое общество, по его мнению, формирует особую социальную структуру, в которой глобальные сети вытесняют и постепенно заменяют собой традиционные формы личной и вещной активности [2, с. 167]. И.Р. Пригожин, В.А. Кутырёв фиксировали внимание на уже происходящем и неизбежном в новых условиях фундаментальных качественных изменений возникновении нового качества бытия – ноосферы информационного общества [4, 5].

Однако в условиях пандемии выросла значимость возможностей цифрового пространства, не только ориентированных на обеспечение дистанционной работы, образования и обеспечения потребительских запросов. Эмоциональная

составляющая жизнедеятельности, и так довольно уязвимая в городской среде, при предельном сокращении возможностей очных коммуникаций также стала находить выход в цифровом поле. Рассмотрим это на примере трансформации выражения эмоций пользователями социальных сетей.

Эмоции отражают отношение человека к объектам внешней и внутренней реальности в непосредственной форме переживаний. Это может быть отношение к ситуации, в которой оказывается человек; к другим людям; к самому себе. В широком смысле под эмоциями понимается целостная эмоциональная реакция личности, которая включает не только психический компонент – переживание, но и специфические физиологические изменения в организме, сопутствующие этому переживанию [7].

В социологии исследование эмоций долгое время оказывалось на периферии научных знаний. Социологический дискурс проблемы позволяет выделить два этапа развития: протопериод и период актуализации проблем эмоций в социологии [6]. Протопериод характеризуется появлением в научных трудах, выполненных главным образом, в русле символического интеракционизма, идей о значимости переживаний индивида для социального универсума. Период актуализации проблем эмоций в социологии, начавшийся в 1980-х годах, демонстрирует постоянство интереса к теме эмоций. В этот период ученые предлагают и обосновывают научные концепции, включающие исследование эмоциональных факторов и как главного предмета исследования, и как вплетенного в дискурс решения традиционных социологических вопросов. Так, концепция самости Ч.Х. Кули включает анализ эмоциональных реакций человека на оценочное поведение группы [3]. Изучая взаимовлияние поведенческих сценариев и эмоциональности, И. Гофман пришел к выводу, что эмоции наряду с другими факторами, воздействуют на выбор культурного сценария при осуществлении коммуникаций [1]. Социально-структурная теория (Дж. Барбалет [8], Р. Коллинз [9]) рассматривает эмоции как ресурс, доступность к которому ограничена и неравномерно распределена между представителями разных социальных страт. Перед социологами сего-

дня стоят вопросы о роли и месте эмоций в современном цифровом социуме. Социальные сети в последнее время стали важнейшим местом средством коммуникаций, а пандемия актуализировала эту тенденцию.

С целью изучения возможностей, способов и целесообразности выражения эмоций в социальных сетях и изменений этих параметров в период пандемии было проведено исследование методом анкетного опроса ($N = 350$) среди студенческой молодежи г. Москвы. Гипотеза исследования – несмотря на основные характеристики цифровых коммуникаций (скорость, краткость, оперативность информирования, доступность), при очевидно необходимом изменении формы и инструментария выражение эмоций не теряет своей значимости при коммуникациях в социальных сетях, а в период пандемии значение передачи эмоций в социальных сетях усиливает свое значение.

Согласно результатам нашего исследования 52,1 % опрошенных уделяют социальным сетям большую часть дня, 33,3 % опрошенных – 2-4 часа в день, а 10,4 % проводят в цифровом пространстве все свободное время. При этом 86,4 % опрошенных используют социальные сети для общения и проведения досуга, 8,3 % – в качестве «помогающего инструмента» по работе и учебе. Приведенные цифры свидетельствуют о том, насколько прочно социальные сети вошли в нашу жизнь, а цифровое пространство действительно стало брать на себя функции по осуществлению коммуникаций.

Однако только 2,5 % респондентов однозначно ответили, что выбирают исключительно общение в социальных сетях. 48 % опрошенных ответили, что предпочитают общение при личной встрече и столько же респондентов отметили, оба варианта общения для них одинаково значимо и комфортно. То есть, несмотря на практически всеобщую доступность, очевидное удобство и оперативность, а также, связанную с этими характеристиками распространенность, личное общение продолжает оставаться значимой ценностью для представителей исследуемой группы. А «жизнь» в цифровом пространстве остается только частью реальности каждого человека. Видимо, можно

сказать, что здесь работает не только принцип «замены», но скорее, принцип «дополнения», когда цифровые коммуникации в большем или меньшем объеме дополняют общение личное.

Второй блок вопросов был связан с передачей эмоций при общении в социальных сетях. Востребовано ли это? Стараются ли выразить свои эмоции пользователи социальных сетей или довольствуются обменом единицами информации?

На вопрос этого блока, «Как часто в диалогах с собеседником Вы используете средства, отражающие ваши эмоции (стикеры, голосовые сообщения, эмодзи и т. д.)» 16,7 % респондентов ответили – всегда; 64,6 % – часто используют данные средства выражения эмоций и 18,7 % респондентов пользуются ими редко. Получается, что, по крайней мере, по частоте встречаемости выражение эмоций при общении в социальных сетях как минимум не уступает такому показателю при личном общении – 81,3 % опрошенных прибегают к такой возможности часто или всегда.

При этом респонденты пользуются несколькими средствами или символами выражения эмоций в социальных сетях, возможно, для более точной и широкой передачи своих чувств. Так, 29,5 % в качестве основных предпочтений выбрали голосовые сообщения, 20,9 % – эмодзи, 15,9 % – стикеры, 20,5 % респондентов для обозначения эмоций пользуются восклицательными знаками, скобочками и многоточиями. Зафиксировав потребность пользователей в отражении эмоций при осуществлении цифровых коммуникаций, создатели социальных сетей оперативно предложили целый ряд символов для обозначения тех или иных эмоций.

Причины использования таких символов перекликаются с общеизвестными функциями эмоций человека при коммуникациях. 47,8 % опрошенных используют такие символы для красочности передачи информации, 32,6 % – для удобства передачи информации, 52,4 % – для более точного понимания ситуации собеседником, 16,3 % – для краткости передачи информации,

10,1 % – для побуждения собеседника к каким-либо действиям или мыслям. Таким образом, эмодзи, стикеры, голосовые сообщения и т. д. помогают более полно отразить чувства, переживания собеседников, направляя коммуникацию в правильное русло.

Анкета содержала и вопрос о том, какие, по мнению респондентов, преимущества и недостатки у средств выражения эмоций в социальных сетях. Среди основных недостатков были отмечены: отсутствие возможности или неудобство прослушивания голосовых сообщений, что затрудняет продолжение диалога (32,7 % ответов); ограниченность, то есть не всегда удается с помощью символов выражения эмоций донести до собеседника суть сообщения (27,3 % ответов), а также недопонимание собеседником ответа (19,1 % ответов). Основными преимуществами выступили: удобство ответа (26,0 %), быстрота ответа (25,2 %), наглядность ответа (20,6 %). Представляет интерес распределение ответов на вопрос, «Какой из способов передачи эмоций в социальных сетях, на Ваш взгляд, является наиболее эффективным?». В качестве ответа предлагалось осуществить ранжирование предложенных вариантов. На первом месте оказались голосовые сообщения (50,0 %), на втором – эмодзи (25,3 %), на третьем – стикеры (20,5 %). Интересно, что вариант «голосовые сообщения» пользуется наибольшей популярностью, когда речь идет об эффективности передачи эмоционального содержания сообщения. В вопросе о предпочтениях этот вариант также был лидирующим, а меньшее число респондентов (29,5 %, а не 50,0 % как в ответах на вопрос об эффективности), вероятно, объясняется периодическим отсутствием возможности или неудобством прослушивания сообщения, что и было показано в ответах на предыдущий вопрос о недостатках каналов передачи эмоций в социальных сетях. Лидерство голосовых сообщений в нашем опросе свидетельствует, по сути, о признании большей эффективности «естественных» способов передачи эмоций по сравнению с символическими. Очевидно, что голосовые сообщения передают эмоции наиболее полно, так как собеседник может слышать интонацию голоса: радость или негодование, сарказм или искренность.

Особый интерес в рамках нашего исследования представляют ответы на вопрос анкет: «Как изменились потребности в выражении эмоций в социальных сетях в период пандемии и связанной с этой самоизоляцией?». 85,5 % респондентов отметили возросшую необходимость в передаче эмоций таким образом. Возможно, это связано с тем, что возросло общее напряжение, в том числе, эмоциональное, с учетом нагнетаемого страха за жизнь свою и близких людей, а также временной неопределенности действия сложившейся экстраординарной ситуации. Только 10,2 % опрошенных высказали мнение, что их потребности в выражении эмоций в социальных сетях в период пандемии не изменились или изменились незначительно. 4,3 % отметили, что их потребность в передаче эмоций в цифровом поле снизилась по сравнению с предыдущим этапом.

Таким образом, эмоции, выполняя множество функций, играют важную роль в жизни человека, оказывают влияние на его настроение, здоровье, являются одним из основных аспектов коммуникаций. Расширение цифрового пространства, особенно в городской среде, предоставило совершенно новое поле для коммуникаций, имеющее, тем не менее, большие преимущества. В период пандемии, новых вызовов, связанных с ней, цифровая среда компенсирует потребности, которые в создавшихся условиях стало более сложно удовлетворить иначе. Эти потребности связаны не только с профессионально-деловой, образовательной и потребительской сферами, но и касаются эмоциональной сферы жизни человека, которая в условиях городской среды традиционно уязвима.

Список литературы

1. Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2000. 304 с.
2. Кастельс М. Власть коммуникации / пер. с англ. Н.М. Тылевич; под науч. ред. А.И. Черных; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. 564 с.
3. Кули Ч.Х. Человеческая природа и социальный порядок. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 2000. 320 с.

4. Кутырёв В.А. Бытие или ничто. СПб.: Алетейя, 2009. 96 с.

5. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой: пер. с англ. / общ. ред. В.И. Аршинова, Ю.Л. Климонтовича и Ю.В. Сачкова. М.: Прогресс, 1986. 432 с.

6. Сергеева О.В. Проблема эмоций в социологии // Вестник СПбГУ. Сер. 12. 2016. № 4. С. 3-11.

7. Amelia C. Couture Bue The looking glass selfie: Instagram use frequency predicts visual attention to high-anxiety body regions in young women // Computers in Human Behavior. 2020. № 108.

8. Barbalet J.M. Emotion, Social Theory and Social Structure: A Macrosociological Approach. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. 210 с.

9. Collins R. Stratification, emotional energy, and the transient emotions // Research agendas in the sociology of emotions / ed. by T.D. Kemper. Albany, NY: State University of New York Press, 1990.

**ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИАЛЬНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ
ГОРОЖАН СТАРШЕГО ВОЗРАСТА В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ
(НА ПРИМЕРЕ САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ)**

Соболева Елена Викторовна
*соискатель кафедры прикладной социологии
социологического факультета Российского
государственного гуманитарного университета,
директор государственного автономного учреждения
Саратовской области «Комплексный центр социального
обслуживания населения Балаковского района»,
Россия, Балаково Саратовской обл., sobolevaev@mail.ru*

**SOCIAL SERVICE TRANSFORMATION FOR SENIOR CITIZENS
IN THE PANDEMIC PERIOD
(ON THE EXAMPLE OF THE SARATOV REGION)**

Elena Soboleva
*applicant for the Department of Applied Sociology
the Sociological Faculty of the
Russian state humanitarian university,
director of a state autonomous institution
Saratov region «Complex center of social
services for the population of Balakovo region»,
Russia, Balakovo, Saratov region, sobolevaev@mail.ru*

Аннотация

В данной статье приводится пример трансформации форм и методов социального обслуживания пожилых людей в период пандемии. Отмечается, что основной целью трансформации является стремление сохранить качество жизни получателей социальных услуг из возрастной категории 65+ в привычных домашних условиях, осложненных вынужденной самоизоляцией. Анализируется опыт учреждения социального обслуживания населения, позволивший адаптировать работу комплексных центров к условиям пандемии.

Abstract

This article provides an example of the transformation of the forms and methods of social services for the elderly during a pandemic. It is noted that the main goal of

the transformation is the desire to preserve the quality of life of recipients of social services from the age category 65+ in their usual home conditions, complicated by forced self-isolation. The experience of the institution of social services for the population is analyzed, which made it possible to adapt the work of complex centers to the conditions of a pandemic.

Ключевые слова: социальное обслуживание; пожилые горожане; получатели социальных услуг; период пандемии

Keywords: social service; elderly townspeople; recipients of social services; period of pandemic

Название фантастического бестселлера Г. Марченко «Мир уже не будет прежним» стало как никогда актуальным с весны 2020 года применительно к ожидаемой оценке глобальных социально-экономических последствий пандемии новой коронавирусной инфекции COVID-19.

Пандемия, создавшая реальную угрозу жизни и здоровью человеческой популяции, заставила пересмотреть подходы к организации деятельности всех хозяйствующих субъектов, и, в первую очередь, – направленных на оказание медицинских и социальных услуг населению, среди групп которого наиболее уязвимы и подвержены повышенному риску заражения люди «серебряного возраста» старше 60-65 лет [1].

По данным Росстата, в Саратовской области проживает 414 572 человека старше 65 лет, что составляет 15,9 % от общей численности населения региона [2]. Более 300 тысяч пожилых людей (75 %) – жители городов, где повышенная плотность населения может являться дополнительным фактором риска заражения. В связи с этим одним из неукоснительных правил поведения для горожан старшего возраста стало соблюдение условий самоизоляции, что, с одной стороны, дало пожилым людям возможность сохранить свое здоровье, но, с другой стороны, усилило осознание собственной психоэмоциональной незащищенности. В наиболее выгодной ситуации оказались пожи-

лые получатели социальных услуг комплексных центров социального обслуживания населения, сеть которых развита в регионе и представлена в каждом из 39 территориальных образований области. В соответствии со статистическими данными социальные услуги на дому за 1 полугодие 2020 года получили 39789 человек [3].

Ограничительные мероприятия, введенные на территории области с целью недопущения распространения новой коронавирусной инфекции, привели к необходимости трансформировать подходы к социальному обслуживанию пожилых людей, находящихся на самоизоляции. Основной целью трансформации являлось стремление сохранить качество жизни пожилых получателей социальных услуг в привычных домашних условиях, осложненных вынужденной самоизоляцией.

Рассмотрим, в качестве примера, опыт работы в данном направлении ГАУ СО «Комплексный центр социального обслуживания населения Балаковского района», расположенного в г. Балаково с общей численностью населения *187,5 тысяч человек* [4]. Трансформации были подвергнуты:

- санитарно-эпидемиологические условия предоставления социальных услуг на дому (социальные работники стали использовать дополнительные средства индивидуальной защиты);
- психолого-педагогические методы работы с пожилыми получателями социальных услуг (специалистами учреждения была увеличена психологическая поддержка пенсионеров и информационно-разъяснительная работа);
- способы получения гражданами социально-психологических и социально-педагогических услуг (ряд видов услуг был предложен получателям дистанционно: в онлайн-формате или по телефону);
- формы и методы контроля качества оказания социальных услуг (основным инструментарием контроля стал телефонный опрос);
- требования к подбору персонала учреждения при приеме на работу новых сотрудников (были усилены требования к таким личностным качествам,

как дисциплина и самодисциплина, способность быстрого принятия решений в экстренной ситуации, повышенная стрессоустойчивость).

Помимо преобразования подходов к традиционным формам оказания социальных услуг пожилым людям, состоящим на социальном обслуживании, комплексными центрами Саратовской области в период пандемии стала проводиться работа по оказанию социальной помощи одиноким и одиноко проживающим гражданам пожилого возраста и инвалидам, нуждающимся в социально-бытовой помощи, но не являющимися получателями социальных услуг. В результате за апрель-август 2020 года социальные работники помогли 3,8 тыс. гражданам, не являвшимся ранее получателями социальных услуг, с доставкой продуктов, лекарств, средств гигиены, оплатой услуг ЖКХ и тому подобного.

Таким образом, трансформация социального обслуживания горожан старшего возраста позволила адаптировать работу комплексных центров к условиям пандемии, сохранить качество жизни получателей социальных услуг из возрастной категории 65+ в привычных домашних условиях, и, одновременно, увеличить их количество.

Список литературы

1. О рекомендациях по профилактике новой коронавирусной инфекции для тех, кому 60 и более лет [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.rospotrebnadzor.ru/about/info/news/news_details.php?ELEMENT_ID=14041 (дата обращения: 17.09.2020).

2. Саратовстат [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://srtv.old.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/srtv/ru/statistics/population/7e054d0041366b1d8790e7367ccd0f13 (дата обращения: 18.09.2020).

3. Сведения о выполнении мероприятий подпрограмм государственной программы «Социальная поддержка и социальное обслуживание населения Саратовской области» за 1 полугодие 2020 года [Электронный ресурс]. Режим

доступа: https://social.saratov.gov.ru/programs_and_conceptions/otchety/index.php?SECTION_ID=7803 (дата обращения: 19.09.2020).

4. Саратовстат [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://srtv.gks.ru/folder/59967> (дата обращения: 19.09.2020).

ВОДИТЕЛИ ОБЩЕСТВЕННОГО ТРАНСПОРТА В КОНТЕКСТЕ ГОРОДА: ДИСКУРС ПЕЧАТНЫХ СМИ

Сорокина Наталья Викторовна

*к.социол.н., доцент кафедры философии, социологии, психологии,
Саратовского государственного технического университета
имени Гагарина Ю.А., Россия, Саратов
natalia.sorokina.nv@gmail.com*

PUBLIC TRANSPORT DRIVERS IN THE CONTEXT OF THE CITY: MEDIA DISCOURSE

Natalia Sorokina

*PhD of Sociology, Associate Professor of the Department of
Philosophy, sociology, psychology of
Yuri Gagarin State Technical University of Saratov, Russia, Saratov
natalia.sorokina.nv@gmail.com*

Аннотация

Данная работа посвящена анализу дискурсов региональной прессы, отражающих положение водителей городского общественного транспорта. Методологическим основанием служит критический дискурс-анализ газетных публикаций. Автор приводит классификацию популярных дискурсивных трендов, касающихся организации пассажирских перевозок и требований к профессионализации водителей.

Abstract

This work is devoted to the analysis of regional press discourses that reflect the situation of urban public transport drivers. The methodological basis is a critical discourse analysis of newspaper publications. The author provides a classification of popular discursive trends related to the organization of passenger transportation and requirements for the professionalization of drivers.

Ключевые слова: городской транспорт; профессионализм; дискурс-анализ; газета

Keywords: urban transport; professionalism; discourse-analysis; newspaper

Городская среда представляет собой сконструированное пространство реализации человеческой жизни. Заданные автодорожные полотна и пешеходные тропы обуславливают специфику физических перемещений горожан, реализуемых в их повседневной жизни. Транспортные сообщения влияют на субъективность водителей и пассажиров, таким образом, машинерия общественного транспорта подавляет, подчиняет, регламентирует и дисциплинирует всех участников транспортных потоков. Помимо непосредственного физического влияния среды, происходит трансляция ценностных ориентиров и общепринятых представлений о транспортной культуре и правилах реализации водительского труда. Профессиональный опыт водителей, отражаемый в статьях с изложением событий, сопровождаемых оценочными суждениями в отношении качества транспортной услуги, является одной из привычных тем, затрагиваемых СМИ.

Данный текст представляет собой попытку социологической рефлексии представлений о профессиональной группе водителей общественного транспорта в контексте города, представленных на страницах саратовской региональной прессы. В центре исследовательского внимания специфика репрезентации образа профессиональной группы водителей, вопрос о том, какие идеи конструируются в печати и каким образом они структурируют и нормируют представления о водительском труде. Эмпирическая база представлена подборкой статей саратовских региональных газет с 2010 по 2020 гг. (газет «Комсомольская правда» (N = 109) и «Аргументы и Факты» (N = 24)), подвергнутых дискурс-анализу. Методолого-теоретическим основанием служит критический дискурс-анализ [6, 7] публичных текстов, транслирующих смыслы, способствующие организации информационно-коммуникативного порядка, заданность норм и тактики идейного управления.

К наиболее популярным дискурсам можно отнести несколько значимых тем. Во-первых, городской транспорт представляется как поле проблем и повод для нареканий. Водители здесь представляются грубиянами, хамами, равнодушными к запросам пассажиров, или участниками драк. Часть статей посвя-

щена «пьяным» водителям, которые нарушают формальные правила, выступают угрозой для общественного порядка и причиной небезопасности всех участников дорожного движения, что, естественно, критикуется и порицается. Таким образом, водители, занимающие главенствующее положение в ходе реализации ими городских поездок, перевоплощаются в *субъектов контроля*, работа которых подвергается проверке и наказаниям со стороны сотрудников транспортного управления и ГИБДД, а также оценке пассажиров, которые могут обращаться с жалобами в соответствующие инстанции и на горячие линии. Так забота транспортников о пассажирах проявляется в предоставлении им возможности осуществления контроля над водителями, причем следить пассажиры могут как за техникой вождения, так и за соответствием водителей др. критериям (в том числе телесности [3]), профессионализма. Таким образом, общественный транспорт показывается публике в репертуаре статейных публикаций как *пространство конфликтов и регламентаций*.

Во-вторых, дискурс безопасности и доступности пассажирских поездок. Доступность качественной услуги по реализации мобильности и общественного транспорта как физического пространства является значимым индикатором социальной и «пространственной справедливости» [5, с. 180] и формой поддержки граждан, реализуемой социальным государством в виде предоставления льгот [4, с. 96-97]. Безопасность городских перевозок видится как одна из приоритетных. Она касается создания особых условий осуществления поездок и эксплуатации ТС. Особое место в печати отводится обсуждению хранения подвижного состава, которое должно реализовываться на охраняемой стоянке транспортных предприятий (а не во дворах водителей, что является повседневной практикой, используемой для сокращения времени выхода на маршрут), реализацией строгого контроля над исправным состоянием автобусов, троллейбусов и трамваев.

В-третьих, экономический аспект и рентабельность транспорта. Авторы приводят читателям доводы в пользу использования тех или иных видов транспорта. Частой темой газетных публикаций становится оценка работы перевоз-

чиков в контексте транспортного обслуживания городского населения. Например, проводится аналогия между крупными городскими транспортниками и некрупными предприятиями, ведущими «борьбу за маршруты». Освещается полемика о плюсах и минусах организации пассажирских перевозок. К критике частных перевозчиков относят экономию на «белой зарплате», налогах, страховке, «пиратские захваты» направления, по которым легально работают крупные перевозчики. При этом водители частных маршрутов получают шанс заработать больше в настоящем, но представляются профессиональной группой, незащищенной в плане социальных гарантий. Очевидно, что тема экономической борьбы и конкуренции рассматривается авторами как наиболее интригующая и привлекательная для читателя.

В большинстве своем СМИ используют проблематизирующий дискурс, освещают конфликты участников дорожного движения, опасности пассажирских перевозок, высокое число аварий, низкий уровень водительских компетенций и отрицательное качество транспортной услуги в целом. Однако встречаются и позитивные образы профессионального мастерства водителей городского пассажирского транспорта. *Водительский профессионализм* – это четвертый значимый дискурс.

Газетные заметки поощряют безаварийность езды, соблюдение правил дорожного движения, такие качества как пунктуальность, вежливое обращение с пассажирами, а также особенный водительский талант: *«чтобы быть хорошим водителем [...] нужен такой же талант, как талант врача или педагога. Водитель от бога должен [...] воспринимать автомобиль как живое существо, и тогда ему гарантирован профессиональный успех»* [В Саратове наградили лучших водителей]. Подобные интерпретации можно отнести к механизмам подтверждения водительского «профессионализма» [1, с. 107], легитимирующего монополию на предоставление транспортных услуг.

Газета как один из каналов массовой коммуникации, влияющих на формирование общественного мнения, транслирует идеальные представления, уста-

новки и правила исполнения водительской роли в условиях конкретного рынка городских пассажирских перевозок. Риторика газетных публикаций актуализирует востребованные публикой обсуждения социальных проблем и явлений. Мнения, высказываемые в статьях, преподносятся зачастую как объективное знание, что способствует укоренению распространенных оценочных суждений и стигматизирующих представлений, которые принимаются на веру неискушенным читателем. Критический дискурс-анализ способствует деконструкции транслируемых смыслов, рефлексии в отношении общепринятых идеологий и социальных иерархий.

Список литературы

1. Абрамов Р.Н., Ярская-Смирнова Е.Р. Ретроспектива российского и советского профессионализма в оптике критической экологии // Мир России: Социология, Этнология. 2017. Т. 26. № 2. С. 103-127.
2. В Саратове наградили лучших водителей // Комсомольская правда (Саратов), 29.10.2013. № 141.
3. От 150 и ниже: В Саратове водителя-лилипута могут уволить из-за запрета управлять автобусами низкорослым людям // Комсомольская правда (Саратов), 21.08.2014. № 93-94 ч.
4. Сорокина Н.В. Управление транспортной системой большого города как элемент социальной политики // Профессионализация социального менеджмента. Саратов: ООО «Издательство научная книга», 2008. С. 92-102.
5. Трубина Е.Г. Город в теории: опыты осмысления пространства. М.: Новое литературное обозрение, 2011.
6. Филипс Л.Дж., Йоргенсен М.В. Дискурс-анализ. Теория и метод. Харьков: Гуманитарный центр, 2008.
7. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет: пер. с франц. М.: Касталь, 1996.

**ГОРОДСКАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ:
РЕАКЦИЯ НА ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ**

Спиридонова Евгения Павловна

*к. филос. н., ассистент кафедры философии,
гуманитарных наук и психологии*

*Саратовского государственного медицинского университета имени
им. В.И. Разумовского, Россия, Саратов
evs5@list.ru*

**URBAN DAILY:
RESPONSE TO THE CHALLENGES OF THE MODERN**

Evgeniya Spiridonova

*PhD of Sociology, Assistant of the Department of «Philosophy, sociology,
psychology» of Saratov State Medical University named
V.I. Razumovsky Russia, Saratov
evs5@list.ru*

Аннотация

В статье рассматривается специфика городской повседневности, формулируется определение и раскрывается содержание данного понятия. Автор анализирует факторы и механизмы, влияющие на изменения структур повседневности, выявляет тенденции, закрепляющие социальные инновации в практиках обыденной жизни. В статье показано, как изменения структур повседневности отображают глубинные трансформации моделей общественной жизни.

Abstract

The article examines the specifics of urban everyday life, formulates the definition and reveals the content of this concept. The author analyzes the factors and mechanisms influencing changes in the structures of everyday life, identifies trends that consolidate social innovations in the practices of everyday life. The article shows how changes in the structures of everyday life reflect the deep transformations of the models of social life.

Ключевые слова: повседневность; город; урбанизация; глобальные вызовы

Keywords: everyday life; city; urbanization; global challenges

Актуальность исследований городской повседневности многоаспектна. В частности, отдельной проблемой нам представляется стремительное порождение новых моделей общественной жизни, вызванное глобальной урбанизацией и ее «вызовами» (А. Тойнби). Закрепление и воспроизводство этих моделей во многом зависят от обыденных практик горожан, их восприимчивости к социальным инновациям, готовности к внедрению нового в русло привычной жизни. Анализ факторов и механизмов, влияющих на изменения структур повседневности, выявление тенденций, закрепляющих социальные инновации в практиках обыденной жизни и станет предметом нашего рассмотрения.

Тематизация повседневности в немецком философском дискурсе XX в. дополненная социологическими представлениями о нормах, нравах, верованиях, жизненных укладах и частных практиках (А. Шюц, Ф. Бродель, М. Вебер, П. Бергер, Т. Лукман), формирует представления о повседневности как о сфере, генерирующей intersubjective смыслы, рутинные занятия, схемы социального взаимодействия. Повседневность конституируется как пространство человеческого опыта, воспроизводимого по привычке в стабильных ситуациях.

Концептуализация понятия «городская повседневность» происходит благодаря той специфике, которую вносит в жизнь человека город. Принципиальными оказываются его пространственная организация и особенности городской коммуникации. Инфраструктура современного города, организация его локаций, в значительной степени зависит от наличия и масштабов промышленных и торговых предприятий, объектов сферы услуг. Еще Вебером было отмечено, что отраслевая спецификация экономики образует либо города с выраженной локализацией финансовых структур в центральной части города («city»), либо промышленные окраины, либо города-рекреации, своего рода сервисные локации, возникающие вокруг природных или культурных достопримечательностей. И в каждом конкретном случае мы имеем дело с особой организацией городского ландшафта, архитектурной и дизайнерской специ-

фикой, определяющей качество жизни, экологию, городскую среду, коммуникацию. Несмотря на увеличение социальных контактов, город ведет к сокращению и ослаблению социальных связей, к изменению социального пространства. Плотность социальных контактов, необходимость взаимодействия с незнакомыми людьми, создает ситуацию, в которой сокращение физического пространства компенсируется увеличением социального дистанцирования. Городской транспорт, офисные помещения, гипермаркеты, кинотеатры, ночные клубы являют собой примеры организации повседневного нахождения в пространстве города, при котором количество контактов возрастает, но прочные социальные связи не складываются. Городская коммуникация характеризуется неизбежными и мимолетными контактами, вписанными в алгоритм повседневности каждого горожанина. Их задачи, – поддержание социальности и воспроизводство типичного в обыденной жизни.

Как было показано в классическом исследовании М. Вебера, город, – это в большей или меньшей степени, город *потребителей* или (и) *производителей* [1, с. 312]. Согласимся с немецким исследователем в том, что помимо экономических оснований, эти факторы влияют на формирование социально-культурных стандартов жизни, на ее пространственно-временную локализацию, в силу чего приобретают определяющее значение при формировании структур повседневности.

Стоя на этих позициях, мы констатируем, что повседневность горожанина в обычном случае определяется модусами *труда* и *досуга*. Во многом, именно специфика их организации задает характеристики городской повседневности. Мы сконцентрируем фокус нашего рассмотрения на новых тенденциях в этих сферах, ставших своеобразным ответом на вызовы современности.

Прежде всего, необходимо указать на существование глобальных трендов в сфере труда и организации досуга. Речь идет о тенденции все большего отклонения от официальной занятости к «случайному» труду, о формировании «фриланса», «коворкинга», шеринговых практик, оказывающих влияние не

только на организацию труда, но и на возникновение новых форм досуга (виртуальные музеи, обучающие и развлекательные онлайн-программы, обмен домами и транспортом и т. д.). Реализация этих трендов связана с развитием техники и цифровых технологий, виртуализацией коммуникаций, распространением ценностей свободного времени и личностного развития. Социологический аспект их продвижения тематизируется проблемами изменения структуры занятости, безработицы, ухудшения качества услуг, юридической неправомерности. Однако, распространение и закрепление указанных тенденций в повседневных практиках нельзя назвать стремительным и повсеместным, что, с одной стороны связано с принципиальной инертностью повседневного опыта, с другой, во многом, определяется неравномерностью технологического развития.

Этот аспект проблемы акцентируют Н.В. Соколов и Л.С. Рехтина: при наличии технического потенциала цифрового общества и возможности «пространственно-временной диверсификации значительной части производственных, сервисных, культурных, общественно-политических и пр. процессов, современное общество не только демонстрирует приверженность традиционным моделям организации повседневности, но и «усугубляет» их» [2, с. 290]. Так, авторы отмечают существенный дисбаланс в распределении времени между трудовой и частной сферами повседневности горожан. Дефицит времени, возникающий у горожанина в результате насыщения повседневности конкурирующими задачами, усугубляется временными затратами на нахождение в транспортных пробках, очередях в магазинах в часы пик, получение справок, продление документов, прохождение обязательных осмотров и подобные процедуры, ставшие неизбежной рутиной повседневности. Данные опросов показали вынужденную редукцию шопинга, лечения, культурной интеграции и социальных связей в связи с нехваткой времени [2, с. 300]. Причину такого положения дел авторы усматривают в административном поддержании заведенного порядка, используемого в качестве дисциплинарной практики.

Интересно, что статья была опубликована в мае 2019 г., но не прошло и года с момента публикации, как мы стали свидетелями и участниками изменения парадигмы: глобальное распространение COVID-19 и необходимость анти-пандемических мер радикально изменили характер производственных, сервисных, досуговых процессов. Работа «на удаленке», дистанционное образование, торговля, сервисное обслуживание, электронный документооборот стали нормой жизни всего за полгода. Причем это произошло не только в крупных городах, но и в городах, где цифровой потенциал был достаточно скромным. Частью повседневного опыта горожан стали новые установки параметров социального дистанцирования, санитарных правил, ограничений мобильности, сопровождающих социальную коммуникацию. Отметим, что эти изменения были административно санкционированы и санкции были настолько серьезны (штрафы, задержания, либо, напротив, стимулирующие выплаты некоторым категориям работников, выделение дополнительных средств, социальное престижирование), что новации стали частью городской повседневности достаточно быстро.

Таким образом, наблюдая стремительные и системные изменения социальной жизни, вызванные глобальной урбанизацией, мы видим существенные трансформации и в структурах городской повседневности: из принципиально инертной сферы воспроизводства типичного, она трансформируется в сферу апробаций и адаптации социальных инноваций.

Список литературы

1. Вебер М. Город // Избранное. Образ общества.: Пер. с нем. М.: Юрист, 1994. 704 с.
2. Соколов Н.В., Рехтина Л.С. Пробки вместо хобби: синхронизация и концентрация повседневности в современном обществе // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 3. С. 286-305.

**ТЕХНОКРАТИЧЕСКИЙ И АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОДЫ
К ИССЛЕДОВАНИЮ ЦИФРОВОГО НЕРАВЕНСТВА
В КОНТЕКСТЕ ГОРОДСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ**

Сулова Ольга Сергеевна

*магистрант кафедры философии, социологии и психологии
Саратовский государственный технический университет
имени Гагарина Ю.А., Россия, Саратов
64.ru@mail.ru*

Сулов Иван Владимирович

*кандидат социологических наук, доцент кафедры истории, политологии
и социологии Саратовской государственной юридической академии
suslov85@inbox.ru*

**TECHNOCRATIC AND ANTHROPOLOGICAL APPROACHES
TO THE STUDY OF DIGITAL INEQUALITY
IN THE CONTEXT OF URBAN EVERYDAY LIFE**

Olga Suslova

*master's student of the Department of philosophy, sociology and psychology
of Yuri Gagarin State Technical University of Saratov, Russia, Saratov
64.ru@mail.ru*

Ivan Suslov

*PhD of Sociology, associate Professor of the Department of history, political
science and sociology of the Saratov state law Academy
suslov85@inbox.ru*

Аннотация

В тезисах дан анализ ограничений и достоинств технократического и антропологического подходов к изучению цифрового неравенства в контексте городской повседневности. Авторы подчеркивают, что технологии не только облегчают нашу жизнь, перекраивая ее структуры, но и несут риски воспроизводства неравенства на базовых уровнях человеческого бытия.

Abstract

The theses analyze the limitations and advantages of technocratic and anthropological approaches to the study of digital inequality in the context of urban everyday

life. The authors emphasize that technologies not only make our life easier by reshaping its structures, but also carry risks of reproducing inequality at the basic levels of human existence.

Ключевые слова: цифровое неравенство, городская повседневность, антропологический подход

Keywords: digital inequality, urban everyday life, anthropological approach

Последний Международный социологический конгресс, состоявшийся в Японии шесть лет назад, провозгласил тему неравенства флагом современного развития социологии [5].

Разоблачение неравенства и противодействие ему с 2014 года объявлено главной общественной миссией социальных ученых. Новый век принес с собой и новые виды неравенства, в частности цифровое. За прошедшие шесть лет интернет проник в самую толщу повседневности, как создавая новые возможности, так и формируя неравенства. Однако цифровое неравенство, трансформируясь и приобретая новые лики, слабо рефлексировано современной российской социологической наукой.

Обзор работ, посвященных digital-studies, показал, что большинство ученых работают в традиционной парадигме анализа доступности Интернета и навыков работы пользователя в цифровом пространстве. В основном происходит лишь констатация фактов без анализа того, какое влияние на жизнь человека и социальное неравенство оказывает его уровень навыков освоения цифрового мира. С другой стороны, в научном дискурсе присутствуют работы, посвященные трансформации повседневности под воздействием цифровых технологий, однако не заостряющие внимание на проблемах неравенства. Цель настоящих тезисов охарактеризовать удачные подходы к анализу цифрового неравенства в контексте городской повседневности, предполагая, что технологии не только облегчают нашу жизнь, перекраивая ее структуры,

но и несут риски воспроизводства неравенства на базовых уровнях человеческого бытия.

Авторская классификация предполагает разделить digital-studies на две группы: технократические и антропологические. Технократический подход заключается в анализе уровня развития цифровой инфраструктуры в отдельных странах, поселениях или ее доступности для различных социальных групп. Сокращение же цифрового неравенства в данном случае связывается с расширением технических и экономических возможностей населения в использовании Интернет-технологий [3; 4; 8]. Статистическая простота и ясность, а также наглядность бюрократических отчетов решения проблемы делает технократический подход привлекательным для социологов-количественников, чиновников и других представителей власти. Парадоксально, но данный подход позволяет одновременно делать тривиальные умозаключения¹ и находить оригинальные корреляции, сложно объяснимые с позиций здравого смысла².

Развитием технократического подхода становится анализ мотивов использования цифровых технологий [9]. Однако технократическая парадигма не обладает необходимой чувствительностью для понимания и прогнозирования дальнейшей трансформации феномена цифрового неравенства в условиях городской повседневности, требующей антропологической оптики зрения и метафор.

Например, анализ практик повседневности в рамках концепции «тактик» сопротивления Мишеля де Серто позволяет рассмотреть использование цифровых технологий в контексте городской мобильности как фактор социального неравенства. Л.Е. Преснякова пишет о цифровых технологиях как инструменте сопротивления правилам городского пространства, навязанным городскими властями, цифровыми алгоритмами и другими «сильными мира сего» [7]. Сле-

¹ Из тривиальных суждений следует отметить большую популярность Интернета как источника полезной практической информации среди жителей больших городов.

² Например, исследование Е.В. Бродовской и Е.В. Шумиловой установило, что состоящие в браке реже пользуются Интернетом, а воспитывающие детей – чаще [2].

дует дополнить, что особых успехов в борьбе за возможность жить в удобном, сделанном под себя городе, достигают именно те социальные акторы, которые лучше других осваивают цифровые технологии. Менее продвинутые пользователи попадают в нижнюю часть шкалы обывателей, которые не в силах изменить навязанные структуры городской повседневности. Очевидно, также что поколенческая темпоральность важный аспект проблемы определения места индивида на шкале цифровых пользователей [10].

Рост популярности такого цифрового феномена как «мессенджеры» (WhatsApp, Viber, Telegram) трансформирует городскую повседневность, выстраивая новые и укрепляя старые типы групповой сплоченности, доверия и идентичности. А.С. Бородулина показала как жители острова Итуруп, объединяясь в цифровые сообщества, решают общие проблемы, улучшая качество жизни [1]. Однако следует обратить внимания на возникновение групп, исключенных из пользования «мессенджерами», со всеми вытекающими последствиями эксклюзии.

Эвристическим потенциалом для исследования цифрового неравенства обладает обращение к метафоре Интернет пространства как фронта [6] схожего с Миром дикого запада, с «цифровыми аборигенами» и «поселенцами-колонистами». Использование пространственной метафоры удачно подчеркивает феномен появления живущего по новым правилам, городского пространства, в котором цифровые технологии колонизировали городские структуры физического мира оффлайна. Метафора предлагает исследователям задуматься над неравенством, обусловленным различиями в ориентировании на местности и характером отношений между аборигенами и поселенцами.

Таким образом, актуальными концептами современных антропологических (наиболее сенситивных с авторской точки зрения) исследований цифрового неравенства в городской повседневности являются мобильность, поколенческая и цифровая эксклюзия, цифровые аборигены, а также новые типы и механизмы сплоченности.

Список литературы

1. Бородулина А.С. «Поворот к мессенджерам»: кейс Сахалинской области // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. № 1. С. 156-172.
2. Бродовская Е.В., Шумилова О.Е. Российские пользователи и непользователи: соотношение и основные особенности // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2013. № 3. С. 5-18.
3. Волченко О.В. Динамика цифрового неравенства в России // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2016. № 5. С. 163-182.
4. Добринская Д.Е., Мартыненко Т.С. Перспективы российского информационного общества: уровни цифрового разрыва // Вестник РУДН. Сер. Социология. 2019. № 1. С. 108-120.
5. Кравченко С.А. Мосты, соединяющие всевозможные расколы социологии ради более равного мира // Социологические исследования. 2015. № 2. С. 29-38.
6. Плотицкина Н.В., Довбыш Е.Г. Сетевой фронтир как метафора и миф // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2017. № 1. С. 51-62.
7. Преснякова Л. Повседневная мобильность в цифровом городе: стратегии vs тактики // Социология власти. 2015. № 4. С. 93-121.
8. Шабашев В.А., Щербакова Л.Н. Тенденции цифрового равенства/неравенства в современном мире // Социологические исследования. 2016. № 9. С. 3-12.
9. Шиняева О.В., Полетаева О.В., Слепова О.М. Информационно-цифровое неравенство: поиски эффективных практик адаптации населения // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 4. С. 68-85.
10. Чудова И., Пироцкая А. Изучение социальных сетей в перспективе поколений // Интер. 2017. № 14. С. 62-71.

РОЛЬ ГОРОЖАНИНА В ПРОЕКТИРОВАНИИ АРХИТЕКТУРНО-ГРАДОСТРОИТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ

Сухинина Елена Александровна
*кандидат архитектуры, доцент кафедры «Архитектура»
Саратовского государственного технического университета
имени Гагарина Ю.А., Россия, Саратов
arch-art-lena@yandex.ru*

THE ROLE OF THE CITIZEN IN THE DESIGN OF THE ARCHITECTURAL AND URBAN ENVIRONMENT

Elena Sukhinina
*PhD of Architecture, Assistant Professor of the Department of
«Architecture» of Yuri Gagarin State Technical
University of Saratov, Russia, Saratov
arch-art-lena@yandex.ru*

Аннотация

Необходимость создания комфортной городской среды является ключевым аспектом при проектировании, согласно требованиям экологических стандартов в строительстве. Роль горожанина выдвигается на первый план, как «оценщика» архитектурного пространства, в котором ему предстоит находиться в будущем. Структурный анализ требований российского эко стандарта для устойчивого развития территорий позволил выделить ряд особенностей системы. Необходимость формирования благоустроенной среды для жизни сегодня становится приоритетной задачей, закреплённой требованиями рейтинговых систем для эко сертификации.

Abstract

The need to create a comfortable urban environment is a key aspect in the design, in accordance with the requirements of environmental standards in construction. The role of the city dweller highlighted as an «appraiser» of the architectural space in which he will be in the future. A structural analysis of the requirements of the Russian eco-standard for sustainable development of territories made it possible to identify a number of features of the system. The need to create a comfortable living envi-

ronment today is becoming a priority task, enshrined in the requirements of rating systems for eco-certification.

Ключевые слова: экологический стандарт; устойчивое развитие; архитектурно-градостроительная среда

Keywords: environmental standard; sustainable development; architectural and urban planning environment

В одном из последних Указов Президента РФ от 21 июля 2020 года № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» обозначены цели до 2030 года, а именно: сохранение населения, здоровье и благополучие людей; комфортная и безопасная среда для жизни [3].

Сегодня первостепенным в системах экологической сертификации становится создание комфортной среды, внимание к деталям, продуманные решения для пользователей¹.

Необходимым является диалог инвесторов, проектировщиков, ученых и горожан. Так значимость архитектора-градостроителя становится многогранной, он выполняет роль инициатора в диалоге с горожанами и роль эксперта, владеющего архитектурными, социальными и экологическими понятиями [1].

В одном из российских эко стандартов GREEN ZOOM City для устойчивого планирования территорий, разработанном АНО «НИИУРС» (Санкт-Петербург) особым разделом эко оценки выделен Раздел 4 – «Школа Горожанина и сообщества» (11,43 % эко мероприятий от всего документа), рассматривающий ряд вопросов, касающихся вовлечения потребителя в проектирование качественной городской среды, организации досуга и территорий для малого бизнеса, обеспеченности рабочими местами горожан.

Первостепенное место в стандарте занимают требования по «Качеству городской среды» (>30 % требований всей системы), равное количество требова-

¹ Пешеходные тропы в неудобных местах, освещение опасных участков, стоянки для хранения велосипедов, кабинки для кормления, в жилых комплексах места для очистки собак после прогулки и т. п.

ний в разделах «Энергоэффективность, ресурсосбережение и SmartCity» и «Безопасное общественное пространство» (16,51 %), меньше требований к «Водоэффективности» и «Инновациям» (6,35 %). «Школа Горожанина» создает условия для самореализации активных людей, которых, как трактует расширенный закон Парето, в любом сообществе не менее 20 %» [2].

Основная цель таких сообществ – это вовлечение жильцов в процесс проектирования, создания благоприятных условий для проживания, более быстрой адаптации соседей друг к другу.

Вовлечение будущих пользователей в процесс разработки дает возможность учесть все их пожелания и предпочтения на ранних стадиях концепции с возможностью дальнейшей реализации в рабочем проектировании.

Жители в первую очередь могут дать свои предложения и оценить:

- инфраструктуру будущего района;
- доступность транспорта;
- организацию пешеходного движения;
- расположение мест отдыха;
- безопасность пребывания на территории;
- местоположение детских садов и школ.

Важную роль играет организация совместного досуга, мест для общения и обучения (кружки, творческие сообщества, спортивные зоны, территории для выгула животных, открытые кинотеатры и летние сцены).

Помимо досуга также должна быть возможность для развития малого бизнеса и специально отведенные для этого территории (организация сферы услуг, мест для питания, продажи продуктов и т. п.) [2].

Вышеописанные принципы проектирования комфортной среды с учетом пожелания жильцов заложены в ряде современных жилых комплексов, в качестве примера можно привести ЖК BOTANICA в Санкт-Петербурге (золотой сертификат GREEN ZOOM). В нем спроектирована «здоровая» жилая атмосфера – тихие закрытые дворы без машин, большое количество зеленых насажде-

ний и цветов, бионические формы в ландшафтном дизайне, места для отдыха и общения, безопасные условия для пешеходов и вело прогулок (рисунок).

ЖК BOTANICA в Санкт-Петербурге

Проектирование с вовлечением пользователя в процесс создания объекта должно стать неотъемлемой частью любого нового проекта или реконструкции.

Человек всегда должен оставаться в центре внимания, а создание комфортных условий для жителя первостепенной задачей девелопера, инвестора, заказчика, подрядчика и архитектора.

Список литературы

1. Архитектурно-экологические приемы преобразования городской среды в XX веке. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://megaronspb.ru/nauchnye-publikacii/arxitekturno-ekologicheskie-priemy-preobrazovaniya-gorodskoj-sredy-v-xx-veke.html> (дата обращения: 31.08.2020).

2. Практические рекомендации по комплексному и устойчивому развитию территории. Книга 1. АНО «НИИУРС». 2018. с. 1-98. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://greenzoom.ru/books/6-prakticheskie-rekomendacii-po-kompleksnomu-i-ustojcivomu-razvitiu-territorij/> (дата обращения: 21.08.2020).

3. Указ Президента РФ от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74304210/> (дата обращения: 07.09.2020).

ДОБРОВОЛЬЧЕСТВО КАК АКТОР ИНКЛЮЗИВНОЙ КУЛЬТУРЫ И РЕСУРС СОЦИАЛЬНЫХ ПЕРЕМЕН В ГОРОДСКОЙ СРЕДЕ

Суркова Ирина Юрьевна

*д.социол.н., доцент, профессор кафедры управления персоналом
Поволжского института управления им. П.А. Столыпина –
филиал РАНХиГС при Президенте РФ, Россия, Саратов
irina_surkova@mail.ru*

Зайцев Дмитрий Викторович

*д.социол.н., профессор кафедры «Философия, социология, психология»
Саратовского государственного технического университета
имени Гагарина Ю.А., Россия, Саратов
dvzsaratov@mail.ru*

VOLUNTEERITY AS AN ACTOR OF INCLUSIVE CULTURE AND A RESOURCE FOR SOCIAL CHANGE IN THE URBAN ENVIRONMENT

Irina Surkova

*Dr. of Sociology, Professor of the Department of Personnel management
of Peter Stolypin the Volga region institute of management –
branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration, Russia, Saratov
E-mail: irina_surkova@mail.ru*

Dmitry Zaitsev

*Dr. of Sociology, Professor of the Department of Philosophy,
sociology, psychology »of Yuri Gagarin State Technical University of Saratov,
Russia, Saratov, dvzsaratov@mail.ru*

Аннотация

В статье представлены результаты социологического исследования добровольчества (волонтерства) как эффективного агента современного гражданского общества и актора инклюзивной культуры. Добровольчество рассматривается в качестве значимого ресурса социальных преобразований в современном городе, представляющем собой имманентно палитру социальных проблем, ограничений и возможностей. При этом, волонтерские инициативы интересуют

почти половину молодых людей, однако активно, систематически заниматься этой деятельностью они не планируют.

Abstract

The article presents the results of a sociological study of volunteering (volunteering) as an effective agent of modern civil society and an actor of inclusive culture. Volunteering is viewed as a significant resource for social transformations in a modern city, which is an immanent palette of social problems, limitations and opportunities. At the same time, almost half of young people are interested in volunteer initiatives, but they do not plan to actively, systematically engage in this activity.

Ключевые слова: добровольчество, волонтерство, активизм, гражданское общество, социальная урбанистика, инклюзивная культура

Keywords: volunteering, volunteering, activism, civil society, social urbanism, inclusive culture

Городское пространство в настоящее время активно трансформируется, подстраивается под нужды представителей разных социальных групп, что отчасти обусловлено развитием государственной социальной политики инклюзивного типа. Мероприятия данной политики позволили повысить уровень инклюзивности российского общества, способствовали формированию норм инклюзивной культуры как в бюджетной сфере, так и в бизнес-системах. За последние пять лет реализации ФЦП «Доступная среда» почти 70 % приоритетных объектов социальной, транспортной, инженерной инфраструктуры в общем количестве приоритетных объектов стали доступными для инвалидов и других маломобильных групп населения (было модернизировано более 20 тысяч только объектов социальной сферы) [1].

Значительная роль в определении наиболее важных из указанных объектов, обеспечении контроля качества реализации мероприятий ФЦП «Доступная среда», обратной связи в контексте коммуникации «власть – клиент» принадлежит гражданскому обществу, одним из активных ресурсов которого являются

волонтеры. Добровольчество (волонтерство) как проявление гражданского активизма, прежде всего молодежью, представляет собой повседневную социальную практику, направленную на созидание, взаимопомощь и взаимоподдержку [2, 3]. Добровольчество становится важным ресурсом преобразования социальной, культурной, экологической, патриотической сфер, расширяя диапазон нововведений, позитивно влияющих на урбанистическое пространство. Ежедневно сотни тысяч волонтеров решают социальные проблемы на безвозмездной основе, демонстрируя единение и сплоченность.

Массовость данного общественного движения подтверждена статистически, так, В. Путин в рамках форума «Доброволец России» в декабре 2019 года, отметил, что на сегодняшний день в России более 15 млн волонтеров [4]. По данным исследования, проведенного Gallup World Poll, в мировом рейтинге благотворительности 11 % россиян регулярно занимается волонтерской деятельностью [5].

Значимость добровольчества подтверждает и принятая распоряжением Правительства РФ от 27 декабря 2018 г. № 2950-р «Концепция развития добровольчества (волонтерства) в РФ до 2025 года», которая фиксирует возможности субсидирования НКО, налоговые преимущества, расширение профессиональной подготовки и переподготовки волонтеров, интеграцию волонтерских инициатив в программы социально-ответственного бизнеса, перспективы социальной рекламы, освещение деятельности волонтеров в средствах массовой информации [6]. Тем самым повышается социальный статус волонтера и добровольчество становится не единичным проявлением благотворительности, а движением, претендующим на статус социального института, выступающим фундаментом гражданского общества [7]. Сегодня деятельные, неравнодушные граждане, социально ориентированные НКО активно участвуют в решении важных проблем города (например, организации: Содружество Добрых городов, Активный город, Союз волонтерских организаций и движений, Мы & Город).

Добровольчество по своей сути представляет собой просоциальную деятельность в целевом, процессуальном, содержательном, технологическом компонен-

тах. Включаясь в волонтерскую деятельность, человек модифицирует современное общество, делает его лучше, выступая агентом социальной политики и демонстрируя практический гуманизм. Многомерное пространство жизнедеятельности людей, генерирующее социальные проблемы, заставляет государство обращаться к волонтерам, которые выстраивают свои сети взаимной поддержки на основе гармонизации отношений, изменения инвайронмента, активизации ресурсов.

Соответственно, важным является вопрос о степени включенности россиян в добровольческую (волонтерскую) деятельность, специфике этого включения, готовности оперативно решать социально-урбанистические проблемы. Этому и был посвящен ряд наших исследований в ряде муниципальных образований Саратовского региона в 2019-2020 гг. Был проведен онлайн опрос молодежи в возрасте до 30 лет. В опросе приняли участие 237 человек, из них 37 % мужчин и 63 % женщин, что соответствует параметрам генеральной совокупности.

Представим основные результаты. Несмотря на социальную активность россиян и их участие в различных мероприятиях в качестве добровольцев, такая включенность в целом зависит от региона проживания (чем дальше от регионального городского центра, тем менее развиты коммуникативные коридоры, обеспечивающие транзит данных о волонтерских акциях, соответственно, и уровень акционизма молодежи снижается). Анализируя уровень информированности молодежи о волонтерских (добровольческих) акциях в населенном пункте, мы пришли к выводу, что мужчины о подобной деятельности осведомлены лучше, чем женщины: о волонтерской инициативной группе знают 44,3 % мужчин и 34 % женщин. Однако у вторых несколько выше желание принять участие в деятельности подобных инициативных объединений – 46,3 % женщин и 34,3 % мужчин. Зачастую срабатывает гендерный стереотип, когда волонтерство попадает в поле социальной работы и заботы, а ролевой репертуар переходит к женщинам, с другой, уровень активности зависит от типа добровольческой акции. Если это событийное волонтерство (например, чемпионат мира по футболу или Олимпийские игры), то количество желающих реализоваться в таком формате мужчин возрастет.

В основном и мужчины, и женщины хотели бы оказывать помощь согражданам по мере необходимости (35 %), а также не чаще 1-2 раз в год (28,6 %); лишь 15,2 % опрошенных желали участвовать в волонтерских инициативах регулярно 1-2 раза в месяц. Данные распределения показывают нам, что волонтерские инициативы интересуют почти половину молодых людей, однако активно, систематически заниматься этой деятельностью они не хотят, используя возможность подобной активности достаточно редко. При этом, диапазон добровольческих практик достаточно обширный: от экологических акций, помощи бездомным животным, организации детских праздников до защиты жертв политических репрессий.

Однако помощь нуждающимся согражданам (детям, пожилым людям, людям с инвалидностью, многодетным семьям, бедным) в большей степени привлекает женщин (53,6 %) по сравнению с мужчинами (33,9 %). Участие в проведении различных мероприятий (культурно-массовых, спортивных, образовательных, военно-патриотических), чаще интересует мужчин – 40,3 %, нежели женщин – 35 %. Мужчины также с радостью возглавили бы кружки и секции на добровольных началах (30,6 %), по сравнению с женщинами – 14,3 %. Соответственно, активность мужчин в основном ориентирована на событийное волонтерство, а женщин – на помощь социальному окружению.

Таким образом, добровольчество (волонтерство) сегодня становится одним из эффективных ресурсов социально-урбанистических преобразований, продвижения инклюзивных традиций, инклюзивной культуры. Оптимальное решение проблем и обеспечение позитивных социальных перемен (с учетом результатов анализа имеющегося опыта) осуществляется при целенаправленном сотрудничестве представителей всех секторов власти и гражданского общества (в том числе, добровольческого (волонтерского) движения)). Это связано с тем, что современное городское пространство, имманентно представляет собой палитру социальных проблем, ограничений и возможностей, нюансы которых власти не доступны.

Список литературы

1. Программа «Доступная среда» для инвалидов в 2020 году [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://lgoty-vsem.ru/lgoty/programma-dostupnaya-sreda-dlya-invalidov.html> (дата обращения 20.09.2020).
2. Сведения о целевых показателях и индикаторах государственной программы Российской Федерации «Доступная среда» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://sudact.ru/law/postanovlenie-pravitelstva-rf-ot-29032019-n-363/gosudarstvennaia-programma-rossiiskoi-federatsii-dostupnaia/prilozhenie-n-1/> (дата обращения 20.09.2020).
3. Щербанова В.В., Суркова И.Ю., Логинова Л.В., Зайцев Д.В. Гражданский активизм студентов: риск деструктивных проявлений в Поволжском регионе // Вестник РУДН. Социология, 2020. Т. 22. № 3. С. 494-502.
4. Зайцев Д.В. Опыт активистской молодежной деятельности в Саратовском регионе // Инновационная деятельность. 2016. № 2. С. 77-82.
5. Путин назвал число волонтеров в России // РИА новости. 05.12.2019 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ria.ru/20191205/1562010214.html> (дата обращения: 22.09.2020).
6. Агентство социальной информации [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.asi.org.ru> (дата обращения: 21.09.2020).
7. О Концепции развития добровольчества (волонтерства) в РФ до 2025 года: распоряжение Правительства РФ от 27.12.2018 г. № 2950-р // Официальный интернет портал правовой информации [Электронный ресурс]. Режим доступа <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 22.09.2020).
8. Семенова И.Ю. Волонтерство (добровольчество) как элемент механизма гражданского общества и правового государства // Oeconomia Et Jus. № 1. 2019. С. 78.

* * *

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ
в рамках научного проекта №18-18-00321-П*

СОЦИАЛЬНЫЕ УСЛОВИЯ СОСЕДСКОГО АКТИВИЗМА В НОВЫХ ОКРАИННЫХ ЖИЛИЩНЫХ КОМПЛЕКСАХ

Тыканова Елена Валерьевна

*к.социол.н., старший научный сотрудник
Социологического института Российской академии наук –
филиала Федерального научно-исследовательского
социологического центра Российской академии наук,
Россия, Санкт-Петербург
elenatykanova@gmail.com*

Тенишева Ксения Алексеевна

*к.социол.н., старший преподаватель
Научно-исследовательского университета «Высшая школа экономики» –
Санкт-Петербург, Россия, Санкт-Петербург
tenishewa.soc@gmail.com*

SOCIAL CONDITIONS OF THE NEIGHBORHOOD ACTIVISM IN THE NEW EDGE CONDOMINIUMS

Elena Tykanova

*PhD of Sociology, Senior Research Associate,
of the Sociological Institute of the RAS – the Branch of the Federal Center of
Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences,
Russia, St. Petersburg, elenatykanova@gmail.com*

Ksenia Tenisheva

*PhD of Sociology, Senior Lecturer
of the Higher School of Economics, Campus in St. Petersburg,
Russia, St. Petersburg, tenishewa.soc@gmail.com*

Аннотация

Статья посвящена изучению взаимосвязи социальных характеристик жильцов новых высотных жилищных комплексов и их готовностью совершать коллективное действие – вовлекаться в соседский активизм. Теоретическими основаниями исследования послужила теория «эффекта соседства» и «коллективного участия» Р. Сэмпсона, Т. Купенса. Эмпирические данные включают материалы уличного опроса жильцов двух ЖК. Методы обработки данных –

парные статистики и бинарная логистическая регрессия. Выявлены статистически значимые эффекты между социальным капиталом исследуемых горожан с их соседской активистской деятельностью.

Abstract

The article examines the relationship between the social characteristics of the residents of new high-rise condominiums and their readiness to participate in a collective action – in the neighborhood activism. The theoretical framework of the study is the theory of the «neighborhood effect» and «collective efficacy» by R. Sampson and T. Coopers. The data include the materials from a street survey of residents of two condominiums. Data processing methods are the paired statistics and the binary logistic regression. Statistically significant effects were revealed between the social capital of the residents with their neighborhood activities.

Ключевые слова: соседский активизм; коллективное участие; эффект соседства; социальный капитал; окраинный жилой комплекс

Keywords: neighborhood activism; collective efficacy; neighborhood effect; social capital; edge condominium

Возникновение высотных жилищных комплексов, объединенных в комплексное развитие территорий (КОТ), на окраинах крупных российских городов является относительно недавним пространственным явлением. Ввиду того, что подобные «новые жилые массивы» [2] или «новые пригороды» [2] зачастую сопровождаются выраженными инфраструктурными проблемами (в виде доступа к транспорту, досугу, социальным, медицинским, образовательным, правоохранительным сервисам и пр.) резиденты вынуждены сталкиваться с новыми для них повседневными трудностями и искать пути для их успешного разрешения. Среди ответных реакций новых жильцов мы можем предположить их возможную низовую самоорганизацию в форме выстраивания сетей знакомств с соседским сообществом (как в офлайн, так и онлайн-форматах), участие в до-

мовом управлении, совместные усилия по поддержанию общественного и физического порядка общих территорий. В этой связи мы задаемся целью изучения того, как социальные характеристики жильцов периферийных жилищных комплексов связаны с их готовностью совершать действие на благо соседского поселения, а именно вовлекаться в соседский активизм.

Теоретическими основаниями нашего исследования послужила теория «эффекта соседства» (англ. – neighborhood effect) и «коллективного участия» или «коллективной эффективности» (англ. – collective efficacy) [1, 5, 6]. Данная теоретическая концепция указывает на большую вероятность совершения коллективного действия определенных социальных конфигураций членов сообщества. В частности, они отмечают положительное влияние на коллективное участие так называемого «внешнего связующего социального капитала» резидентов сообщества в виде их готовности к выстраиванию слабых связей друг с другом (с целью получения доступа к информации и ресурсам взаимной поддержки). Помимо прочего, иными положительными факторами могут выступать продолжительность проживания, собственность на жилье, жилищная стабильность соседства и др. [4].

Эмпирическими материалами исследования выступают данные количественного опроса (уличного анкетирования) резидентов двух ЖК, расположенных на окраине Санкт-Петербурга и в Ленинградской области непосредственно на границе с Санкт-Петербургом. Тип выборки – совокупная кластерная стихийная выборка, общее количество наблюдений составило 360 случаев. С целью определения внешнего связующего социального капитала мы использовали следующий набор переменных: общее отношение к соседям, приглашение соседей в гости, частота общения с соседями, соседская помощь. Для учета измерений «соседского активизма» мы учитывали следующие явления: наличие активистов в соседстве активистов; самоорганизация жильцов для решения проблем; организация ими мероприятий; эпизоды кооперативной помощи резидентов. Для обработки статистических данных мы обратились к парным статистикам (хи-квадрат), а также бинарной логистической регрессии.

В целом, результаты анализа частично подтвердили основную гипотезу о существовании положительной взаимосвязи между внешним связующим социальным капиталом («эффектом соседства») исследуемых горожан с их соседской активисткой деятельностью («коллективным участием»). В частности, мы обнаружили статистически значимые эффекты между продолжительностью проживания в ЖК (стабильность соседства), общением с соседями по этажу и эпизодами совместного проведения досуга жильцов и перспективами их участия в собраниях жильцов. С другой стороны, наши данные демонстрируют закономерности относительно осведомленности резидентов о соседском активизме в зависимости от давности проживания, статуса собственника жилья, коммуникации жильцов с соседями, их присутствия в группах в социальных сетях соседского поселения. Между тем мы не можем полностью исключить действие ограничивающего эндогенного эффекта: когда представляется затруднительным определить направление связи даже при установлении статистической значимости между изучаемыми параметрами. А именно, остается непрояснённым вопрос: насколько накопленный резидентами социальный капитал ведет к их готовности совершить коллективное действие или же, наоборот, опыт соседского активизма приводит жильцов к расширению их социальных связей и формированию социального капитала.

Список литературы

1. Абрамов Р. Коммунальные конфликты и соседские сообщества в новых пригородах: опыт кейс-стади // Материалы IX социологических чтений памяти В.Б. Голофаства, 3-5 апреля 2017 г. СПб.: Норма, 2017. С. 280-298.
2. Бредникова О., Запорожец О. Ветер, усталость и романтика ночи (об особенностях новых жилых массивов). *Laboratorium* // Журнал социальных исследований. 2016. № 2. С. 103-119.
3. Coppens T., Van Dooren W., Thijssen P. (2018) Public opposition and the neighborhood effect: How social interaction explains protest against a large infrastructure project // *Land use policy*. 2018. № 79. P. 633-640.

4. Larsen L. et al. Bonding and bridging: Understanding the relationship between social capital and civic action // Journal of Planning Education and Research. 2004. № 24 (1). P. 64-77.

5. Sampson R.J. Crime and public safety: Insights from community-level perspectives on social capital / Social capital and poor communities. S. Saegert J.P. Thompson, M.R. Warren (eds.). New York: Sage, 2001. P. 89-114.

6. Sampson R.J. Neighborhood effects, causal mechanisms and the social structure of the city / Analytical sociology and social mechanisms. P. Demeulenaere (ed.). Cambridge and New York: Cambridge University Press, 2011. P. 227-250.

ДОХОДНЫЕ НЕРАВЕНСТВА В СРЕДЕ РОССИЙСКИХ ПРОФЕССИОНАЛОВ: ОСНОВНЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ И ПРИЧИНЫ*

Тихонова Наталья Евгеньевна

*д.социол.н., профессор, главный научный сотрудник
Института социологии ФНИСЦ РАН, Россия, Москва
ntihonova@hse.ru*

Слободенюк Екатерина Дмитриевна

*к.социол.н., старший научный сотрудник
Института социологии ФНИСЦ РАН, Россия, Москва
eslobodenyuk@hse.ru*

INCOME INEQUALITIES AMONG RUSSIAN PROFESSIONALS: MAIN DEMONSTRATIONS AND CAUSES

Natalia Tikhonova

*Dr. Sc., professor, Chief Research Fellow
The Institute of Sociology FCTAS RAS, Russia, Moscow, ntihonova@hse.ru*

Ekaterina Slobodenyuk

*PhD, Senior Research Fellow The Institute of Sociology
FCTAS RAS, Russia, Moscow, eslobodenyuk@hse.ru*

Аннотация

Исследование посвящено неравенствам доходов профессионалов и базируется на данных РМЭЗ НИУ ВШЭ и ФСГС РФ. Показано, что эти неравенства очень значительны и их основой выступают прежде всего разница в оплате труда в разных типах городов и качество человеческого капитала самих профессионалов.

Abstract

The study focuses on income inequalities among professionals and it is based on data of RLMS HSE and FSSS RF. It is shown that these inequalities are very significant and their basis is primarily the difference in wages in different types of cities and the quality of the human capital of the professionals.

* Исследование выполнено за счет гранта РФФИ (№ 19-29-07172).

Ключевые слова: профессионалы, профессиональная структура, бедность, человеческий капитал

Keywords: professionals, professional structure, poverty, human capital

В нашем исследовании мы фокусируемся на профессионалах и причинах, приводящих к неравенству их доходов. Такой фокус анализа был продиктован стремлением понять, в каком положении сегодня находятся профессионалы как основа среднего класса, передающего и наращивающего значительную часть человеческого капитала [1] страны. Под профессионалами, как особой группой в рамках социальной структуры общества [2], мы понимали тех работников, которые в соответствии с Международным классификатором занятий (ISCO-08) [3] относятся ко второму профессиональному классу. Для оценки уровня доходов и масштабов бедности использовались показатели прожиточного минимума домохозяйства определенной структуры в регионе проживания (ПМ) и доходов домохозяйства. Отдельно выделялись группы «бедных» (тех, чьи доходы ниже величины ПМ) и «малообеспеченных» (т.е. небедных, но с доходами менее 1,5 ПМ). Эмпирической базой исследования выступили репрезентативные версии 9, 20 и 28 волн РМЭЗ НИУ ВШЭ за 2000, 2011 и 2019 гг., а также данные ФСГС РФ.

Исследование продемонстрировало, что профессионалы характеризуются значительными неравенствами в уровне их доходов. При этом в городах неравенства по доходам выражены сильнее, чем в сельской местности, и связаны с размером города. В некоторых городах (например, в столицах) разрыв в доходах профессионалов достигает 20-кратной величины, в то время как в малых городах он в разы меньше за счет «срезанности» верхушки доходной иерархии данной профессиональной группы.

В основе столь значительных неравенств по доходам – разница в величине заработной платы профессионалов в разных типах городов. Это связано прежде всего со спецификой структуры их экономик. Во всех городах фиксируются большие различия заработных плат на предприятиях государственного и част-

ного секторов, между предприятиями, относящимися к разным отраслям экономики или различных размеров, но соотношение этих секторов, отраслей и предприятий разного размера в разных типах городов различно. Именно место жительства, как свидетельствует корреляционный анализ, оказывается наиболее значимым фактором неравенства заработных плат профессионалов и среднедушевых доходов в их домохозяйствах.

Сильно влияет на зарплату профессионалов, а, следовательно, и уровень их среднедушевых доходов и рисков бедности (в 2019 г. каждый третий бедный профессионал был горожанином), также качество их человеческого капитала (связь положительна). При этом в разных типах городов механизм этой связи имеет свою специфику. Так, например, в столицах и центрах субъектов Федерации доля профессионалов с низкими показателями человеческого капитала не превышает 20 %, а во всех иных городах достигает практически до 30 %. Однако при этом в столицах и центрах субъектов РФ, имеющих низкие показатели человеческого капитала, профессионалы характеризуются наименьшими рисками низких зарплат и бедности, в то время как в средних и малых городах эти риски выше. В то же время в крупных городах качество человеческого капитала примерно в такой же степени, как в средних и малых, позволяет иметь высокие в сравнении с типичными для соответствующего типа города зарплаты. Однако в любом типе городов большинство обладателей высококачественного человеческого капитала имеют средние и низкие зарплаты.

Отдельное внимание в исследовании было уделено тому, насколько сами профессионалы могут преодолеть доходные неравенства и изменить свой уровень доходов посредством изменения места жительства, наращивания человеческого капитала, совместительства. Было установлено, что каждая из этих стратегий на сегодняшний день оказывается в России малоэффективной, хотя в 2000-х гг. часть из них приносили положительные результаты.

Таким образом, сформированные к 2019 г. неравенства в уровне доходов профессионалов дестимулируют их в отношении наращивания своего челове-

ческого капитала, являются тревожным сигналом неблагополучия даже этой профессиональной группы и требуют повышенного внимания к ней со стороны государства.

Список литературы

1. Becker G.S. Human Capital: A Theoretical and Empirical Analysis with Special Reference to Education. 1964. University of Chicago Press.
2. Crouch C. Occupational Structure and Social Models in European Societies. Working Paper. University of Warwick Business School. 2010. August.
3. International Standard Classification of Occupations: ISCO-08 / International Labour Office. Geneva: ILO. 2012.

ПРОБЛЕМА СОХРАНЕНИЯ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ И ПРАКТИКИ РАЗВИТИЯ ВНУТРЕННЕГО ТУРИЗМА

Тулузакова Марина Валентиновна

*д.социол. н., профессор кафедры гуманитарных и естественно-научных дисциплин Балаковского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Россия, Балаково
tuluzakova@gmail.com*

THE PROBLEM OF PRESERVING CULTURAL HERITAGE HERITAGE AND PRACTICES OF DOMESTIC TOURISM DEVELOPMENT

Marina Tuluzakova

*Dr. of Sociology, Professor of the Department Humanities and natural Sciences Balakovo branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russia, Balakovo
tuluzakova@gmail.com*

Аннотация

В статье рассмотрены возможности развития туристического кластера в контексте развития целостного пространства малого города.

Abstract

The article considers the possibilities of developing a tourist cluster in the context of developing an integral space of a small city.

Ключевые слова: памятники архитектуры, городское пространство, внутренний туризм

Keywords: architectural monuments, urban space, domestic tourism

Благоустройство городской среды является одной из важнейших городских программ. Специфика реализации подобных программ состоит в необходимости сочетать создание комфортной городской среды с сохранением памятников культуры и культурного наследия. Особый интерес вызывает сохранение памятников архитектуры в малых городах. С одной стороны, это создает каналы

формирования историко-культурной преемственности, а с другой вписывается в программы развития внутреннего туризма в Российской Федерации.

Любое городское пространство – это цепочка архитектурных ориентиров. Описание провинциальной архитектуры, памятников историко-культурного наследия сохраняет свою актуальность как серьезная теоретическая проблема вполне совместимая с темпами современной общественной жизни.

Антропологический подход к изучению городского пространства позволяет рассматривать город как культурный объект. Следовательно, речь должна идти не об объективном физическом пространстве, а о конструировании пространственной среды как ментальном выражении организации пространства человеком. При этом «каждый городской житель по-своему «читает» каждый элемент общей городской среды, ибо любое место в городе у каждого конкретного его жителя связано, как с собственными воспоминаниями, так и собственным привычным стилем отношений с ним» [1, 4].

Но при определенных условиях человек не в состоянии определить городское пространство как символ преемственности, либо как признак самобытности города как такового. Если большие города такую возможность предоставляют, создавая городские историко-архитектурные комплексы (музеефицирующий фактор), то провинциальные малые города зачастую такой возможности лишены в силу объективных причин. Это актуализирует проблему не только сохранения культурных архитектурных проектов, но и развития целостного пространства города. На примере города Балаково Саратовской области можно утверждать, сохраняется определенная маргинальность в позиционировании и продвижении туристского потенциала города на национальном и международном туристских рынках. Интерес для туристов могут представлять памятники купеческой архитектуры XIX-XX веков, подчеркивающие колорит провинциального города, носившего в свое время титул «хлебной столицы».

Но многие историко-культурные объекты находятся в плачевном, полуразрушенном состоянии. Но при этом сохранились целые комплексы купеческих

усадеб, в том числе имеющие статус памятников архитектуры федерального и регионального значения. Это – усадьба П. Мальцева в стиле позднего ренессанса (проект архитектора Ф. Шехтеля), усадьба А. Мальцева, особняк купца Е. Ермилина, дом хлеботорговца П. Смирнова, здание коммерческого училища, здание торгового дома «А.А. Шмидт и сыновья» (проектировалось также с участием Ф. Шехтеля) и др. Особо следует обозначить Свято-Троицкий храм, также спроектированный Ф. Шехтелем. Многие ли провинциальные города могут похвастаться таким количеством зданий, спроектированных известным архитектором?

В 2015 году стартовал уникальный социальный проект «Прогулки по городу», целью которого стало создание условий для культурно-просветительного досуга на территории Балаковского муниципального района.

В настоящее время активно развивается событийный туризм, в частности «Фестиваль Клубники», «Балаково, дай 5!». В настоящее время сувениры Балаковского муниципального района представлены в 4-х номинациях финала окружного этапа Всероссийского конкурса «Туристический сувенир» Приволжского федерального округа состоится 25-26 сентября в Екатеринбурге в рамках VIII Международного туристского форума «БОЛЬШОЙ УРАЛ-2020».

Это – линейка туристических сувениров города «Балаково – город пяти комсомольскихстроек», Сувенир города «Поло с достопримечательностями и знаменитостями города Балаково», Сувенир события – Косынка «Балаковский фестиваль клубники», и сувенир музея города «Брошюра для сборки 3D модели музея истории г. Балаково».

В настоящее время существуют грандиозные планы по созданию музея провинциальной купеческой архитектуры под открытым небом в старой части города, что входит муниципальную программу развития туризма.

Список литературы

1. Антропология города. Вып. № 1: Культурные символы и образы в городском пространстве. Этничность и городская идентичность / под ред. Ю.П. Шабаева, И.Л. Жеребцова. Сыктывкар: Институт ЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2013. 192 с.

**ТРАЕКТОРИИ РАЗВИТИЯ ГОРОДСКИХ ЛОКАЛЬНЫХ
КОНФЛИКТОВ В ПОСТСОВЕТСКОМ ГОРОДЕ:
СТРАТЕГИЧЕСКАЯ ИНТЕРАКЦИОННАЯ ПЕРСПЕКТИВА**

Тыканова Елена Валерьевна

к.социол.н., старший научный сотрудник

*Социологического института Российской академии наук –
филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра
Российской академии наук, Россия, Санкт-Петербург
elenatykanova@gmail.com*

Хохлова Анисья Михайловна

к.социол.н., доцент факультета социологии

*Санкт-Петербургского государственного университета,
Россия, Санкт-Петербург
anisya_khokhlova@mail.ru*

**TRAJECTORIES OF LOCAL URBAN CONFLICTS IN A POST-
SOCIALIST CITY: A STRATEGIC INTERACTION PERSPECTIVE**

Elena Tykanova

*PhD of Sociology, Senior Research Associate,
of the Sociological Institute of the RAS – the Branch of the Federal Center of
Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences,
Russia, St. Petersburg, elenatykanova@gmail.com*

Anisya Khokhlova

*PhD of Sociology, Associate Professor
of the Faculty of Sociology, St. Petersburg State University,
Russia, St. Petersburg, anisya_khokhlova@mail.ru*

Аннотация

В статье осуществляется аналитическая реконструкция траекторий развития городских локальных конфликтов в крупном постсоветском городе. Исследуя три эпизода протестной мобилизации в Нижнем Новгороде с позиций стратегической интеракционной перспективы (Jasper and Duyvendak), авторы прослеживают влияние неформальных связей игроков, их предыдущего опыта, а также промежуточных побед и поражений в ходе каждого конфликта на последующий выбор ими

интерактивных арен, где разворачивается дискурсивная борьба за городские территории, а также интерпретируют исходы взаимодействий на этих аренах.

Abstract

This paper provides an analytical reconstruction of the trajectories local urban conflicts take in big post-Soviet cities. Examining three episodes of protest mobilization in the city of Nizhny Novgorod from strategic interaction perspective (Jasper and Duyvendak), the authors trace the influence of the players' informal bonds, their earlier experiences as well as interim wins and losses within each conflict upon their consequent choices of interaction arenas where discursive struggles over city territories unfold. They also seek to interpret the outcomes of interactions in these diverse arenas.

Ключевые слова: городской локальный конфликт; стратегическая интеракционная перспектива; игроки; арены; исходы

Keywords: urban local conflict; strategic interaction perspective; players; arenas; outcomes

В ходе реализации градостроительных проектов в крупных постсоветских городах жители зачастую сталкиваются с неожиданным и агрессивным вторжением в их повседневную среду, поскольку их голоса едва ли учитываются как при подготовке и обсуждении планов и бюджетов застройки/развития, так и на этапе принятия окончательных решений. Это вынуждает «разгневанных граждан» к протестной мобилизации и порождает многочисленные конфликты вокруг трансформации и использования локальных городских территорий.

Классической аналитической перспективой в изучении городских конфликтов считаются теории общественных движений [2; 3]. Здесь в фокусе внимания оказываются антагонистические отношения между политическими и экономическими элитами, директивно распоряжающимися городскими территориями, и активистами, которые, прибегая к поддержке экспертов, публичных

персон и широкой общественности, стремятся отстоять свое «право на город». Однако, поскольку эти теории нацелены преимущественно на изучение факторов институционализации протеста, который в итоге оформляется (или не оформляется) в полноценное общественное движение, они склонны рассматривать лишь эксплицитные и предельно политизированные протестные действия, выстраивать бинарные оппозиции между «сильными» и «слабыми» сторонами конфликтов, недооценивая реальное многообразие участников и сложность их отношений, недостаточно глубоко анализировать конкретные конфигурации и исходы их стратегических взаимодействий. Напротив, стратегическая интеракционная перспектива (SIP) [4; 5] позволяет более сбалансированно учитывать вклад всех «игроков», вовлеченных в процесс согласования интересов на микро- и макроуровне (органов власти, инвесторов, девелоперов, архитекторов, планировщиков, а также представителей городской общественности: инициативных (не)протестных групп горожан, градозащитных и правозащитных организаций, экспертных и гражданских инициатив и пр.), а также прослеживать динамику их взаимодействия на различных «аренах»: от залов суда до пикетов и митингов.

Используя SIP, мы анализируем эмпирические материалы, собранные в соответствии с логикой множественного кейс-стади в российском городе-миллионнике Нижнем Новгороде в январе-феврале 2020 г. В фокусе нашего внимания находятся три локальных конфликта, развернувшихся между 2012 и 2017 гг. вокруг (ре)девелопмента городских территорий: защита деревянных домов на Ильинской ул. от сноса, борьба против строительства аквапарка в Автозаводском парке культуры и отдыха и протест против расширения Молодежного проспекта в рамках подготовки к Чемпионату мира по футболу. Выбор этих случаев отражает общероссийские тенденции: по статистике, конфликты в больших городах чаще всего связаны с угрозами историко-архитектурному наследию, экологическими проблемами и развитием городской инфраструктуры, угрожающим качеству жизни граждан [1]. Опираясь на данные 22 полуструктурированных интервью с участниками конфликтов, а также

материалы традиционных и цифровых СМИ, мы показываем, на какие (взаимо)действия решались игроки на разных этапах конфликтов, какие ресурсы при этом использовали, как реагировали на действия других игроков, переключаясь с одной арены на другую, с какими дилеммами сталкивались, пытаясь найти компромиссный вариант распределения сил и средств между краткосрочными задачами (например, противодействие сносу здания здесь-и-сейчас, осуществление независимой экспертизы, оспаривающей законность решений чиновников и крупного бизнеса, или, наоборот, рекламирование проекта и отстаивание его правового статуса в ходе судебных разбирательств) и долгосрочными целями (отмена/реализация непопулярного градостроительного проекта или поиск компромиссных решений). Мы приходим к выводу, что в условиях непрозрачности коммуникации между игроками и множественности факторов, которые могут повлиять на развитие и исходы столкновений между ними (масштаб и бюджет градостроительного проекта, наличие взаимовыгодных альянсов между местными властями и представителями строительного бизнеса или, наоборот, раскол между ними, реконфигурация параметров структуры локальных политических режимов и пр.), горожане стремятся задействовать максимально широкий репертуар доступных им арен, надеясь, что их усилия оправдаются хотя бы на некоторых из них. Они также склонны выстраивать сети обмена информацией и опытом с другими горожанами, инициативными группами и политиками, готовыми лоббировать их интересы. В то время как власть имущие игроки обладают бесспорным преимуществом на институциональных аренах, активность протестующих на публичных аренах и, в частности, информационный резонанс вокруг конфликтов может сделать политические и экономические элиты более чувствительными к запросам горожан и – в ряде случаев – вынудить их легитимировать свои решения и действия в публичной сфере.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект РНФ № 18-78-10054) «Механизмы согласования интересов в процессах развития городских территорий».

This research is supported by the Russian Science Foundation (RSF № 18-78-10054) «Mechanisms of interests coordination in urban development processes».

Список литературы

1. Семёнов А.В. Корни травы: паттерны низовой городской мобилизации в России // Социологические исследования, 2019. № 12. С. 29-37.
2. Castells M. The city and the Grassroots: A Cross-Cultural Theory of Urban Social Movements. Berkley and Los Angeles: University of California Press, 1983. 380 p.
3. Jacobsson K. (ed.). Urban Grassroots Movements in Central and Eastern Europe. Farnham: Ashgate, 2015. 310 p.
4. Jasper J.M. Getting Your Way: Strategic Dilemmas in the Real World. Chicago: University of Chicago Press, 2006. 224 p.
5. Jasper J.M., Duyvendak J.W. (eds.) Players and Arenas. The Interactive Dynamics of Protest. Amsterdam: Amsterdam University Press, 2015. 322 p.

СРЕДА И ФОРМА ОБЪЕКТА, КОНТЕКСТЫ ВЗАИМОВЛИЯНИЯ НА ПРИМЕРЕ МОСТОВ

Устимчева Анастасия Алексеевна
Дизайнер

Байкова Екатерина Владимировна
доктор культурологии, профессор
Саратовского государственного технического университета
имени Гагарина Ю.А., Саратов, Россия

THE ENVIRONMENT AND THE FORM OF THE OBJECT, THE CONTEXTS OF INTERACTION ON THE EXAMPLE OF BRIDGES

Anastasia Ustimcheva
Designer

Catherine Baykova
Dr. of Cultural Studies, Professor,
Yuri Gagarin State Technical University of Saratov, Russia, Saratov

Аннотация

По своей природе все архитектурные объекты являются контекстуальными, потому что вписаны в определенные природные и искусственные условия. Это касается и таких архитектурных сооружений, как мосты, именно поэтому они были взяты, как примеры, как основа к данной проблематике [1-4]. Мосты по своей сути уникальные сооружения, как в плане конструктивной части, так и в плане эстетики и художественного образа. Архитектор, который проектирует мост должен очень ответственно подойти к внедрению данного объекта в окружающую среду места предполагаемой застройки, ведь мост не должен быть чужеродным, так как отчасти является, как бы продолжением естественного рельефа и в тоже время должен раствориться в воздухе, не быть громоздким. На данный момент конструктивная вариация мостов настолько развита, что уже не является основополагающим фактором при выборе образа моста, это дает больше вариантов для связи моста и среды. Однако и во время появления пер-

вых конструкций и во время их развития можно проследить за удачными слияниями искусственного объекта и природы. Взаимовлияния окружающей среды и мостов рассматриваются, как на примере мировых и общеизвестных сооружений, так и на примере города Саратова, так как в одном городе собрано несколько различных примеров мостов и сред, в которых они находятся.

Проанализировав разные виды мостов и окружающей их среды можно сделать вывод о том, что в большинстве случаев среда и сооружение представляют собой единое целое, оказывают друг на друга влияния и не так выразительно выглядят по отдельности. Это подтверждает то, что архитектурные объекты изначально являются контекстуальными и не могут рассматриваться без взаимосвязей с окружающей средой. Архитектору необходимо решить задачу данную задачу еще на этапе проектирования. Под окружающей средой может пониматься как естественная природа, так и самая разнообразная городская застройка. Поиск наиболее удачного соотношения моста со сложившимися городскими районами не подчиняется точным законам. Вопрос о том, как они должны соотноситься между собой, в разное время решался по-разному в зависимости от преобладающих эстетических взглядов. В настоящее время наблюдается тенденция к органичному включению новых построек либо в природный ландшафт, либо в существующий городской контекст. Для решения этой задачи необходимо выявить в сложившейся городской среде наиболее общие, типичные черты и затем сохранить эти черты в новом сооружении.

Список литературы

1. Овчинников И.Г., Инамов Р.Р., Бахтин С.А., Овчинников И.И. Висячие и вантовые мосты: эстетические проблемы. Саратов: СГТУ, 2002. 107 с. 5.
2. Овчинников И.Г., Ковырягин М.А. О типах и алгоритмах управления мостовыми конструкциями (статья) // Проблемы оптимального проектирования сооружений: сб. докладов IV Всероссийского семинара. Новосибирск: НГАСУ. 2002. С. 178-188.

3. Темнов В.Г. Конструктивные системы в природе и строительной технике. Л.: Стройиздат, 1987. 256 с.

4. Трошина М.К. Роль мостов в творчестве Сантьяго Калатравы // Студенческий вестник: электрон. науч. журн. 2020. № 22 (120). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://studvestnik.ru/journal/stud/herald/120>.

КОНСТРУИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОГО ЛАНДШАФТА ГОРОДА: ДИСКУРС ДЕТСТВО

Федотова Ольга Вячеславовна

*магистрант кафедры «Психология и прикладная социология»
Саратовского государственного технического университета
имени Гагарина Ю.А. Россия, Саратов
perervina1976@mail.ru*

SOCIAL AND CULTURAL DESIGN LANDSCAPE OF THE CITY: CHILDHOOD DISCOURSE

Fedotova Olga

*graduate student «Psychology and Applied Sociology»
Yuri Gagarin State Technical University of Saratov, Russia, Saratov
perervina1976@mail.ru*

Аннотация

Проблемы современного города в настоящее время связаны не только с его дисфункциональностью (нарушением) и глобальным ухудшением окружающей среды. В конце XX столетия произошло массовое бегство из городов и появилась новая реальность – феномена субурбанизации. Такие процессы получили активное развитие в основном в последние 15-20 лет. На сцену вышел протест среды обитания, агрессивной по отношению к ее потребителям.

Целью работы является определение понятия социально-культурного ландшафта города, интерпретация понятия «социокультурное пространство», реальные и идеальные пространства для детей в городской среде.

Методы исследования представлены включенным наблюдением и социологическим опросом родителей, представителей старшего поколения и молодежи.

В статье описывается развитие исследований в социологии на тему «социально-культурный ландшафт города», его значимости для детей, анализируется реанимированный в 1995 году проект «Взросление в городах» инициированный Кевином Линчем (1970-е гг.), специалистом в области городского планирования.

Abstract

The problems of the modern city today are not only related to its dysfunctionality (violation) and global environmental degradation. At the end of the XX century, there was a mass flight from cities and a new reality appeared-the phenomenon of suburbanization. Such processes have been actively developed mainly in the last 15-20 years. A protest of the environment that is aggressive towards its consumers took the stage. The purpose of the work is to define the concept of the socio-cultural landscape of the city, to interpret the concept of «socio-cultural space», real and ideal spaces for children in the urban environment. The research methods are presented by the included observation and a sociological survey of parents, representatives of the older generation and young people. The article describes the development of research in sociology on the topic «socio-cultural landscape of the city», its significance for children, analyzes the project «growing Up in cities» initiated in 1995 by Kevin Lynch (1970-s), a specialist in urban planning.

Ключевые слова: социальное пространство; социокультурное пространство; социально-культурный ландшафт города; доступная среда

Keywords: social space; socio-cultural space; socio-cultural landscape of the city; accessible environment

В классической социологии пространство делится на две части: социальная морфология и изучение социальной интерпретации пространства. Ученик Э. Дюркгейма М. Хальбвакс рассматривал пространство как социальную конструкцию. Он писал: «Речь идет о построении пространства и времени, а не о фиксации индивидуальных воспоминаний – «ориентиров», на которые направлена основная работа общества по формированию коллективной памяти [1, с. 20]. Социальное пространство можно соотнести с двумя взаимосвязанными понятиями – «социальное пространство» и «культурное пространство». Если обобщить все определения, можно сказать, что социальное пространство – это территория, набор социальных статусов, форма развития общества.

Социальное пространство Г. Зиммеля – это социальная дистанция (пространство, контролируемое человеком), в которой люди и социальные группы взаимодействуют друг с другом [2, с. 123]. П. Бурдьё говорил, что социальный мир может быть представлен в виде многомерного пространства, основанного на принципах разделения и распределения и сформированного существующими свойствами в социальной вселенной» [3, с. 15]. Он рассматривал социальное пространство как поле, где агенты могут занимать разные позиции. В своей четырехтомной работе «Социальная и культурная динамика» П. Сорокин ставит понятие «общество» рядом с культурой, так же как «социальный» и «культурный» образуют единый социокультурный [4]. «Социокультурное пространство» является частью социального, а «социокультурное пространство» может быть частью культурного.

В Италии, начиная с XVI века, город больше не является результатом строительных работ, а, скорее, жилым пространством, которое требует особого художественного регулирования. Итальянские теоретики объединили два жилых пространства – квартиру и город, оба из которых были интерпретированы как пространственное окружение. Рассматривая город как дом, «итальянцы» определили два типа общественных и частных пространств [5, с. 29]. В Англии в конце XVII века город воспринимался как среда, окружающая человека, больше похожая на среду обитания. В Англии в начале 18-го века среда обитания человека рассматривалась как система, состоящая из естественной и искусственной среды, причем приоритет отдается естественному приоритету. Природный культ У. Хогарта и Шефтсбери получил новое направление, определенное как ландшафтное и парковое искусство [6]. Л. Браун, последователь У. Хогарта и лидер его идей о жизни, живописно изменил все регулярные парки Англии. В Англии ландшафтные парки становятся наиболее важными репрезентативными пространствами (в Лондоне – Regencystark, St. James Park, в Эдинбурге – Ботанический сад, Meadow Park и др.). Выделились основные элементы города (парк, сад, площадь). Во Франции было принципиально иное направление. Р. Декарт не признал эволюционное развитие города, он говорит и

отдает предпочтение единовременным спланированным поселениям [8]. Высшей точкой в развитии теоретических основ городской культуры в XVII и XIX веках была работа О. Вагнера. Она заложила основы урбанической градостроительной культуры в XX веке [7].

Культурное пространство – это форма, в которой протекает жизнь культуры. Наиболее яркое воплощение культурное пространство находит в городском ландшафте. Здесь человек и культура создают единое поле взаимосвязей окружающего мира.

Культурный ландшафт города – это способ присвоения, социальной организации и структурирование пространства обитания людей. Содержанием культурного ландшафта города выступают ценности, нормы и поведенческие эталоны. Сегодня основные приоритеты в сфере городской культуры: доступность культурных благ для всех жителей города, повышение конкурентоспособности учреждений культуры на рынке, рост влияния культуры на социально-экономическое развитие города и формирование привлекательного имиджа города средствами культуры.

Ценностные ориентиры современного горожанина обусловлены нынешней установкой всего общества. Это стремление к обогащению, комфортной жизни. Территория города структурируется такими факторами, как престиж, которым пользуется тот или иной район, рыночная конъюнктура, определяющая стоимость жилья, пространственное сосредоточение отдельных сфер деятельности, что влияет на выбор места жительства представителям различных профессий и социальных слоев. Идеал «городской среды» часто обозначается коллективным термином «Запад», где отмечается так же большее присутствие детей в городском пространстве: на улицах, на общественном транспорте, в музеях, библиотеках. Городское пространство «там» представлено как легкодоступное для взрослых с детьми, что позволяет совмещать работу и материнство, а также отдых/досуг.

А. А. Бесчастная подчеркивает: «Дети как структурный элемент социально-территориального сообщества конкретного города играют или изме-

няют ранее определенную модель жизни в нем, а также в детстве планируется направление дальнейшего развития города» [9, с. 27]. Был выдвинут ряд инициатив: создание городской среды, в которой дети (до 18 лет) могли бы свободно передвигаться, встречаться с друзьями, участвовать в культурной жизни города. Повысить комфорт городской среды и доступность объектов социальной инфраструктуры, строительство детских площадок, которое поможет повысить уровень жизни и здоровья горожан, научить разнообразию потребностей людей.

Для решения проблемы благоустройства территорий многоквартирных домов президент РФ В.В. Путин поручил разработать проект программы создания комфортной городской среды, извлечь максимальную пользу из которого должны собственники жилья в многоквартирных домах. Основная цель приоритетного проекта «Формирование комфортной городской среды» – создание условий для системного повышения качества и комфорта городской среды на всей территории России путем реализации ежегодно (в период с 2017 по 2020 годы) комплекса первоочередных мероприятий по формированию современной комфортной городской среды в регионах России. Около 70 % федерального бюджета, выделенного в 2017 году в рамках программы «Формирование комфортной городской среды», направлено на благоустройство дворов.

В рамках строительства территории муниципалитеты устанавливают и модернизируют детские, спортивные площадки, благоустраивают дворы, проводя отделочные работы. Строительство детских площадок выглядит как важный акцент, способствующий продвижению семейной жизни и семейных ценностей.

Однако очевидно, что подходы, принятые за основу в этих проектах во многих городах России, не соответствуют современным требованиям и сами нуждаются в реконструкции и обновлении [10].

Так, по результатам маркетинговых исследований, проводимых компаний КБ «Стрелка», россияне продолжают оставаться консерваторами. Горожане

больше всего ценят безопасность, экологичность и размеренность повседневной жизни. Свойственный мегаполисам активный ритм, пребывание в центре событий чаще всего воспринимаются негативно. При этом треть хочет ходить на работу пешком [11, с. 157-167].

Главным принципом организации придомовой территории является формирование функционального зонирования, учитывающего современные потребности жителей и удовлетворяющего всем градостроительным нормам и требованиям. Спортивные и детские площадки рекомендуется сделать комбинированными с учетом интересов и потребностей детей различных возрастов.

Отправной точкой развития городов, ориентированных на детей, а также предпосылкой географического поворота в социологических исследованиях детства стал проект «Взросление в городах» (1970-е гг.), инициированный Кевинном Линчем, специалистом в области городского планирования. В 1995 г. проект был «реанимирован» и запущен уже в восьми странах при поддержке программы ЮНЕСКО («Management of Social Transformation»), Норвежского центра детских исследований и других организаций. Проект «Взросление в городах» позволил собрать обширный материал о том, как дети используют и оценивают городские пространства.

Одним из инициативных проектов Детского фонда ООН (ЮНИСЕФ) стал проект по созданию городов, дружественных к детям, разрабатываемый с 2002 г. К. Малоуном. В 2007 г. меморандум с ЮНИСЕФ подписало Правительство г. Москвы. В 2010 г. еще 17 российских городов подписали меморандум о включении в реализацию данного проекта. Российский рейтинг городов, доброжелательных к детям, основывается на трех индексах – «Жизненная среда», «Возможности индивидуального развития», «Забота о здоровье». Разработчики российского форсайт-проекта «Детство 2030» добавили к общепринятым принципам дизайна городской среды (полезность, функциональность, удобство, рентабельность, экологичность, красота) новый принцип «childrenability», суть которого заключается в переосмыслении городского пространства в пользу детства.

Исходя из вышесказанного, город должен создавать пространства для разного рода детских активностей. Дети, как и взрослые, имеют право на «свои» места в городе. В большей степени это касается подростков, т. к. для детей дошкольного и младшего школьного возраста такими пространствами являются дворы с расположенными на них детскими площадками.

Наиболее активно в данном поле работают урбанисты, которые, с одной стороны, сотрудничают с органами власти, с другой – активизируют населения, вовлекая его в акции по благоустройству городских территорий. Идея нового урбанизма организации города для людей, живого и комфортного представляется важной для развития городской доброжелательности к детям.

Список литературы

1. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М.: Новое издательство, 2007, 348 с.
2. Гусев А.Н. Категория социальной дистанции в творчестве Г. Зиммеля // Социологические исследования. 2009. № 4. С. 21-25.
3. Бурдьё П. Социология социального пространства. М. СПб.: Ин-т экспериментальной социологии: Алетейя, 2007. 288 с.
4. Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика. М.: Астрель, 2006. 11176 с.
5. Гофман А.Б. Социально-социокультурное – культурное: историко-социологические заметки о соотношении понятий «общество» и «культура» // Социологический ежегодник: сб. науч. тр. / ред. и сост. Н.Е. Покровский.
6. Шефтсбери А. Эстетические опыты. М., 1975.
7. Вагнер О. Современный город. Л., 1932.
8. Декарт Р. Избранные произведения. М., 1950.
9. Бесчастная А.А. Паттерны урбанического детства как отражение многообразия повседневности городских детей // Общество: социология, психология, педагогика. 2016. № 1. С. 27.

10. Проект Россия. Казань Татарстан. Журнал № 81 [Электронный ресурс].
Режим доступа: <http://prorus.net/archiv/pr81/>.

11. Сорокин П.А. Общество, культура и личность: их структура и динамика. Система общей социологии (главы из книги) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11. Социология. М., 2010. № 3. С. 157-167.

КУЛЬТУРНАЯ ПАМЯТЬ ГОРОДА: РИСКОГЕННЫЙ АСПЕКТ

Фоменко Наталья Леонидовна
кандидат социологических наук, доцент
Саратовского государственного технического университета
имени Гагарина Ю.А. Россия, Саратов

CULTURAL MEMORY OF THE CITY: A RISCOGENIC ASPECT

Natalia Fomenko
PhD of Sociology, Associate Professor
Yuri Gagarin State Technical University of Saratov, Russia, Saratov

Аннотация

В статье рассматриваются теоретические основания понятия культурная память города, общества риска, приводится анализ различных подходов к классификации рисков и общества риска.

Abstract

The article discusses the theoretical foundations of the concept of cultural memory of the city, risk society, and analyzes various approaches to the classification of risks and risk society.

Под понятием «риск», происходящим от латинского *resēcō* – «отсекать», «сокращать» или древнегреческого *ρίζικόν* – «опасность», принято понимать сочетание определенной вероятности и последствий возникновения неблагоприятных событий. Рисками нередко называют предполагаемое событие, которое может привести к какому-либо ущербу или убытку.

Риски выступают характеристикой ситуаций, которые имеют неопределенный исход, при обязательных неблагоприятных последствиях. Риски в узком смысле представляют собой количественную оценку опасностей, которые определяются как частота одних событий при наступлении других.

Риском являются неопределенные события или условия, которые в случае возникновения могут иметь негативное или позитивное влияние на репутацию организации, могут привести к приобретению или потере в денежном выражении. Риски могут быть представлены как вероятности возможных нежелательных потерь чего-либо при неблагоприятном стечении обстоятельств. Также риском может быть вероятность утрата контроля над опасным фактором, влекущая серьезные последствия. Риски можно описать ставкой в тех случаях, когда объектами воздействия риска выступают неделимые объекты инвестирования (в том числе, инвестированные капиталы в финансах), если такие поступления могут быть восприняты как прибыль (как желаемое восприятие ставки доходности долговых и долевого инструментов, не учитывая транзакционных и другие издержки), при этом может быть обеспечена возможность оценить риск как разность между оценками доходности (в процентах) и оценками риска (в процентах). Отсутствие специального учета специфики сделок, или при нефинансовых оценках, описание рисков как процентных ставок, как «вероятности», может привести к ошибкам в управлении. Риски могут измеряться в денежных единицах при экономических расчетах. Так как при технических расчетах риски измеряются в натуральных единицах, то они должны переводиться в денежные, для того чтобы обеспечить сопоставимость при экономических расчетах.

Существует большое количество независимых подходов к классификации рисков. Технические риски представляют собой вероятности в отказе технических устройств с возможными последствиями определенных уровней (классов) за какое-либо время функционирования производственного объекта, который может быть опасным. Индивидуальные риски представляют собой частоту поражений отдельных людей в результате влияния изучаемых факторов опасностей аварий. Потенциальные территориальные риски (или потенциальные риски) представляют собой частоту реализации поражающих факторов аварий в определенной точке территории. Как частный случай территориальных рисков может быть представлены экологические риски, выражающие возможность

экологических бедствий, катастроф, нарушений в дальнейшем нормальном функционировании и существовании экологических систем и объектов после антропогенных вмешательств в природную среду или стихийных бедствий.

Коллективными рисками (групповыми, социальными) являются риски, связанные с проявлениями опасности какого-либо вида для коллективов, групп людей, для определенных социальных или профессиональных групп людей. Частными случаями социальных рисков выступает, например, экономический риск, определяемый соотношением пользы и вреда, которые получает общество от рассматриваемых видов деятельности.

Приемлемыми (допустимыми) рисками аварий являются риски, степень которых допустима и обоснована на основании социально-экономических представлений. Риски эксплуатации объектов могут быть приемлемыми, если для выгоды, которая получается от эксплуатации объектов, общество готово пойти на такие риски. Так, под приемлемыми рисками следует понимать некоторые компромиссы между степенью безопасности и возможностью ее достижения. Величина приемлемых рисков для разных обществ, социальных категорий, отдельных людей может быть различной. В последнее время принято считать, что при последствиях техногенных опасностей в целом индивидуальные риски считаются приемлемыми, если их величина не более 10^{-6} .

Профессиональные риски представляют собой риски, которые связаны с профессиональной сферой деятельности человека.

Под нанориском (10^{-9}) принято понимать особые виды риска, которые связаны с формированием и разработкой, исследованиями, использованием наноматериалов и нанотехнологий, в том числе и синергетический эффект.

Большинство современных рисков усиливаются под влиянием процессов глобализации, проявляющихся всемирной интеграции и унификации в таких сферах как экономическая, политическая, культурная и религиозная.

Суждения о глобальном обществе были высказаны еще древнегреческим мыслителем Диогеном, применявшим определение космополита, то есть граж-

данина мира или гражданина космополии (общества мира). Во взглядах населения Китая, Монгольской империи Чингисхана, Средней Азии, особое место принадлежало идее Поднебесной, то есть всей Земли «под Небом» и человеческого социума, который существовал на ее просторах. В последнее время теория глобального общества активно развивалась И. Валлерстайном.

Глобализация выступает как характерная черта процессов по изменению структуры мировой экономики и хозяйства, рассматриваемых в виде совокупности национальных хозяйств, которые связаны друг с другом международным разделением труда, экономическими и политическими отношениями, за счет их включения в мировой рынок и глубокого переплетения экономических составляющих на основе транснационализации и регионализации. Такая база является основой для формирования единой межгосударственной рыночной сетевой экономики, называемой также геоэкономикой, ее инфраструктуры, изменений и трансформации национального суверенитета тех государств, которые являются основными действующими лицами в международных отношениях на течение многих столетий. Процессы глобализации могут иметь следствием эволюцию государственно оформленных рыночных систем.

Главные последствия этого выражаются в мировом разделении труда, миграции (и, как правило, концентрации) в масштабах всего мира капитала, миграции рабочей силы, ресурсов, введение стандартов в законодательстве, экономических и технологических процессах, а также общее сближение и нередко слияние культур и традиций различных стран и народов. Все это является объективным процессом, носящим системный характер, охватывающим большинство сфер жизни и деятельности общества. Под влиянием глобализации мир становится все более связанным и зависимым от существующих субъектов.

Происхождение глобализации вызывает немало дискуссий. Представители исторической науки оценивают данный процесс как одну из стадий в развитии капитализма. Экономисты ориентируются на транснационализацию финансовых рынков. Распространение демократических принципов находится в центре

внимания политологов. Культурологами возводится происхождение глобализации от вестернизации культуры, в том числе под влиянием американской экономической экспансии. Процессы глобализации объясняются также информационно-технологическими подходами. Принято различать политическую и экономическую глобализацию. Субъектом глобализации является регионализация, которая дает сильный кумулятивный эффект для развития мировых полюсов технологического и экономического развития.

Список литературы

1. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000.
2. Гидденс Э. Судьба, риск и безопасность // THESIS. 1994.
3. Гидденс Э. Ускользящий мир. Как глобализация меняет нашу жизнь. М.: Весь мир, 2004.
4. Говорухина К.А. Информационно-коммуникационные технологии в контексте глобализации и информационной безопасности // Вестник Поволжской академии государственной службы. 2010. № 4 (25). С. 28-34.
5. Ефременков К.М. Экологические последствия глобализации // Вестник Тверского государственного университета. Сер. Философия. 2014. № 2. С. 108-117.
6. Жабина В.В. Риски инновационной трансформации общества в условиях глобализации // Философия и культура. 2011. № 6 (42). С. 20-30.
7. Иванов О.Б. Глобальные риски современного мира. Кризис глобализации // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. 2018. № 1. С. 7-29.
8. Романовская Е.В., Фоменко Н.Л. Идентичность и коммеморация // Власть. 2015. № 7. С. 37-45.
9. Фоменко Н.Л. Педагогика диалога и пути ее реализации в российской педагогике XXI века // Россия – СССР в условиях реформ и революций XX-XXI вв.: материалы Междунаор. науч. конф. Саратов: Амирит, 2016.

**ПРИМЕНЕНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ
ПРИ ВОССТАНОВЛЕНИИ ИСТОРИЧЕСКИХ ЗДАНИЙ
ПРАВОСЛАВНЫХ ХРАМОВ**

Чебан Аника Николаевна
преподаватель кафедры
«Инженерное оборудование зданий»
Московского архитектурного института
(государственная академия), Россия, Москва
7210869@gmail.com

**APPLICATION OF MODERN TECHNOLOGIES
IN THE RESTORATION OF HISTORICAL BUILDINGS
OF ORTHODOX CHURCHES**

Anika Cheban
Senior Lecturer of the Department
«Engineering Equipment of Buildings»,
Moscow Institute of Architecture
(State Academy), Russia, Moscow
7210869@gmail.com

Аннотация

Сегодня в России ведется активное строительство зданий православных храмов в рамках «Программа 200 храмов», которую инициировал в 2009 году патриарх Московский и всея Руси Кирилл. Новые здания храмов становятся неотъемлемой частью современного и исторического городского ландшафта, а исторические здания православных храмов перестают быть частью города. Для сохранения культурного наследия для будущих поколений необходимо разработать архитектурно-инженерные методы, которые позволят архитекторам и инженерам восстанавливать исторические здания храмов, делая их частью современного городского ландшафта.

Abstract

Today, Russia is actively building Orthodox churches as part of the «200 churches Program», which was initiated in 2009 by Patriarch Kirill of Moscow

and all Russia. New Church buildings are becoming an integral part of the modern and historical urban landscape, and historical buildings of Orthodox churches are no longer part of the city. To preserve the cultural heritage for future generations, it is necessary to develop architectural and engineering methods that will allow architects and engineers to restore the hysterial buildings of temples, making them part of the modern urban landscape.

Ключевые слова: инновации, храмы, исторические здания, энергоэффективность, энергосбережение

Keywords: innovation, temples, historic buildings, energy efficiency, energy conservation

Современные строительные и инженерные технологии позволяют не только строить новые современные здания православных храмов, проводить их восстановление, не нарушая исторического облика, но и контролировать расход энергоресурсов.

Применение инновационных инженерных технологий при восстановлении исторических зданий православных храмов позволяет сократить расходы на эксплуатацию и потребление энергоресурсов.

Роль инновационных технологий при эксплуатации храмов:

- новые энергоэффективные строительные материалы позволят уменьшить теплоэнергопотребление;
- современное инженерное оборудование позволит создать комфортные условия внутри здания, анализируя внутренние и наружные параметры воздуха (температуру, влажность, скорость и направление ветра, чистоту воздуха), тем самым сокращая коммунальные расходы при эксплуатации здания;
- современное программное обеспечение позволит контролировать и обеспечивать безопасность состояния строительных конструкций и всех инженерных систем без постоянного присутствия человека, что значительно снизит эксплуатационные расходы.

Задача архитектора и инженера – не просто сохранить здание православного храма, но и позволить его использовать как музей или как действующий православный храм, в котором будут проводиться христианские обряды.

Современное инженерное оборудование позволяет сократить расходы, но, к сожалению, безграмотная эксплуатация этого оборудования не уменьшает, а увеличивает коммунальные и энергетические расходы.

Для того чтобы избежать ненужных расходов при эксплуатации здания, необходимо:

- установить датчики контроля для отслеживания наружных параметров воздуха: температуры воздуха, скорости и направления ветра, влажности;
- установить датчики контроля для отслеживания внутренних параметров воздуха в помещениях храма: температуры воздуха, чистоты воздуха, содержания влаги и количества людей (туристов и прихожан);
- предусмотреть установку отдельных вытяжных устройств от свечей, так как свечи являются источником копоти, влаги и избытков тепла;
- установить программное обеспечение, которое позволит учитывать всю собранную информацию, передавать ее на главный компьютер и регулировать работу всех инженерных систем.

Для уменьшения финансирования на восстановление внутренних и наружных ограждающих конструкций необходимо установить также датчики контроля, которые позволят отслеживать изменения в конструкциях и также передавать данные на главный компьютер.

Важно, чтобы программное обеспечение работало в режиме онлайн и передавало полученные данные без задержек. Но провода, которые подводятся к датчикам, являются угрозой для внутренних интерьеров исторических зданий храмов. Для уменьшения количества проводов к датчикам контроля, установленным на внутренних и внешних поверхностях ограждающих конструкций, развитие интернета и современных технологий позволило использовать беспроводную сеть wi-fi. Использование беспроводной сети позволяет минимизировать влияние современных технологий на образ храма.

Подводя итоги, можно сказать, что использование современных инновационных строительных и инженерных технологий позволяет оптимизировать теплоэнергопотребление при восстановлении исторических зданий православных храмов, что делает их энергоэффективными.

Список литературы

1. Чебан А.Н. Системы интеллектуального управления зданиями православных храмов [Электронный ресурс] // Architecture and Modern Information Technologies. 2019. № 3 (48). С. 281-292. Режим доступа: https://marhi.ru/AMIT/2019/4kvart19/18_cheban/index.php (дата обращения 18.09.2020).
2. Табунщиков Ю.А. Интеллектуальные здания [Электронный ресурс] // АВОК. 2001. № 3. С. 6-9. Режим доступа: https://www.abok.ru/for_spec/articles.php?nid=125 (дата обращения 18.09.2020).
3. Есаулов Г.В. Православный храм: архитектура и инженерия [Электронный ресурс] // АВОК. 2017. № 2. С. 4-10. Режим доступа: https://www.abok.ru/for_spec/articles.php?nid=6602 (дата обращения 18.09.2020).
4. Чебан А.Н. Возобновляемые источники энергии в зданиях культовой архитектуры (Зарубежный опыт) [Электронный ресурс] // АВОК. 2017. № 2. С. 20-23. Режим доступа: https://www.abok.ru/for_spec/articles.php?nid=6604 (дата обращения 26.09.2020).
5. Чебан А.Н., Вьялицин С.Р. Тепловизионное обследование православных храмов [Электронный ресурс] // АВОК. 2018. № 7. С. 72-75. Режим доступа: https://www.abok.ru/for_spec/articles.php?nid=7031 (дата обращения 18.09.2020).

ДОСТУПНОСТЬ СРЕДЫ В РЕФЛЕКСИИ ГОРОДСКИХ ДВИЖЕНИЙ

Чернецкая Анжела Альбертовна

*к.социол.н., доцент кафедры «Философия, социология, психология»
Саратовского государственного технического университета
имени Гагарина Ю.А., Россия, Саратов
acherneckaya@mail.ru*

AVAILABILITY OF THE ENVIRONMENT IN THE REFLECTION OF URBAN MOVEMENTS

Anzhela Chernetskaya

*PhD of Sociology,
Associate Professor of the Department of «Philosophy,
sociology, psychology»
Yuri Gagarin State Technical University
of Saratov, Russia, Saratov
acherneckaya@mail.ru*

Аннотация

В данном тексте представлена попытка обоснования пространства урбанистической среды в аспекте мобильности городских движений. Городская среда, допуская, обеспечивая определенный уровень мобильности и соответствующие ему формы активности, производит соответствующий образ жизни. Нас интересует, как праздник и другие события и мероприятия формировали ранее аспекты доступности и мобильности и как с течением времени меняется эта рефлексия, какие исторические аспекты, связанные с доступностью, реконструируют городские движения.

Abstract

This text presents an attempt to substantiate the space of the urbanistic environment in terms of the mobility of urban movements. The urban environment, allowing, providing a certain level of mobility and corresponding forms of activity, produces an appropriate way of life. We are interested in how the holiday, reenactment and other

movements have previously formulated aspects of accessibility and mobility and how this reflection changes over time. What are the historical aspects of accessibility that reconstruct movements.

Ключевые слова: городское пространство; городские движения; проектная активность; рефлексия

Keywords: urban space; urban movements; project activity; reflection

Городские движения мы рассматриваем в динамике как процессы, развивающиеся в условиях определенного времени и места, опосредованные и отчасти предопределенные этими условиями, а в статике – как инициативные группы с разной степенью институционализации. В формировании доступности городской среды мы выделяем несколько групп таких акторов:

- профильные НКО, у которых «городское движение» прописано в уставных документах;
- местные сетевые сообщества горожан, например, «типичный Саратов»; – креативные сообщества, Фестиваль документальной мелодрамы «Саратовские страдания»;
- профессиональные сообщества, например, архитекторов в рамках конкурса предпроектных концепций благоустройства «Изменим город вместе. 2019». Блок близок к предыдущему: в обоих случаях объединяют усилия профессионалы креатива. Вместе с тем по уровню самоорганизации и продуктивности совместных действий, кинодокументалисты в гораздо большей степени представляют собой движение, социокультурную мобильность;
- проектные группы, существование которых определено жизненным циклом конкретного проекта.

В анализе их активности мы сделали акцент на понимании доступности городской среды, основных концептах и действиях инициативных групп¹.

¹В исследовании задействованы открытые интернет-источники и материалы отчетов по проектам, предоставленные БФ «Александр Невский».

Изучив гражданские инициативы разной степени институционализации, которые ставили перед собой задачи, связанные с доступностью городской среды в г. Саратове в течение последнего десятилетия, мы обнаружили, что наиболее часто доступность, комфортность города в социальных проектах инициативных групп и НКО операционализируется через открытость. Открытость как слово и символ входит в состав названий, слоганов, целей и задач, основных результатов деятельности. Вместе с тем мы обнаружили, что проекты последних пяти лет в значительной мере повторяют, а иногда воспроизводят на уровне текстов проекты прежних лет.

Анализ ситуации позволяет сделать несколько предположений в ее интерпретации: плагиат, неосведомленность и низкий уровень проектной культуры, с одной стороны, долгосрочный результат-эффект, показатель успешности, масштабирование реализованных проектов независимо от разработчика проектной идеи – с другой стороны. С третьей стороны, самостоятельную роль играет и глубинная природа метафоры открытости, которая, как «муза», вдохновляет, продуцирует новые независимые идеи во взаимодействии с урбанистической средой.

Большинство рассмотренных проектов поддержано именно местными, региональными структурами власти и бизнеса, неформальными сообществами, горожанами. Таким образом, символическая ценность открытости городского пространства понятна, операциональна, разделяема локальным городским сообществом и является важной составляющей в понимании доступности и комфортности городской среды.

Список литературы

1. Городские движения России в 2009-2012 годах: на пути к политическому / под ред. Карин Клеман. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 544 с.
2. Слонов Н.Н., Фокина Т.П. Саратов и выбор Дао // Саратов: повторение и различие. Обнинск: Институт муниципального управления, 2005. С. 147-159.

3. Открытый город как метафора и проект / Фокина Т.П., Кузнецова В.А., Кузнецов Г.Г., Чернецкая А.А. // Искусство и власть в пространстве города: материалы 2-й Межрегиональной научно-практической конференции. Саратов: ИЦ «Наука», 2012. С. 137-147.

4. Ярская-Смирнова Е.Р., Ярская В.Н. Социальная сплоченность: направления теоретической дискуссии и перспективы социальной политики // Журнал социологии и социальной антропологии. 2014. № 4. С. 41-61.

КАПИТАЛ ЗДОРОВЬЯ В КОНФЛИКТНОМ ПОЛЕ РОССИЙСКОГО ЗДРАВООХРАНЕНИЯ¹

Черняева Татьяна Ивановна

*доктор социологических наук, профессор кафедры
экономической психологии и психологии государственной службы
Поволжского института управления имени П.А. Столыпина –
филиала РАНХиГС, Россия, Саратов
tatcher@yandex.ru*

HEALTH CAPITAL IN THE CONFLICT FIELD OF RUSSIAN HEALTH CARE SYSTEM²

Tatiana Chernyaeva

*Dr. of Sociology, Professor of the Department
of Economic Psychology and Psychology of Public Service,
Stolypin Volga Region Institute of administration,
the branch of Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration, Russia, Saratov
tatcher@yandex.ru*

Аннотация

Целью работы является определение возможностей увеличения капитала здоровья в конфликтном поле российского здравоохранения. Анализируются итоги реализации национальных проектов и программ в условиях пандемии. Выделяются основные конфликтные поля российского здравоохранения на основе вторичного анализа российской статистики и данных социологических опросов.

Abstract

The aim of the work is to identify opportunities to increase the capital of health in the conflict field of Russian health care. The results of the implementation of national projects and programs in the conditions of the pandemic are analyzed. The

¹Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ – проект 19-29-07559 «Транзит, обмен, развитие: динамика человеческого капитала в сельских поселениях в условиях депопуляции и роста возвратной миграции (на примере Центрального федерального округа РФ)».

²This work was carried out under the RFBR grant 19-29-07559 «Transit, exchange, development: human capital dynamics in rural settlements under conditions of depopulation and growth of return migration (on the example of the Central Federal District of the Russian Federation)».

main conflict fields of Russian health care are highlighted on the basis of secondary analysis of Russian statistics and expert interviews.

Ключевые слова: капитал здоровья; конфликт; управление конфликтами; поле российского здравоохранения

Keywords: health capital; conflict; conflict management; Russian health care field

Популярная в экономике концепция человеческого капитала в последние годы становится трансдисциплинарной, наращивая содержательные компоненты и объяснительный потенциал. В центре наших рассуждений – капитал здоровья как стержневой фактор человеческого капитала.

В работах М. Гроссмана капитал здоровья представлен в терминах жизненного запаса, накопления, блага / товара длительного пользования [5], который мы расходует и накапливаем в процессах производства-потребления. С возрастом ценность здоровья возрастает, и, как правило, человек начинает задумываться об инвестициях в свое физическое, психическое, социальное, духовное Я.

Огромную роль в получении отдачи от этих инвестиций играет социальная сфера в целом и здравоохранение, в частности. Более того, в рамках российских процессов модернизации и оптимизации именно институт здравоохранения назначен ответственным за смертность и рождаемость, профилактику и лечение, сохранение и накопление капитала здоровья на конкретных территориях России.

Очевидно, что в той или иной степени на это влияют сами граждане; медицинские организации разных форм собственности – с их культурой, технологиями, персоналом, управленческими практиками, финансовой состоятельностью; организации и альтернативной медицины, целители; поставщики медоборудования и фармацевтические компании; ТФОМС и страховые фирмы; образовательные организации; суды; государство, включая контрольно-надзорные органы; разнообразные посредники, включая медийные структуры; общественные объединения; волонтерские солидарности; правозащитные организации, обще-

ственные объединения пациентов или их родственников; профессиональные объединения; Разноуровневые коммуникации по поводу здоровья выстраиваются в общем русле укорененных культурных паттернов пациентов: готовность к патернализму; недостаточная комплаентность (порой и отсутствие); надежда на волшебную таблетку и быстрое излечение; недоверие к бюджетной медицине; ориентация на прошлый опыт успешного самолечения и самоназначения медицинских препаратов; а также популярность административных методов восстановления справедливости – жалоб.

По данным Росздравнадзора, число обращений граждан, не удовлетворенных качеством оказанной медицинской помощи, ежегодно растет. В отчете «Итоги деятельности Росздравнадзора в 2019 году» приводятся такие данные: в 2018 году было зарегистрировано 89751, а в 2019 – 95518 обращений граждан. Круглосуточно работает бесплатная «Горячая линия» Росздравнадзора по соблюдению прав граждан в сфере охраны здоровья. Примерно по 33 % обращений принимаются оперативные решения в течение 24 часов [1]. В 2019 году резко возросли показатели восстановления прав граждан на получение качественной и безопасной медицинской помощи, и лекарственного обеспечения – 15038 против 7572 в 2018 году. Сравним со статистикой 2015 года. Восстановлено право на получение качественной и безопасной медицинской помощи 5086 гражданам [2]. Эти данные могут свидетельствовать как о повышении качества проверок, так и о сохранении негативных тенденций в самой системе здравоохранения, которые приобретают определенную устойчивость, повышая конфликтный потенциал поля здравоохранения.

Пандемия 2020 года существенно изменила не только порядок коммуникации в поле здравоохранения, но и саму конфигурацию трудовой деятельности и повседневной жизни. По данным Росстата, среднедушевые денежные доходы населения во 2 квартале 2020 года снизились по сравнению с тем же периодом 2019 года с 34513 до 32854 рублей в месяц. Численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума в целом по Российской

Федерации во 2 квартале 2020 года увеличилась по сравнению с тем же периодом 2019 года с 18,6 до 19,6 млн человек [3].

Проведенный холдингом «Ромир» в сентябре 2020 года опрос россиян по удовлетворенности медицинскими услугами показал, что граждане с высоким уровнем дохода более удовлетворены качеством и доступностью медицинской помощи по сравнению с низкодоходными группами (59 % респондентов с низким доходом оценивают качество медицины как плохое или очень плохое, в группе высокодоходных такие оценки дали 25 % респондентов). Отметим, что в опросе участвовали 1500 респондентов старше 18 лет из всех типов населенных пунктов всех субъектов РФ. Радует то, что даже несмотря на коронавирус, достаточное число россиян удовлетворены состоянием своего здоровья – их оказалось 71 %. В 2003 году только 52 % опрошенных были довольны своим здоровьем. Еще одно заключение из опроса «Ромир» – потребительский имидж российской медицины хуже, чем реальная ситуация в здравоохранении [4].

В 2020 году такая ситуация во многом поддерживается алармистскими сообщениями российских медиа. Каждый день до сведения россиян доводится число заболевших и умерших, экспертные мнения о недостаточной надежности вакцины, конфликтные позиции международных организаций. Но основания конфликтов заложены в самой системе – медикалистские дискурсивные практики не позволяют соответствовать рыночному фокусу на клиенте; внедрение инфокоммуникативных технологий и 4P медицины наталкивается на низкую информационную грамотность персонала и населения; противоположные, а иногда и конфликтные интересы агентов поля согласуются в пространстве блуждающих туманов; ужесточение контроля порождает хитроумные тактики по максимизации собственной выгоды.

Сохранение и накопление капитала здоровья возможно лишь при отказе от ведомственного принципа и разработки практик целостного межведомственного взаимодействия, способствующего сохранению, восстановлению и накоплению капитала здоровья и на протяжении всей жизни.

Список литературы

1. Об итогах работы Федеральной службы по надзору в сфере здравоохранения, территориальных органов Росздравнадзора по субъектам Российской Федерации и федеральных государственных бюджетных учреждений Росздравнадзора в 2015 году, планах на 2016 год и плановый период [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://roszdravnadzor.gov.ru/i/upload/images/2016/4/28/1461849076.10347-1-4927.pdf> (дата обращения 10.09.2020).
2. О соотношении денежных доходов населения с величиной прожиточного минимума и численности малоимущего населения в целом по Российской Федерации во II квартале 2020 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/bgd/free/b04_03/IssWWW.exe/Stg/d05/174.htm (Дата обращения 10.09.2020).
3. Публичный отчет Федеральной службы по надзору в сфере здравоохранения по итогам работы в 2019 году [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://roszdravnadzor.gov.ru/i/upload/images/2020/4/21/1587447902.29407-1-42728.pdf> (Дата обращения 10.09.2020).
4. Россияне довольны состоянием своего здоровья, а не качеством медицинских услуг [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://romir.ru/studies/rossiyane-dovolny-sostoyaniem-svoego-zdorovya-a-ne-kachestvom-medicinskih-uslug> 2020-09-15. (Дата обращения 18.09.2020).
5. Grossman, M. On the Concept of Health Capital and the Demand for Health // Journal of Political Economy. 1972. Vol. 80. № 2. P. 223-255.

СОЗДАНИЕ ДОСТУПНОЙ СРЕДЫ В МЕДИЦИНСКИХ ОРГАНИЗАЦИЯХ

Чернобылов Лев Андреевич

*аспирант Саратовского государственного медицинского университета
имени им. В.И. Разумовского, Россия, Саратов, gerz5001@yandex.ru*

CREATING AN ACCESSIBLE ENVIRONMENT IN HEALTHCARE ORGANIZATIONS

Lev Chernobilov

*Postgraduate student of Saratov State Medical University
named V.I. Razumovsky, Russia, Saratov, gerz5001@yandex.ru*

Аннотация

Цель работы: проблема реализации основного принципа отечественного здравоохранения – принципа доступности медицинской помощи. На примере медицинского учреждения федерального уровня показаны организационные решения создания комфортной среды для потребителей медицинских услуг.

Abstract

The purpose of the work is to draw attention to the problems of accessibility of medical care by telling a story about a specific medical institution, its significance in the life of the city. As a result, the problem of the availability of medical care was formed. Conclusion – the problems have existed for a long time and still have no solution.

Ключевые слова: доступная среда, медицинская помощь, онкологические заболевания

Keywords: accessible environment, medical care, oncological diseases

Сегодня в Саратовской области реализуется несколько программ по созданию доступной среды: государственная программа Российской Федерации «Доступная среда», государственная программа Саратовской области «Формирование комфортной городской среды на 2018-2022 годы» и другие.

Доступность является крайне широким понятием, включающим доступную для всего населения медицинскую помощь, в том числе специализированную, высокотехнологичную медицинскую помощь по профилям «онкология» и «гематология».

В Саратовской области сложная ситуация с онкологическими и гематологическими заболеваниями. Только за 2019 год в Саратовской области впервые выявлено 11000 случаев онкологических заболеваний. Ежегодно от онкологии умирает около пяти тысяч человек. По сравнению с 2018-м годом смертность увеличилась и составила 215 человек на 100 тысяч населения. Медицинская помощь онкобольным в Саратовской области оказывается на базе нескольких медицинских учреждений, одно из которых – Клиника профпатологии и гематологии им. В.Я. Шустова СГМУ, которая является единственным в области медицинским учреждением, оказывающим специализированную, высокотехнологичную медицинскую помощь по профилям «онкология» и «гематология».

Доступность медицинской помощи определяется следующими факторами:

- клиника расположена в центре города, что позволяет пациентам и сопровождающим лицам беспрепятственно добраться до нее;
- клиника обеспечена современными подъемными средствами для лиц с ограниченными возможностями передвижения и имеет малую этажность, что позволяет говорить о простоте передвижения пациентов внутри медицинского учреждения;
- в клинике созданы все условия для получения пациентами качественной, своевременной медицинской помощи в соответствии со стандартами оказания специализированной, высокотехнологичной медицинской помощи за счет средств фонда обязательного медицинского страхования.

Ежегодно в Клинике проходят лечение 689 пациентов, из них 209 – дети. Это говорит не только о доверии пациентов к Клинике, но и доступности лечения как основного показателя эффективности системы здравоохранения.

При этом нельзя упускать из виду, что создание доступной среды вокруг медицинских учреждений следует рассматривать как часть организации высокотехнологичной помощи, социальную задачу, стоящую перед администрацией клиники и города.

Существует ряд проблемных зон, связанных с организацией доступной среды вокруг медицинской организации.

Во-первых, это проблема парковок. Вокруг медицинских организаций в целом и Клиники профпатологии и гематологии им. В.Я. Шустова СГМУ, в частности, расположено недостаточно мест для парковки автомобилей. Большое количество автомобилей в условиях недостаточности парковочных мест создает потенциально аварийно опасную ситуацию, вызывает негативное эмоциональное состояние у пациентов и родственников.

Во-вторых, это проблема малой приспособленности тротуаров к движению лиц с ограниченными возможностями, а именно отсутствие уклонов и съездов.

Данные проблемы в области создания и функционирования доступной среды существуют уже много лет, однако, несмотря на все усилия и множество программ, проектов конкурсов, они так и продолжают ждать своего решения.

Список литературы

1. ПП РФ от 29 марта 2019 г. № 363 Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Доступная среда» // «СЗ РФ от 6 января 2020 г. № 1 (часть II) ст. 108) // СЗ РФ от 15 апреля 2019 г. № 15 (часть II, III) ст. 1746.

2. ПП Саратовской области от 30 августа 2017 г. № 449-П О государственной программе Саратовской области «Формирование комфортной городской среды» // Интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru), 7 сентября 2017 г.

3. В Саратовской области за 2019 год выявили 11 тыс. случаев заболевания раком // Комсомольская правда [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.saratov.kp.ru/online/news/3750953/> (дата обращения: 12.09.2020).

УРБАНИСТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА СКВОЗЬ ПРИЗМУ МУЖСКИХ И ЖЕНСКИХ ОБРАЗОВ

Чиркова Виктория Сергеевна

кафедра «Философия, социология, психология»,

заместитель начальника отдела

*по организационно-массовой работе УВР Саратовского государственного
технического университета имени Гагарина Ю.А., Россия, Саратов*

vidina.vika@mail.ru

URBAN CULTURE THROUGH THE PRISM MALE AND FEMALE IMAGES

Victoria Chirkova

Department of «Philosophy, sociology, psychology»,

Deputy head of the Department for organizational and

mass work of the Department of internal Affairs

Yuri Gagarin State Technical University of Saratov, Russia, Saratov

vidina.vika@mail.ru

Аннотация

В рамках статьи представлен анализ образа женщины в городской среде, направленный на изучение происходящей в настоящее время трансформации гендерной идентичности. В качестве основного метода были использованы количественные и качественные исследования (наблюдение, визуальный анализ). Это позволило выявить особенности способов адаптации женщин к динамичной, рассчитанной в большей степени на мужчин городской культуре. По результатам исследования предполагается разработка механизмов внедрения позитивных практик адаптации женщин к современному городскому пространству на примере опыта других стран.

Abstract

The article presents an analysis of the image of women in the urban environment, aimed at studying the current transformation of female (gender) identity. The main method used was quantitative and qualitative research (observation, interviews, case

studies). This allowed us to identify the features of ways to adapt women to a dynamic urban culture designed more for men. Based on the results of the study, it is proposed to consider the positive experience of women's adaptive practices to modern urban space in other countries and further opportunities for implementing this experience.

Ключевые слова: культурные стереотипы; унисекс; гендерное равенство; гендерные образы

Keywords: cultural stereotypes; unisex; gender equality

В настоящее время эволюция образа женщины переживает кризис как с точки зрения самовосприятия субъекта, так и с позиции построения новых культурных стереотипов. При этом, стремясь к равноправию, женщины либо дополнили общественным и профессиональным функционалом свою архаичную роль матери и хранительницы домашнего очага, либо вовсе от нее отказались.

На смену гендерно выраженным визуальным образам пришел унисекс, проявляющийся в отказе от половых различий, которые объясняются социальными ролями в обществе, как одним из признаков инфантилизма [1]. Господство данного культурного феномена в визуальных образах городской культуры демонстрирует формирование новых гендерных ролей. Долгое время города строились и развивались, ориентируясь на мужчин, так как именно они добывали деньги, им требовалось добираться на работу, а женщины чаще оставались дома [4]. Тем самым унисекс как часть формирования новой гендерной культуры в городской среде потребовал изменений именно от женщин, так как ее практики потребления остаются рассчитанными на динамизм и маскулинность.

Меняясь, женщины стремились освободиться от роли объекта в истории взаимоотношения полов, что возможно, если «женщины смогут присвоить себе статус универсального субъекта, только уничтожив понятие пола» [2, с. 232]. Этот путь состоял из борьбы за юридические права, фактические права, связанные с расширением сферы реализации женщины, ограниченной на тот момент

ведением домашнего хозяйства, борьбы за гендерное равенство. При этом суть данного подхода заключается в том, что «важны не столько биологические или физические различия между мужчиной и женщиной, а то социальное и культурное значение, которое придает общество этим различиям» [3, с. 116]. Таким образом, борьба женщин за равноправие на сегодняшний день остается актуальной в связи с тем, что качество жизни субъекта по-прежнему во многом зависит от гендерного самоопределения.

Список литературы

1. Открытый электронный ресурс Gufo.me – словари и энциклопедии [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://gufo.me/search?term=унисекс> (дата обращения к ресурсу 16.09.2020 г.).
2. Иванова Ю.А. Дискуссия по проблеме субъекта в современном феминизме // Вестник Московского университета. Сер. 18. Социология и политология, 2014. № 1. С. 229-237 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/diskussiya-po-probleme-subekta-v-sovremennom-feminizme> (дата обращения к ресурсу 15.09.2020 г.).
3. Муслумова Т.В. Феминизм: истоки, этапы развития и основные направления // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. 2015. С. 114-119 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/feminizm-istoki-etapy-razvitiya-i-osnovnye-napravleniya/viewer> (дата обращения к ресурсу 17.09.2020 г.).
4. Савина А. Городские инициативы для женщин в разных странах мира // Wonderzine – сайт для девушек о стиле, красоте и развлечениях [Электронный ресурс]. Режим доступа: [https://www.wonderzine.com/wonderzine/life/life/199905-city-for-woman?from=read more](https://www.wonderzine.com/wonderzine/life/life/199905-city-for-woman?from=read%20more) (дата обращения к ресурсу 17.09.2020 г.).

САРАТОВСКОЕ ГОРОДСКОЕ ПРОСТРАНСТВО ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ ГОРОЖАН

Шахматова Надежда Владимировна

*доктор социологических наук, профессор, директор Центра региональных
социологических исследований, профессор кафедры истории,
теории и прикладной социологии Социологического факультета
Саратовского национального исследовательского государственного
университета имени Н.Г. Чернышевского
Россия, Саратов, nadezhdashakhmatova@yandex.ru*

SARATOV CITY SPACE THROUGH THE PRISM OF PUBLIC OPINION OF CITIZENS

Nadezhda Shakhmatova

*Dr. of Sociology, Professor, Director of the Center
for Regional Sociological Research, Professor of History, Theory and
Applied Sociology of the Sociological Faculty of the Saratov National Research
State University named after N.G. Chernyshevsky
Russia, Saratov, nadezhdashakhmatova@yandex.ru*

Аннотация

В статье по результатам социологического исследования анализируется отражение городского пространства в общественном мнении саратовцев по линии престижности, комфортности территорий, пространственных предпочтений, наличия любимых мест отдыха и удовлетворенности своей жизнью. Выстроен рейтинг социальных проблем городского пространства. Фиксируется влияние пола и возраста на оценки горожанами уровня комфортности / дискомфорта пространства своего района.

Abstract

The article on the results of the sociological study analyzes the reflection of urban space in the public opinion of Saratov residents on the line of prestige, comfort of territories, spatial preferences, availability of favorite places of rest and satisfaction with their lives. The rating of social problems of urban space has been built.

The influence of gender and age on the assessment of the level of comfort / discomfort of the space of their district is fixed.

Ключевые слова: городское пространство, район, престижность, общественное мнение

Keywords: urban space, district, prestige, public opinion

Современное городское пространство как разновидность локального социума, возникающая в условиях, когда население одной общей территории, вступает в непосредственные и опосредованные взаимодействия, содержание которых детерминировано состоянием их жизненных сил, потребностью их сохранения и умножения, переживает сложный период своего развития. Трансформационные процессы, затронувшие все сферы жизни российского общества, оказали существенное влияние на социально-экономическое положение горожан, уровень, стиль и образ их жизни.

В средних российских городах изменяются материальные, социальные, демографические, политические и духовные условия жизнедеятельности населения, их субъективное восприятие и оценка, социальное самочувствие горожан. Поэтому процесс урбанизации не только характеризуется изменением социально-пространственных характеристик общности, но и включает систему отношения горожан к среде обитания. В сложившихся условиях достижение важнейшей цели городского развития – улучшение условий и качества жизни каждого горожанина – невозможно рассматривать без учета общественного мнения горожан.

Исходя из этого, в 2019 году было проведено социологическое исследование, в ходе которого методом анкетирования опрошено 560 жителей города Саратова по вероятностной бесповторной квотно-территориальной выборке. Квотами выступили пол, возраст, дополнительным критерием – район проживания респондентов.

В опросе приняли участие 45 % мужчин и 55 % женщин. 36 % респондентов – в возрасте от 18 до 29 лет; 33 % – от 30 до 44 лет; 31 % – от 45 до 60 лет. В Ленинском районе было опрошено 32 % горожан, в Заводском – 23 % граждан, в Кировском районе – 16 %, в Октябрьском – 15 %, 8 % – в Волжском, 6 % – во Фрунзенском районе.

Отвечая на вопрос об интерпретации горожанами категории престижного городского пространства, 48 % опрошенных охарактеризовали его как выбор района при неограниченных материальных возможностях. 35 % – как район верхушки общества, то есть по статусному критерию проживающих в данном пространстве горожан¹. 7 % считают таковым пространство, где живут их друзья. Таким образом, для 90 % опрошенных престижность городского района определяется социальными характеристиками референтности социальных категорий жителей. Только по 3 % респондентов обратили внимание на экологическую чистоту и уровень инфраструктуры района как критерии престижного пространства. Еще 2 % выдвинули критерий близости к центру города, по 1 % выделяли наличие обильной зелени, детских площадок и хорошую транспортную развязку.

В своем районе хотели бы проживать 57,1 % жителей Волжского района, 42,9 % жителей Кировского района, 16,7 % респондентов из Фрунзенского района, 14,3 % населения Ленинского района, 7,7 % – Октябрьского района и 5 % – Заводского района, что косвенным образом отражает степень комфортности их проживания в своем городском пространстве. Рейтинг популярности районов (пространство, где хотели бы жить горожане) возглавляет Волжский район (35,2 %). На втором месте – Кировский (34,1 %). Далее расположились Фрунзенский район (18,2 %), Октябрьский (6,8 %) Ленинский (4,5 %). Замыкает рейтинг Заводской район (1,1 %).

¹ Среди опрошенных 2,15 % отнесли себя к элите, 6,68 % определили свое место между высшим и средним слоями. 57,28 % назвали себя средним слоем. 11,22 % считают, что они находятся между средним и низшим слоем. 9,31 % отнесли себя к нижнему слою и 13,37 % полагают, что они не принадлежат ни к какому слою.

В целом большинство саратовцев оценило свой город как вполне комфортный, где есть определенные решаемые проблемы (58 %). Особенно на этом настаивали жители Октябрьского (86,7 %), Ленинского (62,5 %) районов. Однако только 7 % назвали его максимально комфортным, где есть все необходимое для проживания, удобная инфраструктура и прочее. Чаще других об этом заявляли жители Фрунзенского (16,7 %), Заводского (13 %, районов. 35 % горожан ощущают дискомфорт (т.к. имеется множество серьезных проблем), особенно жители Кировского (62,5 %), Заводского (39,1 %) и Волжского (37,5 %) районов. При этом, молодежь чаще других оценивала свой город как вполне комфортный (75 %). Население 30-44 лет чаще других подчеркивала максимальный уровень комфортности города (12,1 %). Саратовцы от 45 лет и старше чаще других ощущали дискомфортность своего города.

Оценивая по линии комфорта пространство своего района, горожане высказались, что максимально комфортными являются Фрунзенский и Ленинский районы (соответственно 33,3 %, 25 % при 20 % в среднем по выборке). Как вполне комфортные чаще других называли Октябрьский (60 %) и Волжский (62,5 %) районы (при среднем показателе 45 %). Чаще других наиболее дискомфортными жители называли Кировский (56,3 %) и Заводской (43,5 %) против 35 % в среднем по выборке. При этом свой район как максимально комфортный называли чаще других молодые саратовцы (25 %). Население 30-44 лет чаще других более осторожно характеризовали свой район проживания как вполне комфортный (48,5 %). Жители старше 45-60 чаще других жаловались на дискомфорт своего района (45,2 %).

У многих саратовцев есть любимые места совместного отдыха (81,4 % опрошенных). К числу наиболее популярных мест семейного досуга саратовцев можно отнести: Городской парк (58,3 %), парк Победы (25,0 %), Набережную Космонавтов (22,9 %). Чуть менее значимыми по числу упоминаний оказались: Кумысная поляна (14,6 %), Парк Липки (12,5 %). Достаточно часто упоминались базы отдыха, небольшие парковые зоны в черте города,

торгово-развлекательные и игровые заведения (14,6 %). Все это свидетельствует о том, что наиболее популярными местами отдыха саратовцев остаются так называемые «комбинированные» зоны отдыха – естественная благоустроенная природная среда с возможностями как активного, так и пассивного времяпрепровождения.

Интересно, что наличие у горожан места совместного отдыха в Саратове напрямую сопрягается с их удовлетворенностью жизни. Те, кто полностью удовлетворен своей жизнедеятельностью в городе (44,4 % молодежи и 33,3 % пожилых горожан против 25 % в среднем по выборке) чаще других отмечали наличие одного излюбленного места отдыха (62,5 %). Среди тех, кто в основном удовлетворен своей жизнью (40 % представителей старшего поколения при среднем в 38,5 %), чаще других имели несколько любимых мест отдыха с семьей (55 %). Те, кто ситуационно удовлетворен своей жизнью (23 %) и те, кто в основном не удовлетворен ею (33 %) чаще других полагали, что в Саратове хороших мест отдыха нет. 33 % саратовцев, совершенно не удовлетворенные своей жизнью, присоединились к последней точке зрения и чаще других добавляли, что они не проводят совместный досуг с семьей (33 %).

Блок вопросов был посвящен городским проблемам, значимость которых измерялась по 10-балльной шкале. Сравнительный анализ средних величин позволил сформировать их рейтинг. На первом месте оказались пробки на дорогах (8,18 балла). На втором – качество работы общественного транспорта (6,30 балла), на третьем – парковки для машин (6,08 балла). Далее следуют обеспеченность населения детскими садами и школами (5,78), экология и озеленение города (5,51), цена жилищно-коммунальных услуг (5,03). В конце рейтинга проблем оказались благоустройство дворов (4,73), капитальный ремонт жилых домов (4,68), асфальтирование городских улиц (4,46), качество жилищно-коммунальных услуг (4,16).

39,0 % горожан полагают, что городские органы власти занимаются деятельностью по улучшению и благоустройству района. Чаще других об этом го-

ворили жители Ленинского района (56,3 %). Однако 47,0 % саратовцев думают обратное. Чаще других на этом настаивало население Волжского (87,5 %), Кировского (68,8 %) и Октябрьского (60,0 %) районов. Поэтому только 6,0 % саратовцев считают, что их жизнь последние 3 года становится лучше благодаря городским органам власти. 50,0 % отметили, что их жизнь не меняется и 41,0 % указали, что становится все хуже. Говоря о том, что мешает более эффективной работе органов власти в городском пространстве, саратовцы отметили коррупцию (34,0 %), плохую осведомленность (19,0 %), бюрократизм (16,0 %), некомпетентность (11,0 %), безразличие (9,0 %) отсутствие финансирования и устаревший механизм исполнительной системы (по 4,0 %), пассивность граждан (3 %).

Таким образом, сегодня актуализируется организационно-компетентный принцип управления социальным пространством города, предполагающий обеспечение повышения уровня комфортности проживания горожан и учета их общественного мнения в решении насущных городских проблем.

ЭКОЛОГИЗАЦИЯ СОВРЕМЕННОГО ГРАЖДАНСКОГО АКТИВИЗМА

Щебланова Вероника Вячеславовна

доктор социологических наук, профессор
кафедры истории, политологии и социологии,
Саратовской государственной юридической академии, Россия, Саратов
vsheblanova@mail.ru

Логинова Лариса Викторовна

доктор социологических наук, профессор
кафедры истории, политологии и социологии
Саратовской государственной юридической академии, Россия, Саратов

THE GREENING OF MODERN CIVIL ACTIVISM

Veronika Shcheblanova

*Dr. of Sociology, Professor of the Department of «History, political science and sociology», Saratov State Legal Academy, Russia, Saratov
vsheblanova@mail.ru*

Larisa Loginova

Dr. of Sociology, Professor of the Department of «History, political science and sociology», Saratov State Legal Academy, Russia, Saratov

Аннотация

В статье интерпретируются результаты исследований разнообразных проявлений экоактивизма, делаются выводы о возможностях управления современной экологической активностью.

Abstract

The article interprets the results of research on various manifestations of eco-activism. The article draws conclusions about the possibilities of managing modern environmental activity.

Ключевые слова: экологический активизм, экологические проблемы, управление экологической активностью.

Keywords: environmental activism, environmental issues, environmental activity management.

Актуальность исследований радикального эоактивизма в регионах подтверждают последние новостные, мониторинговые данные, демонстрирующие накапливающиеся в российском обществе социальное напряжение и неудовлетворенность, связанные с вопросами экологической безопасности. О растущей экологизации протестной повестки свидетельствуют рост социально-экологической напряженности в регионах, протесты с участием молодежи против добычи никеля в Воронежской области; против свалки в Шиесе (Архангельская область), Филипповском (Владимирская область); против строительства предприятий по переработке мусора (Крымская область), ядовитых, радиоактивных отходов (Саратовская, Курганская, Кировская область). Согласно данным экспертных докладов, большинство акций эопротестов режиссируются извне. В реестре некоммерческих организаций – иностранных агентов (получающих финансирование из-за рубежа) Министерства юстиции РФ из 150 внесенных в этот список организаций – 29 экологические [11].

Эоактивисты, участвуя в мероприятиях антиглобалистов, обеспечивают более широкую постановку проблем окружающей среды [7, с. 357-375]. Проникновение идей энвайронментализма в социально-политическую практику, идеологию связывают с «мягкой революцией» и такими ее проявлениями как *реформистский экологизм* (плавный переход к хозяйственной практике с экологическим мышлением), и *радикальный экологизм* (быстрое изменение хозяйственной практики вплоть до запрещения загрязняющего производства, несмотря на снижение экономического роста). Экорадикализм – политическое движение, основанное на правозащитном и политическом радикализме, отстаивающее насущность кардинального переосмысления современного мироустройства и государственной политики с применением как ненасильственных действий (пикеты, демонстрации, митинги), так и насильственных акций с экологическим саботажем (разрушение оборудования) [6, с. 155].

В социально-политических исследованиях эоактивизм и экорадикализм рассматриваются как отклик: 1) на усиление политизации под влиянием регио-

нальных различий в экологической обстановке и экологокризисных ситуаций; 2) на отклонение от пути экологического развития, заданного государством, его эколого-политическим курсом; 3) экологизацию социально-политической системы государства в Западной Европе, его закономерная тенденция; 4) на трансформацию социально-экономической структуры капиталистического общества; 5) на развитие политических партий в рамках цивилизационного и глобального экологического кризиса; 6) на дисфункциональность политического кризиса-ловушки [14, с. 163-178].

Экоактивизм неотъемлемо связан с понятием «экологическое сознание», понимаемое как отношение к окружающей среде и осознание опасности, угрожающей жизни человека и вызванной им самим (деятельностью человека), а также установка человека отыскать выход из этого положения [4, с. 148]. Через призму понимания Чикагской школы социологии, оно выступает составной частью приспособления к стремительно меняющимся условиям окружающей среды, стимулирует миграционные процессы [9, с. 48-70].

Степень экологизации общественного сознания маркируется такими параметрами: «основные экологические проблемы, вызывающие беспокойство общества; уровень обеспокоенности экологическим состоянием в месте проживания; поведение в быту как следствие экологизации сознания; отношение к экоНКО и готовность граждан к участию в их природоохранной деятельности; оценка природоохранной деятельности органов власти; оценка устойчивости развития и возможности его достижения» [13, с. 70]. Экологическое сознание подталкивает представителей социальных общностей к смене территориальной закреплённости [5, с. 22-26.], актуализируя миграционную привлекательность территории [8, с. 203].

Важным в контексте управляемости экологического активизма является анализ общественного участия, межсекторного социального партнерства и электронной демократии [12, с. 12]; проблем государственного управления [10]. Дополнительный импульс молодежный экоактивизм получает за счет использования новых медиа. В.Б. Гольбрайх, опираясь на метод контент-анализа виртуальных

групп социальной сети «ВКонтакте», созданных в связи с локальными экологическими конфликтами, и онлайн-опроса активных членов виртуальных групп, их руководителей, определил функции виртуальных экогрупп (информирование, мобилизация); использование членами экогрупп различных ресурсов, источников информации (традиционных СМИ, социальных медиа). Исследователями установлено, что виртуальные экогруппы способствуют мобилизации в ходе экологического конфликта потенциальных сторонников [1, с. 368-384]. Выявлено также, что наибольшее число социальных групп, связанных с экологическими конфликтами, созданы в столичных городах (Москва, Московская область и Санкт-Петербург), что объясняется региональным цифровым неравенством [2, с. 76].

Возможно предположить, что с возрастанием интернет-пользователей в регионах, сглаживанием цифрового неравенства будет наблюдаться тенденция роста региональных экорадикальных групп молодежи. Центр социально-трудовых прав, анализируя митинговую активность, пришел к выводам, что пенсионная реформа 2018 года спровоцировала больше выступлений, чем экологические и политические проблемы 2019 года. Как указывают эксперты [3], протесты против пенсионной реформы проходили спокойно и уже забылись, а вот митинги из-за свалок и выборов перетекли в 2020 год.

Список литературы

1. Гольбрайх В.Б. Социальные медиа в локальных экологических конфликтах // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2019. Т. 12. Вып. № 4. С. 368-384.
2. Гольбрайх В.Б. Экологические конфликты в России и цифровое сетевое участие // Социологические исследования. 2019. № 6. С. 76.
3. Диалектика митингов // Коммерсантъ. № 40 от 05.03.2020. С. 5. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/4276795>.
4. Душкова Д.О., Кириллов С.Н. Экологизация сознания как принцип экологической политики // Вестник ВолГУ. Сер. 3. Экономика. Экология. 2017. Т. 19. № 2. С. 148.

5. Дыжин С.Е. Миграционные процессы в социально-философском дискурсе: от экологии к культуре // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2018. Т. 18. Вып. 1. С. 22-26. DOI: 10.18500/1819-7671-2018-18-1-22-26.
6. Ерёмина Н.В. Экологическая проблематика как фактор радикализации позиций политических партий в Великобритании // Государственное управление. Электронный вестник. 2014. Вып. № 42. С. 155.
7. Ефременко Д.В. Экосоциальные исследования и анализ эколого-политических дискурсов // Социологический ежегодник. 2009. С. 357-375.
8. Логинова Л.В. Формирование миграционной привлекательности региона в условиях сокращения численности трудовых ресурсов // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2016. № 6. С. 203.
9. Парк Р. Экология человека // Теория общества. М., 1999. С. 48-70.
10. Скалабан И.А. Общественное участие в современной России: особенности социального конструирования. Доклад на заседании секции «Местное самоуправление и гражданская самоорганизация» XVIII Апрельской международной Конференции НИУ ВШЭ-2017. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://conf.hse.ru/2017/program#N>.
11. Феклистов И. Кому выгодны протестные экологические акции? // Комсомольская правда [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.kp.ru/daily/26832/3872339>.
12. Фельдман П.Я. Политический краудсорсинг как институт электронной демократии: проблемы становления и развития // Власть. 2014. № 6. С. 12.
13. Халий И.А., Левченко Н.В. Экологическое сознание населения России // Асимметрия жизни современного российского общества: соотношение традиций и инноваций: [монография]; отв. ред. О.В. Аксенова; М.: ФНИСЦ РАН, 2017. С. 70 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.isras.ru/index.php?pageid=1198&id=5084>.
14. Griffin R. Interregnum or Endgame? Radical Right Thought in «Post-fascist» Era // The Journal of Political Ideologies. 2000. Vol. 5. № 2. P. 163-178.

**ПРОБЛЕМА ИНТЕГРАЦИИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ:
АДАПТАЦИЯ К ОБРАЗУ И СТИЛЮ ЖИЗНИ**

Шадрина Анна Александровна
*к.филол.н., доцент кафедры «Философия, социология, психология»
Саратовского государственного технического университета
имени Гагарина Ю.А., Россия, Саратов.
anya_sh79@mail.ru*

**THE PROBLEM OF INTEGRATION OF FOREIGN STUDENTS:
ADAPTATION TO THE LIFESTYLE AND STYLE**

Anna Shadrina
*Ph.D. in Philology, Associate Professor,
department «Philosophy, Sociology, Psychology»
Yuri Gagarin State Technical University of Saratov, Russia, Saratov
anya_sh79@mail.ru*

Аннотация

Приводятся данные, полученные в результате анкетирования и интервью, по адаптации иностранных студентов, приехавших в Россию с целью изучения русского языка. Основное внимание уделено адаптации к образу и стилю жизни российского города.

Abstract

The data obtained as a result of questionnaires and interviews on the adaptation of foreign students who came to Russia to study the Russian language are presented. The main attention is paid to adaptation to the image and lifestyle of the Russian city.

Ключевые слова: интеграция, адаптация, стиль жизни, образ жизни

Keywords: integration, adaptation, lifestyle, lifestyle

Проблема интеграции иностранных студентов – одна из наиболее актуальных в текущих реалиях, – может быть рассмотрена, в том числе, в аспекте понятий образа и стиля жизни. Образ и стиль жизни – два наиболее популярных

понятия современной социологии, позволяющие широко взглянуть на основные аспекты городской организации.

Исследование проводилось на примере иностранных студентов, приезжающих в Саратов с целью изучения русского языка и дальнейшего обучения в российских вузах. В основу исследования легли методы анкетирования и интервью.

Большая часть иностранных студентов, приезжающих изучать русский язык на подготовительные курсы при СГТУ имени Гагарина Ю.А., являются жителями небольших городов, далеких от столиц и мегаполисов. В соответствии с теорией Ф. Тенниса для них характерны доминанты родственных отношений, культ семьи, авторитет отца как главы семейства, большая религиозность и соблюдение мусульманских традиций и обрядов, общинность и поддержка своей национальности. Так, многие из них столкнулись со сложностями религиозной направленности и невозможностью совершения религиозных обрядов, совпадающих, например, со временем учебных занятий.

Следует отметить, что при взаимодействии с новой для себя ситуацией и условиями жизни у большинства из них наблюдается высокий уровень приспособления к новым условиям, стремление удовлетворения потребностей. Хитрость, вранье и обман, к которым часто прибегают иностранные студенты ради достижения своих целей, во многом подтверждают высокий уровень их приспособления в новой культуре и стремление добиваться поставленных целей.

Поведение многих иностранных студентов, приезжающих в Россию обучаться русскому языку, во многом идет по одной и той же схеме: стресс по поводу новых условий и новых ситуаций жизни – стресс по поводу учебной деятельности – активное посещение учебных занятий с целью внедрения и погружения в языковую среду – постепенная адаптация, особенно в бытовой сфере, к новым условиям – избегание учебной деятельности и непосещение занятий – взаимодействие с представителями своей национальности, образующими местные национальные группы во главе с куратором (в основном это старший по возрасту представитель их национальности или даже житель их родного города, который

живет на территории Саратовской области уже длительное время и берет на себя обязательства поддержки и покровительства вновь прибывшим землякам).

Многие иностранные студенты, демонстрировавшие в начале своего пребывания в Саратове минимальные проявления адаптационных возможностей, к концу периода обучения, который составляет около 6-7 месяцев, совершенно по-другому проявляют себя. Так, многие студенты после окончания подготовительных курсов имеют свободное время (обычно 1-1,5 месяца) до поступления в университет, однако лишь 10 % из них уезжают на это время домой, на родину, а 90 % остаются в России, порой невыносимыми, а от желания уехать на родину их спасал только страх отцовского гнева.

Что касается городской инфраструктуры, то наибольшую адаптивность иностранные студенты проявляют в реализации в удовлетворении своих запросов как покупателя. С первого же дня своего пребывания в городе они изучают местные магазины и адаптируются к новым условиям покупки товаров, несмотря на то, что перечень продуктов питания в их городах, представленный в местных магазинах и на рынках, достаточно сильно отличается от нашего. Из блюд, которые они готовят самостоятельно, наиболее популярными являются курица, рис и национальное арабское блюдо, включающее рис, макаронные изделия, мясной фарш, курицу, овощи и большое количество специй (чем-то похож на плов). Из напитков предпочитают Coca-Cola. Если говорить по пунктам общественного питания, то здесь тоже наблюдаются свои пути приспособления и адаптации. К наиболее популярным у них относятся знакомые им заведения фастфуда, такие как KFC и Макдональдс, а также другие кафе быстрого питания, производящие шаурму, самсу и подобную продукцию, похожую на ту, к которой они привыкли на родине. Интересно отметить, что пункты общественного питания типа KFC и Макдональдс студенты-арабы называют ресторанами.

Что касается медицинской сферы, то здесь также процесс интеграции не слишком затруднен: каждый из студентов имеет медицинскую страховку на экстренной помощи, которая дает возможность получить ее при необходимо-

сти. Так, двое студентов попали в больницу с приступом аппендицита, прошли через хирургическую операцию и период адаптации и благополучно вернулись к учебному процессу. Наибольшую сложность в области здравоохранения представляют аптеки в связи с тем, что перечень лекарств, к которым привыкли иностранные студенты у себя на родине, и предлагаемые им препараты из российских аптек различны. Таким образом, можно сделать вывод, что процесс интеграции иностранных студентов – длительный, сложный и многоаспектный. Сложность его связана с адаптацией иностранных студентов к новым условиям, новым культурным традициям и коммуникационным моделям, и как итог – организацией нового, непривычного, чужеродного стиля и образа жизни. Однако в нашей ситуации адаптации студентов-арабов к российским реалиям проходит достаточно легко, в том числе благодаря сохранению духа общинности, поддержке представителями национальных групп и высоким адаптационным возможностям в физическом и бытовом плане.

Список литературы

1. Возьмитель А. Образ жизни: тенденции и характер изменений в пореформенной России. М.: Ин-т социологии РАН, 2012. 230 с.
2. Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь // Логос. 2002. № 3-4. С. 41-48.
3. Италиазова А., Еремина Н.К. Проблема адаптации иностранных студентов в российских вузах // Межкультурная коммуникация в современном мире: материалы II межвуз. науч.-практ. конф. иностран. студентов / под ред. Ю.А. Шурыгиной. Пенза: Изд-во ПГУ, 2013. С. 56-58.
4. Киселев Е.А. Основные подходы к исследованию стиля жизни в социологии // Вестник Пензенского государственного университета. 2013. № 1. С. 63-67.
5. Теннис Ф. Общность и общество. СПб.: Владимир Даль, 2002. 451 с.

ОПЫТ ПУТЕШЕСТВИЯ В ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ОТ ГЛОБАЛЬНОГО К ЛОКАЛЬНОМУ

Шугайло Ирина Васильевна

*к.филос.н., доцент кафедры социально-гуманитарных наук АНО ВО «Университет при МПА ЕврАзЭС», Россия, Санкт-Петербург
vshugajlo@yandex.ru*

THE EXPERIENCE OF TRAVELLING IN POST-SOVIET SPACE: FROM GLOBAL TO LOCAL ASPECTS

Irina Shugailo

*PhD of Philosophy, Associate Professor of the Department of
«Social and Humanity studies» of University
at Inter-parliamentary Assembly of Euro-Asian Union,
Russia, Saint-Petersburg
vshugajlo@yandex.ru*

Аннотация

Цель доклада – осмыслить и дать периодизацию основных этапов развития постсоветского туризма с тенденциями в изучении английского языка как глобального средства общения и описания артефактов культуры. Автор использует структуралистский метод анализа Ю.М. Лотмана, приводит ссылки на основные методологические работы авторов-теоретиков этого времени.

Abstract

The goal of the report is to understand and give the periodization of the main stages of development of post-soviet tourism and show trends in English language studying as a global means of communication and description of cultural artifacts. The author uses Yury Lotman's structuralize method of analysis, provides links to the fundamental methodological works of authors and theorists of that time.

Ключевые слова: путешественник, постсоветское пространство, гость, «закрытое общество»

Keywords: traveller, post-soviet space, gest, closed society

Феномен путешествия стал особенно интересен для человека «закрытого общества» (в частности России) с 1990-х годов. Молодое поколение, едва покинув вузы, рвалось применить свои знания, полученные в языковых спецшколах, за рубежом. Знания иностранных языков тех лет зачастую были ограничены идеологией: чтобы человек не стал иностранным шпионом, он не должен был понимать жителей буржуазного мира, и они, в свою очередь, не должны были понимать его. Поэтому акцент в обучении делался на чтение и перевод, а разговорная практика и фонетика сильно отставали. Да и как можно говорить, если ты никуда не выезжал, а если и выезжал, то не в англоязычные страны и с группой русскоязычных туристов, которым не особенно позволялось общаться с иностранцами.

После «перестройки» индустрия туризма ориентирована на страны, где есть пляжи по приемлемой цене (Турция и Египет, Тунис, страны бывшей Югославии, Балтии, ближнего зарубежья). Первой волной туристов становятся люди, ориентированные на комфорт в путешествии. Иностранец изучается как «чужак». Путешественник воспринимается как гость, тем самым получает все, что дают гостю. При этом философы различают гендерные различия путешественника: например, русская женщина как укорененная в пространстве очага должна путешествовать мало или вовсе не путешествовать, а вот мужчина, своего рода Синдбад-мореход, постоянно путешествует в поисках новых смыслов.

Познание других стран осмысливается и как практика осмысления себя [5, 6; 7]. Сталкиваясь с иным отношением к другому в западной культуре, русский человек вынужден определять себя как личность «маргинальную», пограничную, находящуюся на пересечении Европы и Азии или на периферии европейского мира. При оценке европейского мира как более высокого, более цивилизованного, образованного, свободного, что воспринимается со знаком «плюс», русский путешественник выступает в роли ученика, стремящегося подсмотреть ценности и идеалы европейской жизни. Россию же начинают воспринимать как

недостаточно хорошего партнера. В такой же ситуации остается и язык: английский как основной язык цивилизованного мира приобретает огромную популярность, в то время как русский язык и, тем более, языки наших малых народов остаются неинтересными западному миру и постепенно сокращаются, что связано с тенденциями глобализации.

Второй этап развития туризма и путешествий в «открытом обществе» постсоветского пространства связан с изучением и развитием теории гостеприимства. Самоопределение многих бывших республик требовало и пересмотра культурных героев. На тему гостеприимства пишут диссертации, издаются монографии [2], проводят конференции, устраивают выставки и культурные обмены. Здесь же возникает и иной аспект: возможность понимания иной культуры связан не с самой практикой путешествия, а путем изучения «знаков», артефактов другой культуры [8, с. 116]. Надо отметить, что эта традиция была заложена уже в советское время трудами М.Ю. Лотмана и Г.Д. Гачева. Если первый создал структурный анализ знаков искусства и артефактов культуры, то последний в своем феноменологическом подходе способствовал гуманизации знания и глокализации. «Возлюбленная непохожесть, – восклицал Гаджиев, – этим дорожить надо, это наша общая ценность!» [4, с. 5].

Следующий этап развития туризма на постсоветском пространстве связан с распространением практик образовательного туризма. Здесь вспоминаются традиции «посвящения» мальчика в мужа, связанные с русским дворянством. Кругосветное путешествие не только помогало справиться с неподобающими сердечными увлечениями, но и научиться общаться с представителями других культур. Русских студентов и их родителей начинают привлекать школы изучения иностранных языков и зарубежное образование. В университетах процветает направление «Сервис и туризм», студенты, владеющие иностранными языками, ездят на практику в рамках культурного обмена. Эта тенденция созвучна идеологии советских практик 20-х годов XX века [1, с. 12]. На этом этапе важным становится и представление себя другому. Основываясь на структурном и семиоти-

ческом анализе культурного пространства, появляется в России школа визуальных исследований, наибольший вклад в которые принадлежат Е. Ярской-Смирновой и группе саратовских исследователей. На этом этапе мы можем фиксировать поворот от преимущественного внимания к другому к себе, осмысление и переосмысление своего пространства [3]. Символической чертой окончания преимущественного интереса к другому стала пандемия коронавируса, которая заставляет искать новые стратегии диалога в мире и о мире.

Список литературы

1. Березина В. Экскурсионная работа в 1920-х гг. как средство воспитания «нового человека»: теоретический аспект // Конструируя «советское»? Повседневные практики, новые идентичности: материалы научной конференции студентов и аспирантов. СПб., 2012. С. 12-18.
2. Ватолина Ю. Гостеприимство: логика и этос. СПб.: РХГА, 2014. 260 с.
3. Визуальная антропология: городские карты памяти / под ред. П.В. Романова, Е.Р. Ярской-Смирновой. М., 2009. 311 с.
4. Гачев Г.Д. Ментальности народов мира. М., 2008. 541 с.
5. Гурин С.П. Маргинальная антропология. Саратов, 2000. 202 с.
6. Фуко. Технологии себя // Логос. 2008. № 2. С. 96-123.
7. Хоружий С.С. Практики себя и духовные практики: две парадигмы неклассической антропологии // Фонарь Диогена. Проект синергийной антропологии в современном гуманитарном контексте. М., 2010. С. 74-239.
8. Шугайло И. Феномен гостеприимства – для тех, кто не может и не хочет путешествовать // Знание – сила. 2015. № 3. С. 115-117.

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВОЙ СРЕДЫ НА СТАНОВЛЕНИЕ ЭЛЕКТРОННОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Яковлева Анна Петровна

*кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданского права и процесса
Поволжского института управления имени П.А. Столыпина –
филиала Российской академии народного хозяйства и государственной
службы при Президенте РФ, Россия, Саратов
yakovleva-anna1@yandex.ru*

THE IMPACT OF THE DIGITAL ENVIRONMENT ON THE FORMATION OF ELECTRONIC COURT PROCEEDINGS

Anna Yakovleva

*PhD (Law), Associate Professor of the Civil Law and Procedure,
Stolypin Volga Region Institute of administration,
the branch of Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration, Russia, Saratov
yakovleva-anna1@yandex.ru*

Аннотация

Рассматриваются вопросы внедрения электронных ресурсов в судопроизводство, отмечается, что положительные тенденции влекут за собой и сложности при использовании цифровых технологий, делаются выводы о необходимости баланса использования современных технологий и доступности правосудия.

Abstract

The issues of introducing electronic resources into legal proceedings are considered, it is noted that positive trends also entail difficulties in the use of digital technologies, conclusions are drawn about the need to balance the use of modern technologies and the availability of justice.

Ключевые слова: электронное правосудие; цифровые навыки; законность; гражданская процессуальная форма

Keywords: electronic justice; digital skills; legality; civil procedural form

Цифровые технологии все более стремительно и глубоко проникают в нашу жизнь. Цифровизация коснулась и такой сферы, как правосудие, в которое внедряются электронные ресурсы. Обращение правосудия к IT-технологиям ставит перед судопроизводством новые задачи, решение которых должно найти баланс между применением современных технических требований и его доступностью.

Как справедливо отмечается в литературе, уровень владения цифровыми навыками определяет успешность жизни человека [3], и, как нам представляется, успешность участия в судопроизводстве. Закономерно возникает вопрос: насколько активно среднестатистический гражданин использует цифровые технологии в повседневной жизни, поскольку от этого зависит его возможность участия в судопроизводстве посредством электронных сервисов. По сведениям Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций за 2018 год число пользователей портала госуслуг увеличилось на 21 млн. Всего в 2018 году через портал пользователи заполнили и отправили более 60 млн электронных форм заявлений на получение госуслуг, что на 55 % превышает показатели 2017 года [2].

Статистические исследования показывают, что наиболее активными пользователями интернета является возрастная группа 25-34 лет (исследования проводятся среди лиц от 15 до 74 лет) [4]. Таким образом, наиболее активными пользователями являются довольно молодые люди. Это означает, что лица более старшего поколения реже прибегают к использованию не только интернета, но и цифровых технологий при решении официальных вопросов, таких как получение электронных документов, обращение или предоставление в суд электронных доказательств и т. д.

Процесс внедрения цифровых технологий в судопроизводство направлен на улучшение его качества, повышение его доступности. Но это задача непростая, которая может быть достигнута только при четкости законодательства и доступности использования цифровых систем для заинтересованных лиц [5, с. 74].

Использование цифровых ресурсов в судопроизводстве сопряжено с определенными трудностями, которые требуют знания и современных технологий, и нюансов законодательства относительно их использования. Например, указывая в исковом заявлении свой электронный адрес, мы даем согласие на извещение нас только по электронной почте, что прямо не оговорено в законодательстве; или согласие на получение документа в электронном виде во многих случаях исключает получение данного документа на бумажном носителе и т. д.

Внедрение информационных технологий в судопроизводство влечет за собой не только упрощение участия в судопроизводстве, но и сложности использования цифровых технологий.

Поэтому законодателю необходимо обратить внимание на более четкие формулировки законов, регулирующих использование цифровых ресурсов в судопроизводстве.

Список литературы

1. Исследования «ВЦИОМ-Спутник» [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://wciom.ru/news/ratings/polzovanie_internetom/ (дата обращения: 28.01.2020)
2. Итоги работы портала Госуслуг за 2018 год [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://digital.gov.ru/ru/events/38738/> (дата обращения 11.09.2020)
3. Можаяева Г.В. О Центре перспективных исследований и разработок в сфере образования: развиваем экосистему образования [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://docviewer.yandex.ru/view/23497734> (дата обращения: 12.09.2020).
4. Распределение населения в возрасте 15-74 лет, использовавшего сеть Интернет, по возрастным группам в Российской Федерации [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/business/it/fed_nabl-croc/PublishData%5CReports%5CReports_2016.html; <https://www.gks.ru>

ru/free_doc/new_site/business/it/fednabl-roc/PublishData%5CReports%5CReports_2017.html; https://www.gks.ru/free_doc/new_site/business/it/fed_nabl-croc/PublishData%5CReports%5CReports_2018.html (дата обращения: 10.09.2020).

5. Яковлева А.П., Блинков И.А. Плюсы и минусы электронного правосудия: поиск баланса // Вестник Поволжского института управления. 2019. Т. 19. № 6. С. 73-79.

ТЕМПОРАЛЬНОСТЬ В НАРРАТИВАХ О ДОСТУПНОСТИ ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Ярская-Смирнова Валентина Николаевна

профессор, директор Научно-образовательного регионального центра мониторинговых исследований Саратовского государственного технического университета имени Гагарина Ю.А., Россия, Саратов

Ярская-Смирнова Елена Ростиславовна

ординарный профессор кафедры социологии, факультет социальных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Россия, Москва

TEMPORALITY IN NARRATIVES ON THE ACCESSIBILITY OF URBAN SPACE

Valentina Yarskaya-Smirnova

Professor, director of Scientific and educational regional center monitoring studies, Yuri Gagarin State Technical University of Saratov, Russia, Saratov

Elena Yarskaya-Smirnova

tenured professor department of Sociology, Faculty of Social Sciences, Research University Higher School of Economics, Russia, Moscow

Аннотация

Цель выступления – раскрыть познавательные возможности темпорального поворота в исследованиях доступности городского пространства. Анализ основывается на качественных интервью в четырех российских городах с активистами из числа людей с инвалидностью. Перспектива повседневной темпоральности раскрывается на микроуровне социальных взаимодействий, в которых нарушаются и перенастраиваются ритмы городской жизни, раскрывается субъектность, случаются акты эксклюзии и инклюзии.

Abstract

The purpose of the presentation is to reveal the cognitive possibilities of the temporal turn in the study of the availability of urban space. The analysis is based on quality interviews in four Russian cities with disability activists. The prospect of eve-

ryday temporality is revealed at the microlevel of social interactions, in which the rhythms of urban life are disrupted and reconfigured, subjectivity is revealed, acts of exclusion and inclusion occur.

Ключевые слова: темпоральность, мобильность, пространство, доступность

Keywords: temporality, mobility, space, accessibility

В ситуации карантина весной-летом 2020 года во всем мире миллионы людей столкнулись с испытанием самоизоляции. По детям и взрослым с инвалидностью пандемия COVID-19 ударила ещё сильнее. Это сложное время для инклюзии: недоступность живого непосредственного общения, редкость или невозможность появления в городском пространстве, избегание контактов. Барьеры окружающей среды словно бы выросли в несколько раз. С ослаблением карантинных запретов люди стремятся вернуться к привычным форматам социальной жизни. Однако мир изменился, жизнь будет не такой, как прежде. Тем важнее обращать внимание на новые и прежние препятствия, инвалидизирующие людей.

В литературе по проблемам инвалидности пространство является одним из локусов аналитического интереса [4; 7]. Однако если анализ включает вопросы жизненного пути и мобильности, маргинализации и мобилизации, то разговор не может сводиться к пространственной проблематике. Барьеры и ограничения связаны с пространственной логикой, а взаимодействия и изменения – с темпоральной. Разнообразные виды мобильности людей Дж. Урри предлагает рассматривать в соответствии с пространственно-временными модальностями, у каждой из которых свой масштаб, диапазон, влияние и другие характеристики [1].

Время – важнейшее измерение нашей жизни, имеющее многослойную смысловую структуру. Естественно-научная величина и конструкт разума, историческая переменная, социальное, субъективное время, окрашенное идеологией и эмоциями, биографическая перспектива, связанная с работой памяти

и социализацией – вариативность значений этой категории широка. Это интуитивное ощущение течения и изменений социальной жизни в переплетении с событиями собственного жизненного пути, соотнесении с историческими, биологическими, физическими и другими темпоральными координатами.

Нас интересует темпоральность как рефлексия изменений доступности городского пространства и мобильности. Неразрывная связь пространства-времени с учетом социальных детерминант хронотопа хорошо артикулирована в социальной теории, философии времени, биографическом методе, социологии социальных изменений и других научных направлениях [2]. Э. Кэйфер [6] ввела в научный оборот метафору крип-темпоральности, а Хикман с соавторами рекомендуют учитывать меняющиеся темпоральные регистры крип-субъективности [5].

В нашем выступлении мы раскроем познавательные возможности темпорального поворота в исследованиях городского пространства с точки зрения доступности для людей с инвалидностью. Анализ построен на материалах анализа 30 качественных интервью, собранных летом 2019 года в четырех городах. Дополнительно было проведено десять интервью с маломобильными жителями тех же городов в методологии walkalong [3].

Наши собеседники раскрывали в своих нарративах связь моментов времени и социальных явлений и процессов, рефлексировали изменения, происходящих в них самих и окружающей среде, в процессах их взаимодействий. От сезона к сезону, в разное время дня доступность городского пространства меняется, возможности комфортного перемещения по улицам ограничиваются или расширяются. С возрастом меняется восприятие различных мест и маршрутов, люди приспосабливаются и становятся более мобильными или теряют уверенность и силы. Там, где городские власти обеспечивают достаточное качество дорожного покрытия, соответствующие нормативам съезды с тротуаров и хорошую освещенность в темное время суток, людям с ограниченной мобильностью становится спокойнее и удобнее выходить из дома в благоустроенную и доброжелательную среду, в целом их системы мобильности становятся более вариативными и гибкими. Многие пере-

черчивают карту городской доступности своими силами, добиваясь ремонта, меняя окружающую среду своими инициативами, ориентируясь не на индивидуальные, а на общественные интересы. Поколения политических решений отражаются на перекраивании лоскутного одеяла доступной среды – тактильная плитка, скошенные бордюры и пандусы деактуализируются, а архитектурные памятники, театры остаются цитаделью недоступности. Технологии стареют быстрее людей, не всегда успевая обновляться, и то, что недавно казалось облегчением подвижности, может стать препятствием и создать риски.

Список литературы

1. Урри Дж. Мобильности / пер. с англ. А.В. Лазарева. М.: Праксис, 2012.
2. Ярская-Смирнова В.Н. О роли темпоральности в жизни людей с ограниченными возможностями // Социологические исследования. 2019. № 3. С. 42-48.
3. Ярская В.Н., Ярская-Смирнова Е.Р. Право на город в парадигме мобильности // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 45. С. 165-173.
4. Gleeson B. (1998) Geographies of Disability. London: Routledge, 1998.
5. Hickman L., Serlin D. (2019). Towards a crip methodology for critical disability studies. In: Interdisciplinary Approaches to Disability: Looking Towards the Future: Vol. 2 / Ed. by K. Ellis, R. Garland-Thomson, M. Kent, R. Robertson. Abingtonk, New York: Routledge: 131-141.
6. Kafer E. (2013) Feminist, Queer, Crip. Bloomington: Indiana University Press.
7. Kitchin R. (1998) 'Out of Place', 'Knowing One's Place': space, power and the exclusion of disabled people, Disability & Society. 13(3): 343-356. doi.org/10.1080/09687599826678.

* * *

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ
в рамках научного проекта №18-18-00321-П*